

Н.А.
НЕКРАСОВ

Н.А. НЕКРАСОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора),
В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
И. Г. Ямпольский*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Н. А. НЕКРАСОВ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ**

*ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ К. И. ЧУКОВСКОГО*

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1967

Новое полное собрание стихотворений Н. А. Некрасова подготовлено коллективом литературоведов, заново проверивших и в ряде случаев уточнивших тексты поэта. Комментарии обогащены новейшими данными. Раздел «Другие редакции и варианты» содержит обширный материал, дающий достаточно полное представление о творческой работе Некрасова. Здесь приведены многие черновые варианты, прежде не публиковавшиеся.

Редактор тома Б. Я. Бухштаб

*Подготовка текста и примечания
В. Э. Богграда, В. Э. Вацуро,
А. М. Гаркави, А. Л. Гришунина.*

Jen. S. Moulton

H. H. Kennerly

Н. А. НЕКРАСОВ

1

В одной из рукописей поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов изображает деревенский пожар. Загорелась барская усадьба.

И было так безветренно, —
Как <будто> свечка в комнате,
Спокойным, ровным пламенем
Горел господский дом.

Дальше — еще три строки о пожаре, причем снова подчеркивается, что погода была очень тиха:

И было так безветренно,
Что дым над этим зданием
Стоял прямым столбом.

К горящему дому сбежалась крестьяне, — очевидно, из ближайшей деревни. Пользуясь отсутствием ветра, они при желании могли бы без труда погасить это тихое пламя, но среди них не нашлось никого, кто выразил бы такое желание.

То был пожар особенный:
Ведро воды не вылито
Никем на весь пожар!

Как бы сговорившись заранее, крестьяне предпочли воздержаться от тушения пожара и до самого конца оставались пассив-

ными зрителями. Молча, как будто в театре, они смотрели на горящее здание. Конечно, никто из них не осмелился высказать свою радость вслух, но была, говорит Некрасов,

Какая-то игривая
Усмешка чуть заметная
У каждого в очах, —

усмешка торжества и ликования.

Эти строки, недавно найденные среди рукописей Некрасова, так и не появились при его жизни в печати. Между тем для нас, для читателей, эти строки имеют особую ценность: здесь описывается подлинный случай, происшедший с родительским домом Некрасова. Дом загорелся от неизвестной причины (не от поджога ли?) «в ясную погоду при тихом ветре» и весь сгорел дотла, так как никому из крестьян не хотелось тушить пожар.

«„Ведро воды не было вылито“, — сказала мне одна баба», — вспоминает об этом пожаре Некрасов. «„Воля божья“, — сказал на вопрос мой крестьянин не без добродушной усмешки».

Дом был большой, двухэтажный. Здесь Некрасов провел свое детство, здесь жили когда-то его отец, мать, братья, сестры; и всё же, узнав о пожаре, он обрадовался не меньше крестьян, так как тоже ненавидел этот дом и вместе с крестьянами желал ему гибели.

Казалось бы, как не любить то жилище, где прошло твое раннее детство! Сколько в нашей литературе существует поэтических книг, авторы которых с чувством любви и признательности вспоминают свои детские годы, проведенные в отцовских усадьбах! А Некрасов, глядя на свой родительский дом глазами закабаленных крестьян, отзывался о нем в своих стихах с отвращением.

Угрюмый дом, похожий на тюрьму, —

воскликнул он в одном стихотворении.

И в другом повторил то же самое:

... Я рос в дому,
Напоминающем тюрьму.

Не только отцовский дом был ненавистен Некрасову. Так же враждебно он относился и к отцовскому лесу, и к отцовскому полю, и даже к тому ручью, что протекал по отцовским лугам, ибо на все это он тоже смотрел глазами поработенных крестьян. В знаменитом стихотворении «Родина», написанном задолго до пожара, поэт ра-

достойно приветствовал уничтожение и гибель этих отцовских владений:

И, с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что *срублен* темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива *выжжена*, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над *высохшим* ручьем. . .

Этот бор, эти нивы и пастбища, этот барский дом со всевозможными службами, среди которых были и конюшни, и псарня, и флигель для крепостных музыкантов, этот темный, тенистый сад с великолепными дубами и липами — все это принадлежало старинному роду Некрасовых. Здесь лето и зиму безвыездно проживала семья поэта. Здесь слушал он нянины сказки, здесь звучали песни его матери, о которых он с таким умилением вспоминал до конца своих дней, здесь семилетним мальчиком он начал писать стихи. Почему же такую страстную ненавистью возненавидел он эту родную усадьбу? Почему не жалобой, а каким-то победным весельем звучат его строки о том, что ее уже нет:

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул.

Либеральные авторы жизнеописаний Некрасова, стремившиеся изобразить его кротким «печальником горя народного», объясняли такие стихи жалостью к несчастным крепостным, которых в этой самой усадьбе жестоко обижал его отец. Но в том и заключается историческая заслуга Некрасова, что он ни разу не сделал поработанный народ предметом этой оскорбительной жалости, не унизил ни его, ни себя какими бы то ни было «гуманствами», а *полностью отождествил себя с ним* и стал выразителем его боли и гнева. Стихами Некрасова впервые в истории заговорили о себе сами народные массы, пробуждавшиеся к революционному действию. Поэт с детства научился смотреть на помещиков глазами крепостных «мужиков». Их-то настроения и сказались в его стихах о сгоревшей отцовской усадьбе; их настроениями насыщено все его творчество. Вспомним, что было сказано Лениным по поводу письма Белинского к Гоголю, когда контрреволюционные публицисты пытались уверить, будто настроения масс не оказывали никакого влияния на прогрессивные идеи писателей.

«. . . Может быть, — писал Ленин, — по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю

не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»¹

То же «настроение крепостных крестьян», возмущенных и «крепостническим гнетом» и «остатками крепостнического гнета», выразилось в поэзии Некрасова. Зависимость некрасовского творчества от настроений трудящихся масс и сделала его народным поэтом. Некрасов понял, что его задача не в том, чтобы скорбеть о поработанном народе и сокрушаться о его печальной судьбе, а в том, чтобы самому приобщиться к народу, сделать свою поэзию его подлинным голосом, его криком и стоном, воплощением его мыслей и чувств.

В ту пору на Украине был такой же народный поэт, который за несколько лет до Некрасова явился выразителем тех же народных стремлений и чувств, — Шевченко. Но Шевченко и сам был крестьянином, сам испытал на себе весь гнет крепостничества, а Некрасов, возвращенный в прадедовском дворянском гнезде, — какую колоссальную работу должен был он произвести над собою, какую страшную ломку должен был пережить, чтобы сделать «мужицкие очи» своими и научиться глядеть на каждое явление тогдашней действительности — и на самого себя — этими «мужицкими очами»!

Здесь основное отличие Некрасова от всех других русских поэтов той эпохи. Жалеющих народ было много, но говорить от лица народа, от лица пробудившихся к протесту трудящихся масс умел в ту пору один лишь Некрасов.

В его поэзии народ постоянно выступает судьей, выносящим суровые приговоры врагам.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» перед этим грозным судьей предстают всевозможные Последыши, Оболт-Оболдуевы, Глуховские, Шалашниковы, Фогели. В «Железной дороге» — злодей Клейнмихель со всеми своими приспешниками. В «Размышлениях у парадного подъезда» — «владелец роскошных палат». Некрасов клеймит и казнит его именно от лица той «оборванной черни», которую этот сановник довел до обнищания и гибели.

Каким же образом могло случиться, что поэт, принадлежавший к дворянской среде, порвал со своим классом, возненавидел все то, чему служили поколения его предков, и, примкнув к самому крайнему — революционному — крылу молодой демократии, на всю жизнь ушел «в стан погибающих за великое дело любви»?

Для ответа на этот вопрос попытаемся вспомнить хотя бы в самых общих чертах важнейшие вехи его биографии.

---

¹ В. И. Ленин, О «Вехах». — Полн. собр. соч., т. 19, стр. 169.

Николай Алексеевич Некрасов родился 10 декабря 1821 года (по новому стилю) в украинском местечке Немирове, Винницкого уезда, Подольской губернии.

Его отец, Алексей Сергеевич, небогатый помещик, служил в то время в армии в чине капитана. Через три года после рождения сына он, выйдя в отставку майором, навсегда поселился в своем родовом ярославском имении Грешневе.

Сельцо Грешнево находится неподалеку от Волги, на равнине, среди бесконечных полей и лугов. Тут же, по соседству, густой лес. Хотя мальчику запрещали водиться с детьми крепостных, он пользовался всякой свободной минутой, чтобы тайком убежать к деревенским ребятам. Он участвовал во всех их затеях, удил с ними рыбу, купался в Самарке, уходил в лес за грибами, за ягодами, и вряд ли была в Грешневе такая изба, с жителями которой он не был бы близко знаком. Чтобы незаметно пробираться в деревню, он проделал в заборе отцовского сада лазейку.

Круг его деревенских знакомств уже в детстве был очень широк. Усадьба стояла у самой дороги, которая в ту пору была многолудной и бойкой: она соединяла Кострому с Ярославлем. Отойдя на несколько шагов от усадьбы, мальчик встречался на этой дороге со всяким рабочим народом: с печниками, малярами, кузнецами, землекопами, плотниками, переходившими из деревни в деревню, из города в город в поисках работы. То были по большей части талантливые, бывалые люди. Будущий поэт с увлечением вслушивался в их «рассказы», «прибаутки» и «притчи»:

Под наши густые, старинные вязы
 На отдых тянуло усталых людей.
 Ребята обступят: начнутся рассказы
 Про Киев, про турку, про чудных зверей.
 Иной подгуляет, так только держися —
 Начнет с Волочка, до Казани дойдет! . .
 Чухну передразнит, мордву, черемиса,
 И сказкой потешит, и притчу ввернет. . .
 Случалось, тут целые дни пролетали,
 Что новый прохожий, то новый рассказ. . .

Водился мальчик и с рыбаками на Волге, убегал к ним из дома еще до рассвета:

Когда еще всё в мире спит
 И алый блеск едва скользит

По темно-голубым волнам,
Я убежал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке. . .

Не мудрено, что уже в те ранние годы поэт до мельчайших подробностей узнал жизнь крепостного крестьянина и усвоил его богатую, образную, меткую, певучую речь. Впоследствии он не раз восхищался красотой и силой этой речи. Он утверждал, что крестьянам зачастую случается обмолвиться таким выразительным словом,

Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

И разве мог бы он написать «Коробейников», «Крестьянских детей», «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо», если бы не провел свое детство в такой непосредственной близости к родному народу! В детстве у него не было ни гувернанток, ни бонн. Его няня была крепостная крестьянка. Из его стихотворений мы знаем, с какой любовью он, маленький мальчик, слушал «рассказы нянюшки своей» — старинные русские народные сказки, те самые, что в течение многих столетий сказывались в каждой крестьянской семье каждому крестьянскому ребенку.

Любовь к полям и лесам своей родины, к ее «зеленому шуму» тоже впервые зародилась у него в те ранние годы:

Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных полей.

В одном из своих стихотворных набросков он пишет, что грешневская природа милее ему всех прославленных зарубежных краев:

Я посещал Париж, Неаполь, Ниццу,
Но я нигде так сладко не дышал,
Как в Грешневе. . .

Горячим поэтическим чувством проникнуты написанные им родные пейзажи:

Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,

И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера . . .

И едва ли поэт создал бы свои бессмертные песни о русской природе, если бы не сроднился с нею в первые же годы своей жизни. В поэмах «Саша», «Несчастные», «Тишина», «Мороз, Красный нос» его восхищение красотой русских лесов и полей выражено с непревзойденной лирической силой:

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!

Детские воспоминания поэта связаны, как мы только что видели, с Волгой:

О Волга! . . . колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?

«Благословенная река, кормилица народа!» — говорил он о ней.

Но здесь, на этой «благословенной реке», ему довелось испытать и первое глубокое горе. Как-то знойным летом он бродил у самой воды по раскаленным пескам и вдруг услышал какие-то стоны. Вдали показалась гурьба бурлаков, которые шли вдоль реки,

Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою.

Они стонали от непосильной работы. Потрясенный, испуганный мальчик долго бежал вслед за ними и услышал, как один из них без всякой жалобы, очень спокойно сказал, что ему хотелось бы скорей умереть. Эти слова ужаснули Некрасова:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски! . .

В этом впечатлительном мальчишке уже тогда проявилась та «страстность к чужому страданию», без которой он не был бы великим поэтом.

И сердце, обливаясь кровью,
Чужою скорбью болит. . . —

говорил он в своих стихах о себе. Этот живой и, казалось бы, беззаботный дворянский подросток рано стал не по-детски задумываться над жестокостями окружающей жизни. Рано открылось ему «зрелище бедствий народных», к которому были так нечувствительны многие другие дворянские дети. Но не жалость, а протест вызывали в нем «народные бедствия». Уже тогда, при встрече с бурлаками, сказалась его действенная, боевая натура. Он не только «рыдал» над их мучительной долей, но тут же, на Волге, решил кинуться в бой, чтобы освободить их от гнета:

Что́ я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какне клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмелял!

«Зрелище бедствий народных» не ограничивалось для него бурлаками. По той же дороге, которая проходила мимо усадьбы Некрасовых, — по знаменитой Владимирке — часто гнали под конвоем в Сибирь арестантов, закованных в железные цепи. Будущий поэт на всю жизнь запомнил «печальный звон — кандалный звон», раздававшийся на этой «проторенной цепями» дороге.

Еще одно горе довелось ему видеть в «золотую пору малолетства» — горе в родной семье. Его мать, Елена Андреевна, мечтательная, кроткая женщина, очень страдала в замужестве. Она была человеком высокой культуры, а муж у нее был невежественный, распутный, сварливый и грубый. Целыми днями Елена Андреевна оставалась в усадьбе одна, так как муж постоянно разъезжал по соседним помещикам; его излюбленными развлечениями были карты, попойки, псовая охота на зайцев. Он даже не пытался скрывать от жены и детей свои бесчисленные связи с крепостными крестьянками. Несчастливая, глубоко оскорбленная женщина чувствовала себя как в тюрьме. Бывали такие дни, когда она, играя на рояле, целыми часами плакала и пела о своей горькой неволе. «Она была певица с удивительным голосом», — вспоминал впоследствии поэт.

С участием относилась она к принадлежавшим ее мужу крестьянам и нередко вступалась за них, когда тот угрожал им распра-

вой. Но попытки обуздать его ярость не всегда удавались ей. Бывали случаи, что при этих попытках муж набрасывался и на нее с кулаками. Можно себе представить, как ненавидел его в такие минуты сын! «Дикарь», «угрюмый невежда», «деспот», «палач» — иного имени и нет в стихах Некрасова для этого семейного тирана.

Елена Андреевна хорошо знала мировую поэзию и часто пересказывала малолетнему сыну те отрывки из творений великих писателей, которые были доступны его пониманию. Через много лет он вспоминал в стихотворении «Мать»:

И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.

Кажется, не было другого поэта, который так часто, с такой благоговейной любовью воскрешал бы в своих стихах образ матери. Этот трагический образ увековечен Некрасовым в стихотворениях «Родина», «Мать», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю», «Затворница» и других.

Он утверждал, что именно страдания матери побудили его написать столько стихов, протестующих против угнетения женщин («В дороге», «Несчастные», «Убогая и нарядная», «В полном разгаре страда деревенская...», «Мороз, Красный нос» и другие).

Во всех этих произведениях любовь к угнетенным всегда сочетается с ненавистью к их угнетателям.

Еще в пору его детства эту ненависть чувствовали в нем все окружающие:

Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!» — Волчонок тягу...
«Ату его!..»

Таким образом, уже тогда наметилась в мальчике «правая испависть» к «ликующим, праздно болтающим, обагрющим руки в крови». Уже тогда он испытывал приступы недетского гнева при всяком столкновении с ними.

Но, конечно, все это относится к более позднему детству поэта, к тому времени, когда из ребенка он становился подростком. А в первые годы жизни он ничем не отличался от сверстников. Как бы ни были тягостны те впечатления, которые угнетали его в отцовской усадьбе, их значение было осознано им лишь через несколько лет. Тогда же он, как и всякий ребенок, не вдумывался в них, не отягощал себя ими. В одном из стихотворений, посвященных воспоминаниям о матери, он прямо говорит, что ее горе было непонятно ему и что, когда она плакала, его, как и всякого мальчика, влекли к себе детские игры и шалости:

Я был тогда ребенком; долго, долго
Не думал я, родная, ни о чем.
Не ты, не сад, — меня манила Волга,
Я с кручи там катался кубарем. . .
А ты лила неведомые слезы —
Я лишь поздней узнал, о чем они.

Эти слезы не остались бесследными, он вспоминал их всю жизнь, но это не значит, что он, говоря его же словами, не взял с «ликующего детства» всей «дани забав и радостей».

Так что глубоко неправы биографы, которые приписывают ему с первых же лет его жизни какое-то сплошное страдальчество. При всей своей ранней чуткости к горю угнетаемых людей он в детстве не чуждался ребяческих игр и радостей. Уже тогда проявилось в нем то душевное качество, которое он сохранил до конца своей жизни: воля, упорство, настойчивость. Обучаясь верховой езде, он то и дело падал с лошади, и был такой день, когда он упал восемнадцать раз подряд, но в конце концов добился своего: сделался хорошим наездником. С тех пор, по рассказу его сестры, он уже не боялся никаких лошадей и смело садился на бешеного жеребца.

Уже после его смерти Чернышевский, вспоминая о нем, говорил: «Он был великодушный человек сильного характера», «человек с сильной волей». ¹

Добиться своего ценою любого подвига, любого труда стало с детства для него законом.

---

¹ <Заметки о Некрасове>. — Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 1, М., 1939, стр. 753, 748.

Но настоящее свое призвание нашел он не скоро. Много пришлось ему испытать неудач и тревог, прежде чем он вышел на прямую дорогу.

В 1832 году будущий поэт вместе со своим братом Андреем поступил в первый класс Ярославской гимназии. Единственное воспоминание, которое осталось в его поэзии от этих гимназических лет, полностью вместились в две стихотворные строчки:

...придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Один из гимназических товарищей Некрасова вспоминает. «В классах в то время секли: учителя иногда дрались...»¹ Школьная дисциплина поддерживалась драньем за волосы, пощечинами, ударами линейкой по рукам.

Отец не хотел платить за обучение сына, ссорился с его учителями. Учителя были плохие, невежественные и поощряли тупую зубрежку. Среди них было много пьяниц. Естественно, что мальчик невзлюбил свою школу и учился очень неохотно. Гораздо больше увлекало его чтение. «В классах Николай, бывало, все сидит и читает»,² — рассказывает о нем тот же товарищ. Читал он что придется, главным образом тогдашние журналы. Сильное впечатление произвели на него ходившая в списках запрещенная ода Пушкина «Вольность» и поэма Байрона «Корсар» — о свободолюбивом и гордом мятежнике (в пересказе одного литератора). Ода «Вольность» сыграла, очевидно, немаловажную роль в духовном развитии Некрасова: он дважды вспоминает о ней в своих предсмертных записках. Судя по его черновикам, он даже пытался прославить эту оду в стихах:

Хотите знать, что я читал? Есть ода
У Пушкина, название ей: Свобода.
Я рылся раз в заброшенном шкафу...

Характерно, что эта ода оставила такой же глубокий след в биографии двух других народных заступников — Герцена и Огарева, которые познакомились с нею приблизительно в том же возрасте (см. «Былое и думы» Герцена, гл. II и IV).

В гимназии у Некрасова впервые обнаружилось призвание сатирика: мальчик стал писать эпиграммы на учителей и товарищей.

¹ Горшков, Воспоминания. — В кн.: В. Евгеньев, Н. А. Некрасов, М., 1914, с. 70.

² Там же, с. 66.

В 1837 году отец решил взять его из гимназии и отправить в Петербург, в Дворянский полк — так называлась тогда военная школа, отличавшаяся бессмысленной и грубой муштрой. Возможность поездки в столицу привлекала Некрасова, так как он уже несколько лет тайно писал стихи и мечтал напечатать их в столичных журналах.

В конце июля 1838 года шестнадцатилетний подросток после многодневного путешествия в ямщицкой телеге приехал в Петербург с тетрадью стихов и несколькими рублями в кармане. «За славой я в столицу торопился», — шутя вспоминал он в позднейших стихах, так как с детства решил сделаться во что бы то ни стало писателем.

Еще в деревне, когда он только собирался в Петербург, его мать, страстно желавшая, чтобы из него вышел образованный человек, не раз говорила сыну, что он должен поступить в университет.

В Петербурге Некрасов стал готовиться к университетским экзаменам и даже не сделал попытки поступить в ту военную школу, куда направил его отец. Узнав об этом, отец рассердился и послал сыну грозное письмо, где извещал, что не будет высылать ему денег, если он нарушит отцовскую волю.

Юноша гордо ответил отцу: «Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма».

Свою угрозу отец привел в исполнение. Поэт остался в столице без всяких средств. Он часто голодал, не имел пристанища, спал в ночлежных домах, целую зиму ходил без пальто. Но его влекло литературное поприще, и ради того, чтобы стать литератором, он обрек себя на голод и холод.

Вскоре Некрасов исполнил желание матери: в сентябре 1839 года поступил вольнослушателем в университет.

Некоторые его стихотворения были напечатаны в разных журналах, но за них почти ничего не платили, и он продолжал голодать. В 1840 году он с помощью друзей издал книжку своих полудетских стихов под заглавием «Мечты и звуки». Книжка не имела успеха. Она была не хуже и не лучше других книжек подобного рода, появлявшихся тогда в большом количестве. То же фразерство, те же приемы обветшалой романтики, те же «ангелы», «демоны», «рыцари», Гюльнары, Амариллы, Дианы, Роланды, «гурии», «вакханки» и т. д. Читавшему эти стихи было невозможно предвидеть, что автор их станет величайшим поэтом-реалистом, правдивым изобразителем русской действительности. Как и все молодые поэты, он подражал в своей книжке другим стихотворцам. «Что ни прочту,

тому и подражаю», — вспоминал он впоследствии об этих ранних стихах. Кудрявым и напыщенным слогом перепевал он то Жуковского, то Баратынского, то Бенедиктова. Но если вспомнить, что написаны эти стихи шестнадцатилетним — семнадцатилетним подростком, вдали от культурной среды, придется признать их незаурядным явлением, потому что даже в их ритмах, в их дикции иногда проясляется темперамент большого поэта.

Неуспех книги не обескуражил Некрасова. Этот юноша, вышедший из праздной дворянской среды, оказался на диво неутомимым работником. В 1840 и 1841 годах он написал столько стихотворений, рассказов, сказок, фельетонов, критических заметок, рецензий, комедий, водевилей и т. д., сколько другому не написать во всю жизнь.

Вот краткий перечень написанного им в эти два года:

Повести и рассказы: «Макар Осипович Случайный», «Без вести пропавший пиита», «Певница», «Двадцать пять рублей», «Ростовщик», «Капитан Кук», «Карета», «Жизнь Александры Ивановны», «Опытная женщина», «Несчастливец в любви».

Театральные пьесы: «Великодушный поступок», «Федя и Володя», «Юность Ломоносова», «Утро в редакции», «Шила в мешке не утаишь», «Феоклист Онуфрич Боб», «Актер», «Дедушкины попугаи», «Вот что значит влюбиться в актрису!»

Стихотворения: «Провинциальный подьячий в Петербурге», «Мелодия», «Офелия», «Скорбь и слезы», «Баба-яга», «Сказка о царевне Ясносвете» — несколько тысяч стихов!

А сколько напечатано им в те же два года критических статей и рецензий!

Не разгибая спины, исписывал он десятки страниц своим быстрым, стремительным почерком. Недаром он сказал перед смертью, вспоминая свою голодную юность: «Уму непостижимо, сколько я работал! Господи, сколько я работал!»

Количество работ с каждым годом росло. В 1843—1845 годах Некрасов печатал стихи и статьи под псевдонимами: Перепельский, Пружинин, Бухалов, Иван Бородавкин, Афанасий Пахоменко, Назар Вымочкин, Ник. — Нек и другими. В его лице в русскую литературу вошел один из самых замечательных тружеников.

Но так мало платили поэту за его колоссальный труд, что и тогда он не спасся от нужды, хотя, казалось бы, одни его пьесы, поставленные в Александринском театре и выдержавшие много представлений, должны были давать ему изрядный доход.

«Мне горько и стыдно вспоминать, — рассказывает о юном Некрасове известная артистка А. И. Шуберт, — что мы с маменькой прозвали его несчастным.

— Кто там пришел? — бывало, спросит маменька. — «Несчастный?» — И потом обратится к нему:

— Небось есть хотите?

— Позвольте.

— Акулина, подай ему, что от обеда осталось.

Особенно жалким выглядел Некрасов в холодное время. Очень бледен, одет плохо, все как-то дрожал и пожимался. Руки у него были голые, красные, белья не было видно, но шею обертывал он красным вязаным шарфом, очень изорванным. Раз я имела нахальство спросить его:

— Вы зачем такой шарф надели?

Он окинул меня сердитым взглядом и резко ответил:

— Этот шарф вязала моя мать. . .

Я сконфузилась». ¹

Бедствовал он долго — пять лет. Эта печальная молодость, «убитая под бременем труда», оказала большое влияние на все его дальнейшее творчество, ибо, испытав на себе, каково живется бедноте в условиях унижения и рабства, он еще сильнее возненавидел ее притеснителей. Впервые критическое понимание действительности сказалось в его фельетонном стихотворении «Говорун», появившемся в 1843 году:

Столица наша чудная
Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей.
Здесь всё без исключения
Возможно для людей:
При деньгах вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
Без денег умереть. . .

и т. д.

В том же году в одной своей прозаической повести он написал: «Я узнал, что. . . есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливыцы, которым тесны целые дома».

---

¹ Моя жизнь. Воспоминания артистки А. И. Шуберт, СПб., 1913, с. 48.

В начале 1843 года или несколько раньше в жизни Некрасова случилось большое событие: он познакомился и близко сошелся с великим русским критиком, революционным демократом Белинским, который полюбил молодого поэта именно за его непримиримую злобу к «сильным и сытым» «счастливым». Белинский подолгу беседовал с ним и открыл ему глаза на все злое и мерзкое, что совершалось вокруг. Некрасов понял, что ограбление трудящихся есть многовековая система, узаконенная государственным строем. Ему стало ясно, что все благополучие «сильных и сытых» основано на эксплуатации миллионов людей, закабаленных и крепостниками-помещиками и нарождающейся в стране буржуазией. Слушая взволнованные речи Белинского, поэт впервые по-новому прочувствовал впечатления детства, вспомнил деспота-отца и страдальцу-мать, вспомнил горькую жизнь крестьян,

Верченых, крученых,
Сеченых, мученых,

и решил посвятить все свое дальнейшее творчество борьбе за народное счастье.

«Ясно припоминаю, — рассказывал впоследствии Некрасов, — как мы с ним, вдвоем <с Белинским>, часов до двух ночи беседовали о литературе и о разных других предметах. После этого я всегда долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном настроении, столько было для меня нового в высказанных им мыслях... Моя встреча с Белинским была для меня спасением».¹

Белинский требовал от современных писателей правдивого, реалистического изображения русской действительности — и, в меру цензурных возможностей, суда над нею, раскрытия ее зол и уродств. Под влиянием Белинского поэт обратился к реальным сюжетам, подсказанным ему подлинной жизнью, стал писать проще, без всяких прикрас, о самых, казалось бы, обыденных, заурядных явлениях жизни, и тогда в нем сразу проявился его свежий, многосторонний и глубоко правдивый талант художника-реалиста.

Впоследствии Некрасов неоднократно пытался прославить в стихах образ своего учителя. К числу таких попыток принадлежит и поэма «Несчастные», главный герой которой, революционный борец, как теперь установлено, списан поэтом с Белинского. В «Несчастных» воспроизводятся те оптимистические речи о русском народе, которые Некрасов слышал от великого критика:

---

¹ А. Я. Панаева, Воспоминания, М., 1956, с. 291—292.

Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздыхнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней».

Поэт вполне разделял эту веру Белинского в чудотворные силы народа, в огромность его исторических судеб. Не раз повторял он в позднейших стихах, что русский народ — богатырь и что революционное служение народу есть наш патриотический долг:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гigni безупречно,
Умрешь недаром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Белинский первый пробудил это революционное сознание в Некрасове.

Не забудем, что как раз в те годы, когда Некрасов сблизился с Белинским, великий критик был охвачен ненавистью к «гнусной расейской действительности». Он уже пришел к убеждению, что единственным путем, который приведет человечество к счастью, является социализм. «Я теперь в новой крайности, — писал он одному из друзей в 1841 году, — это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия... не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди».¹ Насколько было возможно по цензурным условиям, эту же «идею идей» Белинский пропагандировал в своих тогдашних статьях.

Он помог Некрасову найти самого себя, понять основные качества своего дарования, и после встречи с Белинским творчество молодого поэта определилось раз навсегда.

«В 1843 году я видел, — вспоминал о Некрасове один современник, — как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной природы и ее силы».²

¹ Письмо к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1956, с. 66, 71.

² Письмо П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу, 20 февраля 1848 г. — «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. 3, СПб., 1912, с. 352.

Поэт до конца жизни остался благодарен учителю и всегда вспоминал те уроки, которые получил от него.

Через десять лет после смерти великого критика Некрасов писал: «Постоянно... имел я мысль сделать что-нибудь, чем бы я мог хоть немного воздать ему за все доброе, что он сделал для меня как мой духовный воспитатель, как человек, заметивший, полюбивший и руководивший меня в трудное время моей жизни».

Свое преклонение перед ним и его жизненным подвигом Некрасов выразил в таких произведениях, как «Памяти приятеля», «В. Г. Белинский», «Кому на Руси жить хорошо», и в следующем отрывке из «Медвежьей охоты»:

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно поклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно...

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

«Свобода, братство и равенство» были лозунгом французской революции 1789 года. Этими словами Некрасов попытался высказать в подцензурной печати, что Белинский учил его революционной борьбе.

;

Другим учителем Некрасова был Гоголь. Поэт всю жизнь преклонялся перед ним и ставил его рядом с Белинским. «Мертвые души», «Ревизор», «Шинель» были для него высшими образцами реалистического искусства. Гоголь, как и Белинский, в глазах Некрасова являлся «народным заступником», обличителем полицейско-самодержавного строя, «великим вождем» страны «на пути сознания, развития, прогресса». У Некрасова есть стихотворение о Гоголе, которое кончается такими строками:

Со всех сторон его клянут,
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

«Любить, ненавидя» — этому научился Некрасов у своих великих наставников.

В тот же период он, раздобывшись кое-какими деньгами, начинает издавать под непосредственным руководством Белинского и при его ближайшем участии ряд альманахов, где страстно борется за гоголевское направление в искусстве.

В первом — двухтомном — сборнике, названном «Физиология Петербурга», он печатает свой замечательный очерк «Петербургские углы» — одно из первых по времени произведений гоголевской школы. В этом очерке он с тем же «смехом сквозь слезы», какой слышится в творениях Гоголя, изобразил жизнь городской бедноты, загнанной нуждою «на дно», в мрачный и зловонный подвал. Успех «Физиологии Петербурга» дал Некрасову возможность выпустить новый альманах, «Петербургский сборник» (1846), знаменующий окончательную победу гоголевского направления в русской литературе. В этом сборнике наряду с произведениями Белинского, Тургенева, Герцена, с «Бедными людьми» Достоевского были напечатаны такие стихотворения Некрасова, как «В дороге», «Пьяница», «Отраднo видеть, что находит...», «Колыбельная песня» и другие, окончательно определившие новаторский стиль его творчества.

Весь демократический лагерь — вся бурно растущая масса молодых разночинцев — отнесся к «Петербургскому сборнику» с горячим сочувствием. В стихах Некрасова эта молодежь ощутила отголосок своих собственных убеждений и чувств.

Властители дум молодой демократии — Грановский, Белинский, Герцен — приветствовали эти новые произведения Некрасова. До какой степени стихи «Петербургского сборника» были в духе тогдашней эпохи, видно хотя бы из того, что через два-три года после напечатания «В дороге» явились «Антон Горемыка» Григоровича, «Записки охотника» Тургенева, «Сорока-воровка» Герцена, воплощающие тот же протест против крепостной неволи крестьян. Вскоре Некрасов написал стихотворение «Родина», где этот протест сказался с особенной силой. Оно, по словам одного современника, привело Белинского в восторг. Белинский выучил его наизусть и послал в Москву своим приятелям.

«А каков Некрасов-то! — восклицал Белинский. — Сколько скорби и желчи в его стихе!» В кружке Белинского особенно привлекало

к Некрасову то, что он был «человек из низов». Правда, по паспорту он числился дворянином, но его биография была типичной биографией бедняка-разночинца, и этим он был близок «плебею» Белинскому и тем широким читательским массам, которые шли за Белинским. Именно с этими массами Некрасов уже тогда ощущал свою кровную связь, и, когда какой-то критик из враждебного лагеря попытался напасть на него с позиций «чистого», салонного искусства, поэт горделиво ответил ему:

Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу... —

и тут же указал очень четко, к какому читателю обращено его творчество:

Друзья мои по тяжкому труду,
По музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас...

Эта «кипящая злоба» с каждым годом росла, так как она отражала в себе растущее негодование поработанных крестьян. Именно с этого времени (с 1843—1845 годов) поэзия Некрасова стала питаться, по выражению Герцена, «свирепеющим океаном народа», то есть настроениями крепостного крестьянства, пробуждающегося к революционному действию. По заведомо уменьшенным официальным данным, в первое десятилетие царствования Николая I крестьянских восстаний происходило около шестнадцати в год, а в последнее десятилетие (именно в то, которое начинается 1845 годом) средняя годовая цифра поднимается уже до тридцати пяти, то есть увеличивается больше чем вдвое. «При этом... не только увеличивается число случаев крестьянских выступлений, но... крестьянские выступления принимают все более активный, все более решительный характер и захватывают все большую массу крестьянства».¹ Медленно, но верно в эти годы шла консолидация русского освободительного движения, которое после краха декабристского восстания многим казалось безнадежно заглохшим, но теперь возрождалось опять, на этот раз в кругах передовых разночинцев, плотью от плоти которых были и Белинский и Некрасов. Отражением растущего народного гнева явилось все творчество молодого Некрасова, заклеившего в своих

---

¹ «Крестьянская реформа 1861 года», М., 1937, с. 49.

тогдашних стихах и помещиков («В дороге», «Родина»), и царских бюрократов («Чиновник», «Колыбельная песня»), и типичных для той эпохи капиталистических хищников, этих новых врагов трудового народа («Современная ода»). Выступать в печати с такими стихами было тогда чрезвычайно опасно. Продажные писаки Фаддей Булгарин, Сенковский и Греч, эти раболовные холопы правительства, сплели вокруг себя в своих журналах, альманахах, газетах обширную группу стихотворцев, романистов, публицистов, которые изо дня в день, отвлекая внимание читателей от ужасов окружающей их жизни, восхваляли крепостнический строй как высшее воплощение государственной мудрости и всенародного счастья.

Все эти реакционные писаки набросились на Некрасова с яростной бранью. Царская цензура применила к нему свои инквизиционные меры. Грязный клеветник Фаддей Булгарин то и дело писал на ненавистного ему поэта доносы в так называемое Третье отделение (то есть в тайную полицию Николая I), утверждая, что Некрасов — «коммунист», который «страшно вопиет в пользу революции».¹

Но Некрасова не смутили ни доносы, ни ругань врагов, ни самоуправство цензуры. Окрыленный успехом «Петербургского сборника», он задумал еще одно, наиболее трудное и опасное литературное дело, для осуществления которого потребовалась вся его беспримерная смелость и весь его организаторский талант. Он задумал, в противовес ретроградской печати, поддерживавшей крепостнический строй, основать оппозиционный журнал, который, невзирая на цензурные строгости, ратовал бы за освобождение крестьян, за разрушение феодально-буржуазного строя.

В конце 1846 года Некрасов при поддержке друзей взял в аренду вместе с писателем Иваном Панаевым журнал «Современник», основанный Пушкиным. В «Современник» перешел из другого журнала Белинский со всеми своими приверженцами — молодыми передовыми писателями. Таким образом, в журнале Некрасова сосредоточились лучшие литературные силы, объединенные ненавистью к «проклятой расейской действительности».

В «Современнике» первых двух лет были напечатаны «Кто виноват?», «Из записок доктора Крупова», «Сорока-воровка» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, многие из тургеневских «Записок охотника», «Антон Горемыка» Григоровича, «Тройка», «Нравственный человек», «Псовая охота» Некрасова, стихи Огарева, статьи Белинского и другие произведения, заключавшие в себе резкий протест против тогдашнего строя.

---

¹ «Былое», 1906, № 10, с. 283.

Но в начале 1848 года, когда правительство Николая I, испуганное крестьянскими восстаниями и революцией во Франции, приняло крутые полицейские меры для борьбы с прогрессивными идеями, издание передового журнала стало делом почти невозможным. Наступила эпоха цензурного террора. По распоряжению царя был учрежден негласный комитет, контролировавший действия цензуры. «Темная, семилетняя ночь пала на Россию» — писал Герцен. Случалось, что больше половины рассказов, статей и романов, предназначенных для помещения в «Современнике», погибало под красными чернилами цензора. Нужно было спешить добывать новые статьи, которым зачастую грозила та же плачевная участь. Только такой необыкновенный работник, как Некрасов, мог столько лет нести это бремя. Когда «Современнику» пришлось особенно туго, поэт принял вместе с А. Я. Панаевой, ставшей к тому времени его гражданской женой, за писание огромного романа «Три страны света» (1848—1849), над которым трудился по ночам, так как днем был занят журнальными хлопотами. Хотя этот роман был написан исключительно для того, чтобы заполнить опустошенный цензурой журнал и дать подписчикам непритязательное чтение, к которому правительство не могло бы придаться, Некрасову и здесь удалось, правда на немногих страницах, выразить протест против гиблого строя и прославить духовную мощь русского крестьянина. «Ни в ком, кроме русского крестьянина, — писал он в восьмой части этого романа, цитируя записки своего героя Каютина, — не встречал я такой удалы, такой отважности, при совершенном отсутствии хвастовства (заметьте, черта важная!), и, опять повторяю, такой удивительной насмешливости. . . Я много люблю русского крестьянина, потому что хорошо его знаю. . .» В дальнейших строках поэт утверждает, что всякий «в столкновении с народом увидит, что много жизни, здоровых и свежих сил в нашем милом и дорогом отечестве. . .»

Роман этот стоил Некрасову большого труда. «Я, бывало, запрусь, засвечу огни и пишу, пишу, — вспоминал он потом. — Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечашь, никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на час, другой и опять за то же».

Поразительно, как не надорвался он от такой тяжелой работы. У него заболели глаза, его каждый день трясла лихорадка. Чтобы составить одну только книжку журнала, он читал около двенадцати тысяч страниц разных рукописей, правил до шестидесяти печатных листов корректуры (то есть девятьсот шестьдесят страниц), из которых половину уничтожала цензура, писал множество писем сотруд-

йшкам, книгопродавцам, цензорам и порою сам удивлялся, что «пáралич не хватил его правую руку».

Редактором он был превосходным. Журналов, подобных его «Современнику», до той поры не бывало в России. Достаточно сказать, что в качестве редактора Некрасов первый открыл дарования таких начинающих в разное время писателей, как Лев Толстой, Гончаров, Достоевский, Григорович и др.

Некрасов стоял во главе «Современника» двадцать лет (1847—1866), и если бы он не написал ни одного стихотворения, он и тогда заслужил бы благодарную память потомства как величайший журналист своей эпохи.

Принимаясь за издание «Современника», Некрасов надеялся, что в этом журнале Белинский будет играть руководящую роль. Но Белинский был тяжело болен и через полтора года скончался. То была незаменимая потеря. «Современник» осиротел. Не было в тогдашней России другого писателя, который мог бы стать таким же «властителем дум» своего поколения, каким был Белинский.

Под гнетом изуверской цензуры «мрачного семилетия» журнал был вынужден временно затушевать и ослабить свои боевые тенденции. Некрасов, верный заветам Белинского, продолжал писать «гражданские» стихи («На улице», «Вино», «Вчерашний день часу в шестом...» и др.), но они оставались в рукописи, и он даже не пытался посылать их в цензуру, так как знал наверное, что цензура запретит их. На первое место в «Современнике» выдвинулись такие сотрудники, как Дружинин, Анненков, Боткин, далекие от демократических масс, тяготевшие к «чистому искусству». Они не понимали и не ценили Некрасова. Он чувствовал себя среди них одиноким.

Так продолжалось до 1855 года, когда поражение царского правительства в Крымской войне обнаружило слабость кнутовой монархии и несокрушимую мощь трудового народа. Крестьянские восстания умножились и приобрели небывалый размах. Николай I, к общему облегчению, скончался. Новое правительство с воцарением Александра II сочло себя вынужденным пойти на уступки. Громко заговорили о близком освобождении крестьян. Некрасовский «Современник» воспрянул. В стране стала явственно намечаться революционная ситуация.

Грозовая эпоха выдвинула двух великих писателей, вождей революционной демократии — Чернышевского и Добролюбова, учеников и продолжателей дела Белинского.

Некрасов угадал их дарования по первым же их статьям и предоставил им в своем «Современнике» руководящую роль.

С самого начала совместной литературной работы он дружески сблизился с ними и, вдохновляемый общественным подъемом, создал свои лучшие произведения. Начиная с 1855 года наступил расцвет его творчества. Он закончил поэму «Саша», поразившую читателей и яркостью живописи, и могучей лирической силой, и жгучим, злободневным сюжетом: поэма была направлена против так называемых «лишних людей», то есть либеральных дворян, выражавших свои чувства к народу не делами, а громкими фразами. Тогда же Некрасовым написаны такие стихи, как «Забытая деревня», «Школьник», «В больнице», «Тяжелый крест достался ей на долю...», «Поэт и гражданин», впервые раскрывшие перед читателями весь широкий диапазон его творчества. Он стал любимейшим поэтом демократической интеллигенции, которая именно в то «благодатное время» сделалась влиятельной общественной силой в стране.

Еще в начале пятидесятых годов Некрасов тяжело заболел. Болезнь поразила его горло, он лишился голоса, сильно исхудал и стал кашлять. Ему казалось, что его дни сочтены.

Дожидай последние остатки
Жизни, брошенной в огонь! —

писал он в то время одному из друзей. Его страдания выразились в стихотворениях «Умру я скоро. Жалкое наследство...», «Тяжелый год — сломил меня недуг...», «Замолчки, Муза мести и печали...» и другие. В 1856 году он уехал лечиться в Рим, передав «Современник» в руки Чернышевского. То была его первая поездка за границу. На душе у него было так тяжело, что он чуть не бросился в море.

Но понемногу силы его восстановились, он с новой страстью вернулся к труду, и в тридцать девять дней, не отходя от стола, создал поэму «Несчастные». Здесь, как и в «Саше», поэт обнаружил большое мастерство живописца: целые вереницы незабываемых пластических образов теснятся в каждой главе, восхищая читателя силой и уверенностью кисти, свежестью, обилием и разнообразием красок. Композиция «Несчастных» сложна и трудна: в сущности, вся поэма, за исключением немногих страниц, являет собою прихотливое чередование картин, стремительно бегущих одна за другой, и только такой силач, как Некрасов, мог привести эти картины к единству могучим дыханием своей темпераментной лирики. Так непринужденно, естественно, на таком высоком эмоциональном подъеме происходит слияние всех этих разрозненных картин воедино, что читатель даже не замечает тех трудностей, которые на каждой странице мастерски преодолеваются автором. Из барской усадьбы поэма ведет

в «роковой» Петербург, впервые в нашей поэзии увиденный глазами бедняка разночинца, оттуда — в уездный городишко, за тысячу верст от столицы, оттуда — на каторгу, в сибирскую тундру, оттуда — снова в деревню, и снова в Сибирь, — словом, в широкую раму поэмы вместились от края до края вся тогдашняя Русь, в ее наиболее типичных аспектах, и хотя Некрасов не скрывает, что страна в современный ему период истории «черна, куда ни погляди», но тут же всеми задушевными и светлыми образами поэмы внушает читателю, что неисчерпаемы силы, которые таятся в народе, и что — дай только срок! — эти силы преобразят и осчастливят Россию. Оптимистическое чувство, проникающее с начала до конца всю поэму, воплощено в ней в образе революционера Крота, гибнущего в сибирских снегах. Он гибнет, раздавленный гнетом царизма, но для Некрасова он победитель, которого не могла сокрушить даже смерть:

И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!

У этого человека, читаем в поэме, были орлиные крылья,

Которых мощь изведал он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила. . .

Все образы поэмы, казалось бы такие разрозненные, все, в своей совокупности, ведут к утверждению радостной мысли Некрасова, что, сколько бы ни гибло в России борцов за народное счастье, их победа над врагами народа исторически неотвратима, неизбежна. Герой поэмы с бодрой убежденностью говорит о России, что

В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил.

Эти слова не кажутся здесь декларацией: они подкреплены и образами гениальной поэмы, и ее лирическим подтекстом.

Когда Некрасов с таким увлечением работал в Риме над поэмой «Несчастные», в Москве вышло первое собрание его стихов («Стихотворения Н. Некрасова», 1856). Книга имела грандиозный успех — такой же, как в свое время «Евгений Онегин» и «Мертвые души».

Все издание было раскуплено в несколько дней, и, так как спрос на книгу продолжал возрастать, вскоре появились ее рукописные копии, продававшиеся за удешевленную цену. Книга вызвала большое возмущение в придворных и бюрократических кругах. Царский министр Норов, испугавшись ее популярности, запретил переиздавать ее вновь и предписал газетам и журналам не печатать о ней хвалебных рецензий. Особенно раздражено было правительство стихотворением «Поэт и гражданин», которое Чернышевский перепечатал из книги Некрасова на страницах «Современника». Над журналом нависла цензурная буря. Говорили, что Некрасову по возвращении в Россию угрожает заключение в Петропавловской крепости. Все это взволновало больного поэта, но он мужественно писал в Петербург П. В. Анненкову: «Хоть бы эти размеры <грозившего ему наказания> и точно были велики — я не ребенок; я знал, что делал»,¹ и Тургеневу через несколько дней: «Мы выдвигали цензурные бури и пострашней — при <Николае I>, да пережили».²

Причины успеха его книги понятны. К тому времени в русском обществе выдвинулись и заняли передовые позиции «новые люди»: разночинцы, демократы, страстно ненавидевшие дворянскую, помещичью Русь. Некрасов, единственный из русских поэтов, говорил о том, что было близко душе бедняка: о сырых подвалах, о тяготах подневольной работы, о ненависти к богачам-угнетателям, — и говорил таким языком, каким не говорили другие поэты, пусть и демократически «грубым», но родным этой новой читательской массе

4

Приближалась эпоха шестидесятых годов. Еще за несколько лет до нее Некрасов окончательно пришел к убеждению, что у закабаленных крестьян, кроме таких явных, открытых врагов, как жандармы, царские чиновники, крепостники, кулаки, есть еще тайные враги, пожалуй наиболее вредные: либералы дворянской формации, лицемерно объявляющие себя друзьями народа.

Некрасов был уверен, что путь частичных, половинчатых реформ, так называемый «мирный прогресс», который прославляют либералы, не только не принесет крестьянам никаких облегчений, но, напротив, сделает их рабство еще более тяжелым. Поэту было ясно, что, как бы громко ни кричали либералы о своих благожелательных чувствах

---

¹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. 10, М., 1952, с. 307.

² Там же, с. 308.

к народу, их народолюбие — маска, под которой они скрывают свои корыстные интересы и цели. Резко отмежевавшись от представителей либерального лагеря, поэт стал разоблачать реакционный характер их деятельности, ибо хорошо сознавал, что спасение народа — в революции. Отсюда многочисленные сатиры поэта, клеймящие «народолюбцев» либерального лагеря, этих

Самодовольных болтунов,
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных.

К концу пятидесятих годов «Современник» поставил в центре своей политической программы борьбу с либералами. Борьба велась разнообразным оружием. Чернышевский громил их главным образом в своей публицистике, Добролюбов — в критических статьях, Некрасов — в поэмах, сатирах, эпиграммах, пародиях. В знаменитом диалоге «Поэт и гражданин» он ставил либеральных «мудрецов» на одну доску со «стяжателями и ворами»:

Одни — стяжатели и воры,
Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры, —

разговоры, в которых сказывается «презренная логика» этих людей, пытавшихся высокими словами о благе народа затушевать свою постыдную трусость.¹

Борьбы с либералами Некрасов не прекращал до конца своей жизни. Либерал сороковых годов, по утверждению поэта, был еще «честен мыслью, сердцем чист», но не таков он стал в более поздний период. С омерзением изображает Некрасов либерала шестидесятых годов, этого «салонного якобинца», который только и делал, что выступал в великосветских гостиных и «говорил, говорил, говорил» о своих мнимых демократических чувствах:

---

¹ Знаменательно, что В. И. Ленин, цитируя в своих статьях Некрасова, чаще всего приводил те стихи, где поэт шельмует либералов (см., например: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, с. 301; т. 14, с. 240; т. 20, с. 124; т. 23, с. 17; т. 24, с. 41, 42 и др.). До Ленина целые поколения критиков, даже сочувствовавших поэзии Некрасова, упорно не хотели заметить этих антилиберальных позиций поэта, определявших собою революционную сущность всего его творчества.

Сам себе с наслаждением внимая,
Формируя парламентский слог,
Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Всё отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено! . .
Ты не пошл, соловей современный,
Эту песню мы знаем давно!

Характерно, что в одном из черновых вариантов «салонный якобинец» именуется так: «Прогрессист, Чернышевский салонный» — то есть указывается, как далеко заходили эти лицемерные хищники в маскировке своих appetitов.

Весь реакционный смысл либеральных речей раскрылся Некрасову в шестидесятых годах, когда в связи с реформами Александра II мелкое обличительство мелких общественных зол стало считаться в среде либералов великим гражданским подвигом. Пресловутая крестьянская реформа 1861 года привела либералов в восторг. Эту реформу они прославляли как великодушное благодеяние царя, якобы дарующего крестьянам свободу. Либеральные стихотворцы один за другим восклицали в либеральных журналах:

Пойдем, свободы луч блеснул с родных небес. . .
И стала наша Русь страной людей свободных.

Но Некрасов, как и Чернышевский и другие революционные демократы, хорошо понимал, что эта «свобода» есть в сущности новая кабала для крестьян, и в противовес всем восторгам либерального лагеря написал в том же 1861 году:

Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей! —

подлинной свободы, которую завоеует народ, когда восстанет против своих угнетателей. А об этой ложной «свободе», так громко восхвалявшейся в либеральных кругах, Некрасов настойчиво спрашивал:

Народ освобожден, но счастлив ли народ? —

и в его вопросе уже заключался ответ, который в другом, позднейшем его стихотворении сформулирован еще более отчетливо:

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.

Сделав «Современник» боевым органом революционной демократии, Некрасов привлек к нему молодых демократических писателей: Слепцова, Николая и Глеба Успенских, Помяловского, Решетникова, Елисеева, Антоновича и многих других. Писатели-дворяне, бывшие до той поры его сотрудниками, демонстративно ушли из журнала и сделались врагами поэта.

Порвать с этими писателями Некрасову было не так-то легко. Еще со времен Беллинского он сблизился с ними за общей журнальной работой. С некоторыми из них его связывала давняя дружба. Тем больше чести ему, что служение народу он поставил выше своих личных привязанностей. Впрочем, бывали такие периоды, когда этот великий борец за революционное освобождение народа временно начинал тяготеть к либеральным воззрениям своих бывших друзей, и тогда, по его собственным словам, «у лиры звук неверный исторгала» его рука. По поводу подобных редких уступок Некрасова либеральным идеям Ленин в одной из своих статей указал, что хотя Некрасов порой колебался между Чернышевским и либералами, «но все симпатии его были на стороне Чернышевского».¹

Влияние «Современника» росло с каждым годом, но вскоре над журналом разразилась гроза.

В 1861 году умер Добролюбов, изнуренный непосильным трудом в тяжелых условиях цензурного гнета. Летом 1862 года был арестован и после заключения в крепости сослан в Сибирь Чернышевский. «Современник» остался без главных сотрудников и был приостановлен властями на несколько месяцев. Правительство, вступившее на путь мстительной расправы с «нигилистами» (так назывались тогда носители революционных идей), решило уничтожить ненавистный журнал.

Чтобы спасти «Современник», Некрасов решился на отчаянный шаг. Он выступил со стихами на официальном обеде в честь диктатора Муравьева-Вешателя, от которого в значительной мере зависела судьба «Современника». Но этот поступок оказался напрасным: по приказу Александра II журнал был прекращен навсегда (1866 год).

---

¹ В. И. Ленин, Еще один поход на демократию. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 84.

Долго существовать без журнальной трибуны Некрасов не мог. Не прошло и двух лет, как он взял в аренду журнал «Отечественные записки» и пригласил в качестве одного из соредкторов М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Отечественные записки» под руководством Некрасова стали таким же боевым журналом, как и «Современник»; они следовали революционным заветам Чернышевского, в них впервые проявился во всей своей мощи сатирический гений Салтыкова.

Цензура жестоко преследовала «Отечественные записки», и Некрасову (вместе с Салтыковым) приходилось вести с ней такую же упорную борьбу, как и во времена «Современника».

5

Журнальная работа утомляла поэта, и он бывал поистине счастлив, когда ему удавалось вырваться из душного города куда-нибудь в деревенскую глушь. В деревне, среди крестьян, он чувствовал себя легко и привольно и забывал городские тревоги, особенно если при этом ему случалось хорошо поохотиться. Охота с детства была его любимейшим отдыхом. Захватив собаку и ружье, он на несколько дней уходил с кем-нибудь из местных крестьян побродить по лесам и болотам и возвращался домой с новыми силами, освеженный и бодрый. Охота была для него лучшим средством дружеского сближения с народом. Он говорил, что в деревне охотниками обычно бывают талантливейшие из русских крестьян.

Странствуя с ружьем из деревни в деревню, Некрасов попадал на сельские ярмарки, на крестьянские праздники, на сходы, на свадьбы, на похороны, знакомился с множеством деревенских людей, наблюдал их нравы и обычаи и жадно вслушивался в их непринужденные речи. С каждым годом он, если так можно выразиться, все больше и больше влюблялся в народ.

Эта любовь нашла наиболее яркое выражение в стихах, которые были написаны им летом 1861 года в деревне Грешнево, где он провел несколько месяцев в близком общении с крестьянами. Большинство этих крестьян он знал с детства. Они были товарищами его мальчишеских игр и потому каждое лето, когда он поселялся в деревне, встречали его как приятеля. Едва он въезжал за околицу Грешнева, он говорил ямщику:

Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот

Спешно идет обыватель.
Всё-то знакомый народ.
Что ни мужик, то приятель.

Летние месяцы 1861 года, проведенные Некрасовым в Грешневе, можно приравнять к болдинской осени Пушкина: необычайный прилив творческих сил, могучая власть над своим вдохновением, которое уже не взрывается мгновенными вспышками, как это бывало с Некрасовым раньше, а горит ровным негаснущим пламенем изо дня в день, из недели в неделю. Самое количество стихов, созданных им в «грешневское лето», свидетельствует о небывалом взлете его дарования. Сохранилась большая тетрадь, которую он вывез из Грешнева в 1861 году. Вся она исписана стихами, посвященными деревенской тематике, — лучшими стихами Некрасова. Здесь раньше всего самобытная, до сих пор сохранившая всю свою первозданную свежесть поэма «Крестьянские дети», в каждом слове которой чувствуется веселая и даже немного озорная улыбка. В мировой литературе едва ли существует другое стихотворение, где с таким благодушным сочувственным юмором воссоздавалось бы «обаяние поэзии детства». Повествуя о Савосях, Кузяхах, Корнеях и Глашках, поэт как бы сам приближается к их ясному, гармоническому восприятию природы и жизни.

Правда, он здесь же разрушает гармонию напоминанием о том, что любому из этих детей «ничто не мешает» погибнуть в любую минуту, что их жизнь находится под вечной угрозой со стороны душегубного строя, но эта скорбная мысль не окрашивает собой всей поэмы; ей отведено всего несколько строк.

Основная же тональность «Крестьянских детей» определяется той гениальной идиллией, которая органически входит в их текст и с давнего времени носит во всех хрестоматиях название «Мужичок с ноготок». Здесь вершина некрасовского мастерства. Читая этот короткий отрывок — всего двадцать стихов, — не знаешь, чему больше удивляться: лаконизму ли поэтической речи, благодаря чему каждое слово воспроизводимого здесь диалога насыщено таким огромным содержанием; мудрой ли простоте языка, делающей эти стихи доступными детским умам; или подспудной, но явственно ощутимой лиричности, которая проникает собою весь этот небольшой эпизод и придает повествованию о нем обобщенный характер восторженной песни о русском народе, у которого «привычка к труду благородная» начинается уже с шестилетнего возраста.

Этот мальчишка не «идет», не «бредет», не «шагает», но «шествует». «Шествует» — торжественное слово, никогда не применяв-

шеется к походке детей. Так говорили обычно о какой-нибудь важной, напыщенной, помпезной особе. Одним этим словом Некрасов дает нам понять, как уважает себя «мужичок с ноготок» за то, что ему поручили такое серьезное дело. Потому-то и сказано о нем, что он ведет свою лошадь «в спокойствии чинном», то есть не суетится, не егозит, не подпрыгивает, как поступал бы при других обстоятельствах, а во всем подражает бородатым, степенным крестьянам, уважающим себя и свой труд. Когда незнакомый прохожий называет его с усмешкой «парнище», это наименование оскорбляет «мужичка с ноготок», так как оно подчеркивает, что он мал и годами и ростом. Поэтому он надменно отвечает обидчику: «Ступай себе мимо». А когда прохожий, желая во что бы то ни стало продолжить беседу, задает ему никчемный вопрос: «Откуда дровишки?» — он отвечает ему: «Из лесу, *вестимо*», и в этом «вестимо» слышится упрек вопрошающему: зачем же спрашивать о том, что и без разговоров понятно. Так уважает себя этот малолетний крестьянин, так великолепно умеет он постоять за себя и дать суровый отпор всякому, кто вздумает обидеть его.

Вековое рабство не растлило народа; чувство свободы и чести сохранилось даже в малолетних его представителях:

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

В следующем некрасовском стихотворении, «Похороны», написанном в том же Грешневе и тоже посвященном деревенской тематике, поэт уже не довольствуется изображением крестьян, хотя бы самым нежным и сочувственным, — он решается заговорить от их лица, воспроизвести в поэзии их подлинный голос:

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Правда, он воспроизводил этот голос и раньше, хотя бы, например, в «Огороднике», но то была нарядная стилизация на основе фольклора, здесь же полное овладение стилем будничных, обыденных, ничем не приукрашенных, отнюдь не фольклорных крестьянских речей. Ближайшие же годы показали, что здесь было великое завое-

вание Некрасова. С этого времени он начал писать о народе не только для интеллигентных читателей, но и для самого народа, начал обращаться к народу на его языке. Первым произведением такого подлинно народного стиля были «Коробейники», созданные им тогда же, в «грешневское лето» 1861 года. Это — одно из совершеннейших творений Некрасова, где новаторская самобытность и смелость поэта сказались наиболее явственно. Самый ритм «Коробейников», хотя и внушенный народными песнями, но вполне оригинальный, «некрасовский», является находкой поэта, ибо не имеет никаких precedентов во всей предшествующей русской словесности. Этот бойкий и задорный хорей в сочетании с протяжными дактилями (в рифмах нечетных стихов) впервые прозвучал в «Коробейниках». Не только идея поэмы, но самое ее звучание оказалось так близко народу, что некоторые ее строфы тогда же вошли в живой народный обиход и стали народной песней, которая в бесчисленных песенниках получила наименование «Коробочка».

Дактилические рифмы, придающие звучанию поэмы такой глубоко национальный характер, вообще изобилуют в русских народных песнях. Эти рифмы труднее других, так как они требуют созвучия всех трех слогов, завершающих нечетные строки. В изобретении этих рифм Некрасов обнаружил искусство, до сих пор никем не превзойденное. Он распоряжается этими рифмами так непринужденно, легко и свободно, они так естественно входят в самую фактуру стиха, нигде не нарушая его идеально простого и четкого синтаксиса, что эта изощренная работа над словом остается для читателя почти незаметной: нигде не чувствуется ни малейшей натуги. Вообще «Коробейники» являются лучшим опровержением клеветнической выдумки реакционных эстетов, будто рифмы у Некрасова «бесцветны и бедны». Здесь, в «Коробейниках», рифмы кажутся даже слишком затейливыми («дóма я» — «знакомое»; «скоро бы» — «коробы»; «понамотано» — «бьет оно»), и, если бы поэт не подчинял их могучей динамике ритма, они выделялись бы из текста своей чрезмерной изысканностью.

«Мастерство такое, что не видать мастерства», — эти слова Льва Толстого, сказанные по другому поводу, вполне применимы к поэме Некрасова. Мастерства не видно оттого, что оно заслоняется от сознания читателей и увлекательным, эмоциональным сюжетом, и яркой образностью крестьянских речей, и реалистической, жизненной правдой развернутых в поэме ситуаций, и, главное, глубокой народностью заключающихся в ней мыслей и чувств. В то время нередко считались народными такие повести, рассказы и стихи, в которых более или менее верно передавалась крестьянская речь да фотогра-

фически точно описывались различные детали крестьянского быта. Некрасов в своей поэме не ограничивается этими внешними деталями: народность его «Коробейников» раньше всего заключается в том, что здесь с изумительной поэтической силой воспроизведено самое мирозерцание народа, подлинно народное восприятие вещей и явлений, словно эту поэму написали сами крестьяне. Все изображенные в ней эпизоды, предметы и лица представлены здесь в таком виде, в каком они должны представляться Ваньке, Катерине и Тихоньчу. Конечно, в характере этих людей есть немало отрицательных черт, объясняемых их темнотой, но в основном они человечны, талантливы, полны бодрого, житейского юмора, помогающего им нести свои тяготы, и отличаются несокрушимым душевным здоровьем.

Этим душевным здоровьем так и пышет героиня поэмы Катерина, деревенская «девка». Она первая в ряду тех «славянок», которых Некрасов возвеличил в позднейших стихах: младшая сестра величавой красавицы Дарьи, воспетой в поэме «Мороз, Красный нос», и Матрены Корчагиной, страдальческая биография которой дана в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Нравственная сила Катерины заключается в том, что она видит все свое право на жизнь в труде. Труд — норма ее бытия. Трудом определяется вся ее личность. Даже в пору своей первой влюбленности, когда она, как пожаром, охвачена страстью к «сердечному дружку», коробейнику Ваньке, она ни на миг не изменяет своему трудовому призванию: истерзанная ревностью, измученная страхом, что Ванька покинул ее, она все же не расстается ни с косой, ни с серпом:

Как ни часто приходилоя
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.

И любовь этой труженицы раньше всего выражается в великодушной готовности облегчить своему будущему мужу его нелегкую жизнь, быть его помощницей и другом:

Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой.

Ванька отвечает Катерине взаимностью, но чувство реализма заставляет поэта указать, что, по неписаному уставу тогдашней деревни, молодой коробейник в своих отношениях к этой беззащитной и самоотверженно-преданной девушке считает нужным иногда напустить на себя развязную грубоватость, заносчивость:

То-то, дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки,
А подарков не взяла!

Но все это говорится для форсу, для поддержания мнимого «мужского достоинства», на самом же деле:

Опорожнится корбушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-азнобушка,
В божью церковь поведу!

Не нужно забывать, что коробейники, изображенные здесь, еще не порвали своих связей с деревней. И Ванька и Тихоныч — типичные «пахари», уходящие из дому на временный промысел. Недаром в одном месте поэмы Некрасов называет их «мужичками». И мировоззрение у них типично крестьянское. Окрашивая этим крестьянским мировоззрением свою стихотворную повесть, Некрасов постоянно подчеркивает, сколько накопело в них злобы к угнетающему их жестокому строю. О причинах севастопольской кампании Тихоныч, например, отзываясь так:

Царь дурит — народу горяшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.

Как и все трудовое крестьянство, они от души ненавидят кровопийц-кулаков:

Ты попомни целовальника.
Что сказал — подлец седой!
«Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!»

Та же ярая ненависть чувствуется в повествовании Тихоныча о волоките и кривде, господствовавших в тогдашнем суде: из-за ошиб-

ки бездушных чиновников пекий Титушка, ни в чем не повинный, был брошен в тюрьму и томился в ней около двенадцати лет; когда же вышел наконец «на свободу», оказалось, что он дочиста обокраден, что у него нет ни семьи, ни жилья, и он запел свою страшную песню о доведенной до крайнего разорения России:

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Словарь этой песни скуден: вся она состоит из бесчисленных повторений одних и тех же интонаций и слов, одного и того же мотива, и потребовалась гениальность Некрасова, чтобы из такой скудости создать бессмертную песню, потрясающую своей лирической силой.

В той же грешневской тетради есть еще одно крестьянское стихотворение Некрасова, озаглавленное «По дороге зимой». Это не что иное, как начало поэмы «Мороз, Красный нос», которую, оказывается, Некрасов начал писать в то самое лето 1861 года, когда были написаны им «Коробейники» и «Крестьянские дети». Так как то был год так называемого «раскрепощения» крестьян, крестьянство, естественно, привлекало к себе внимание всей русской общественности; о крестьянстве печатались сотни рассказов, стихотворений, трактатов, брошюр и статей, но все это в огромном большинстве давно уже покрылось архивной пылью, а поэма Некрасова «Мороз, Красный нос» все так же жива и свежа, как в первый день своего появления в печати, словно с тех пор не прошло больше ста лет.

Эта величавая поэма — самое зрелое произведение Некрасова. В ней — классическая стройность, соразмерность деталей, классическая строгость композиции. Ее повествовательный стиль постоянно стремится к песенному. По глубокому проникновению в жизнь крестьян она едва ли не превосходит все, что было сказано в поэзии о русской деревне. И главное, всеми своими образами она говорит не то, что думают о народе другие, а то, что думает о себе сам народ. Вся она словно продиктована поэту народом. Каждое явление окружающей жизни представлено здесь именно таким, каким его чувствует и понимает народ. Здесь полное слияние художника

с народными массами. Особенно рельефно это слияние выразилось в том «внутреннем монологе», который произносит героиня поэмы, когда бежит поздней ночью сквозь лесную чащу по безлюдной тропе, чтобы спасти своего гибнущего мужа. Поэт буквально преобразился в нее и на нескольких страницах поэмы (начиная с XIX главы по XXIV) говорит от ее лица и живет ее жизнью, такой одухотворенной, поэтичной и трогательной:

Я ли о нем не старалась?

Я ли жалела чего?

Я ему молвить боялась,

Как я любила его!

. . . . .

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,

Из волокнистого льну,

Словно дорога его чужедальная,

Долгую нитку тяну.

Выразительность этих лирических строф чрезвычайно усиливается благодаря причудливому многообразию ритмики, которая чуть не на каждой странице меняется здесь по нескольку раз в зависимости от душевного состояния женщины. Эта живая изменчивость ритмики — непревзойденное явление даже в поэзии Некрасова. Четырехстопные, трехстопные, двустопные дактили легко и свободно переливаются здесь из одной вариации в другую — в строгом соответствии с движением лирической темы. . .

Закончив это стихотворение, Некрасов стал исподволь готовиться к новому литературному подвигу — к созданию всеобъемлющей, монументальной поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Он начал писать ее на сорок втором году жизни, в пору полного расцвета своего дарования.

Героем этой поэмы он избрал не какого-нибудь одного человека, а опять-таки весь русский народ, все многомиллионное «мужицкое царство», «кряжистую Корежину», «сермяжную Русь». Поэмы с таким широким охватом всех социальных слоев России еще не бывало в литературе.

С первого взгляда народная жизнь, изображенная в этой поэме, представляется очень печальной. Уже самые названия деревень — Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово, Неелово, Неурожайка тож — говорят о безрадостном существовании их жителей. И хотя одна из глав поэмы изображает деревенских счастливых и даже носит название «Счастливые», но на самом-то деле, как

выясняется из ее содержания, эти «счастливые» глубоко несчастны: замученные нуждою, больные, голодные люди. И сколько человеческих страданий в той части поэмы, где изображается жизнь крестьянки Матрены!

Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой, —

говорит эта крестьянка о себе. Вообще, когда читаешь первые главы поэмы, кажется, что на вопрос, поставленный в ее заголовке: «Кому на Руси жить хорошо?» — можно дать единственный ответ: каждому живется очень плохо, особенно же «освобожденным» крестьянам, о счастье которых Некрасов в той же поэме писал:

Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!

Некрасов начал поэму в 1863 году, вскоре после «освобождения» крестьян. Он очень хорошо понимал, что, в сущности, никакого освобождения не было, что крестьяне по-прежнему остались под ярмом у помещиков и что, кроме того,

...на место сетей крепостных
Люди придумали много иных.

Всеми своими образами поэма свидетельствовала, что в обнищавшей деревне назревает бурный протест, который рано или поздно приведет ее к революционному взрыву. Особенно рельефно выразилась эта тема в главе «Крестьянка» (1873), где поэт изображает Савелия, «богатыря святорусского», человека огромных душевных и физических сил, могучего представителя тех слоев трудового крестьянства, которые уже не желали мириться с помещичьим гнетом; мстя за обиды, нанесенные его односельчанам, он вместе с ними закапывает в землю ненавистного управителя Фогеля, и ни розги, ни сибирская каторга не могут смирить его гнев. В одном из первоначальных набросков к поэме Савелий вспоминает о том, как, находясь на поселении в Сибири, он расправлялся с жестоким начальством:

А двери-то камнями,
Корнями, всякой всячиной
Снаружи заложу,

Кругом избы валежнику
Понавалю дубового,
Зажгу со всех сторон,
Горите все, проклятые!
Не выскочишь, не выбежишь!
Кричи, не докричишь!

Создавая образ народного мстителя, Некрасов указывал читателю семидесятых годов, что в народе уже накапливаются силы для борьбы за раскрепощение трудящихся масс.

Савелий не единственный богатырь на Руси. Он знает, что таких богатырей миллионы — все «мужицкое царство», «вся сермяжная Русь»:

Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь? . .

. . Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина. . . леса дремучие
Прошли по ней — сломались. . .

. . И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится. . .
Ужли не богатырь?

Рядом с Савелием в поэме встают такие же величавые образы русских крестьян: Яким Нагого — вдохновенного защитника чести трудового народа, Ермила Гирина — деревенского праведника, проникнутого чувством социальной ответственности, и Матрены Корчагиной, сумевшей отстоять свое человеческое достоинство в условиях разнузданного произвола и рабства. Появление в народной массе таких нравственно сильных людей служило для поэта порукой будущей победы народа. Отсюда оптимизм поэмы:

Сила народная,
Сила могучая —
Совесь спокойная,
Правда живучая!

Сознание этой нравственной «силы народной», предвещавшей верную победу народа, и было источником того бодрого чувства, которое слышится даже в ритмах поэмы Некрасова.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо» писалась в течение несколь-

ких лет, но в начале семидесятых годов Некрасова отвлекла от нее другая великая тема — декабристы.

До той поры в русской подцензурной печати о декабристском восстании не появлялось ни единого слова, за исключением лживых и клеветнических официозных отчетов. Но в 1870 году цензурный запрет был немного ослаблен, и Некрасов воспользовался первой возможностью, чтобы напомнить молодым поколениям о зачинателях революционной борьбы.

В поэме «Дедушка» он изобразил старика декабриста, который в маленьком внуке видит своего боевого наследника и завещает ему свою ненависть к народным врагам. Декабристы были духовными отцами Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского и множества безымянных героев, ушедших в сибирскую каторгу. Некрасов видел прямую преемственность между старыми борцами и новыми. Он хотел, чтобы подвиги декабристов вдохновляли на такие же подвиги революционную молодежь его времени.

Образы жен декабристов — особенно Трубецкой и Волконской — так волновали Некрасова, что, слушая, например, чтение записок Волконской, он, пожилой человек, плакал навзрыд, как ребенок. В 1871—1872 годах он написал об этих героинях поэму «Русские женщины». Ни в одном своем произведении не отразил он с такой прямою и клокочущою ненавистью к самодержавному строю, к царю Николаю и его бессердечным приспешникам. Словно забыв, что в России существует цензура, он называл в этих стихах Николая «мстительным трусом», «мучителем», «палачом свободных и святых». В поэме было столько проклятий народным врагам, в ней чувствовалось столько благоговейной любви к декабристам, что в подлинном своем виде она могла появиться только после Октябрьской революции, а до той поры почти столетия печаталась с большими искажениями, с пропусками многих стихов. Но и в таком исковерканном виде она имела небывалый успех, и ее идейное влияние было огромно, особенно на передовую молодежь.

В первой части поэмы под видом сонного видения своей героини поэт изобразил восстание на Сенатской площади; то были первые стихи в подцензурной печати, трактующие эту запретную тему.

А поэма «Кому на Руси жить хорошо» так и оставалась незаконченной. В 1876 году, когда Некрасов снова вернулся к своей эпопее, у него уже не было сил, чтобы закончить ее. Он тяжело заболел. Врачи отправили его в Ялту, на берег моря. Но ему с каждым днем становилось все хуже. Некрасов знал, что болезнь смертельна, и потому трудился с неутомимым упорством. «Ведь каждый день может оказаться последним», — говорил он окружающим.

Новая часть поэмы была названа им «Пир на весь мир». Ему хотелось во что бы то ни стало закончить ее, потому что он видел в ней свое завещание, свое последнее напутственное слово молодым революционным борцам. Середина семидесятых годов, когда писалась поэма, характеризуется новым подъемом освободительного движения в России. «Главным, массовым деятелем» этого движения был, по словам В. И. Ленина, разночинец¹. В поэме этот «главный, массовый деятель» представлен семинаристом Григорием Добросклоновым, которому Некрасов придал многие черты Добролюбова. Будущее Добросклонова, по словам Некрасова, трагично:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Но хотя ему угрожает сибирская каторга и ранняя смерть, он единственный истинный счастливец в поэме. Здесь-то и заключается настоящий ответ на поставленный Некрасовым вопрос о возможности счастья в тогдашней России: истинно счастливыми Некрасов считал тех самоотверженных борцов за народное благо, которые, подобно Добросклонову, видят в служении народу единственную цель своей жизни:

Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!..

Оптимизм поэмы основан на твердой уверенности, что дело освобождения народа находится в верных руках. «Сила народная, сила могучая» — на эту могучую, «народную силу» и возлагал Некрасов все надежды. Подлинным призывом к беспощадной борьбе с насильниками звучит входящая в «Пир на весь мир» притча «О двух великих грешниках», где говорится, что казнь тирана есть правое, священное дело.

Счастье отдельной личности — только в революционном служении народу. Таковы последние строки последней поэмы Некрасова. Мысль, высказанная в «Пире на весь мир», была так дорога Некра-

---

¹ В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

сову, что он хотел возможно скорее обнародовать эти стихи. Но едва они появились в журнале, как цензура конфисковала журнал и заставила вырезать оттуда произведение Некрасова.

Для умирающего это было тяжелым ударом и увеличило его предсмертные страдания.

«Вот оно, наше ремесло литератора! — сказал он одному из докторов. — Когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с ножницами; прошло с тех пор тридцать семь лет, и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же ножницами». ¹

Кроме этой поэмы Некрасов буквально на смертном одре создал целый цикл лирических стихов, где слышится та же тревога и боль о народе.

Поэт перенес мучительную операцию, которая лишь на несколько месяцев отсрочила смерть. Спать Некрасов мог только под сильным наркозом, страдания его были ужасны, и все же нечеловеческим напряжением воли он находил в себе силы слагать свои «Последние песни».

Когда читатели узнали из этих песен, что Некрасов смертельно болен, его квартира была засыпана телеграммами и письмами, где выражалась скорбь о любимом поэте.

В «Последних песнях» поэт говорил:

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Прочтя эти грустные строки (напечатанные в «Отечественных записках» в январе 1877 года), студенты нескольких высших учебных заведений Петербурга и Харькова поднесли Некрасову приветственный адрес. В адресе они говорили:

«Тяжело было читать про твои страдания, неумоготу услышать твое сомнение «да и некому будет жалеть»... Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий; мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу и воспламенял ненавистью к его притеснителям. Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени

---

¹ Н. А. Белоголовой, Воспоминания и другие статьи, М., 1897, с. 451.

и вручим его исцеленному и прозревшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья». ¹

Особенно растрогал больного прощальный привет Чернышевского, присланный из далекой Сибири в августе 1877 года. «Скажи ему, — писал Чернышевский одному литератору, — что я горячо любил его как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что я целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума». ²

Умирающий выслушал этот привет и сказал еле слышным шепотом: «Скажите Николаю Гавриловичу, что я очень благодарю его... Я теперь утешен... Его слова мне дороже, чем чьи-либо слова...» ³

Умер Некрасов 27 декабря 1877 года (по новому стилю 8 января 1878 года). Его гроб, несмотря на сильный мороз, провожало множество народа. Перед гробом несли венки: «От русских женщин», «Некрасову — студенты», «Певцу народных страданий», «Бессмертному певцу народа» и др. По воспоминаниям Г. В. Плеханова, в процессии участвовали революционеры (землеволюцы и южнорусские «бунтари»), проживавшие в столице нелегально. Они несли венок «От социалистов». Вместе с ними вокруг этого венка сомкнулись и члены рабочих революционных кружков, которых к тому времени уже было немало на петербургских заводах и фабриках. «Бунтари» и землеволюцы захватили с собой револьверы, твердо вознамерившись пустить их в дело, если полиция вздумает отнять венок силой.

Над гробом поэта говорили речи Ф. М. Достоевский, В. А. Панаев и — от лица землеволюцев — молодой Г. В. Плеханов, который, не стесняясь присутствием тайной и явной полиции, подчеркнул революционное значение поэзии Некрасова.

---

¹ В. Евгеньев-Максимов, Студенческая депутация у больного Некрасова (По неизданным воспоминаниям ее участника). — «Книга и революция», 1921, № 2 (14), с. 55.

² Письмо к А. Н. Пыпину, 14 августа 1877 г. — Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 15, М., 1950, с. 88.

³ Там же, с. 920 (письмо А. Н. Пыпина к Н. Г. Чернышевскому, 5 ноября 1877 г.).

В своих воспоминаниях о Некрасове один из его современников, хорошо знавший его в течение десятков лет, отзывался о нем так:

«Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой... человек с настоящей... русской натурой — бесхитростный, веселый и грустный, способный увлекаться и весельем и горем до чрезмерности... человек, не заботящийся о завтрашнем дне, когда сегодня надо помочь другому».¹

Чудесные душевные свойства Некрасова отразились в его поэзии. Ее основной источник — сочувствие угнетаемым людям:

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
Там нужен ты.

Эту свою заповедь Некрасов не нарушал никогда. Он называл свою музу «печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страданий и оков». Он так и говорил о революции: «великое дело любви».

Но как бы ни были искренни и благородны убеждения Некрасова, он не мог бы воздействовать ими на многие и многие поколения русских людей, если бы был слабым, неискусным писателем, неумело владеющим поэтической формой.

В чем же заключалась великая художественная сила Некрасова?

Прежде всего в реализме, но не в том равнодушно-протокольном, фотографическом воспроизведении действительности, которое прикрывается иногда этим названием. Реализм Некрасова был лирически страстен, исполнен то яростной злобы, то порывистой нежности. В стихотворении «Элегия» поэт говорит о себе:

Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю.

Здесь дана точная формула его реалистического отношения к миру. Изобразить или отразить современность — этого ему было мало, он жаждал преобразить, переделать ее. Его реализм был действенным. Это был реализм борца.

Обладая изумительной зоркостью к малейшим деталям окружающей жизни, он в то же время широко обобщал все свои сюжеты

¹ И. А. Панаев, Воспоминания. — «Литературное наследство», № 49—50, кн. 1, М., 1949, с. 537—538.

и образы. И его Савелий, «богатырь святорусский», и Матрена Корчагина, и Яким Нагой, и Последыш, и помещик Оболт-Оболдуев (в поэме «Кому на Руси жить хорошо»), и Агарин, и Саша (в поэме «Саша»), и Прокл, и Дарья (в поэме «Мороз, Красный нос»), и Крот (в поэме «Несчастные»), и «рыцарь на час», и «филантроп» — все это не только индивидуумы, наделенные такими-то и такими-то личными качествами, но и обобщенные типы, представители той или иной категории людей. В лице Савелия и Матрены Корчагиной Некрасов дал монументальные образы, типичные для представителей дореформенного, крепостного крестьянства. В каждом из этих образов Некрасов запечатлел самую сущность данного социально-исторического явления: образы Савелия и Якима Нагого характеризуют собой пробуждение революционного протеста в забитой и темной крестьянской среде, образ Агарина — идейное банкротство дворянского либерализма сороковых годов, и т. д. Критический реализм Некрасова всегда был связан с социальной оценкой людей и событий. Вспомним хотя бы «Забывтую деревню», «Размышления у парадного подъезда», «Псовую охоту», «Железную дорогу».

Огромно разнообразие поэтических форм и жанров, которые были доступны Некрасову.

Одной из его наиболее излюбленных форм была форма песни. Ею Некрасов владел в совершенстве. Недаром он так часто называл свои стихотворения песнями: «Песня Еремушке», «Колыбельная песня», «Песня убогого странника». В них именно такая конструкция, такой ритмо-синтаксический строй, какие свойственны песням. Уже то, что многие стихотворения Некрасова — такие, как например знаменитая «Тройка», «Ой, полна, полна коробушка» (из поэмы «Коробейники»), «Огородник», «Зеленый шум», «Катерина», «Было двенадцать разбойников...», — до сих пор поются как народные песни, свидетельствует о его мастерстве в области песенной лирики. Этим ценным даром песнетворчества обладали почти все крупнейшие поэты демократии: Шевченко, Кольцов, Никитин — в России, Беранже — во Франции, Роберт Бернс — в Шотландии. Влияние их поэзии на широкие массы в значительной мере обусловлено тем, что они были поэты-песенники. В литературе нет более могучего средства боевой пропаганды, чем песня. Недаром наши современные советские поэты Твардовский, Исаковский, Сурков и другие, в творчестве которых традиции Некрасова нашли свое дальнейшее развитие, так мастерски владеют формой песни.

Песня не единственный жанр поэзии Некрасова. Поэт был мастером стихотворных новелл, то есть фабульных, сюжетных повестей и рассказов, таких, как «Филантроп», «Секрет», «Саша», «Рус-

ские женщины», «Коробейники». Ни один из его современников не мог бы сравниться с ним в этом повествовательном жанре.

Таким же мастером был он в области глубоко интимной, хватающей за душу лирики. Вспомним хотя бы его гениальное стихотворение «Рыцарь на час», над которым рыдал Чернышевский.

И еще один жанр был доступен Некрасову: обличительная, грозная сатира, в которой ирония так часто сменяется то слезами обиды и боли, то взрывами неистовой ярости («Железная дорога», «Убогая и нарядная», «Размышления у парадного подъезда» и др.).

Так же мастерски владел он еще одним поэтическим даром: торжественной, патетической, ораторской речью. Этот жанр чрезвычайно далек от фольклора и, можно даже сказать, противоположен ему. Но диапазон некрасовской поэзии был так широк, что и в этой, казалось бы, чуждой Некрасову форме поэт создал такие шедевры декламационной, патетической речи, как «Родина», «Элегия», «Муза», «Страшный год», «Смолкли честные, доблестно павшие...» и многие другие. В этом жанре он прямой продолжатель Лермонтова, который вообще оказал сильное влияние на содержание и стиль его творчества.

Некрасов никогда не заботился о той внешней красивости, которая требовалась так называемой «чистой эстетикой». Многие формы его демократической речи нередко возмущали реакционных рецензентов и критиков, которые в журнально-газетных статьях часто называли его поэзию «вульгарной», «корявой». Они были намеренно слепы к его мастерству, к его смелой новаторской технике, к его изумительной песенной силе.

Но Некрасов умел презирать их суждения.

...мой судья — читатель-гражданин.

Лишь в суд его храню слепую веру, —

сказал он в поэме «Уныние», разумея под читателем-гражданином революционно настроенную, демократическую молодежь того времени.

Добролюбов писал в 1860 году от лица революционной демократии: «Нам нужен был бы теперь поэт, который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».¹ Из дальнейших его статей можно было понять, что этот поэт уже есть и что этот поэт — Некрасов.

---

¹ Стихотворения Ивана Никитина. — Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 6, М.—Л., 1963, с. 168.

В одном из своих писем Добролюбов говорил о Некрасове: «Любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила». ¹

Поэзию Некрасова высоко ценил В. И. Ленин. Н. К. Крупская сообщает, что, будучи в сибирской ссылке, Владимир Ильич «перечитывал по вечерам вновь и вновь» ² стихотворения Некрасова. Часто в статьях и речах Ленин подкреплял свои мысли некрасовскими стихами. Всякому, кто прочтет такие статьи Ленина, как «Памяти графа Гейдена» и «Еще один поход на демократию», станет ясно, что в глазах великого революционного вождя Некрасов был одним из народных заступников, разоблачителем «хищных интересов», «лицемерия и бездушия» командующих классов России. В тридцать пятую годовщину со дня смерти Некрасова газета «Правда» говорила о нем: «Если кто трудится и борется в надежде на лучшее будущее, какой бы черный и неблагодарный труд ни утомлял его к концу рабочего дня, нужен его душе и отдых, и светлый праздник мысли, и поддержка дружеского сочувствия... Пусть позовет он к себе Некрасова, пусть перечтет его страницы, полные горячей любви к человеку, — с этих страниц вольются в утомленную душу такое тепло и такая жажда иной, лучшей жизни, что захочется снова работать, снова бороться, снова отдавать свои силы черному дню настоящего во имя света завтрашнего дня...» ³

7

Некрасов владел русской речью с непревзойденным искусством. Его словарь богат, разнообразен и гибок. В основе его речи лежит тот же общенациональный словарный фонд, какой лежит в основе всей русской литературы — от Пушкина до нашей эпохи.

Опираясь на общенациональный язык, он с большим искусством воспроизводил стилистические особенности и оттенки речи, свойственные отдельным общественным группам, существовавшим в тог-дашней России. Он давал в своих стихах социальные портреты людей средствами речевой характеристики. Прочтя, например, такое двустишие:

---

¹ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 6, с. 440.

² Н. К. Крупская, Что нравилось Ильичу из художественной литературы. — «Н. К. Крупская об искусстве и литературе», Л.—М., 1963, с. 35.

³ «Правда», 1912, 25 декабря.

Мы-ста тебя взбутетеним дубьем,
Вместе с горластым твоим холуем! —

вы сразу услышите здесь голос крестьянина. И «взбутетеним», и «дубьем», и «мы-ста», и «холуй», и «горластый» — все эти слова в совокупности рисуют портрет говорящего; вы буквально видите этого разъяренного деревенского парня, которому его социальная среда подсказала те, а не другие слова для выражения пламенной ненависти.

Так же выразительна речь дворового, прошедшего в барской усадьбе долгую школу холопства:

Отцы! руководители! . .
Хранители! радетели!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,
Молиться за господ!

С таким же совершенством Некрасов воспроизводит канцелярскую, чиновничью речь:

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете. . .
Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.

Такие слова, как «обстоятельства», «частью», «привели к заключению», заимствованные из казенных бумаг, стилистически окрашивают у Некрасова чиновничью речь, которую поэт начал воспроизводить еще в ранних стихах, относящихся к 1840—1845 годам.

Характерна в поэзии Некрасова и речь всевозможных церковников — от попа до мелкого дьячка:

«. . счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях».
— «А в чем же?»
— «В благодушестве!
Пределы есть владениям

Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов! . . .»

Это типическая речь церковного служки, которая характеризуется не только такими словами, как «пажити», «вертоград», «благодушество», «земные цари» и т. д., но и своей интонацией, своим грамматическим строем.

Совсем другая окраска придана Некрасовым речи биржевиков, спекулянтов, банковских и железнодорожных дельцов.

Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом понизился труд! . . —

говорит один из персонажей сатиры «Современники».

В каждом из этих случаев Некрасов производил строгий отбор слов и словесных конструкций для характеристики того или иного лица, являющегося типичным представителем определенного социального слоя. Особенно пристально изучал он в течение всей своей жизни народную речь. Он знакомился с нею не только «по наслуху», во время своих скитаний по русским деревням и селениям; он пристально читал всевозможные книги, где были собраны произведения устного народного творчества: песни, причитания, загадки, поговорки, пословицы и т. д. Следы этого изучения встречаются в его поэзии нередко. Например, та часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которая носит заглавие «Крестьянка», в значительной мере основана на песнях олонекской крестьянки Ирины Федосовой, собранных в 1872 году известным ученым Е. В. Барсовым («Причитания Северного края»). Так же пристально изучались Некрасовым фольклорные сборники Даля и Рыбникова. Встречая в фольклорном тексте какое-нибудь областное слово, не входящее в общенациональную речь, Некрасов почти всегда отвергал его и заменял таким, которое было доступно для всех.

8

В центре своей поэзии Некрасов поставил крестьянина. Больше всего стихов написано им о деревне. Поэт-реалист был далек от огульного восхваления крестьян: он видел их темноту, их забитость, порожденную тысячелетней неволей, и не скрывал от себя, что в их среде есть «великие грешники» — Глебы, Калистраты, Власы. Но

именно потому, что Некрасов был органически связан с народными массами, он знал, как неисчерпаемы силы народа. Оттого-то таким оптимизмом проникнуты его вещи строки о том «широком пути», к которому «рано или поздно» пробьется талантливый русский народ:

...ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены,
Пред ним широкий путь.

О тех людях, что чуждаются народа и не видят его нравственных сил, он говорил как об отщепенцах и вырождаках:

Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земли —
Не видят неба век! . .

В городе Некрасов увидел таких же бесчисленных тружеников, эксплуатируемых теми же верхами помещичье-буржуазного общества. Капиталистический город всегда изображался Некрасовым с точки зрения этих «униженных и оскорбленных» людей.

Душа болит. Не в залах балных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.

Но не только «грустную мечту» открыл Некрасов в городской бедноте, — он зорко подметил в ней «тайную злобу» и все растущий протест:

Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною. . .

«Тайная злоба» городской бедноты впервые стала явной в поэзии Некрасова. «Злоба во мне и сильна, и дика», — писал он еще в 1845 году и громко выражал эту революционную «злобу», эту «святую ненависть» в течение всей своей творческой жизни.

В его «злобе» не было отчаяния. Он любил напоминать, что

Петербург порождает не только эксплуататоров городской бедноты, но и бесстрашных борцов за народное счастье, отдающих все силы на разрушение того общественного порядка, при котором такая эксплуатация возможна. Обращаясь к Петербургу, он писал:

...В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.

Этими строками он, несмотря на цензурные препятствия, стремился напомнить читателям, что в том же царском Петербурге возникли и Радищев, и декабристы, и петрашевцы, и Чернышевский, и несметное множество идущих за ними борцов.

Ни обнищание трудящихся масс, ни их беспросветное рабство не поколебали веры Некрасова в то, что они завоюют себе счастливое будущее, и всякий раз, когда он заговаривает об этом будущем счастье народа, его сумрачный стих становится неузнаваемо светел:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая,
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всеильная,
Матушка Русь! . .

Корней Чуковский

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

1. Г О В О Р У Н

Записки петербургского жителя А. Ф. Белопяткина

Г л а в а 1

Две строчки точек. — Раздумье. — Эфир и канцелярия. — Несколько автобиографических сведений. — Нечто о супруге моей, Агафье Леонардовне. — Вступление. — О Санкт-Петербурге. — Приятности столичной жизни. — Шарманщик и шарманка. — Литература. — Иллюстрированные издания. — Большой театр. — Девица «Жизель». — Люция Гран. — «Руслан и Людмила». — Египетская магия. — Московские цыгане. — Груша, Матрена и я. — О том, какая история случилась с Гостинным двором. — Заключение.

1

Да, новый год! . . . . .
. . . . .
. . . Я предан сокрушению,
Не пьется мне, друзья:
Мир ближе к разрушению,
К могиле ближе я.
Льдом жизненного холода
Не сковано еще, —
В вас сердце, други, молодо,
10 Свежо и горячо.
Еще вам свет корыстию
Рассудка не растлил.

И жизни черной кистью
Злой рок не зачернил.
За счастьем безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль,
И гостьей неприязненной
Не ходит к вам печаль.
Увы! . . она пробудится:
20 Час близок роковой!
И с вами то же сбудется,
Что случилось со мной:
В дни возраста цветущего
Я так же был готов
Взять грудь у грядущего
И славу и любовь,
Кипел чудесной силою
И рвался всё к тому,
Чего душой остылою
30 Теперь и не пойму.
В житейских тревоблениях
Терпел и стыд и зло
И видел в сновидениях
В венке свое чело.
Любил — и имя чудное
В отчаяньи твердил, —
То было время трудное:
Насилу пережил!

2

Когда восторг лирический
40 В себе я пробужу,
Я вам биографический
Портрет свой напишу.
Тогда вы всё узнаете, —
Как глуп я прежде был,
Мечтал, как вы мечтаете,
Душой в эфире жил,
Бежать хотел в Швейцарию, —
И как родитель мой
С эфира в канцелярию
50 Столкнул меня клюкой.

Как горд преуморительно
Я в новом был кругу
И как потом почтительно
Стал гнуть себя в дугу.
Как прежде, чем освоился
Со службой, всё краснел,
А после успокоился,
Окреп и потолстел.
Как гнаться стал за деньгами,
60 Изрядно нажился,
Детьми, и деревеньками,
И домом завелся. . .

8

Но счастье скоротечное
Изменчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вечно мне везло!
Терплю беду великую
С семейной стороны:
Я взял тигрицу дикую
70 Во образе жены. . .
Но что вперед печалиться?
Покуда погожу. . .
Наверно, всякий сжалится,
Как всё перескажу.
Большой портрет к изданию
Списать с себя велю
И в Великобританию
Гравировать пошлю.
Как скоро он воротится,
80 Явлюсь на суд людской,
Без галстуха, как водится,
С небритой бородой.

4

Чтоб дни мои смиренные
В несчастье коротать,
Записки современные
Решился я писать.

Дворянство и купечество
И всех других чинов
И званий человечество
90 Я видел без очков.
Как мир земной вращается,
Где тихо, где содом, —
Всё мною замечается,
Сужу я обо всем.
Болтать мне утешительно,
И публику прошу
Всё слушать снисходительно,
Что я ей расскажу.

5

Столица наша чудная
100 Богата через край,
Житье в ней нищим трудное,
Миллионерам — рай.
Здесь всюду наслаждения
Для сердца и очей.
Здесь всё без исключения
Возможно для людей:
При деньгах вдвое вырасти,
Чертовски разжиреть,
От голода и сырости
110 Без денег умереть
(Где розы, там и тернии —
Таков закон судьбы!
Бедняк, живи в губернии:
Там дешевы грибы).
С большими здесь и с малыми
В одном доме живешь
И рядом с генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться —
120 Берешь газетный лист,
Задумаешь прославиться —
На то есть журналист:
Хвалы он всем славнейшие
Печатно раздает,

И как — душа добрейшая —
Недорого берет!
Чего б здесь не увидели,
Чего бы не нашли?
Портные, сочинители,
130 Купцы со всей земли,
Наилучшие сапожники,
Актеры, повара,
С шарманками художники
Такие, что — ура! . .
Я в них влюблен решительно
И здесь их воспою. . .

6

Поют преуморительно
Они галиматью.
Прикрыв одеждой шкурочку
140 Для смеха и красы,
С мартышками мазурочку
Выплясывают псы,
И сам в минуту пьяную,
По страсти иль нужде,
Шарманщик с обезьяною
Танцует *падеде*.
Всё скачет, всё волнуется,
Как будто маскарад.
А русский люд любит: —
150 «Как немцы-то хитрят!»
Да, сильны их познания,
Их ловкость мудрена. . .
Действительно, Германия —
Ученая страна!

(Захочешь продолжения
Описанных чудес —
Ступай на представление
Прославленных пнес.)

Придет охота страстная
 160 За чтение засесть —
 На то у нас прекрасная
 Литература есть.
 Цепями с модой скованный,
 Изменчив человек:
 Настал *иллюстрированный*
 В литературе век.
 С тех пор, как шутка с «Нашими»
 Пошла и удалась,
 Тьма книг с политипажами
 170 В столице развелась.
 Увидишь тут Суворова
 (Известный был герой),
 Историю которого
 Состряпал Полевой.
 Одетого как барина,
 Во всей его красе,
 Увидишь тут Булгарина,
 В бекеше, в картузе.
 Различных тут по званию
 180 Увидишь ты гуляк
 И целую компанию
 Салопниц и бродяг.
 Рисунки чудно слажены,
 В них каждый штрих хорош,
 Иные и раскрашены:
 Ну, нехотя возьмешь!
 Издания тоже славные, —
 Бумага так бела, —
 Но часто презабавные
 190 Выходят тут дела.
 Чем книга нашпигована,
 Постигнуть нет ума:
 В ней всё иллюминировано,
 А в тексте — мрак и тьма!
 В рисунках отличаются
 Клот, Тимм и Нетельгорст,
 Все ими восхищаются. . .
 Художественный пёрст!

Когда беда случилася
 200 И хочешь, чтоб в груди
 Веселье пробудилось, —
 В Большой театр иди.
 Так ножки разлетаются,
 Так зала там блестит,
 Так платья развеваются —
 Величественный вид! . .
 Ох! . . много с трубкой зрительной
 Тут можно увидеть!
 Ее бы «подозрительной»
 210 Приличней называть.
 Недавно там поставили
 Чудесную «Жизель»
 И в ней плясать заставили
 Приезжую мамзель.
 Прекрасно! восхитительно!
 Виват,¹ девица Гран!
 В партере все решительно
 Кричали: «*Се шарман!*²»
 Во мне зажглася заново
 220 Поэзией душа. . .
 А впрочем, Андреянова
 Тут тоже хороша!

9

В душе моей остылую,
 Лишенную всех сил,
 «Русланом и Людмилою»
 Жизнь Глинка разбудил.
 Поэма музыкальная
 Исполнена красот,
 Но самое печальное
 230 Либретто: уши рвет!
 Отменно мне понравилась
 Полкана голова:

¹ Браво (лат.). — *Ред.*

² Прелестно (франц.). — *Ред.*

Едва в театр уставилась
И горлом здорова!
Искусно всем украшена —
От глаз и до усов.
Как слышал я, посажено
В ней несколько певцов
(Должно быть, для политики,
240 Чтоб петь ее слова) —
Не скажут тут и критики:
«Пустая голова! . . .»

10

Извел бы десь бумаги я,
Чтоб только описать,
Какую Боско магну
Умеет представлять.
Ломал он вещи целые
На мелкие куски,
Вставлял середки белые
250 В пунцовые платки,
Бог весть куда забрасывал
И кольца и перстни
И так смешно рассказывал,
Где явятся они.
Ну, словом: Боско рублики,
Как фокусник и враль,
Выманивал у публики
Так *ловко*, что не жаль!

11

Взамен его приехали
260 Цыганы из Москвы —
Скажите, не потеха ли? . . .
Не знаю, как-то вы,
А я, когда их слушаю,
Дыханье затая,
Чуть сам невольно с *Грушею*
Не гаркну «Соловья».

Раз собственной персоною,
Забыв лета и класс,
Я с пляшущей *Матреною*
270 Пустился было в пляс!

12

Проехав мимо нашего
Гостиного двора,
Я чуть, задетый заживо,
Не закричал: «ура!».
Бывало, день колотишься
На службе так и сяк,
А чуть домой воротишься,
Поешь — и день иссяк:
Нет входа в лавки русские!
280 Берешь жену и дочь
И едешь во французские,
Где грабят день и ночь.
Теперь — о восхищение
Для сердца и для глаз! —
В Гостином освещении:
Проводят в лавки газ!
Ликуй, всё человечество!
Решилось, в пользу дам,
Российское купечество
290 Сидеть по вечерам —
И газ распространяется
Скорехонько с тех пор:
Ну, точно, *просвещается*
У нас Гостиный двор!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся! . . . Кончается
Здесь первая глава. . .

Глава 2

Нет счастья под луной. — Романс. — Без трех в червах. — Страшный обет. — Путешествие в департамент. — Светлое воскресенье. — Патриархальная жизнь. — Великий пост. — Петербургские новости. — Рубини. — Его концерты. — Оперы: «Отелло», «Лючия» и пр. — Лист. — Конское ристалище Сулье. — Арабы. — Скачущие мамзели. — Некоторые любопытные и достоверные известия о ките. — О погоде. — О печальном расположении духа, в котором находится г-н Белопяткин, и о причинах того. — Звездочка. — Банк. — Путешествие по Невскому проспекту в двенадцатом часу ночи. — Предсмертный приют. — Бильярд. — Заключение. — Читатели. — Критики. — Барон Брамбеус, комета и г-н Белопяткин.

1

· · · · ·
200 · · · · ·
Недаром люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую их ропоту
Растерзанной душой,
Я сам узнал по опыту —
Нет счастья под луной!
Какой предосторожности
В поступках ни держись,
Формально нет возможности
310 От жребия спастись.
Будь барин по сословию,
Приказчик, землемер,
Заставит плакать кровию, —
Я сам тому пример!

2

На днях у эскуатора,
Чтоб скуку разогнать,
Рублишка по полутора
Засели мы играть.
Довольно флегматически
320 Тянулся преферанс;

Вдруг в зале поэтический
Послышался романс;
Согрет одушевлением,
Был голос так хорош,
Я слушал с восхищением,
Забыл весь мир. . . и что ж? . .
Ошибкою малейшею
Застигнутый врасплох,
В червях игру сквернейшую
330 Сыграл и — был без трех!
Хотя в душе нотацию
Себе я прочитал,
Но тут же консоляцию
Сосед с меня взыскал.
Другие два приятеля
Огромные кресты
На бедного мечтателя
Черкнули за висты.
В тот вечер уж малинника
340 В глаза я не видал.
Сто тридцать два полтинника
С походом проиграл! . .
Ох, пылкие движения
Чувствительной души!
От вас мне нет спасения,
В убыток — барыши!
Пропетый восхитительно,
Сгубил меня романс,
Вперед играть решительно
350 Не буду в преферанс!
Пусть с ним кто хочет водится,
Я — правилами строг:
В нем взятки брать приходится —
Избави меня бог!
Занятым этим втянешься,
Пожалуй, в грех такой,
Что, черт возьми! останешься
По службе без одной!

То ль дело, как ранехонько
 360 Пробудишься, зевнешь —
 На цыпочках, тихохонько
 Из спальни улизнешь
 (Пока еще пронзительно
 Жена себе храпит),
 Побреешься рачительно,
 Приличный примешь вид.
 Смирив свою амбицию,
 За леностью слуги
 Почистишь амуницию
 370 И даже сапоги.
 Жилетку и так далее
 Наденешь, застегнешь,
 Прицепишь все регалии,
 стакан чайку хлебнешь.
 Дела, какие б ни были,
 Захватишь и, как мышь,
 Согнувшись в три погибели,
 На службу побежишь. . .
 Начальнику почтение,
 380 Товарищам поклон,
 И вмиг за отношение —
 Ничем не развлечен!
 Молчания степенного
 День целый не прервешь,
 Лишь кстати подчиненного
 Прилично распечешь
 Да разве снисходительно
 Подшутит генерал, —
 Тогда мы все решительно
 390 Хохочем наповал!
 (Уж так издавна водится,
 Да так и должно быть:
 Нам, право, не приходится
 Пред старшими мудрить!)
 Его превосходительство —
 Добрейший генерал,
 Он много покровительства
 Мне в службе оказал. . .

Я с час пред умывальником
 400 Мучительный провел,
 Когда с своим начальником
 Христосоваться шел,
 Умылся так рачительно,
 Чуть кожу не содрал,
 Зато как снисходительно
 Меня он лобызал!
 Дал слово мной заботиться,
 Жал руку горячо,
 А я его, как водится,
 410 И в брюхо и в плечо!
 Вот жизнь патриархальная,
 Вот служба без химер.
 О юность либеральная!
 Бери с меня пример!..

Я в пост, как бы на станции
 Задержанный, скучал,
 Да, к счастью, из Франции
 Рубини прискакал.
 От чувства безотчетного
 420 Вдруг всякий присмирел,
 Как в зале Благородного
 Собранья он запел.
 На голову курчавую,
 Во всех концах земли
 Увенчанную славою,
 Все взоры навели
 И звуки изумрудные
 Впивали жадно в грудь.
 То были звуки чудные:
 430 Он пел не как-нибудь!
 Высокое искусство
 И выразить нет слов!
 Я слышал в жизни множество
 Отличнейших певцов,
 Съезжаются на старости
 Сюда со всех сторон,

Ревут, как волки в ярости,
А всё не то, что он!
Начнет в четыре голоса,
440 Зальется как река,
А кончит тоньше волоса,
Нежнее ветерка.
По свету благодарному
Об нем недаром гул:
Мне даже, титулярному,
Он сердце шевельнул!

6

Идешь ли в канцелярию,
Уходишь ли от дел,
Поешь невольню арию,
450 Которую он пел.
Выходит бестолковица,
А думаешь, что так.
Другой приостановится
И скажет: «Вот дурак!»
Отелло, мавра дикого,
Так чудно он сыграл,
Что им одним великого
Название стяжал!
Когда игралась «Лючия»,
460 Я пролил реки слез:
На верх благополучия
Певец меня вознес!

7

(Как всё по службе сделаю —
Нарочно поспешу —
О Листе книгу целую
Тогда вам напишу.)

8

Как все, страстей игралище,
Покинув кучу дел,
На конское ристалище
470 Намедни я смотрел.

Шталмейстера турецкого
Заслуга велика:
Верхом он молодецкого
Танцует трепака.
Арабы взоры радуют
Отважностью своей,
Изрядно также падают
Мамзели с лошадей.
Ристалище престранное,
480 По новости своей,
А впрочем, балаганные
Их штуки веселей.
Начальник представления
Сулье, красив и прям,
Приводит в восхищение
В особенности дам.
Доныне свет штукмейстера
Такого не видал:
Достоинство шталмейстера
490 Недаром он стяжал.

9

Прилежно я окидывал
Заморского кита.
Немало в жизни видывал
Я разного скота,
Но страшного, по совести,
Такого не видал,
Однажды только в повести
Брамбеуса читал.
Такой зверок — сокровище!
500 Аршинов сто длина,
Усищи у чудовища
Как будто два бревна,
Хвост длинный удивительно,
Башка — что целый дом,
Возможно всё решительно
В нем делать и на нем:
Плясать без затруднения
На брюхе контраданс,

А в брюхе без стеснения
510 Сражаться в преферанс!
Столь грузное животное
К нам трудно было ввезть,
Зато весьма доходное,
Да и не просит есть.
Дерут за рассмотрение
Полтинник, четвертак,
А взглянешь — наслаждение
Почувствуешь в пятак!

10

Вот май. . . Все разъезжаются
520 По дачам, отдохнуть. . .
Больные собираются
К водам, в далекий путь.
Лишь я один, тревогою
Измученный, грущу.
Душевных ран не трогаю
И сердца не лечу.
Изведал уж немало я
Житейской суеты. . .
Ах, молодость уда́лая!
530 Куда исчезла ты?
Бывало, лето красное
Мне счастье несло:
На сердце радость ясная,
Безоблачно чело!
Светила мне незримая
Звезда издалека,
Грудь, страстью шевелимая,
Вздымалась, как река.
Тогда за что ни схватишься —
540 Всё с жаром; хоть порой
И дорого поплатишься,
Зато живешь душой!
Бывало, заиграешься —
Огромный ставишь куш,
Дадут — не отгибаешься,
Как будто триста душ!
Не мысля о погибели,

Рад сам себя на *пе*,
Согнувши в три погибели,
550 Пустить, назло судьбе.
Дотла пропонируешься,
Повеся нос уйдешь,
На всех день целый дуешься,
А там — опять за то ж.
Бывало, за хорошенькой
Верст десять пробежишь,
Пристукиваешь ноженкой
Да в уши ей жужжишь:
«Куда идти изволите,
560 Куда вы, ангел мой?
Что пальцы вы мозолите,
Поедемте со мной? . . .»
Теперь . . . увы! — безжизненно
На целый мир глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзию,
И карты, и дебош,
Поутру ешь магнезию,
570 Микстуру на ночь пьешь,
Нейдут на разум грации. . .

11

Кончаю, скромн, тих,
У Лерхе в ресторации
Остаток дней моих,
Из службы в биллиардную
Прямехонько иду,
Игру там не азартную,
Но скромную веду.
Там члены всё отличные,
580 Хохочут и острят,
Истории различные
Друг другу говорят.
Никто там не заносится,
Играем чередой,
И гений Тюри носится
Над каждой головой. . .

Здесь будет заключение
 Второй моей главы.
 Итак, мое почтение,
 590 Читатель добрый. Вы
 Ценитель снисходительный,
 Я знаю вас давно.
 А впрочем, мне решительно,
 Поверьте, всё равно.
 За опыты в пиитике
 Я не прошу похвал.
 Пускай иные критики
 Отхлещут наповал —
 Ей-богу, не посетую!
 600 Свое я получил:
 Брамбеус сам с кометою
 За ум меня сравнил.

Глава 3

(Без оглавления)

Мотивы итальянские
 Мне не дают заснуть,
 И страсти африканские
 Волнуют кровь и грудь:
 Всё грезятся балкончики,
 И искры черных глаз
 Сверкают как червончики
 610 В день по сту тысяч раз.
 Отбою нет от думушки:
 Эх! жизнь моя! .. увы! ..
 Зачем женили, кумушки,
 Меня так рано вы!
 На свете много водится
 Красавиц, и каких!
 А нам любить приходится
 Курносых и рябых.
 Что за красotka Боржия! ..

620 Менялся весь в лице
И даже (не топор же я!)
Заплакал при конце;
Во всем талант, гармония...
Видал не много лиц
Таких, как у Альбони, я —
Певица из певиц,
В уме производящая
Содом и кутерьму,
Так много говорящая
630 И сердцу и уму;
Высокая и белая,
Красива и ловка,
И уж заматерелая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишние
Заметны в ней души,
И верхние, и нижние —
Все ноты хороши!..

Чтоб только петь, как Гарция,
640 И удивлять весь свет —
Не пожалел бы гарнца я
Серебряных монет.
На миг заботы вечные
Смолкают, не томят,
И струны все сердечные
В груди дрожат, звучат —
Звучат в ответ чудеснице.
Могуча и легка,
Душа как бы по лестнице
650 Восходит в облака.
А мира треволнения —
Служебный весь содом,
Начальник отделения
С запуганным лицом,
Скучнейшие нотации
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнации
И самые чины —
Всё в мелочь и ничтожество

660 Тотчас обращено. . .
Чего бы уж художество
И делать не должно!
Подобные влечения
В неведомый предел
Ввергают в упущения
Житейских наших дел.
От итальянской арии,
Исполненной красот,
К занятиям канцелярии
670 Трудненок переход;
Спокойствие сменяется
Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности
Вовремя стоит взять, —
Как не найти возможности
Всему противустать?
На то и волю твердую
680 Дал человеку бог,
Чтоб кстати душу гордую
Воздерживать он мог. . .
Вот мне ничто решительно
Не помешает спать,
Ни счет вести рачительно,
Ни даже. . . взятки брать
(Не то чтобы с просителей,
А в картах. . . Что сорвешь
С столичных наших жителей?)
690 Голь продувная сплошь!) —
А всё же я признаюся,
Что Гарцией порой
Так сильно восхищаюся,
Что слезы лью рекой.
Растрогает татарина!
Так хорошо поет,
Что даже у Фиглярина
Ругательств не стает;
Глаза большие, черные,
700 И столько в них огня. . .
Жаль — силы стихотворные

Слабеньки у меня;
А будь-ка красноречие! . .
Но про меня и так
Трубит давно злоречие,
Что будто я дурак.
Молчу! Где нам подобные
Предметы воспевать:
Мы дураки, способные
710 Взятчонки только брать!
Над нами сочинители
Смеются в повестях. . .
А чем мы их обидели?
Будь я в больших чинах,
Тотчас благоразумие
Внушил бы им, ей-ей!
Давай нам остроумие,
Но трогать нас не смей!
Чем хуже я профессора,
720 Художника, врача?
Коллежского асессора
Трудами получа,
Я никому не здравствую. -
Небезызвестно вам,
Что я давно участвую
В литературе сам;
Но никогда решительно
(И бог храни вперед)
Не нападал презрительно
730 И на простой народ!
Без вздоров сатирических
Идет лишь Полевой
В пьесах драматических
Дорогою прямой.
В нас страсти благородные
Умеет возбуждать
И, лица взяв почетные,
Умеет уважать;
Всем похвалы горячие,
740 Почтение. . . а писцы
И мелкие подьячие —
Глупцы и подлецы,
С уродливыми рожами. . .

И тут ошибки нет
(Не всё же ведь хорошими
Людьми наполнен свет) . . .

1843—1845

2. ЧИНОВНИК

Как человек разумной середины,
Он многого в сей жизни не желал:
Перед обедом пил настойку из рябины
И чихирем обед свой запивал.
У Кинчерфа ¹ заказывал одежду
И с давних пор (простительная страсть)
Питал в душе далекую надежду
В коллежские ассессоры попасть, —
Затем, что был он крови не боярской
10 И не хотел, чтоб в жизни кто-нибудь
Детей его породой семинарской
Осмелился надменно попрекнуть.

Был с виду прост, держал себя сутуло,
Смиренно всё судьбе предоставлял,
Пред старшими подскакивал со стула
И в робость безотчетную впадал,
С начальником ни по каким причинам —
Где б ни было — не вмешивался в спор,
И было в нем всё соразмерно с чином —
20 Походка, взгляд, усмешка, разговор.
Внимательным, уступчиво-смиренным
Был при родных, при теще, при жене,
Но поддержать умел пред подчиненным
Достоинство чиновника вполне;
Мог и распечь при случае (распечь-то
Мы, впрочем, все большие мастера),
Имел даже значительное нечто
В бровях. . .

Теперь тяжелая пора!
С тех дней, как стал пытливостью рассудка

---

¹ Тогдашний портной средней руки.

30 Тревожно-беспокойного наш век
Задерживать развитие желудка,
Уже не тот и русский человек.
Выводятся раскормленные туши,
Как ни едим геройски, как ни пьем,
И хоть теперь мы так же бьем баклуши,
Но в толщину от них уже нейдём.
И в наши дни, читатель мой любезный,
Лишь где-нибудь в коснеющей глуши
Найдете вы, по благодати небесной,
40 Приличное вместилище души.

Но мой герой — хоть он и шел за веком —
Больных влияний века избежал
И был таким, как должно, человеком:
Ни тощ, ни толст. Торжественно лежал
Мясистый, двухэтажный подбородок
В воротничках, — но промежуток был
Меж головой и грудью так короток,
Что паралич — увы! — ему грозил.
Спина была — уж сказано — горбата,
60 И на ногах (шепну вам на ушко:
Кривых немножко — нянька виновата!)
Качалось солидное брюшко. . .

Сирот и вдов он не был благодетель,
Но нищим иногда давал гроши
И называл святую добродетель
Первейшим украшением души.
О ней твердил в семействе беспрерывно,
Но не во всем ей следовал подчас
И извинял грешки свои наивно
60 Женой, детьми, как многие из нас.

По службе вел дела свои примерно
И не бывал за взятки под судом,
Но (на жену, как водится) в Галерной
Купил давно пятиэтажный дом.
И радовал родительскую душу
Сей прочный дом — спокойствия залог.

И на Фому, Ванюшу и Феклушу
Без сладких слез он посмотреть не мог...

Вид нищеты, разительного блеска
70 Смущал его — приличие он любил.
От всяких слов, произносимых резко,
Он вздрагивал и тотчас уходил.
К писателям враждой — не беспричинной —
Пылал. . . бледнел и трясся сам не свой,
Когда из них какой-нибудь бесчинный
Ласкаем был чиновною рукой.
За лишнее считал их в мире бремя,
Звал книги побасенками: «Читать —
Не то ли же, что праздно тратить время?»
80 А праздность — всех пороков наших мать» —
Так говорил ко благу подчиненных
'(Мысль глубока, хоть и весьма стара)
И изо всех открытий современных
Знал только *консоляцию*. . .

Пора

Мне вам сказать, что, как чиновник дельный
И совершенно русский человек,
Он заражен был страстью той смертельно,
Которой все заражены в наш век,
Которая пустить успела корни
90 В обширном русском царстве глубоко
С тех пор, как вист в потеху нашей дворни
Мы отдали. . . «Приятно и легко
Бегут часы за преферансом; право,
Кто выдумал — был малый с головой!» —
Так иногда, прищурившись лукаво,
Говаривал почтенный наш герой.
И выше он не ведал наслаждений. . .
Как он играл? . . . Серьезная статья!
Решить вопрос сумел бы разве гений,
100 Но так и быть, попробую и я.

Когда обед оканчивался чинный,
Крестясь, гостям хозяин руки жал

И, приказав поставить стол в гостиной,
С улыбкой добродушной замечал:
«Что, господа, сразиться бы не дурно?
Жизнь коротка, а нам не десять лет!»
Над ним неслось тогда дыханье бурно,
И — вдохновен — он забывал весь свет,
Жену, детей; единой предан страсти,
110 Молчал как жрец, бровями шевеля,
И для него тогда в четыре масти
Сливалось всё — и небо и земля!

Вне карт не знал, не слышал и не видел
Он ничего, — но помнил каждый приз. . .
Прижимистых и робких ненавидел,
Но к храбрецам, готовым на ремиз,
Исполнен был глубокого почтения.
При трех тузах, при даме сам-четверт
Козырной — в вист ходил без опасенья.
120 В несчастье был, как многие, нетверд:
Ощипанной подобен куропатке,
Угрюм, сердит, ворчал, повеся нос,
А в счастья любил при каждой взятке
Пристукивать и говорил: «А что-с?»

Острил, как все острят или острили,
И замечал при выходе с бубен:
«Ну, Петр Кузьмич! недаром вы служили
Пятнадцать лет — вы знаете закон!»
Валетов, дам красивых, но холодных
130 Пушил слегка, как все; но никогда
Насчет тузов и прочих карт почетных
Не говорил ни слова. . .

Господа!

Быть может, здесь надменно вы зевнете
И повесть благодетельную мою
В подробностях излишних упрекнете. . .
Ответ готов: не пустяки пою!

Пою, что Русь и тешит и чарует,
Что наши дни — как средние века

Крестовые походы — знаменует,
140 Чем наша жизнь полна и глубока
(Я не шучу — смотрите в оба глаза),
Чем от «Москвы родной» до Иртыша,
От «финских скал» до «грозного Кавказа»
Волнуется славянская душа!!.

Притом я сам страсть эту уважаю, —
Я ею сам восторженно киплю,
И хоть весьма несчастно прикупаю,
Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю. . .

150 Что ж делать нам? . . Блаженные отцы
И деды наши пировать любили,
Весной садили лук да огурцы,
Волков и зайцев осенью травили,
Их увлекал, их страсти шевелил
Паратый пес, статистый иноходец;
Их за столом и трогал и смешил
Какой-нибудь наряженный уродец.
Они сидеть любили за столом,
И было им и любо и доступно
160 Перепивать друг друга и потом,
Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдруг утихать и засыпать рядком.
Но мы забав отцов не понимаем
(Хоть мало, всё ж мы их переросли),
Что ж делать нам? . . Играть! . . И мы играем,
И благо, что занятие нашли, —
Сидеть грешно и вредно сложа руки. . .

В неделю раз, пресытившись игрой,
В театр Александринский, ради скуки,
170 Являлся наш почтеннейший герой.
Удвоенной ценой за бенефисы
Отечественный гений поощрял,
Но звание актера и актрисы
Постыдным, по преданию, считал.
Любил пальбу, кровавые сюжеты,
Где при конце карается порок. . .

И, слушая скромные куплеты,
Толкал жену легонько под бочок.

Любил шепнуть в антракте плотной даме
180 (Всему научит хитрый Петербург),
Что страсти и движенье нужны в драме
И что Шекспир — великий драматург, —
Но, впрочем, не был твердо в том уверен
И через час другое подтверждал, —
По службе быв всегда благонамерен,
Он прочее другим предоставлял.

Зато, когда являлася сатира,
Где автор — тунеядец и нахал —
Честь общества и украшенья мира,
190 Чиновников, за взятки порицал, —
Свирепствовал он, не жалея груди,
Дивился, как допущена в печать
И как благонамеренные люди
Не совестятся видеть и читать.
С досады пил (сильна была досада!)
В удвоенном количестве чихирь
И говорил, что авторов бы надо
За дерзости подобные — в Сибирь! ..

1844

3. ОТРЫВОК

Родился я в губернии
Далекой и степной
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Мне будущность счастливую
Отец приготавлиал,
Но жизнь трудолюбивую
Сам в бедности скончал!
Немытый, неприглаженный,
10 Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашенный
Везли большим селом;

Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер развевал. . .
Запомнил я сердитую
Улыбку мертвеца
И мать мою, убитую
20 Кончиною отца.
Я помню, как шептались,
Как в церковь гроб несли;
Как с мертвым целовались,
Как бросили земли;
Как сами мы лопатушкой
Сравнили бугорок. . .
Нам дядя с бедной матушкой
Дал в доме уголок.
К настойке страсть великую
30 Сей человек питал,
Имел наружность дикую
И мне не потакал. . .
Он часто, как страшилище,
Пугал меня собой
И порешил в училище
Отправить с рук долой.
Мать плакала, томилася,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
40 Просила за меня,
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой: «Не губи его!» —
В могилу перешла.
Мир праху добродетельной!
Старик потосковал,
Но тщетно добродетельной
Я перемены ждал:
Не изменил решение!
50 Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул:
Влепил с немym рыданием
В уста мне поцелуй:

«Учися с прилежанием,
Не шлейся! не балуй!» —
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
60 И кляча поплелась. . .

1844 (?)

4

Стишки! стишки! давно ль и я был гений?
Мечтал. . . не спал. . . пописывал стишки?
О вы, источник стольких наслаждений,
Мои литературные грешки!
Как дельно, как благоразумно-мило
На вас я годы лучшие убил!
В моей душе не много силы было,
А я и ту бесплодно расточил!
Увы! . . стихов слагатели молодые,
С кем я делил и труд мой и досуг,
Вы, люди милые, поэты преплохие,
Вам изменил ваш недостойный друг! . .
И вы. . . как много вас уж — слава небу —
сгибло. . .

Того хандра, того жена зашибла,
Тот сам колотит бедную жену
И спину гнет дугой. . . а в старину?
Как гордо мы на будущность смотрели!
Как ревностно бездействовали мы!
«Избранники небес», мы пели, пели
И песнями пересоздать умы,
Перевернуть действительность хотели,
И мнилось нам, что труд наш — не пустой,
Не детский бред, что с нами сам всевышний
И близок час блаженно-роковой,
Когда наш труд благословит наш ближний!
А между тем действительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороков —
Смешон и дик был петушиный бой

Не понимающих толпы пророков
С не внемлющей пророчествам толпой!
И «ближний наш» всё тем же глазом видел,
Всё так же близоруко понимал,
Любил корыстно, пошло ненавидел,
Бесславно и бессмысленно страдал.
Пустых страстей пустой и праздный грохот
По-прежнему движенье заменял,
И не смолкал тот сатанинский хохот,
Который в сень холодную могил
Отцов и дедов наших проводил! . .

Январь 1845

5. НОВОСТИ

(Газетный фельетон)

Почтеннейшая публика! на днях
Случилось в столице нашей чудо:
Остался некто без пяти в червях,
Хоть — знают все — играет он не худо.
О том твердит теперь весь Петербург.
«Событие вне всякого другого!»
Трагедию какой-то драматург,
На пользу поколенья молодого,
Сбирается сострять из него. . .
10 Разумный труд! Заслуги, удалство
Похвально петь; но всё же не мешает
Порою и сознание грехов,
Затем что прегрешение отцов
Для их детей спасительно бывает.
Притом для нас не стыдно и легко
В ошибках сознаваться — их немного,
А доблестей — как милостей у бога. . .

Из черного французского трико
Жилеты, шелком шитые, недавно
20 В чести и в моде — в самом деле славно!

Почтенный муж шестидесяти лет
Женился на девице в девятнадцать

(На днях у них парадный был обед,
Не мог я, к сожаленью, отказаться);
Немножко было грустно. Взор ея
Сверкал, казалось, скрытыми слезами
И будто что-то спрашивал. Но я
Отвык, к несчастью, тешиться мечтами,
И мне ее не жалко. Этот взор
30 Унылый, длинный; этот вздох глубокий —
Кому они? — Любезник и танцор,
Гремящий саблей, статный и высокий —
Таков был пансионский идеал
Моей девицы. . . Что ж! распорядился
Иначе случай. . .

Маскарад и бал
В собрание был и очень долго длился.
Люблю я наши маскарады; в них,
Не говоря о прелестях других,
Образчик жизни петербургско-русской,
40 Так ловко переделанной с французской.

Уныло мы проходим жизни путь,
Могло бы нас будить одно — искусство,
Но редко нам разогревает грудь
Из глубины поднявшееся чувство,
Затем что наши русские певцы
Всем хороши, да петь не молодцы,
Затем что наши русские мотивы,
Как наша жизнь, и бедны и сонливы,
И тяжело однообразье их,
50 Как вид степей пустынных и нагих.

О, скучен день и долог вечер наш!
Однообразны месяцы и годы,
Обеды, карты, дребезжанье чаш,
Визиты, поздравленья и разводы —
Вот наша жизнь. Ее постылый шум
С привычным равнодушьем ухо внемлет,
И в действии пустом кипящий ум
Суров и сух, а сердце глухо дремлет;
И свыкшись с положением таким,

60 Другого мы как будто не хотим,
Возможность исключений отвергаем
И, словно по профессии, зеваем. . .
Но — скучны отступления!

Чудак!

Знакомый мне, в прошедшую субботу
Сошел с ума. . . А был он не дурак
И тысяч сто в год получал доходу,
Спокойно жил, доволен и здоров,
Но обошли его по службе чином,
И вдруг — упыл, задумчив и суров —
70 Он стал страдать славяно-русским сплинном;
И наконец, в один прекрасный день,
Тайком от всех, одевшись наизнанку
В отличия, несвойственные рангу,
Пошел бродить по улицам, как тень,
Да и пропал. Нашли на трети сутки,
Когда сынком какой-то важной утки
Уж он себя в припадках величал
И в совершенстве кошкою кричал,
Стараясь всех уверить в то же время,
80 Что чин большой есть тягостное бремя,
И служит он, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя. . .

История другая в том же роде
С одним примерным юношей была:
Женился он для денег на уроде,
Она — для денег за него пошла,
И что ж? — о срам! о горе! — оказалось,
Что им обоим *только показалось*;
Она была как нищая бедна,
90 И беден был он так же, как она.
Не вынес он неожиданного удара
И впал в хандру; в чахотке слег в постель,
И не прожить ему пяти недель.
А нежный тесть, равнодушно глядя
На муки завербованного зятя
И положенье дочери родной,
Винит во всем «натуришку гнилую»

И думает: «Для дочери другой
Я женишка покрепче завербую».

100 Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бежала гувернантка — ищет новой.
О том и о другом извещена
Столица чрез известную газету;
Явилась тотчас разных свойств и лет
Тьма гувернанток, а собаки нет.

Почтенный и любимый господин,
Прославившийся емкостью желудка,
Безмерным истребленьем всяких вин
110 И иступленной тупостью рассудка,
Объелся и скончался. . . Был на днях
Весь город на его похоронах.
О доблестях покойника рыдая,
Какой-то друг три речи произнес,
И было много толков, много слез,
Потом была пирушка — и большая!
На голову обжоры непохож,
Был полон погреб дорогих бутылок,
И длился до заутрени кутеж. . .
120 При дребезге ножей, бокалов, вилок
Припомнили добрые дела
Покойника, хоть их, признаться, было
Весьма немного; но обычай милый
Святая Русь доньине сберегла:
Ко всякому почтенье за могилой —
Ведь мертвый нам не может сделать зла!
Считается напомнить неприличным,
Что там-то он ограбил сироту,
А вот тогда-то пойман был с поличным.
130 Зато добра малейшую черту
Тотчас с большой горячностью подхватят
И разовьют, так истинно скорбя,
Как будто тем скончавшемуся платят
За то, что их избавил от себя!
Поговорив — нечаянно напьются,
Напившись — слезами обольются,
И в эпитафии напишут: «Человек

Он был такой, какие ныне редки!»
И так у нас идет из века в век,
140 И с нами так поступят наши детки. . .

Литературный вечер был; на нем
Происходило чтение. Важно, чинно
Сидели сочинители кружком
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потом
Один весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспешно развернул
И три часа — о изверг, о мучитель! —
Читал, читал и — даже сам зевнул,
150 Не говоря о жертвах благосклонных,
С четвертой же страницы усыпленных.
Их разбудил восторженный поэт;
Он с места встал торжественно и строго,
Глаза горят, в руках тетради нет,
Но в голове так много, много, много. . .
Рекой лились гремучие стихи,
Руками он махал как иступленный.
Слышал я в жизни много чепухи
И много дичи видел во вселенной,
160 А потому я не был удивлен. . .
Ценителей толпа рукоплескала,
Младой поэт отвесил им поклон
И всё прочел торжественно с начала.
Затем как раз и к делу приступить
Пришла пора. К несчастью, есть и пить
В тот вечер я не чувствовал желанья
И вон ушел тихонько из собранья.
А пили долго, говорят, потом
И говорили горячо о том,
170 Что движемся мы быстро с каждым часом
И дурно, к сожаленью, в нас одно,
Что небрежем отечественным квасом
И любим иностранное вино.

На петербургских барынь и девиц
Напал недуг свирепый и великий:
Вскружился мир чиновниц полудикий
И мир ручных, но недоступных львиц.

Почто сия на лицах всех забота?
 Почто сей шум, волнение умов?
 180 От Невского до Козьего болота,
 От Козьего болота до Песков,
 От пестрой и роскошной Миллионной
 До Выборгской унылой стороны —
 Чем занят ум мужей неугомонно?
 Чем души жен и дев потрясены??
 Все женщины, от пресловутой Ольги
 Васильевны, купчихи в сорок лет,
 До той, которую воспел поэт
 (Его уж нет), — помешаны на польке!
 190 Предчувствие явления ея
 В атмосфере носилося заране.
 Она теперь у всех на первом плане
 И в жизни нашей главная статья;
 О ней и меж великими мужами
 Нередко пренья, жаркий спор кипит,
 И старец, убеленный сединами,
 О ней с одушевленьем говорит.
 Она в одной сорочке гонит с ложа
 Во тьме ночной прелестных наших дев,
 200 И дева пляшет, общий сон тревожа,
 А горничная, барышню раздев,
 В своей каморке производит то же.
 Достойнейший сын века своего,
 Пустейший франт, исполнен гордой силой,
 Ей предан без границ — и для него
 Средины нет меж полькой и могилой!
 Проникнувшись великостью труда
 И важностью предпринятого дела,
 Как гладиатор в древние года,
 210 С ней борется он ревностно и смело. . .
 Когда б вы не были, читатель мой,
 Аристократ — и побывать в танцклассе
 У Кессених решились со мной,
 Оттуда вы вернулись бы в экстазе,
 С утешенной и бодрою душой.
 О юношество милое! Тебя ли
 За хилость и недвижность упрекнуть?
 Не умерли в тебе и не увяли
 Младые силы, не зачахла грудь,

220 И сила там кипит твоя просторно,
Где всё тебе по сердцу и покорно.
И, гордое могуществом своим,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоим порывам смелым и живым
Такое нужно поприще — не боле,
И тратишь ты среди таких тревог
Души всю силу и всю силу ног. . .

20 февраля 1845

6. СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко. . .

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилось
За твою добродетель и честь! . .

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И — беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко. . .

Начало 1845

Я за то глубоко презираю себя,
 Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
 Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
 Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
 Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
 Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
 Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу. . . что люблю я весь мир,
 А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
 А хватаясь за нож — замирает рука!

Июнь 1845

8. В ДОРОГЕ

«Скучно! скучно! . . Ямщик удалой,
 Разгони чем-нибудь мою скуку!
 Песню, что ли, приятель, запой
 Про рекрутский набор и разлуку;
 Небылицей какой посмеши
 Или, что ты видал, расскажи —
 Буду, братец, за всё благодарен».

— «Самому мне невесело, барин:
 Сокрушила злодейка жена! . .

- 10 Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать —
Всем дворянским маперам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
- 20 Вид вальжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат крепостной,
Тонсь, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Бант кучер, Иваныч Торопка), —
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не пужна-ста в дворянстве холопка!

- Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер. . . А справивши свадьбу,
30 Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,
Захворал и на Троицу в ночь
Отдал богу господскую душу,
Сиротинкой оставивши Грушу. . .
Через месяц приехал зятек —
Перебрал по ревизии души
И с запашки ссадил на оброк,
А потом добрался и до Груши.
Знать, она согрubiла ему
В чем-нибудь, али на просто тесно
- 40 Вместе жить показалось в дому,
Понимаешь-ста, нам неизвестно.
Воротил он ее на село —
Знай-де место свое ты, мужичка!
Взвыла девка — крутенько пришло:
Белоручка, вишь ты, белоличка!

Как на грех, девятнадцатый год
Мне в ту пору случись. . . посадили
На тягло — да на ней и женили. . .
Тонсь, сколько я нажил хлопот!

- 50 Вид тақой, понимаешь, суровый. . .
Ни косить, ни ходить за коровой! . .
Грех сказать, чтоб ленива была,
Да, вишь, дело в руках не спорилось!
Как дрова или воду несла,
Как на барщину шла — становилось
Инда жалко подчас. . . да куды! —
Не утетишь ее и обновкой:
То натерли ей ногу коты,
То, слышь, ей в сарафане целовко.
- 60 При чужих и туда и сюда,
А украдкой ревет как шальная. . .
Погубили ее господу,
А была бы бабенка лихая!

- На какой-то патрет всё глядит
Да читает какую-то книжку. . .
Инда страх меня, слышь ты, щемит,
Что погубит она и сынишку:
Учит грамоте, моет, стрижет,
Словно б́арченка, каждый день чешет,
- 70 Бить не бьет — бить и мне не дает. . .
Да недолго пострела потешит!
Слышь, как щепка худа и бледна,
Ходит, тоись, совсем через силу,
В день двух ложек не съест толокна —
Чай, свалим через месяц в могилу. . .
А с чего? . . Видит бог, не томил
Я ее безустанной работой. . .
Одевал и кормил, без пути не бранил,
Уважал, тоись, вот как, с охотой. . .
- 80 А, слышь, бить — так почти не бивал,
Разве только под пьяную руку. . .»

— «Ну, довольно, ямщик! Разогнал
Ты мою неотвязную скуку! . .»

1845

9. ПЬЯНЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной. . .
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Всё та же хата бедная —
Становится бедней,
И мать — старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною. . .
На скудный твой наряд
С насмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Всё, что во сне мерещится,
Как будто бы назло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!
Всё — повод к искушению,
Всё дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит. . .
Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда, —
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной — свежительный —
Поник бы всей душой.

Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку. . .
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

1845

10

Отраднo видеть, что находит
Порой хандра и на глупца,
Что иногда в морщины сводит
Черты и пошлого лица
Бес благородный скуки тайной,
И на искривленных губах
Какой-то думы чрезвычайной
Печать ложится; что в сердцах
И тех, чьих дел позорных повесть
Пройдет лишь в поздних племенах,
Не всё же спит мертвецки совесть
И, чуждый нас, не дремлет страх.
Что всем одно в дали грядущей —
Идем к безвестному концу, —
Что ты, подлец, меня гнетущий,
Сам лижешь руки подлецу.
Что лопнуть можешь ты, обжора!
Что ты, великий человек,
Чьего презрительного взора
Не выносил никто вовек,
Ты, лоб, как говорится, медный,
К кому все завистью полны, —
Дрожишь, как лист на ветке бедной,
Под башмаком своей жены.

1845

11. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою.

Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отрядный клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою. . .
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою. . .
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

1845

12

Пускай мечтатели осмеяны давно,
Пускай в них многое действительно смешно,
Но всё же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Вспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли, —
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припомянуть тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,
Но, больше нашею любовью полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцелуй уста свои сливали. . .

1845

13

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил. . .
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

Зачем же тайному сомнению
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

<1846>

14. ПЕРЕД ДОЖДЕМ

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит. . .

<1846>

15. ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работáл по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селáм, по большим городам
10 Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела! . .
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она — ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодежи,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
20 У меня ль, молодца, кудри — чесаный лен. . .

Разыгралась душа на часок, на другой. . .
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
30 Только буйную голову свешу на грудь. . .
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, — чай, пора уж тебе отдохнуть».

— «Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок.
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок. . .

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
«Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
40 Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?»

— «От кого у тебя перстенок золотой?»

— «Скоро старость придет, коли будешь всё
знать».

— «Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хватя!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал — не давал золотой перстенок. . .
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как — в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
60 Огородник лихой. . . В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Целовал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» — кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел. . .

И красу с головы острой бритвой снесли,
60 И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

1846

16. ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед? ..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка. . .
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой. . .

1846

17. РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал жизнью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,

Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
10 Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, доременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И неребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег. . .
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной. . .

Вот темный, темный сад. . . Чей лик в аллее дальней
20 Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил. . . о! знаю, знаю я! . .
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы. . .
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
30 Предсмертный шепот твой губителю простил! . .

И ты, делившая с страдальницей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила. . .
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
40 Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом. . . Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —
А встарь? . . Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убегал. . . Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;

При имени ее впадая в умиленье,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
50 На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
60 И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...
1846

18. ПСОВАЯ ОХОТА

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.

(Реутт, Псовая охота)

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья — и жалобно стонет. . .

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздогнули сонные Ваньки и Гришки,
10 Вздогнули все — до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Двигутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха! . . ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
20 Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сертуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
30 Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка ¹ издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
40 Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп² скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат. . .

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
60 Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них не единый.

«В Банники, ³ — крикнул помещик, —
набрось! ⁴»

Борзовщики ⁵ разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове ⁶ скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему бог:
60 То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит ⁷ закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопометников лай музыкальный
70 Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

8

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещицъей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
80 Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за мильоны не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре,
90 И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает ⁸ — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит,
Мигом отпазончил, ⁹ сам торочит, ¹⁰

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
100 Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
110 За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животное!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
120 Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псари — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
130 Зайцев лизали голодные псы.

Б

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают ¹¹ и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
140 Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
150 Ржет жеребец под одним из псарей. . .

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
160 Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, ¹² слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
170 Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохраняются, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
180 Тот в себе душу заспит и погубит.

Примечания к «Псовой охоте»

¹ *Змейка, Набат, Сокол, Хандра, Нахал* и далее употребляющиеся в этой пьесе названия — *Свиреп, Терзай, Ругай, Угар, За-машка, Победа* — собачьи клички.

² Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощью этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздрающим душу скрипом.

³ *Банники* — название леска.

⁴ *Набрасывать* — техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров — отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет их порсканьем (порскать — значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из

дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: «В кучу» хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи, — а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика — стеречь зверя с борзыми близ острова, переменяя место по направлению движения стаи. В умеень выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного наконец гончими из острова, хорошо принять его (т. е. вовремя показать собакам) и хорошо потравить — заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

⁵ См. примеч. 4.

⁶ См. примеч. 4.

⁷ *Варом-варит* — техническое выражение, употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по зрячему, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

⁸ *Зверь отседает* — говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и, когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

⁹ *Отпазончить* — отрезать задние лапы в среднем суставе.

¹⁰ *Торошить, приторачивать* — привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

¹¹ См. примеч. 4.

¹² *Тявкуша* — то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск. — выжловка); от этого слова доезжачий, направляющий ими, называется еще *выжлятником*.

1846

19

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,

И на душу мою той жизни безобразной
    Ложилась грубые черты.
И прежде, чем понять рассудком неразвитым,
    Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
    В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
    Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
    В разврате безобразном сжег. . .
Шли годы. Оторвав привычные объятия
    От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
    Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы —
    Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
    Сменился юношеский пыл,
И в новый путь, с хандрой, болезненно развитой,
    Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, довременно убитой,
    Уж не воскреснуть никогда.
Но я тебя узнал. . . Для жизни и волнений
    В груди проснулось сердце вновь:
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
    С души изгладила любовь. . .
Во мне опять мечты, надежды и желанья. . .
    И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
    Отрадней мертвой пустоты. . .

1846

20

— Так, служба! сам ты в той войне
Дрался — тебе и книги в руки,
Да дай сказать словцо и мне:
Мы сами делывали штуки.

Как затесался к нам француз
Да увидал, что проку мало,

117

Пришел он, помнишь ты, в конфуз
И на попятный тотчас драло.
Поймали мы одну семью,
Отца да мать с тремя щенками.
Тотчас ухлопали мусью,
Не из фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать,
Рвет волоса, — глядим да тужим!
Жаль стало: топорщиком хватъ —
И протянулась рядом с мужем!
Глядь: дети! Нет на них лица:
Ломают руки, воют, скачут,
Лепечут — не поймешь словца —
И в голос, бедненькие, плачут.
Слеза прошибла нас, ей-ей!
Как быть? Мы долго толковали,
Пришибли бедных поскорей
Да вместе всех и закопали. . .

Так вот что, служба! верь же мне:
Мы не сидели сложа руки,
И хоть не бились на войне,
А сами делывали штуки!

1846

21. ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил. . . Он вызвал — я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью. . .
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Приятель в срок мне долга не представил.
 Я, намекнув по-дружески ему,
 Закону рассудить нас предоставил;
 Закон приговорил его в тюрьму.
 В ней умер он, не заплатив алтына,
 Но я не злуюсь, хоть злиться есть причина!
 Я долг ему простил того ж числа,
 Почтив его слезами и печалью. . .
 Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла.

Крестьянина я отдал в повара,
 Он удался; хороший повар — счастье!
 Но часто отлучался со двора
 И званью неприличное пристрастье
 Имел: любил читать и рассуждать.
 Я, утомясь грозить и распекать,
 Отчески посек его, каналью;
 Он взял да утопился: дурь нашла!
 Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла.

Имел я дочь; в учителя влюбилась
 И с ним бежать хотела сгоряча.
 Я погрозил проклятьем ей: смирилась
 И вышла за седого богача.
 Их дом блестящ и полон был как чаша;
 Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
 И через год в чахотке умерла,
 Сразив весь дом глубокою печалью. . .
 Живя согласно с строгою моралью,
 Я никому не сделал в жизни зла. . .

Январь или февраль 1847

Если, мучимый страстью мятежной,
 Позабылся ревнивый твой друг
 И в душе твоей, кроткой и нежной,
 Злое чувство проснулося вдруг —

Всё, что вызвано словом ревнивым,
 Всё, что подняло бурю в груди,
 Переполнена гневом правдивым,
 Беспощадно ему возврати.

Отвечай негодующим взором,
 Оправданья и слезы осмей,
 Порази его жгучим укором —
 Всю до капли досаду излей!

Но когда, отдохнув от волненья,
 Ты поймешь его грустный недуг
 И дождется минуты прощенья
 Твой безумный, но любящий друг —

Позабудь ненавистное слово
 И упреком своим не буди
 Угрызений мучительных снова
 У воскресшего друга в груди!

Верь: постыдный порыв подозренья
 Без того ему много принес
 Полных муки тревог сожаленья
 И раскаянья позднего слез. . .

Первая половина 1847

Еду ли ночью по улице темной,
 Бури заслушаюсь в пасмурный день —
 Друг беззащитный, больной и бездомный,
 Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
 Сердце сожмется мучительной думой.
 С детства судьба невзлюбила тебя:
 Беден и зол был отец твой угрюмый,
 Замуж пошла ты — другого любя.

Муж тебе выпал недобрый на долю:
10 С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась — ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной. . .

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
20 Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал — и пронзительно звонок
Был его крик. . . Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок. . .
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
6 Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком. . .

В разных углах мы сидели угрюмо.
30 Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили. . .
40 Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был. . .

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной

И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
60 Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут! . .

Август 1847

24

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу. . .

1847

25. ВИНО

1

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Без вины меня барин посек,
Сам не знаю, что случилось со мной?

Я не то чтоб большой человек,
Да, вишь, дело-то было впервой.
Как подумаю, весь задрожу,
10 На душе всё черней да черней.
Как теперь на людей погляжу?
Как приду к ненаглядной моей?
И я долго лежал на печи,
Всё молчал, не отведывал щей;
Нашептал мне нечистый в ночи
Неразумных и буйных речей,
И наутро я сумрачен встал;
Помолиться хотел, да не мог,
Ни словечка ни с кем не сказал
20 И пошел, не крестясь, за порог.
Вдруг: «Не хочешь ли, братик, вина?» —
Мне вослед закричала сестра.
Целый штоф осушил я до дна
И в тот день не ходил со двора.

2

Не водись-ка на свете вина,
Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Зазнобила меня, молодца,
30 Степанида, соседская дочь,
Я посватал ее у отца —
И старик, да и девка не прочь.
Да, знать, старосте вплоть до земли
Поклонился другой молодец,
И с немилым ее повели
Мимо окон моих под венец.
Не из камня душа! Невтерпеж!
Расходилась, что буря, она,
Наточил я на старосту нож
40 И для смелости выпил вина.
Да попался Петруха, свой брат,
В кабаке: назвался угостить;
Даровому ленивый не рад —
Я остался полштофа распить.

А за первым — другой; в кураже
От души невзначай отлегло,
Позабыл я в тот день об ноже,
А наутро раздумье пришло. . .

3

Не водись-ка на свете вина,
60 Тошен был бы мне свет.
И пожалуй — силен сатана! —
Натворил бы я бед.

Я с артелью взялся у купца
Переделать все печи в дому,
В месяц дело довел до конца
И пришел за расчетом к нему.
Обсчитал, воровская душа!
Я корить, я судом угрожать;
«Так не будет тебе ни гроша!» —
60 И велел меня в шею прогнать.
Я ходил к нему восемь недель,
Да застать его дома не мог;
Рассчитать было нечем артель,
И меня, слышь, потянут в острог. . .
Наточивши широкий топор,
«Пропадай!» — сам себе я сказал;
Побежал, притаился, как вор,
У знакомого дома — и ждал.
Да прозяб, а напротив кабак,
70 Рассудил: отчего не зайти?
На последний хватил четвертак,
Подрался — и проснулся в части. . .

1848

26

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей всё равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, —
Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду. . . но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом. . . и та,
Которая воззвать могла бы к свету, —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848 (?)

27

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя. . .
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848 (?)

28

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитанно суровым,
Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным словом
Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора —
Но так тяжел, так горек, так уныл,

Так нежен был последний час разлуки. . .
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог, —
Скажи, зачем? . . Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветою
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
Без оправданья суд произнесла?
Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев? . . » Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаянье суровом. . .

Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице неожиданного спасенья. . .

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокой;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву. . .

А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он всё забыл: он плачет и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга. . .

Апрель — сентябрь 1850

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!

Но с той поры как всё кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,

И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.

Не знал бы я, зачем встаю с постели,
10 Когда б не мысль: авось и прилетели

Сегодня наконец заветные листы,

В которых мне расскажешь ты:

Здорова ли? что думаешь? легко ли

Под дальним небом дышится тебе,

Грустишь ли ты, жалея прежней доли,

Охотно ль повинешься судьбе?

Желал бы я, чтоб сонное забвенье

На долгий срок мне на душу сошло,

Когда б мое воображенье

20 Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти

Покорствуя, переживаю вновь

И первое движенье страсти,

Так бурно взволновавшей кровь,

И долгую борьбу с самим собою,

И не убитую борьбою,

Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.

Как долго ты была сурова,

Как ты хотела верить мне,

30 И как и верила, и колебалась снова,

И как поверила вполне!

(Счастливый день! Его я отличаю

В семье обыкновенных дней;

С него я жизнь мою считаю,

Я праздную его в душе моей!)

Я вспомнил всё... одним воспоминаньем,

Одним прошедшим я живу —

И то, что в нем казалось нам страданьем, —

И то теперь я счастьем зову...

40 А ты?.. ты так же ли печали предана?..

И так же ли в одни воспоминанья

Средь добровольного изгнанья

Твоя душа погружена?

Иль новая роскошная природа,

И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли,
И позабыла ты вдали
Всё, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
50 Скажи! я должен знать. . . Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки. . .

Апрель — сентябрь 1850

30

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска. . .
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны. . .

1850

31—34. НА УЛИЦЕ

1

ВОР

Спеша на званный пир по улице прегрязной,
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,

Вздвогнув и побледнев, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: «Держите вора!»
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сертуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моления и испуга. . .
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгой,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «Пошел своей дорогой!» —
И богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть. . .

2

ПРОВОДЫ

Мать касатиком сына зовет,
Сын любовно глядит на старуху,
Молодая бабенка ревет
И всё просит остаться Ванюху,
А старик непреклонно молчит:
Напряженная строгость во взоре,
Словно сам на себя он сердит
За свое бесполезное горе.

Сивка дернул дровнишки слегка —
Чуть с дровней не свалилась старуха.
Ну! нагрел же он сивке бока,
Да помог старику и Ванюха. . .

3

ГРОБОК

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился?»

ВАНЬКА

Смешная сцена! Ванька-дуралей,
Чтоб седока промыслить побогаче,
Украдкой чистит бляхи на своей
Ободранной и замороженной кляче.
Не так ли ты, продажная краса,
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой?
Но оба вы — извозчик-дуралей
И ты, смешно причесанная дама, —
Вы пробуждаете не смех в душе моей —
Мерещится мне всюду драма.

1850 (?)

35

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенья любви и участия. . .

<1851>

36. МОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Говорят, что счастье наше скользко, —
Сам, увы! я то же испытал!
На границе Юрьевец-Повольска
В собственном селе я проживал.
Недостаток внешнего движенья
Заменяв работой головы,
Приминая я в лето, без сомненья,
Десятин до двадцати травы;
Я лежал с утра до поздней ночи
10 При волшебном плеске ручейка
И мечтал, поднявши к небу очи,
Созерцая гордо облака.
Вереницей чудной и беспечной
Предо мной толпился ряд идей,
И витал я в сфере бесконечной,
Презирая мелкий труд людей.
Я лежал, гнушаясь их тревогой,
Не нуждаясь, к счастью, ни в чем,
Но зато широкою дорогой
20 В сфере мысли шел богатырем;
Гордый дух мой рос и расширялся,
Много тайн я совмещал в груди
И поведать миру собирался;
Но любовь сказала: погоди!
Я давно в создание идеала
Погружен был страстною душой:
Я желал, чтоб женщина предстала
В виде мудрой Клии предо мной,
Чтоб и свет, и танцы, и наряды,
30 И балы не нужны были ей;
Чтоб она на всё бросала взгляды,
Добытые мыслию своей;
Чтоб она не плакала напрасно,
Не смеялась втуне никогда,
Говоря восторженно и страстно,
Вдохновенно действуя всегда;
Чтоб она не в рюмки и подносы,
Не в дела презренной суеты —
Чтоб она в великие вопросы
40 Погружала мысли и мечты. . .

И нашел, казалось, я такую.
 Молода она еще была
 И свою натуру молодую
 Радостно развитию предала.
 Я читал ей Гегеля, Жан-Поля,
 Демосфена, Галича, Руссо,
 Глинку, Ричардсона, Декандоля,
 Вóлтера, Шекспира, Шамиссо,
 Байрона, Мильтона, Соутэя,
 50 Шеллинга, Клопштока, Дидеро. . .
 В ком жила великая идея,
 Кто любил науку и добро;
 Всех она, казалось, понимала,
 Слушала без скуки и тоски,
 И сама уж на ночь начинала
 Тацита читать, надев очки.
 Правда, легче два десятка кегель
 Разом сбить ей было, чем понять,
 Как велик и плодотворен Гегель;
 60 Но умел я вразумлять и ждать!
 Видел я: не пропадет терпенье —
 Даже мать красавицы моей,
 Бросивши варенье и соленье,
 Философских набралась идей.
 Так мы шли в развитии нашем дружно,
 О высоком вечно говоря. . .
 Но не то ей в жизни было нужно!
 Раз, увы! в начале сентября
 Прискакал я поутру к невесте.
 70 Нет ее ни в зале, ни в саду.
 Где ж она? «Они на кухне вместе
 С маменькой» — и я туда иду.
 Тут предстала страшная картина. . .
 Разом столько горя и тоски!
 Растерзав на клочья Ламартина,
 На бумагу клала пирожки
 И сажала в печь моя невеста!!
 Я смотреть без ужаса не мог,
 Как она рукой месила тесто,
 80 Как потом отведала пирог.
 Я не верил зрению и слуху,
 Думал я, не перестать ли жить?

А у ней еще достало духу
Мне пирог проклятый предложить. .
Вот они — великие идеи!
Вот они — развития плоды!
Где же вы, поэзии затей?
Что из вас, усилья и труды?
Я рыдал. Сконфузились обе,
90 Видимо, перепугались вдруг;
Я ушел в невыразимой злобе,
Объявив, что больше им не друг.
С той поры я верю: счастье скользко,
Я без слез не проживаю дня;
От Москвы до Юрьевец-Повольска
Нет лица несчастнее меня!

Март или апрель 1851

37. ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Журналист

*(выходя утром в свой кабинет и садясь
к рабочему столу)*

Вот почта новая. Какая грудa дел!
Куда деваться мне от писем и посылок?
В провинции народ взыскателен и пылок:
Чуть к первому числу с журналом не поспел,
Завалят письмами — тоска и разоренье!
Тот делает упрек, тому дай объяснение,
А тот с угрозами. . . досадная статья!
Посылки также вздор, их ненавижу я!
Плохие повести, а чаще рифмотворство! . .
10 Я, кажется, стихам не делаю потворства —
В них толку не ищи. . . Какая польза в том,
Что чувствовал поэт то дома, то на бале? . .
Я положителен и в жизни и в журнале,
Девиз мой: интерес существенный во всем!
И как их различать? Хороших нет эстетик,
А практик я плохой — я больше теоретик. . .

Слуга

(входит и докладывает)

Помещик Свистунов — приезжий из Уфы.

Журналист

Проси его, проси: сегодня принимаю. . .

Слуга уходит.

Всю жизнь я разделил на ровные графы,
20 Как счетную тетрадь, и только отмечаю,
Куда который час и как употреблен. . .
В рот капли не беру и ем один бульон. . .

Подписчик

(входя)

Семь лет подписчиком и данником покорным
Я вашим был — и ныне состою.
Пылая к вам почтеньем непритворным
(Простите, батюшка, докучливость мою),
Священным долгом счел, прибыв в столицу нашу,
Сначала облететь ее во все концы,
Кунсткамеру взглянуть, потом особу вашу. . .
30 А там опять домой. . . чай, ждут мои птенцы! . .

Журналист

Садитесь; очень рад. Как розы среди терний,
Как светлый ручеек во глубине степей —
Цветисто говоря, — так жители губерний
Приятны нам всегда. Вы, щедростью своей
Поддерживая нас, конечно, заслужили,
Чтоб полное мы к вам почтение хранили, —
И если в микроскоп рассматривать меня
Охота вам придет — я должен согласиться!

Подписчик

Поздненько, батюшка, мне оптике учиться:
40 Мне стукнет шестьдесят через четыре дня!

Журналист

Да я ведь пошутил. А говоря прямее,
Как дело всякое со стороны виднее,
То и доволен я, что завернули вы. . .
Трудами наших рук и нашей головы
Мы жертвуем для вас, журналы издавая. . .

Подписчик

(перебывая, с поклоном)

И благодарность вам, почтеннейший, большая. . .

Журналист

Мы пишем день и ночь; торопимся, спешим
Роман перевести; театр, литературу
За месяц обозреть, исправить корректуру —
50 Всё к первому числу. . . И еле мы дышим,
Оттиснув наконец и выдав книжку нашу. . .
Но какова она? . . . Которые статьи
Охотно вы прочли в кругу своей семьи?
Какие усыпить успели милость вашу?
Не знаем ничего, и знать нам мудрено.
Конечно, судят нас собратья аккуратно;
Но замечать они умеют только пятна,
И в беспристрастии их упрекнуть грешно!
Купаясь в мелочной и тягостной борьбе,
60 Которая порой близка бывает к драке,
Увы! не знаем мы цены самим себе
И ошупью бредем в каком-то полумраке!
Кто ж может этот путь тернистый осветить?
Кто на дурное нам беззлобно укажет?
Кто за хорошее нам благодарность скажет,
Умея покарать, умея и простить?

Подписчик

Конечно, публика. . .

Журналист

К тому и речь веду я.
Как умный человек и как подписчик мой,
Вы представителем явились предо мной
70 Всей нашей публики; и вас теперь спрошу я:
Довольны ли вы тем, что производим мы?
Интересуют ли читателей умы
«Словесность», «Критика», «Хозяйство», «Смесь»,
«Науки»? . . .
Что любит публика? к чему негоряча? . . .

Подписчик

Благодаря всевластной силе скуки
И рьяности чтецов, читаются сплеча,
За исключением «Наук» и «Домоводства»,
Все ваши рубрики. . .

Журналист

О стыд! о готтентотство!
Ужель еще читать не начали «Наук»?

Подписчик

80 Давно бы начали, но, батюшка, «Науки»
Так пишутся у вас, что просто вон из рук!
Охотно ставлю вам семью свою в поруки:
Изрядным наделен достатком — сыновей
Я дома воспитал, а дочек в пансионе,
Страсть к чтению развита у всех моих детей;
Засядем вечерком с журналом на балконе,
Читаем, и летят скорехонько часы. . .
Не спит моя жена; а как довольны дети!
Но чуть в «Науки» я — повесят все носы,
90 Как будто их поймал волшебник лютый в сети!
Стараюсь убеждать, доказываю им,
Что с пользою теперь мы время посвятим
Не басенке пустой, а дельному трактату,
И дети верят мне. . . Поближе к ним подсяду,
Читаю, горячусь. . . Но такова статья,
Что через час и сам спать начинаю я!
Ну, что вы скажете? . .

Журналист

Еще бы малым детям
Читать вы начали ученые статьи! . .

Подписчик

Нет, дети, батюшка, немалы уж мои,
100 И в нашей публике ученых вряд ли встретим:
Держал учителей, три года жил в Москве. . .
Прислушивался я частехонько к молве
И слышал всё одно: «Быть может, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Имейте, батюшка, слова мои в виду! . .
Притом, какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,
Значенье кочерги, история ухвата. . .»
110 Нет, батюшка, таких статеек нам не надо!

Журналист

Но ежели вопрос нас к истине ведет,
Ученый помышлять обязан ли о скуке?

Подписчик

Не спорю, батюшка, полезно всё в науке,
И ваша кочерга с достоинством займет
В ученом сборнике достойные страницы. . .
Но если дилетант-читатель предпочтет
Ученой кочерге пустые небылицы,
Ужели он неправ?

Журналист

Да вы против наук?

Подписчик

Напротив, батюшка, я их всегдашний друг!
120 И в вашем и в других журналах, хоть нечасто,
Случалось мне встречать ученые статьи —
Я сам, жена моя, домашние мои
Читали жадно их, как повести. . . Нет, за сто
Изрядных повестей, поверьте, не отдам
Одной такой статьи: какое снисхожденье
К невинной публике! какое изложение!
Не путешествуя, по дальним городам
С туристом я блуждал; талантливый ученый
Вопрос мне разъяснял в истории мудреный. . .
130 Вот этаких статей побольше надо нам!

Журналист

(со вздохом)

Ах, рады бы и мы всегда таким статьям,
Да где их доставать? Таланты так ленивы,
Что ежели статью в журнале в год прочли вы
С известным именем — благополучный год!
Но часто журналист и по три года ждет
Обещанной статьи; а в публике толкуют,
Что шарлатанит он. . .

Подписчик

Куда как негодуют,
Что обещаний вы не держите своих!

Журналист
(махнув рукой)

Мы нынче и давать уж перестали их!

Подписчик

140 Но прихотлив талант — в нем возбудить охоту
Полезно иногда — скупитесь, видно, вы?

Журналист

Помилуйте! платить готовы мы без счету!
Кто только прогремит, по милости молвы,
Тому наперехват и деньги и вниманье. . .
Ох, дорогонько мне пришлось соревнованье!
Набили цену так в последние года,
Что наши барыши не годны никуда!
Бог знает, из чего стараемся, хлопочем?
«Известности» теперь так дорого берут,
150 Что сбавил цену я своим чернорабочим. . .
Романы, например. . . поверьте, приведут
Мою и без того тщедушную особу
К сухотке злой они, а может, и ко гробу!
Спасение в одном — почаще перевод
Печатай, и конец. . .

Подписчик

По мне, так переводы
Пора бы выводить решительно из моды,
А много перевести романа два-три в год. . .
Не спору: хороши французские романы,
И в аглицких меня пленяет здравый ум. . .
160 Но мы читаем их, как дети, наобум:
Нас авторы ведут в неведомые страны;
Народности чужой неясные черты
Нам трудно понимать, не зная той среды,
В которой романист рисуется как дома. . .
То ль дело русский быт и русское житье?
Природа русская? . . Жизнь русская знакома
Так каждому из нас, так любим мы ее,
Что, как ни даровит роман ваш переводный,
Мы слабую ему статейку предпочтем,
170 В которой нам дохнет картиною народной,

И русской грустию, и русским удальством,
Где развернется нам знакомая природа,
Знакомые черты знакомого народа. . .

Ж у р н а л и с т

Вы судите умно. Всё к сведенью приму.
Теперь же вам вопрос последний предлагаю:
Сужденье ваше знать о «Критике» желаю. . .

П о д п и с ч и к

Позвольте умолчать.

Ж у р н а л и с т

Скажите, почему?

П о д п и с ч и к

Сегодня повод вам своей свободной речью
Я подал, сударь мой, и так к противоречью,
160 А если мнение о «Критике» скажу,
Название глупца, пожалуй, заслужу.

Ж у р н а л и с т

Напротив, никогда! Ведь нет о вкусах спора!
Прошу вас, и клянусь, что яблоком раздора
Не будет никакой строжайший приговор.

П о д п и с ч и к

Ну, если так, я рад! Полезно разговор,
О чем бы он ни шел, доведь до окончанья.
Я вашей «Критики» любитель небольшой:
Не то чтоб были в ней неверны замечанья,
Но многословием, надутой пустотой,
190 Самодовольствием, задором и педантством
Смущает нас она. . . а пуще шарлатанством!
Ну что хорошего? Как только летний жар
Немного поспадет и осенью суровой
Повеет над селом, над полем и дубровой,
Меж вами, так и жди, поднимется базар!
Забыв достоинство своей журнальной чести,
Из зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спешите вы послать врагам своим стрелу.

Враги стремительно бросают вам перчатку —
 200 И бурей роковой к известному числу
 Всё разрешается. . . Ошибку, опечатку
 С восторгом подхватив, готовы целый том
 О ней вы сочинить. . . А публика? Мы ждем,
 Когда окончится промышленная стычка,
 Критический отдел наполнившая весь
 И даже наконец забравшаяся в «Смесь»,
 И думаем свое: «Несчастливая привычка,
 Ошибка грустная испытанных умов,
 К чему ты приведешь? . . .» О, выразить нет слов,
 210 Как сами вы себя роняете жестоко,
 Как оскорбляете вы публику глубоко —
 И всё ведь из чего? . . . Шумливая толпа
 Газетных писунов, журнальных ратоборцев,
 Напрасно мыслишь ты, что публика слепа! . .
 Я верю вам, когда бездарных стихотворцев
 Преследуете вы, трактуя свысока
 О рифме, о стихе, о формах языка,
 Во имя Пушкина, Жуковского и Гете,
 Доказывая им, что хуже в целом свете
 220 Не писывал никто и что рубить дрова
 Полезней, чем низать — «слова, слова, слова!»
 (Привычка водится за всем ученым миром
 Сужденье подкрепить то Данте, то Шекспиром).
 Я верю вам, когда озлобленным пером
 Вонзаетесь порой в нелепые романы,
 Пигмеям нанося решительные раны,
 В надежде щегольнуть и собственным умом;
 Когда неловкий стих или хромую фразу,
 Вдобавок исказив и, на потеху глазу,
 230 Косыми буквами поставив мне на вид,
 Кричите вы: «И вот что автор говорит!
 Где мысль, где логика, где истинное чувство?
 Тут погран здравый смысл, поругано искусство!
 О муза русская! осиротела ты! . . .»
 Горячность ваша мне хотя и непонятна
 (Вы знаете, что есть и в самом солнце пятна),
 Но верить я готов, что чувство правоты
 Внушило вам и желчь, и едкие сарказмы
 (Хотя противное видали и не раз мы!).
 240 Я также верил вам, сочувствовал душой,

Когда в своих статьях, приличных и достойных,
Вы отзывались с разумной похвалой
О Пушкине и о других покойных.
Язык красноречив, манера хороша:
Кто страстно так любил, так понимал искусство,
В том был глубокий ум, горело ярко чувство,
Светилась прекрасная душа! . .
Когда авторитет, давно шумевший ложно,
Вы разрушаете — вам также верить можно;
250 Когда вы хвалите ученые труды,
Успех которых вам не сделает беды,
Я тоже верю вам (хоть страсть к литературе
Вас в равновесии не держит никогда:
То вдруг расходитесь, подобно грозной буре,
То так расхвалитесь, что новая беда).
Но иначе смотреть, иную думать думу
Привык я, господа, прислушиваясь к шуму,
Который иногда затеяв меж собой,
Вы разрешаетесь осеннею грозой;
260 Тоска меня берет, по телу дрожь проходит,
Когда один журнал, к другому подходя,
О совести своей журнальной речь заводит. . .

Журналист

Ужели, мой журнал внимательно следя,
И в нем открыли вы уловки самохвальства?

Подписчик

О, как же, батюшка, и даже до нахальства! . .

Журналист (вскакивая)

Но где ж? Помилуйте! еще подобных слов
Я сроду не слышал. . .

Подписчик

Уж будто?

Слуга (докладывает)

Хрипунов!

Журналист

А! нужный человек!

Подписчик

(вставая)

Так значит, до свиданья?

- Оно и хорошо, а то, разгорячась,
270 До грубости свои довел я замечанья
И засиделся сам, — прощайте! третий час!
Простите, что мои сужденья были жестки
(А может, скажете, что даже просто плоски).
Но льстить не мастер я и спину гнуть в кольцо...
Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:
Нет, дельный журналист — полезное лицо!
В вас благодетелей мы часто видим наших,
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды, —
280 Вы развиваете охоту к просвещенью,
Вы примиряете нас с собственной ленью,
И вам всегда открыт охотно наш карман —
Нас опыт научил, что без статей журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! Невежества туман
Рассеялся давно; смягчило время нравы;
Разгульные пиры и грубые забавы
Времен невежества сменило чередой
Стремленье к знанию, искусствам благородным,
290 И редкий дворянин — конечно, молодой —
Теперь не предпочтет собакам превосходным
Журнал ваш... Для чего ж грошовый интерес
Над правдою берет в вас часто перевес?
К чему хвастливый тон, осенние раздоры,
Зацепки, выходки, улики, желчь и споры?
К чему самих себя так глупо унижать?
Поверьте, публика поймет и без навета,
Что хорошо у вас, что дурно у соседа,
Да, право, и труда большого нет понять!
300 Поверьте, всё пойдет и тихо и прекрасно,
Когда вы станете трудиться, господа,
Самостоятельно, разумно и согласно —
И процветете все на многие года!..

Прощайте! надоел я вам своим болтаньем;
Но если речь мою почтили вы вниманьем,
Готов я забрести, пожалуй, и опять. . .

Журналист

Весьма обяжете. . . Прощайте! буду ждать!

1851, 1874

38. НОВЫЙ ГОД

Что новый год, то новых дум,
Желаний и надежд
Исполнен легковерный ум
И мудрых и невежд.
Лишь тот, кто под землей сокрыт,
Надежды в сердце не таит! . .

Давно ли ликовал народ
И радовался мир,
Когда рождался прошлый год
При звуках чаш и лир?
И чье суровое чело
Лучом надежды не цвело?

Но меньше ль видел он могил,
Вражды и нищеты?
В нем каждый день убийцей был
Какой-нибудь мечты;
Не пощадил он никого
И не дал людям ничего!

При звуках тех же чаш и лир,
Обычной чередой
Бесстрастный гость вступает в мир
Бесстрастную стопой —
И в тех лишь нет надежды вновь,
В ком навсегда застыла кровь!

И благо! . . С чашами в руках
Да будет встречен гость,
Да разлетится горе в прах,

Да умирится злость —
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца!

Нас давит времени рука,
Нас изнуряет труд,
Всесилен случай, жизнь хрупка,
Живем мы для минут,
И то, что с жизни взято раз,
Не в силах рок отнять у нас!

Пускай кипит веселый рой
Мечтаний молодых —
Им предадимся всей душой. . .
А время скосит их? —
Что нужды! Снова в свой черед
В нас воскресит их новый год. . .

1851

39. ЗА ГОРОДОМ

«Смешно! нас веселит ручей, вдали журчащий,
И этот темный дуб, таинственно шумящий;
Нас тешит песнею задумчивой своей,
Как праздных юношей, вечерний соловей;
Далекий свод небес, усеянный звездами,
Нам кажется, простерт с любовью над нами;
Любуясь месяцем, оглядывая даль,
Мы чувствуем в душе ту тихую печаль,
Что слаще радости. . . Откуда чувства эти?
Чем так довольны мы?.. Ведь мы уже не дети!
Ужель поденный труд наклонности к мечтам
Еще в нас не убил?.. И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природой наслажденья
Свободы краткие истрачивать мгновенья?»

— Э! полно рассуждать! искать всему причин!
Деревня согнала с души давнишний сплин.
Забыта тяжкая, гнетущая работа,
Докучной бедности бессменная забота, —

И сердцу весело. . . И лучше поскорей
Судьбе воздать хвалу, что в нищете своей,
Лишенные даров довольства и свободы,
Мы живо чувствуем сокровища природы,
Которых сильные и сытые земли
Отнять у бедняков голодных не могли. . .

<1852>

40. СТАРИКИ

Неизбежные напасти,
Бремя лет, трудов и зла
Унесли из нашей страсти
Много свету и тепла.

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой,
Расстаемся равнодушно,
Не торопимся домой.

Что таиться друг от друга?
Поседел я — видишь ты;
И в тебе, моя подруга,
Нету прежней красоты.

Что ж осталось в жизни нашей?
Ты молчишь. . . печальна ты. . .
Не случилось ли с Парашей —
Сохрани господь — беды? . .

<1852>

41

(Из Гейне)

Ах, были счастливые годы!
Жил шумно и весело я,
Имел я большие доходы,
Со мной пировали друзья;

Я с ними последним делился,
И не было дружбы нежней,
Но мой кошелек истощился —
И нет моих милых друзей!

Теперь у постели больного —
Как зимняя вьюга шумит —
В ночной своей кофте, сурово
Старуха-Забота сидит.

Скрипя, раздирает мне ухо
Ее табакерка порой.
Как страшно кивает старуха
Седую своей головой!

Случается, снова мне снится
То полное счастья житье,
И станет отраднее биться
Изнывшее сердце мое. . .

Вдруг скрип, раздирающий ухо, —
И мигом исчезла мечта!
Сморкается громко старуха,
Зевает и крестит уста.

1851 или 1852

42

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства:
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,
И современники ему
При жизни памятник готовят. . .

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его кланут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!

Конец февраля 1852

43. МУЗА

Нет, Музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
В небесной красоте, неслышимо, как дух,
Слетая с высоты, младенческий мой слух

Она гармонии волшебной не учила,
В пеленках у меня свирели не забыла,
Среди забав моих и отроческих дум
Мечтой неясною не волновала ум
И не явилась вдруг восторженному взору
10 Подругой любящей в блаженную ту пору,
Когда томительно волнуют нашу кровь
Неразделимые и Муза и Любовь. . .

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой Музы,
Печальной спутницы печальных бедняков,
Рожденных для труда, страданья и оков, —
Той Музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото — единственный кумир. . .

20 В усладу нового пришельца в божий мир,
В убогой хижине, пред дымною лучиной,
Согбенная трудом, убитая кручиной,
Она певала мне — и полон был тоской
И вечной жалобой напев ее простой.
Случалось, не стерпев томительного горя,
Вдруг плакала она, моим рыданиям вторя,
Или тревожила младенческий мой сон
Разгульной песнею. . . Но тот же скорбный стон
Еще пронзительней звучал в разгуле шумном.
30 Всё слышалось в нем в смещении безумном:
Расчеты мелочной и грязной суеты,
И юношеских лет прекрасные мечты,
Погибшая любовь, подавленные слезы,
Проклятья, жалобы, бессильные угрозы.
В порыве ярости, с неправдою людской
Безумная клялась начать упорный бой.
Предавшись дикому и мрачному веселью,
Играла бешено моею колыбелью,
Кричала: «Мщение!» — и буйным языком
40 В сообщники свои звала господень гром!

В душе озлобленной, но любящей и нежной
Непрочен был порыв жестокости мятежной.
Слабея медленно, томительный недуг

Смирялся, утихал. . . и выкупалось вдруг
Всё буйство дикое страстей и скорби лютой
Одной божественно-прекрасною минутой,
Когда страдалница, поникнув головой,
«Прощай врагам своим!» шептала надо мной. . .

Так вечно плачущей и непонятной девы
50 Лелеяли мой слух суровые напевы,
Покуда наконец обычной чередой
Я с нею не вступил в ожесточенный бой.
Но с детства прочного и кровного союза
Со мною разорвать не торопилась Муза:
Чрез бездны темные Насилия и Зла,
Труда и Голода она меня вела —
Почувствовать свои страданья научила
И свету возвестить о них благословила. . .

1852

44. ПРЕКРАСНАЯ ПАРТИЯ

1

У хладных невских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некто господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Простой и добрый семьянин,
Чиновник непродажный,
Он нажил только дом один —
Но дом пятиэтажный.

Учась на медные гроши,
10 Не ведал по-французски,
Был добр по слабости души,
Но как-то не по-русски:

Есть русских множество семей,
Они как будто добры,
Но им у крепостных людей
Считать не стыдно ребры.

Не отличался наш Долгов
Такой рукою бойкой
И только колотить тузов
20 Любил козырной двойкой.

Зато господь его взыскал
Своею благодатью:
Он город за женою взял
И породнился с знатью.

Итак, жена его была
Наклонна к этикету
И дом как следует вела, —
Под стать большому свету:

Сама не сходит на базар
30 И в кухню ни ногою;
У дома их стоял швейцар
С огромной булавою;

Лакеи чинною толпой
Теснились в прихожей,
И между ними ни одной
Кривой и пьяной рожки.

Всегда сервирован обед
И чай весьма прилично,
В парадных комнатах паркет
40 Так вылощен отлично.

Они давали вечера
И даже в год два бала:
Играли старцы до утра,
А молодежь плясала;

Гремела музыка всю ночь,
По требованью глядя.
Царицей тут была их дочь —
Красивенькая Надя.

Ни преждевременным умом,
 50 Ни красотой нимало
 В невинном возрасте своем
 Она не поражала.

Была ленивой в десять лет
 И милою резвущкой:
 Цветущ и ясен, божий свет
 Казался ей игрушкой.

В семнадцать — сверстниц и сестриц
 Всех красотой затмила,
 Но наших чопорных девиц
 60 Собой не повторила:

В глазах природный ум играл,
 Румянец в коже смуглой,
 Она любила шумный бал
 И не была там куклой.

В веселом обществе гостей
 Жеманно не молчала
 И строгой маменьки своей
 Глазами не искала.

Любила музыку она
 70 Не потому, что в моде;
 Не исключительно луна
 Ей нравилась в природе.

Читать любила иногда
 И с книгой не скучала,
 Напротив, и гостей тогда
 И танцы забывала;

Но также *синею чулка*
 В ней не было приметы:
 Не трактовала свысока
 80 Ученые предметы,

Разбору строгому еще
Не предавала чувство
И не трещала горячо
О святости искусства.

Ну, словом, глядя на нее,
Поэт сказал бы с жаром:
«Цвети, цвети, дитя мое!
Ты создана не даром! . . .»

Уж ей врала про женихов
90 Услужливая няня.
Немало ей писал стихов
Кузен какой-то Ваня.

Мамаша повторяла ей:
«Уж ты давно невеста».
Но в сердце береглось у ней
Незанятое место.

Девичий сон еще был тих
И крепок благотворно.
А между тем давно жених
100 К ней сватался упорно. . .

8

То был гвардейский офицер,
Воитель черноокий.
Блистал он светскостью манер
И лоб имел высокий;

Был очень тонкого ума,
Воспитан превосходно,
Читал Фудраса и Дюма
И мыслил благородно;

Хоть книги редко покупал,
110 Но чтил литературу
И даже анекдоты знал
Про русскую цензуру.

В Шекспире признавал талант
За личность Дездемоны
И строго осуждал Жорж Санд,
Что носит панталоны;

Был от Рубини без ума,
Пел басом «Саго тiо»¹
И к другу при конце письма
120 Приписывал: «addio».²

Его любимый идеал
Был Александр Марлинский,
Но он всему предпочитал
Театр Александринский.

Здесь пищи он искал уму,
Отхлопывал ладони,
И были по сердцу ему
И Кукольник и Кони.

Когда главою помавал,
130 Как некий древний магик,
И диким зверем завывал
Широкоплечий трагик,

И вдруг влетала, как зефир,
Воздушная Сюзета —
Тогда он забывал весь мир,
Вникая в смысл куплета.

Следил за нею чуть дыша,
Не отрывая взора,
Казалось, вылетит душа
140 С его возгласом: «фора!»

В нем бурно поднимала кровь
Все силы молодые.
Счастливый юноша! любовь
Он познавал впервые!

---

¹ Дорогой мой (итал.). — *Ред.*

² Прощай (итал.). — *Ред.*

Отрада юношеских лет,
Подруга идеалам,
О сцена, сцена! не поэт,
Кто не был театралом,

Кто не сдавался в милый плен,
150 Не рвался за кулисы
И не платил громадных цен
За кресла в бенефисы,

Кто по часам не поджидал
Зеленую карету
И водевилей не писал
На бенефис «предмету»!

Блажен, кто успокоил кровь
Обычной чередою:
Успехом увенчал любовь
160 И завелся семьею;

Но тот, кому не удалось
Исканья, — не внакладе:
Прелестны грации кулис —
Покуда на эстраде,

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы.
А дома сплетни, барыши,
Упреки, зависть, слезы.

Так отдает внаймы другим
170 Свой дом владелец жадный,
А сам, нечист и нелюдим,
Живет в конуре смрадной.

Но ты, к кому души моей
Летят воспоминанья, —
Я бескорыстней и светлей
Не видывал созданья!

Блестящ и краток был твой путь. . .
Но я на эту тему
Вам напишу когда-нибудь
150 Особую поэму. . .

В молодые годы наш герой
К театру был прикован,
Но ныне он отцвел душой —
Устал, разочарован!

Когда при тысяче огней
В великолепной зале,
Кумир девиц, гроза мужей,
Он танцевал на бале,

Когда являлся в маскарад
190 Во всей парадной форме,
Когда садился в первый ряд
И дико хлопал «Норме»,

Когда по Невскому скакал
С усмешкой губ румяных
И кучер бешено кричал
На пару шведок рьяных, —

Никто б, конечно, не узнал
В нем нового Манфреда. . .
Но ах! он жизньню скучал —
200 Пока лишь до обеда.

Являл он Байрона черты
В характере усталом:
Не верил в книги и мечты,
Не увлекался балом.

Он знал: фортуны колесо
Пленяет только младость;
Он в ресторации Дюсо
Давно утратил радости!

Не верил истине в друзьях —
210 Им верят лишь невежды, —
С кием и с картами в руках
Познал тщету надежды!

Он буйно молодость убил,
Взяв образец в Ловласе,
И рано сердце остудил
У Кессених в танцклассе!

Расстроил тысячу крестьян,
Чтоб как-нибудь забыться. . .
Пуста душа, и пуст карман —
220 Пора, пора жениться!

4

Недолго в деве молодой
Таилося раздумье. . .
«Прекрасной партией такой
Пренебрегать — безумье», —

Сказала плачущая мать,
Дочь по головке глядя,
И не могла ей отказать
Растроганная Надя.

Их сговорили чередой
230 И обвенчали вскоре.
Как думаешь, читатель мой,
На радость или горе? . .

1852

45

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.

Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти
И чувству скажете: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской. . .

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

46. БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты? . . .»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом. . .
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво.

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..>

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмурю.
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...>

<1850>, 1853

47. ПАМЯТИ БЕЛИНСКОГО

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и спеша,
Ты честно шел к одной высокой цели;
Кипел, горел — и быстро ты угас!
Ты нас любил, ты дружеству был верен —
И мы тебя почтили в добрый час!
Ты по судьбе печальной беспримерен:
Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, несчастлив и незнаем!
И с дерева неведомого плод,
Беспечные, беспечно мы вкушаем.
Нам дела нет, кто возрастил его,
Кто посвящал ему и труд и время,
И о тебе не скажет ничего
Своим потомкам сдержанное племя...
И, с каждым днем окружена тесней,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги к ней не проторила...>

Между 1851 и 1853

48. ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
10 Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол. . . уныло смотрю
И сажу неподвижен, как статуя,
20 И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала? . . .»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Всё припомню, что было ей сказано,
30 Вижу: сам бы сказал не глупей. . .
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!

Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
40 Бесконечная скрыта любовь. . .

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносливых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, dokonала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
50 Что как червь копошится в груди,
Да сознание бессилья обидное
Мне осталось одно впереди. . .

1852 или 1853

49. ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАНИСОК ГРАФА ГАРАНСКОГО

(Перевод с французского: *Trois mois dans la Patrie. Essais de Poésie et de Prose, suivis d'un Discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la Nation Russe et des richesses naturelles de cet État. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris, 1836*¹.)

Я путешествовал недурно: русский край
Оригинальности имеет отпечаток;
Не то чтоб в деревнях трактиры были — рай,
Не то чтоб в городах писцы не брали взятку —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встретите нигде вы:

---

¹ Три месяца в отчизне. Опыты в стихах и прозе, сопровождаемые рассуждением о мерах, способствующих развитию нравственных начал в русском народе и естественных богатств Российского государства. Сочинение россиянина, графа де Гаранского. Восемь томов в четвертую долю листа. Париж, 1836 (франц.). — *Ред.*

Пространства широко раскинутых степей
Лугами здесь зовут; начнутся ли посевы —
Не ждите им конца! подобно островам,

- 10 Зеленые леса и серые селенья
Пестрят равнину их, и любо видеть вам
Картину сельского обычного движенья. . .
Подобно муравью, трудолюбив мужик:
Ни грубости их рук, ни лицам загорелым
Я больше не дивлюсь: я видеть их привык
В работах полевых чуть не по суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы —
20 Все терпят общую, по их словам, «страду»,
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!
Я думаю, земель избыток и лесов
Способствует к труду всегдашней их охоте,
Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.
Не такова ли цель — в немецких сертуках
Особенных фигур, бродящих между ними?
Нагайки у иных заметил я в руках. . .
Как быть! не вразумишь их средствами другими:
Натуры грубые! . .

Какие реки здесь!

- 30 Какие здесь леса! Пейзаж природы русской
Со временем собьет, я вам ручаюсь, спесь
С природы реинской, но только не с французской!
Во Франции провел я молодость свою;
Пред ней, как говорят в стихах, всё клонит выю,
Но всё ж, по совести и громко признаю,
Что я не ожидал найти такой Россию!
Природа недурна: в том отдаю ей честь, —
Я славно ел и спал, подьячим не дал штрафа. . .
Да, средство странствовать и по России есть —
40 С французской кухнею и с русским титулом графа! . .

Но только худо то, что каждый здесь мужик
Дворянский гонор мой, спокойствие и совесть
Безбожно возмущал; одну и ту же повесть
Бормочет каждому негодный их язык:
Помещик — лиходей! а если управитель,

То, верно, — живодер, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «Чей, братец, виден дом?»
— «Помещика. . .» — «Что, добр?» — «Нешто,
хороший барин,
Да только. . .» — «Что, мой друг?» — «С тяжелым
кулаком,

60 Как хватит — год хворай». — «Неужто? вот татарин!»
— «Э, нету, ничего! маненечко ретив,
А добрая душа, не тяготит оброком,
Почасту с мужиком и ласков и правдив,
А то скулу свернет, вестимо ненароком!
Куда б еще ни шло за барином таким,
А то и хуже есть. Вот памятное место:
Тут славно мужички расправились с одним. . .»
— «А что?» — «Да сделали из барина-то тесто».
— «Как тесто?» — «Да в куски живого изрубил
60 Его один мужик. . . попал такому в лапы. . .»
— «За что же?» — «Да за то, что барин лаком был
На свой, примерно, гвоздь чужие вешать шляпы».
— «Как так?» — «Да так, сударь: как женится
мужик,

Веди к нему жену; проспит с ней перву ночь,
А там и к мужу в дом. . . да наш народец дик,
Сначала потерпел — не всяко лыко в строчку, —
А после и того. . . А вот, примерно, тут,
Извольте посмотреть — домок на косогоре,
Четыре барышни-сестрицы в нем живут,
70 Так мужикам от них уж просто смех и горе:
Именья — семь дворов; так бедно, что с трудом
Дай бог своих детей прохарчить мужичонку,
А тут еще беда: что год, то в каждый дом
Сестрицы-барышни подкинут по ребенку».
— «Как, что ты говоришь?» — «А то, что в восемь
лет

Так тридцать три души прибавилось в именье.
Убытку барышням, известно дело, нет,
Да, судырь, мужичкам какое разоренье!»

Ну, словом, всё одно: тот с дворней выезжал
80 Разбойничать, тот затравил мальчишку, —
Таких рассказов здесь так много я слышал,
Что скучно, наконец, записывать их в книжку.

Ужель помещики в России таковы?
Я к многим заезжал; иные, точно, грубы —
Муж *ты* своей жене, жена супругу *вы*,
Сивуха, грязь и вонь, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убран дом,
У дочерей рояль, а чаще фортепьяно,
Хозяин с Францией и с Англией знаком,
90 Хозяйка не заснет без модного романа;
Ну, всё, как водится у развитых людей,
Которые глядят прилично на предметы
И вряд ли мужиков трактуют, как свиней. . .

Я также наблюдал — в окно моей кареты —
И быт крестьянина: он нищеты далек!
По собственным моим владеньям проезжая,
Созвал я мужиков: составили кружок
И гаркнули: «ура! . . .» С балкона наблюдая,
Спросил: довольны ли? . . . Кричат: «Довольны всем!»
100 — «И управляющим?» — «Довольны». . . О работах
Я с ними говорил, поил их — и затем,
Бекаса подстрелив в наследственных болотах,
Поехал далее. . . Я мало с ними был,
Но видел, что мужик свободно ел и пил,
Плясал и песни пел; а немец-управитель
Казался между них отец и покровитель. . .

Чего же им еще? . . . А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
110 Пятнают родину и русское дворянство —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич? . . .
Я книги русские перебирал всё лето:
Пустейшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшие темны, как стертая монета!
Жаль, дремлет русский ум. А то чего б верней?
Правительство казнит открытого злодея,
Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля находить виновного умея.
Сатире уж не раз обязана была
120 Европа (кажется, отчасти и Россия)
Услужой важною . . . . .

1853

50. ФИЛАНТРОП

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
10 Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взывайте! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь по миру,
20 Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели — и упекли!
Совершилось пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, извели,
30 Чашу выпили до дна:
Плачут дети — не обедали, —
Убивается жена,
Проклинает поведение,
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но — свидетель бог — не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб. . .

Так мы десять лет ровнехонько
40 Бились, волею судеб.

Вдруг — известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
50 Не приездом ко двору,
Не звездою стапиславскою,
А любовью к добру, —
О народном просвещении
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
60 В них стараясь мужика.
Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
70 Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя, —

Говорю тогда жене, —
Нашим крошкам покровителя!»
80 И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё как следует разведали
И в столицу поскорей.
Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил — я в номера. . .
Вся семья моя угоднику
В ночь молилась. Со двора
Вышел я чем свет. Дорогою,
90 Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:
«Оттого-де ныне с голоду
Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
100 Даже с правого не брал —
И погиб. . . Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой — вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите! . . .»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идут — остановились,
110 Я сробел, чуть жив стою;
Замер дух, виски забились,
И забыл я речь свою!
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь окоlesiцу,
А о деле — ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» — говорят.

«Нужно мне...» Тут слезы хлынули
120 Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Всё, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту —
Той поры счастливой радости,
Пропросту сказать: мечту —
Всё, что кануло и сгнуло
130 В треволненьях жизни сей,
Всё я вспомнил, всё прихлынуло
К сердцу. . . Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом! . .

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
140 К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали. . .
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка. . .
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
150 Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!

Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,

Как я щеку стал подвязывать,
160 Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
170 Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист — так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить. . .

Ноябрь 1853

51. В ДЕРЕВНЕ

1

Право, не клуб ли вороньего рода
Около нашего нынче прихода?
Вот и сегодня. . . ну, просто беда!
Глупое карканье, дикие стоны. . .
Кажется, с целого света вороны
По вечерам прилетают сюда.
Вот и еще, и еще эскадры. . .
Рядышком сели на купол, на крест,
На колокольне, на ближней избушке, —
10 Вон у плетня покачнувшийся шест:
Две уместились на самой верхушке,
Крыльями машут. . . Всё то же опять,
Что и вчера. . . посидят, и в дорогу!
Полно лениться! ворон наблюдать!
Черные тучи ушли, слава богу,
Ветер смирился: пройдуся до полей.

С самого утра унылый, дождливый,
Выдался нынче денек несчастливый:
Даром в болоте промок до костей,
20 Вздумал работать, да труд не дается,
Глядь, уж и вечер — вороны летят. . .
Две старушонки сошлись у колодца,
Дай-ка послушаю, что говорят. . .

2

«Здравствуй, родная». — «Как можется,
кумушка?

Всё еще плачешь, никак?
Ходит, зная, по сердцу горькая думушка,
Словно хозяин-большак?»
— «Как же не плакать? Пропала я, грешная!
Душенька ноет, болит. . .
30 Умер, Касьяновна, умер, сердешная,
Умер и в землю зарыл!

Ведь наскочил же на экую гадину!
Сын ли мой не был удал?
Сорок медведей поддел на рогатину —
На сорок первом сплошал!
Росту большого, рука что железная,
Плечи — косая сажень;
Умер, Касьяновна, умер, болезная, —
Вот уж тринадцатый день!

40 Шкуру с медведя-то содрали, продали;
Деньги — семнадцать рублей —
За душу бедного Савушки подали,
Царство небесное ей!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала. . .
Умер, голубушка, умер, Касьяновна, —
Чуть я домой добрела.

Ветер шатает избенку убогую,
Весь развалился овин. . .
60 Словно шальная пошла я дорогою:

Не попадется ли сын?
Взял бы топорик — беда поправимая, —
Мать бы утешил свою. . .
Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Надо ль? топор продаю.

Кто приголубит старуху безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, в зиму холодную
Кто запасет мне дровец?
60 Кто, как доносится теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умер, голубушка, —
Даром ружье пропадет!

Веришь, родная: с тоской да с заботами
Так опостылел мне свет!
Лягу в каморку, покроюсь тенетами,
Словно как саваном. . . Нет!
Смерть не приходит. . . Брожу нелюдимая,
Попусту жалоблю всех. . .
70 Умер, Касьяновна, умер, родимая, —
Эх! кабы только не грех. . .

Ну, да и так. . . дай бог зиму промаяться, —
Свежей травы мне не мять!
Скоро избенка совсем расшатается,
Некому поле вспахать.
В город собирается Марья Романовна,
По миру сил нет ходить. . .
Умер, голубушка, умер, Касьяновна,
И не велел долго жить!».

3

80 Плачет старуха. А мне что за дело?
Что и жалеть, коли нечем помочь? . .
Слабо мое изнуренное тело,
Время ко сну. Недолга моя ночь:
Завтра раненько пойду на охоту,
До свету надо покрепче уснуть. . .
Вот и вороны готовы к отлету,

Кончился раут... Ну, трогайся в путь!
Вот поднялись и закаркали разом.
— Слушай, равняйся! — Вся стая летит:
90 Кажется, будто меж небом и глазом
Черная сетка висит.

Весна 1854

52. ПРИЗНАНИЯ ТРУЖЕНИКА

По моей громадной толщине
Люди ложно судят обо мне.
Помню, раз четыре господина
Говорили: «Вот идет скотина!
Видно, нет заботы никакой —
С каждым годом прет его горой!»
Я совсем не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен;
Дочитав рассказ мой до конца,
10 Содрогнутся многие сердца!
Для поддержки брэнной плоти нужен
Мне обед достаточный и ужин,
И чтоб к ним себя приготавливать,
Должен я — гулять, гулять, гулять!
Чуть проснусь, не выпив чашки чаю,
«Одевай!» — командую Минаю
(Адски глуп и копотлив Минай,
Да зато повязывать мне шею
Допускать его я не робею:
20 Предан мне безмерно негодяй. . .)
Как пройду я первые ступени,
Подогнутся слабые колени;
Стукотня ужасная в висках,
Пот на лбу и слезы на глазах,
Словно кто свистит и дует в ухо,
И, как волны в бурю, ходит брюхо!
Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров;
Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
30 Да грозит чудовище Кондрашка

И твердит, как Вечному Жиду,
Всё: «Иди, иди, иди! . . .» Иду. . .

- Кажется, я очень авантажен:
Хорошо одет и напомажен,
Трость в руке и шляпа набекрень. . .
А терплю насмешки целый день!
Из кареты высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,
Крикнет школьник с хохотом: «Ура!
40 Посмотрите: катится гора! . . .»
А дурак лакей, за мной шагая,
Уваженье к барину теряя,
Так и прыснет! . . . Праздный балагур
Срисовать в альбом карикатур
Норовит, рекомендуя дамам
Любоваться «сим гиппопотамом»!
Кучера по-своему острят:
«Этому, — мерзавцы говорят, —
Если б в брюхо и попало дышло,
60 Так насквозь оно бы, чай, не вышло? . . .»
Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогаю палим,
Я бреду. . . Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,
Экипажи, вывески, — друзья,
Ничего не замечаю я! . . .
Наконец. . . Счастливая минута! . . .
Скоро пять — неведомо откуда
Силы вдруг возьмутся. . . Как зефир,
60 Я лечу домой, или в трактир,
Или в клуб. . . Теперь я жив и молод,
Я легок: я ощущаю голод! . . .
Ах, поверьте: счастье не в том,
Чтоб блистать чинами и умом,
Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами! . . .
Впрочем, мне распространяться лень. . .
Дней моих хранительная сень,
Здравствуй, клуб! . . . Почти еще ребенок,
70 В первый раз, и сухощав и тонок,
По твоим ступеням я всходил:

Ты меня взлелеял и вскормил!
Честь тебе, твоим здоровым блюдам! . .
Если кто тебя помянет худом,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Уголок спокойный и отрадный!
Сколько раз, в час бури беспощадной,
Думал я, дремля у камелька:
80 «Жизнь моя приятна и легка.
Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
Кто-нибудь в сердитом море тонет,
Кто-нибудь дрожит. . . а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной. . .
Скольких ты пригрел и успокоил
И в объеме, как меня, утроил!
Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей! . .»
. . . . .

Октябрь 1854, 1874

58. НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна. . .
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет. . .
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял? ..»

Ветер несет им печальный ответ:
«Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге — не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосую».

22—25 ноября 1854

54. ВЛАС

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас — старик седой.

На груди икона медная:
Просит он на божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
10 Палка длинная в руке. . .
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было: побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
20 Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого. . .
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Кто снимал рубашку с пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
30 Год прошел — а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы — видом черные
40 И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут. . .

Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
60 Те горячий лижут пол. . .
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел. . .

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет. . .
Внял господь — и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
60 Храма божьего пошел.

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была. . .

Полон скорбью неутешною,
70 Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
80 Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие. . .
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы божии
По лицу земли родной. . .

<1855>

55

Чуть-чуть не говоря: «Ты сущая ничтожность!»,
Стихов моих печатный судия
Советует большую осторожность
В употребленьи буквы «я».
Винюсь: ты прав, усердный мой ценитель
И общих мест присяжный расточитель, —
Против твоей я публики грешу,
Но только я не для нее пишу.
Увы! писать для публики, для света —
Удел не русского поэта. . .
Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас. . . Не правда ли, отраднo
Несчастному несчастье в другом?
Кто болен сам, тот весело и жадно
Внимает вести о больном. . .

<1855>

56. МАША

Белый день занялся над столицей,
Сладко спит молодая жена,
Только труженик муж бледнолицый
Не ложится — ему не до сна!

Завтра Маше подруга покажет
Дорогой и красивый наряд. . .
Ничего ему Маша не скажет,
Только взглянет. . . убийственный взгляд!

В ней одной его жизни отрада,
Так пускай в нем не видит врага:
Два таких он ей купит наряда.
А столичная жизнь дорога!

Есть, конечно, прекрасное средство:
Под рукою казенный сундук;
Но испорчен он был с малолетства
Изученьем опасных наук.

Человек он был новой породы:
Исключительно честь понимал
И безгрешные даже доходы
Называл воровством, либерал!

Лучше жить бы хотел он попроще,
Не франтить, не тянуться бы в свет, —
Да обидно покажется теще,
Да осудит богатый сосед!

Всё бы вздор. . . только с Машей не сладишь,
Не втолкуешь — глупа, молода!
Скажет: «Так за любовь мою платишь!»
Нет! упреки тошнее труда!

И кипит-поспевает работа,
И болит-надрывается грудь. . .
Наконец наступила суббота:
Вот и праздник — пора отдохнуть!

Он лелеет красавицу Машу,
Выпив полную чашу труда,
Наслаждения полную чашу
Жадно пьет... и он счастлив тогда!

Если дни его полны печали,
То минуты порой хороши,
Но и самая радость едва ли
Не вредна для усталой души.

Скоро в гроб его Маша уложит,
Проклянет свой сиротский удел
И, бедняжка! ума не приложит:
Отчего он так скоро сгорел?

Начало 1855

57. СВАДЬБА

В сумерки в церковь вхожу. Малоллюдно,
Светят лампы печально и скудно,
Темны просторного храма углы;
Длинные окна, то полные мглы,
То озаренные беглым мерцаньем,
Тихо колеблются с робким бряцаньем.
В куполе темень такая висит,
Что поглядеть туда — дрожь пробежит!
С каменных плит и со стен полутемных
Сыростью веет: на петлях огромных
Словно заплакана тяжкая дверь...

Нет богомольцев, не служба теперь —
Свадьба. Венчаются люди простые.
Вот у налая стоят молодые:
Парень-ремесленник фертом глядит,
Красен с лица и с затылка подбрит —
Видно: разгульного сорта детина!
Рядом невеста: такая кручина
В бледном лице, что глядеть тяжело...
Бедная женщина! Что вас свело?

Вижу я, стан твой немного полнее,
Чем бы. . . Я понял! Стыдливо краснея
И нагибаясь, свой длинный платок
Ты на него потянула. . . Увлек,
Видно, гуляка подарком да лаской,
Песней, гитарой да честною маской?
Ты ему сердце свое отдала. . .
Сколько ночей ты потом не спала!
Сколько ты плакала! . . Он не оставил,
Волей ли, нет ли, он дело поправил —
Бог не без милости — ты спасена. . .
Что же ты так безнадежно грустна?

Ждет тебя много попреков жестоких,
Дней трудовых, вечеров одиноких:
Будешь ребенка больного качать,
Буйного мужа домой поджидать,
Плакать, работать — да думать уныло,
Что тебе жизнь молодая сулила,
Чем подарила, что даст впереди. . .
Бедная! лучше вперед не гляди!

29 марта, 23 апреля 1855

58

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.

И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою. . .

24—25 апреля 1855

59. ПАМЯТИ < АСЕНКОВ > ОЙ

В тоске по юности моей
И в муках разрушенья
Прошедших невозвратных дней
Припомнив впечатленья,

Одно из них я полюбил
Будить в душе суровой,
Одну из множества могил
Оплакал скорбью новой. . .

Я помню: занавесь взвилась,
20 Толпа угомонилась —
И ты на сцену в первый раз,
Как светлый день, явилась.

Театр гремел: и дилетант,
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной.

И точно, мало я видал
Красивее головок;
Твой голос ласково звучал,
20 Твой каждый шаг был ловок;

Дышали милые черты
Счастливым детским смехом. . .
Но лучше б воротилась ты
Со сцены с неуспехом!

Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы, —
Ты благородно поняла
Призвание актрисы:

Исканья старых богачей
30 И молодых нахалов,
Куплеты бледных рифмачей
И вздохи театралов —

Ты всё отвергла. . . Заперлась
Ты феей недоступной —
И вся искусству предалась
Душою неподкупной.

И что ж? обижены тобой,
Лишенные надежды,
Отмстить решились клеветой
40 Бездушные невежды!

Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно —

И всё заговорило вдруг. . .
Посыпались упреки,
Стихи и письма, и подруг
Нетонкие намеки. . .

Душа твоя была нежна,
50 Прекрасна, как и тело,
Клевет не вынесла она,
Врагов не одолела!

Их говор лишь тогда затих,
Как смерть тебя сразила. . .
Ты до последних дней своих
Со сцены не сходила.

В сознании светлой красоты
И творческого чувства
Восторг толпы любила ты,
60 Любила ты искусство,

Любила славу... Твой закат
Был странен и прекрасен:
Горел огнем глубокий взгляд,
Пронзителен и ясен;

Пылали щеки; голос стал
Богаче страстью нежной...
Увы! театр рукоплескал
С тоскою безнадежной!

Сама ты знала свой удел,
70 Но до конца, как прежде,
Твой голос, погасая, пел
О счастье и надежде.

Не так ли звездочка в ночи,
Срываясь, упадает
И на лету свои лучи
Последние роняет?..

Ноябрь 1854, апрель 1855

60

Я сегодня так грустно настроен,
Так устал от мучительных дум,
Так глубоко, глубоко спокоен
Мой истерзанный пыткой ум, —

Что недуг, мое сердце гнетущий,
Как-то горько меня веселит —
Встречу смерти, грозящей, идущей,
Сам пошел бы... Но сон освежит —

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу:
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

А недуг, сокрушающий силы,
Будет так же и завтра томить
И о близости темной могилы
Так же внятно душе говорить. . .

Апрель 1855

61—63. ПОСЛЕДНИЕ ЭЛЕГИИ

1

Душа мрачна, мечты мои унылы,
Грядущее рисуется темно.
Привычки, прежде милые, постыли,
И горек дым сигары. Решено!
Не ты горька, любимая подруга
Ночных трудов и одиноких дум, —
Мой жребий горек. Жадного недуга
Я не избег. Еще мой светел ум,
Еще в надежде глупой и послушной
Не ищет он отрады малодушной,
Я вижу всё. . . А рано смерть идет,
И жизни жаль мучительно. Я молод,
Теперь поменьше мелочных забот
И реже в дверь мою стучится голод:
Теперь бы мог я сделать что-нибудь.
Но поздно! . . Я, как путник безрассудный,
Пустившийся в далекий, долгий путь,
Не соразмерив сил с дорогой трудной:
Кругом всё чуждо, негде отдохнуть,
Стоит он, бледный, средь большой дороги.
Никто его не призрел, не подвез:
Промчалась тройка, проскрипел обоз —
Всё мимо, мимо! . . Подкосились ноги,
И он упал. . . Тогда к нему толпой
Сойдутся люди — смущены, унылы,
Почтят его ненужною слезой
И подвезут охотно — до могилы. . .

Январь или февраль 1853

Я рано встал, недолги были сборы,
 Я вышел в путь, чуть занялась заря;
 Переходил я пропасти и горы,
 Переплывал я реки и моря;
 Боролся я, один и безоружен,
 С толпой врагов; не унывал в беде
 И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
 И не нашел приюта я нигде!
 Не раз, упав лицом в сырую землю,
 С отчаяньем, голодный, я твердил:
 «По силам ли, о боже! труд подъемлю?» —
 И снова шел, собрав остаток сил.
 Всё ближе и знакомее дорога,
 И пройдено всё трудное в пути!
 Главы церквей сияют впереди —
 Недалеко до отчего порога!
 Насмешливо сгибаясь и кряхтя
 Под тяжестью сумы своей дырявой,
 Алчбы и жажды бледное дитя,
 Голодный труд, попутчик мой лукавый,
 Уж прочь идет: теперь нам розный путь.
 Вперед, вперед! Но изменили силы —
 Очнулся я на рубеже могилы. . .

И некому и нечем помянуть!
 Настанет утро — солнышко осветит
 Бездушный труп; всё будет решено!
 И в целом мире сердце лишь одно —
 И то едва ли — смерть мою заметит. . .

Между 1853 и 1855

Пышна в разливе гордая река,
 Плывут суда, колеблясь величаво,
 Просмолены их черные бока,
 Над ними флаг, на флаге надпись: слава!
 Толпы народа берегом бегут,
 К ним приковав досужее вниманье,

И, шляпами размахивая, шлют
Пловцы родному берегу прощанье, —
И вмиг оно подхвачено толпой,
И дружно берег весь ему ответит.
Но тут же, опрокинутый волной,
Погибни челн — и кто его заметит?
А если и раздастся дикий стон
На берегу — внезапный, одинокой,
За криками не будет слышен он
И не дойдет на дно реки глубокой. . .
Подруга темной участи моей!
Оставь скорее берег, озаренный
Горячим блеском солнечных лучей
И пестрою толпою оживленный, —
Чем солнце ярче, люди веселей,
Тем сердцу сокрушенному больней!

Между 21 мая и 7 июня 1855

64

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Если долго сдержанные муки,
Накипев, под сердце подойдут,
Я пишу: рифмованные звуки
Нарушают мой обычный труд.

Всё ж они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

Но не льщусь, чтоб в памяти народной
Уцелело что-нибудь из них. . .
Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих!

Нет в тебе творящего искусства. . .
Но кипит в тебе живая кровь,

Торжествует мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь, —

Та любовь, что добрых прославляет,
Что клеймит злодея и глупца
И венком терновым наделяет
Беззащитного певца. . .

Весна 1855

65

Безвестен я. Я вами не стяжал
Ни почестей, ни денег, ни похвал,
Стихи мои — плод жизни несчастливой,
У отдыха похищенных часов,
Сокрытых слез и думы боязливой;
Но вами я не восхвалял глупцов,
Но с подлостью не заключал союза,
Нет! свой венец терновый приняла,
Не дрогнув, обесславленная Муза
И под кнутом без звука умерла.

Весна 1855

66. ИЗВОЗЧИК

1

Парень был Ванюха ражий,
Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век.
Полусонный по природе,
Знай зевал в кулак
И прозвание в народе
Получил: вахлак!
Правда, с ним случилось диво,
10 Как в Грязной стоял:
Ел он мало и лениво,
По ночам не спал. . .

Всё глядит, бывало, в оба
В супротивный дом:
Там жила его зазноба —
Кралечка лицом!
Под ворота словно птичка
Вылетит с гнезда,
Белоручка, белоличка...
20 Жаль одно: горда!
Прокатив ее, учтиво
Он ей раз сказал:
«Вишь, ты больно тороплива», —
И за ручку взял...
Рассердилась: «Не позволю!
Полно — не замай!
Прежде выкупись на волю,
Да потом хватай!»
Поглядел за нею Ваня,
30 Головой потрянул:
«Не про нас ты, — молвил, — Таня», —
И рукой махнул...
Скоро лето наступило,
С барыней своей
Таня в Тулу укатила.
Ванька стал умней:
Он по прежнему порядку
Полюбил чаёк,
Наблюдал свою лошадку,
40 Добывал оброк,
Пил умеренно горелку,
Знал копейке вес,
Да какую же проделку
Сочинил с ним бес!..

2

Раз купец ему попался
Из родимых мест;
Ванька с ним с утра катался
До вечерних звезд.
А потом наелся плотно,
50 Обрядил коня

И улегся беззаботно
До другого дня...
Спит и слышит стук в ворота.
Чу! шумят, встают...
Не пожар ли? вот забота!
Чу! к нему идут.
Он вскочил, как заяц сгонный,
Видит: с фонарем
Перед ним хозяин сонный
60 С седоком-купцом.
«Санки где твои, детина?
Покажи ступай!» —
Говорит ему купчина —
И ведет в сарай...
Помутился ум у Вани,
Он как лист дрожал...
Поглядел купчина в сани
И, крестясь, сказал:
«Слава богу! слава богу!
70 Цел мешок-то мой!
Не взыщите за тревогу —
Капитал большой.
Понимаете, с походом
Будет тысяч пять...»
И купец перед народом
Деньги стал считать...
И пока рубли звенели,
Поднялся весь дом —
Ваньки сонные глядели,
80 Оступя кругом.
«Цело всё!» — сказал купчина,
Парня подозвал:
«Вот на чай тебе полтина!
Благо ты не знал:
Серебро-то не бумажки,
Нет приметы, брат;
Мне ходить бы без рубашки,
Ты бы стал богат —
Да господь-то справедливый
90 Попугал шутя...»
И ушел купец счастливый,
Под мешком кряхтя...

Над разиней поглумились
И опять легли,
А как утром пробудились
И в сарай пришли,
Глядь — и обмерли с испугу. . .
Ни гугу — молчат;
Показали вверх друг другу
109 И пошли назад. . .
Прибежал хозяин бледный,
Вся сошлась семья:
«Что такое? . . .» Ванька бедный —
Бог ему судья! —
Совладать с лукавым бесом,
Видно, не сумел:
Над санями под навесом
На вожжах висел!
А ведь был детина ражий,
110 Рослый человек, —
Не поддайся силе вражей,
Жил бы долгий век. . .

Весна 1855

67

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и не плачь;
Кому и страсть, и молодость, и волю —
Всё отдала, — тот стал ее палач!

Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:

«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори! . . . близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!

Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —

Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю всё, всё смертью искуплю!

Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!

Я знаю: ты другого любила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»

Ужасные, убийственные звуки!..
Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..

Весна 1855

68. СЕКРЕТ

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочни капусты
10 Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;

Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре почлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
20 И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Выл ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плéчах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
30 Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую,
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною,
40 И звание *друга сирот*.

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;

Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
80 За нужное счел обокрасть
И в практику бросился новую —
Запрегся в питейную часть.

Потом...»

8

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
60 И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах —
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
70 И словом и делом могуч —
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!

<1851>, весна 1855

69. НА РОДИНЕ

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых шив, —
Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!
Ах, странно так я создан небесами,
Таков мой рок,
Что хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок!

Лето 1855

70. В БОЛЬНИЦЕ

Вот и больница. Светя, показал
В угол нам сонный смотритель.
Трудно и медленно там угасал
Честный бедняк сочинитель.
Мы попрекнули невольно его,
Что, зануждавшись в столице,
Не известил он друзей никого,
А приютился в больнице...

«Что за беда, — он шутя отвечал: —
10 Мне и в больнице покойно.
Я всё соседей моих наблюдал:
Многое, право, достойно
Гоголя кисти. Вот этот субъект,
Что меж кроватями бродит, —
Есть у него превосходный проект,
Только — беда! — не находит
Денег... а то бы давно превращал
Он в бриллианты крапиву.
20 Он покровительство мне обещал
И миллион на разживу!

Вот старикашка актер: на людей
И на судьбу негодует;
Перевирая, из старых ролей
Всюду двестишия сует;

Он добродушен, задорен и мил,
Жалко — уснул (или умер?),
А то бы, верно, он вас посмешил...
Смолк и семнадцатый номер!
А как он бредил деревней своей,
30 Как, о семействе тоскуя,
Ласки последней просил у детей,
А у жены поцелуя!

Не просыпайся же, бедный больной!
Так в забытии и умри ты...
Очи твои не любимой рукой —
Сторожем будут закрыты!
Завтра дежурные нас обойдут,
Саваном мертвых накроют,
Счетом в мертвецкий покой отнесут,
40 Счетом в могилу заруют.
И уж тогда не являйся жена,
Чуткая сердцем, в больницу —
Бедного мужа не сыщет она,
Хоть раскопай всю столицу!

Случай недавно ужасный тут был:
Пастор какой-то немецкий
К сыну приехал — и долго ходил...
«Вы поищите в мертвецкой», —
Сторож ему равнодушно сказал;
50 Бедный старик пошатнулся,
В страшном испуге туда побежал,
Да, говорят, и рехнулся!
Слезы ручьями текут по лицу,
Он между трупами бродит:
Молча заглянет в лицо мертвецу,
Молча к другому подходит...

Впрочем, не вечно чужою рукой
Здесь закрываются очи.
Помню: с прошибленной в кровь головой
60 К нам привели среди ночи
Старого вора — в остроге его
Буйный товарищ изранил.

Он не хотел исполнять ничего,
Только грозил и буянил.
Наша сиделка к нему подошла,
Вздрыгнула вдруг — и ни слова...
В странном молчаньи минута прошла:
Смотрят один на другого!
Кончилось тем, что угрюмый злодей,
70 Пьяный, обрызганный кровью,
Вдруг зарыдал — перед первой своей,
Светлой и честной любовью.
(Смолоду знали друг друга они...)
Круто старик изменился:
Плачет да молится целые дни,
Перед врачами смирился.
Не было средства, однако, помочь...
Час его смерти был странен
(Помню я эту печальную ночь):
80 Он уже был бездыханен,
А всепрощающий голос любви,
Полный мольбы бесконечной,
Тихо над ним раздавался: «Живи,
Милый, желанный, сердечный!»
Всё, что имела она, продала —
С честью его схоронила.
Бедная! как она мало жила!
Как она много любила!
А что любовь ей дала, кроме бед,
90 Кроме печали и муки?
Смолоду — стыд, а на старости лет —
Ужас последней разлуки!..

Есть и писатели здесь, господа.
Вот, посмотрите: украдкой,
Бледен и робок, подходит сюда
Юноша с толстой тетрадкой.
С юга пешком привела его страсть
В дальнюю нашу столицу —
Думал бедняга в храм славы попасть —
100 Рад, что попал и в больницу!
Всем он читал свой ребяческий бред —
Было тут смеху и шуму!
Я лишь один не смеялся... о, нет!

Думал я горькую думу.
Братья-писатели! в нашей судьбе
Что-то лежит роковое:
Если бы все мы, не веря себе,
Выбрали дело другое —
Не было б, точно, согласен и я,
310 Жалких писак и педантов —
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов!
Чтоб одного возвеличить, борьба
Тысячи слабых уносит —
Даром ничто не дается: судьба
Жертв искупительных просит».

Тут наш приятель глубоко вздохнул,
Начал метаться тревожно;
Мы посидели, пока он уснул, —
120 И разошлись осторожно. . .

Первая половина 1855

71. В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальних
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
10 Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище. . .
А ныне очередь моя. . .
Его я пережил не много;

Я сделал мало, волей бога
20 Погибла даром жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал. . .

Родился он почти плебеем
30 (Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкой,
Он только пить любил, да палкой
К учению сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой. . .
40 Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет. . .
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел! . .

С кончиной лекаря, на свете
60 Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденьи прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек

- Колол его неоднократно
60 Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой,
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектору,
70 Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался...
- 80 Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В бореньи пошлых мелочей
Она погрязнув поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
90 Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;

300 К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный. . .
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличеньи зла. . .

И он пришел, плебей безвестный! . . .
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
110 Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвеньи истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг, —
И прокричал врагом отчизны
120 Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока. . .
В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шел один неколебим! . . .

130 О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —

Не все ль они признать готовы
140 Его учителем своим? . .

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли бога)
Сказать полезного успел
И может быть бы уцелел. . .
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
Гю-своему отозвалась. . .
Скрутили бедную цензуру —
160 Послушав наконец клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Фанатик ярый Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено! . .»
160 (О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей. . .)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто. . .
170 Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен. . .
Настала грустная пора,
И честный сеятель Добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему. . .
Но тут услужливо могила

Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
180 И постоянной нищетой,
Он умер. . . Помянуть печатно
Его не смели. . . Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно! . . .»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
190 Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь. . . Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном. . .

Первая половина 1855

72. ГАДАЮЩЕЙ НЕВЕСТЕ

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,
Что гадать? ты влюблена без меры
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди. . .

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Шегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так — плоха порука счастьем!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

8 сентября 1855

73. ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: «Нет лесу, и не жди — не будет!»
— «Вот приедет барин — барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», — думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. — Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игнаша,
Вот приедет барин!» — говорит Наташа.
Малые, большие — дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» — повторяют хором...

Умерла Ненила; на чужой землице
 У соседа-плута — урожай сторицей;
 Прежние парнишки ходят бородаты;
 Хлепопашец вольный угодил в солдаты,
 И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
 Барина всё нету... барин всё не едет!

Наконец однажды среди дороги
 Шестернею цугом показались дроги:
 На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
 А в гробу-то барин; а за гробом — **новый**.
 Старого отпели, новый слезы вытер,
 Сел в свою карету — и уехал в Питер.

2 октября 1855

Замолкни, Муза мести и печали!
 Я сон чужой тревожить не хочу,
 Довольно мы с тобою проклинали.
 Один я умираю — и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
 Когда б хоть легче было от того!
 Мне самому, как скрип тюремной двери,
 Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
 Мой темный путь недаром омрача,
 Не просветлеет небо надо мною,
 Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
 Я звал тебя — во сне и наяву,
 В труде, в борьбе, на рубеже паденья
 Я звал тебя, — теперь уж не зову!

Той бздны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

3 декабря 1855

75. САША

1

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоем —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
10 Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих.
20 Даром ни сгнуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
30 Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятия раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
40 Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радужье их честно,
60 Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь. . . Недалеко их дом.
Всё ли застану по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
60 Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше. . .
70 Мило и молодо дитяtko ваше, —

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
80 Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побойтся она? ..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно, —
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятия: мы добры и рады
90 Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полям идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
100 «Не суждена, видно, волюшка ей, —

Думает Саша, — безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
110 Землю польют они потом и кровью... .

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любо, кормилица-нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
120 Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы! . . Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
130 Чинно идет жеребеночек пегой,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевают улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
140 Знала по имени. Правилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалось «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
150 «Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — «Так что ж?»

— «Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девике взрослой — жених молодой!»

— «Вот еще выдумал, старый проказник!»
— «Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
360 Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!»—

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим. . .

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
170 Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой. . .

Саше случалось знаять и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
180 Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал,
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную нору забились лисица,
190 Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменьи тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
200 Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лились прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
210 Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна, —

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинаят.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
220 Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом. . . но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
230 Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
240 Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелись,
Словно там гнезда жар-птиц завелись,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
250 В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес,
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосой янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
260 Саше не спится, — но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих. . .
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея. . . И день еще ясен. . .
270 Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
220 Слабой и робкой былинке степной?..

8

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
290 Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
«Был, — говорит, — я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
300 Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю». —
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам. . .
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
310 Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
320 И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

Но, — говорит, — не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
830 Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

«Бил, — говорит, — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!»
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
840 Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
850 С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
360 В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал. . .

Всё, что ни делала, что ни читала,
370 Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

«Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол».
Да и пошел! и пошел! и пошел! . .

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
380 Саша тоскует и бродит как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
«Тешится новой игрушкой дитя!»

Саша ушла — не ответила слова. . .
400 Он было к ней; говорит: «Нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу. . .
Он говорит: «Я собрался в дорогу» —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж? . . он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
400 Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и правом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама неспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуще тоскует,
410 Письма его потихоньку целует! . .

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель? . .»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
420 Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он . . . не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы . . .

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
430 Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрачу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!

440 Мир, — говорит, — осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко. . .
Дело веков поправлять не легко!

В ком не воспитано чувство свободы,
450 Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть,
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
460 Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что́ завтра сожнет,
Только навверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
470 Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел. . .

Поняли? . . нет! . . Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
480 Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он все-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
490 Дышат вольнее — в три четверти груди, —

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, —

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поёмной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
500 В Саше так много сосед пробудил...

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитяtko ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

1854—1855

76. ДЕМОНУ

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?
Сбился я с толку, учитель,
С братьей болтливой моей.

Дуешь, бывало, на пламя —
Пламя пылает сильнее,
Краше волнуется знамя
Юности гордой моей.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душою киплю:
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

Нынче я всё понимаю,
Всё объяснить я хочу,
Всё так охотно прощаю,
Лишь неохотно молчу.

Что же со мною случилось?
Как разгадаю себя?
Всё бы тотчас объяснилось,
Да не докликнусь тебя!

Способа ты не находишь
Сладить с упрямой душой?
Иль потому не приходишь,
Что уж доволен ты мной?

1855

77

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком;
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особенно
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как целовала любя!
Но и зубами мои
Не удержал я тебя. . .

1855

78

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя. . .
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей. . .

1855 или 1856

79

Тяжелый год — сломил меня недуг,
Беда застигла, счастье изменило,
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой
С своими кровными врагами,
Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными глазами!
Упали волосы до плеч,
Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь

Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые. . . Пстой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь. . . .

. . . . .

1855 или 1856

80. ВЛЮБЛЕННОМУ

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипел,
Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томим боязнию ревнивой,
Не допускал я никого
В тайник души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастья рассказ
Твержу с отрадой непонятной.
Так проникаем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
Или почует на кладбище.

16 марта 1856

81. КНЯГИНЯ

Дом — дворец роскошный, длинный, двухэтажный,
С садом и с решеткой; муж — сановник важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Всё ей даровали случай и природа.

Только показалась — и над светским миром
Солнцем засияла, вознеслась кумиром!
Воин, царедворец, дипломат, посланник —
Красоты волшебной раболепный данник;
Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.
10 Властвует княгиня, цепи налагает,
Но цепей не носит; прихоти послушна,
Ни за что полюбит, бросит равнодушно:
Ей чужое счастье ничего не стоит —
Если и погибнет, торжество удвоит!

Сердце ли в ней билось чересчур спокойно,
Иль кругом всё было страсти недостойно,
Только ни однажды в молодые лета
Грудь ее любовью не была согрета.
Годы пролетали. В вихре жизни бальной
20 До поры осенней — пышной и печальной —
Дожила княгиня. . . Тут супруг скончался. . .
Труден был ей траур, — доктор догадался
И нашел, что воды были б ей полезны
(Доктора в столицах вообще любезны).

Если только русский едет за границу,
Посылай в Палермо, в Пизу или в Ниццу,
Быть ему в Париже — так судьбам угодно!
Год в столице моды шумно и свободно
Прожила княгиня; на второй влюбилась
30 В доктора-француза — и сама дивилась!
Не был он красавец, но ей было ново
Страстно и свободно льющееся слово,
Смелое, живое. . . Свергнуть иго страсти
Нет и помышленья. . . да уж нет и власти!
Решено! В Россию тотчас написали;
Немец-управитель без большой печали
Продал за бесценок, в силу повеленья,
Английские парки, русские селенья,
Земли, лес и воды, дачу и усадьбу. . .
40 Получили деньги — и сыграли свадьбу. . .

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор-спекулятор: деспотом явился!
Деньги, бриллианты — всё пустил в аферы,

А жену тиранил, ревновал без меры,
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу. . . Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!
Скорбная, больная, гасла больше году
В нищете княгиня. . . и тот год тяжелый
60 Был ей долгим годом думы невеселой!

Смерть ее в Париже не была заметна:
Бедно нарядили, схоронили бедно. . .
А в отчизне дальней словно были рады:
Целый год судили — резко, без пощады,
Наконец устали. . . И одна осталась
Память: что с отличным вкусом одевалась!
Да еще остался дом с ее гербами,
Доверху набитый бедными жильцами,
Да в строфах небрежных русского поэта
60 Вдохновенных ею чудных два куплета,
Да голяк-потомок отрасли старинной,
Светом позабытый — и ни в чем невинный.

Начало 1856

«Самодовольных болтунов,
Охотников до споров модных,
Где много благородных слов,
А дел не видно благородных,
Ты откровенно презирал:
Ты не однажды предсказал
Конец велеречивой сшибки
И слово *русский либерал*
Произносил не без улыбки.
Ты силу собственной души
Бессильем их надменно мерил
И добродушно ей ты верил.
И точно, были хороши
Твои начальные порывы:
Озолотил бы бедняка!
Но дед и бабка были живы,
И сам ты не имел куска.

И долго спали сном позорным
Благие помыслы твои,
Как дремлют подо льдом упорным
Речные вольные струи.
Ты их лелеял на соломе
И только применять их мог
Ко псу, который в жалком доме
Пожитки жалкие стерег.
И правда: пес был сыт и жирен,
И спал всё, дворнику назло.
Теперь... теперь твой круг обширен!
Взгляни: богатое село
Лежит, обставлено скирдами,
Спускаясь по горе к ручью,
А избы полны мужиками...»

Въезжая в отчину свою,
Таковыми мыслями случайно
Был Решетилов осажден.
И побледнел необычайно,
И долго, долго думал он...
Потом — вступил он во владенье,
Вопрос отложен и забыт.
Увы! не наше поколенье
Его по совести решит!

Середина июня 1856

83. ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин
(входит)

Опять один, опять суров,
Лежит — и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин
Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,

А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин

Да глядеть обидно.

Поэт

10 Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!

Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
20 Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! — Вот страница:
Прочти — и перестань корить!

Гражданин

(читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,

Мы рождены для вдохновенья,
30 Для звуков сладких и молитв».

Поэт

(с восторгом)

Неподражаемые звуки! ..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь — пора!
40 И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, — великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!

Гражданин

Ну, нет!

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
50 Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,
60 Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;

Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
Не видно солнца ниоткуда,
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
70 Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать. . .

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянии спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
80 Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес — и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет. . .
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
90 Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им! . . а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
100 Одни — стяжатели и воры,

Другие — сладкие певцы,
А третьи... третьи — мудрецы:
Их назначенье — разговоры.
Свою особу ограда,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,
Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
110 Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
120 Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гigni безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
130 Не верь, что не имущий хлеба
Не сто́ит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
140 И е́сли ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:

В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил? . . . чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
150 Ты слишком далеко шагнул.
Учить других — потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боишься мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
160 Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор. . .

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказано?
Ты мог бы правильной судить:
170 Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,

180 Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами! .
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
190 Все язвы родины своей.

. . . . .
. . . . .

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
200 Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

П о э т

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
210 Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче — очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы — я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.

220 Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
230 Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
240 Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове: честный гражданин.
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего попра
250 Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты — сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах! песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
260 И, тихо зарыдав, ушла.

С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовёт то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи —
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
270 Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
280 Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.
Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю
И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
290 Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один веночек терновый
К твоей угрюмой красоте. . .

1855 — июнь 1856

84. < ТУРГЕНЕ > ВУ

Прощай! Завидую тебе —
Твоей поездке, не судьбе:
Я гордостью, ты знаешь, болен

И не сменяю ни на чью
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволен.
Ты счастлив. Ты воскреснешь вночь;
В душе твоей проснется живо
Всё, чем терзает прихотливо
И награждает нас любовь, —
Пора наград, улыбок ясных,
Простых, как молодость, речей,
Ночей таинственных и страстных
И полных сладкой лени дней!
Ты знал ее? . . Нет лучшей доли!
Живешь легко, глядишь светлей,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна перед той,
Чье сердце ласковое бьется
Одним биением с тобой. . .
Счастливец! из доступных миру
Ты наслаждений взять умел
Всё, чем прекрасен наш удел:
Бог дал тебе свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословил твой путь земной. . .

21 июля 1856

85. ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!

29 июля 1856

86. ШКОЛЬНИК

— Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога. . .
— Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь. . .
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь. . .
Знаю: батя на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных? . . Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь. . .
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Лето 1856

87

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

Лето 1856

88

Я посетил твоё кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.

Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильнее. . .
Увы, то время невозвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе непонятно,
Без смеху радость не видна. . .
Ты умерла. . . Смирились грозы.
Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни, —
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу с упреком и тоскою:
«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей. . .

1856

89. «НЕСЧАСТНЫЕ»

1

Тяжел мой крест: уединенье,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат —
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная. — «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,

А станешь стариться, нарви
 Цветов, растущих на могилах,
 10 И ими сердце обнови. . .»
 И я попробовал. . . но что же? . .
 Душа по-прежнему нема,
 И с одичалого ума
 Стереть угрюмости клейма
 Ничто не властно. Правый боже!
 Ужели долгая тюрьма,
 Ограбив сердце без пощады,
 Душе моей не даст отрады
 В воспоминаньи юных лет? . .
 20 Иль точно там отрады нет?
 Увы! там душно, там пустыня.
 Любя, прощая, чуть дыша,
 Там угасает, как рабыня,
 Святая женская душа.
 Переступить порог не смея,
 Тоски и ужаса полна,
 Так вянет сказочная фея
 В волшебном замке колдуна.
 Воображенье прихотливо
 30 Рисует ей другие дни:
 В чертогах, убранных на диво,
 Горят венчальные огни;
 Невеста ждет, жених приходит,
 И речь его тиха, нежна. . .
 Где ум красавицы не бродит,
 Чего не думает она?
 Ликует день, щебечут птицы,
 Красною блещут небеса,
 Доходят до дверей темницы
 40 Любви и воли голоса, —
 Но ей нет воли, нет отрады.
 Не нужно камней дорогих,
 Возьмите пышные наряды!
 Где мать? где сестры? где жених?
 Где няня с песенкой и сказкой?
 Никто не сжалится над ней,
 И только докучает лаской
 Противный, старый чародей.
 Но нет! . . она любить не станет,

50 Скорей умрет... Уходит он
И в гневе подданных тиранит.
Кругом проклятья, вопли, стон...
Но в сказке витязь благородный
Придет — волшебника убьет
И клочья бороды негодной
К ногам красавицы свободной
С рукой и сердцем принесет.
А здесь? ..

Рога трубят ретиво,
Пугая ранний сон детей,
60 И воют псы нетерпеливо...
До солнца сели на коней —
Ушли... Орды вооруженной
Не видит глаз, не слышит слух,
И бедный дом, как осажденный,
Свободно переводит дух.
Меня быстро пост невольный
На празднословье и вино,
Спешит забыться раб довольный.
Но есть одна: ей всё равно!
70 В ее душе светлей не станет,
Всё тот же мрак, всё тот же гнет:
И сон перерванный не манит,
И утро к жизни не зовет.
Скорей, затворница немая,
Рыданьем душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди! ..

Осаду не надолго сняли...
Вот вечер — снова рог трубит.
80 Примолкнув, дети побежали,
Но мать остаться им велит;
Их взор уныл, невнятен лепет...
Опять содом, тревога, трепет!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно.
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно
И смотрит жадно (узнаю

Привычку детскую мою) . . .
90 Что слышит? песни удалые
Под топот пляски удалой;
Глядит, как чаши круговые
Пустеют быстрой чередой;
Как на лету куски хватают
И рот захлопывают псы,
Как на тени растут, кивают
Большие дядины усы. . .
Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
100 «Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!» — Волчонок тягу. . .
«Ату его!»

Тяжелый сон! . .
Нет, мой восход не лучезарен —
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен.
110 Скорее к юности! Она
Всегда мила, всегда ясна. . .
Не бедняку! — Воображенье
К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье,
И вот он в ней! Идет, глядит —
Как чудно город изукрашен!
Шпили его церквей и башен
Уходят в небо; пышны в нем
Театры, улицы, жилища
120 Счастливец мира — и кругом
Необозримые кладбища. . .

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Племенный лирой сладкострунной,

Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвьи полночи безлунной,
130 В движеньи гордой суеты!

Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теща буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
140 Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам, — ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если ненароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
150 Душа болит. Не в залах балльных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.
Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч. . . о нет!
Твой день больной, твой вечер мгlistый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует. . .

Светает. Чу, как ветер дует!
160 Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпицей.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.

Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют, —
170 Так ставит с вечера капкан
Охотник, на добычу падкий.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —
И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
180 И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил —
Покойник будет. Вот и он!
До пышных дожил похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой,
Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,
190 Из окон женщины глядят,
Прохожий крестится сурово. . .
Прошла процессия — и снова
Всё пусто. — Вот идет солдат
За фурой вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный
И видно бледное лицо. . .
Довольно! что теперь ни встретишь,
На всем унынья след заметишь.
Но вот парадное крыльцо
200 В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец, —
Теперь-то утро наступает!
Туман осилив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водвореньи дня

210 Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он пышен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Всё полно жизни и тревоги,
Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
220 Пустые весело бегут. . .

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты!
230 Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,
Заснув под тучею свинцовой,
240 Тогда предстанет он иным,
И, опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьем царственным своим —
Не будет радовать. Невольно
Припомнишь бедный городок,
Где солнца каждому довольно.
То правда: город не широк,
Не длинен — лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
250 Домишки малы, пусты лавки,

Собор, четыре кабака,
Тюрьма, шлагбаум полосатый,
Дом судный, госпиталь дощатый
И площадь. . . площадь велика:
Кругом не видно ей границы,
И, слышно, осенью на ней
Чудак, заезжий из столицы,
Успешно ищет дупелей.
Ну, всё как надо, как известно,
260 Над чем столичные давно
Острят то глупо, то умно.
Зато покойно — и не тесно. . .
Не жди особенных отрад:
Что бог послал, тому будь рад,
Гляди в халате на дорогу:
Вон гуси выступают в ногу
С гусиной важностью. . . но вдруг —
Смятенье, дикий крик, испуг!
Три тройки насккали близко.
270 Присев и крылья распустив,
Одни бегут, другие низко
Летят, а третьи, прискочив,
Удрать не летом и не бегом
Спешат. . . и вот простор телегам —
Рассыпались, куда кто мог!
Так, гордый собственным значеньем,
Своим неожиданным появленьем
Детей пугает педагог;
Так поэтические грезы
280 Разносит дуновенье прозы. . .
Но уж запели соловьи,
Иди гулять — до сна недолго!
Гляди, как тихо катит Волга
Свои спокойные струи,
Уснув в песчаной колыбели;
Как, нагибаясь до земли,
Таскают бурлаки кули,
А воробьи уж налетели
И, теребя мочалу, нос
290 Просунуть силятся в овес.
Куда ни взглянешь — птичье племя!
Уснув под берегом реки,

Чернеют утки, как комки,
Но, видно, им покушать время:
Проснулись — поплыли гурьбой,
Кувырк! и ног утиных строй
Стоит недвижно над водой.
На всем лучи зари румяной.
Как ожерелье, у воды
300 Каких-то белых птиц ряды
Сидят на отмели песчаной,
И тут же сотни куликов
Снуют с оглядкой вороватой;
Все белобрюхи, без хохлов,
А почему ж один хохлатый?
Не долиняв, с весенних пор
Сберег он пышную прибавку
И ходит важно, как майор,
С мундиром вышедший в отставку,
810 Недостает счастливцу шпор!

Не любишь птиц — гляди бездумно,
Как приближается паром,
Неторопливо и нешумно;
А там, на берегу другом,
Под легким матовым туманом,
Как будто войско тесным станом
Расположилось на ночлег:
Не перечтешь коней, телег!
Под каждым стогом-великаном
320 Толпа. . . И слышны голбса,
Стыдливый визг и хохот женский.
Но потемнели небеса —
Спи мирно, житель деревенский!
Ты стоишь сна. . . Идем домой,
Закрывают ставни — всё спокойно.
Что ж медлит месяц золотой?
Темно. Ни холодно, ни знойно, —
Так ровно-ровно дышит грудь.
Но слышишь, что-то заскрипело!
330 Калитку отворив чуть-чуть,
Выходит девушка несмело.
Она глядит по сторонам,
Но вот увидела — и к нам

Шаги проворно направляет.
Ты улыбнулся, ты молчишь. . .
Вдруг «ах!» — и быстро исчезает.
Ошиблась, милая! Такмышь,
С испугу пискнув, убегает,
Заметив любопытный глаз.
340 Поруг любви, поруг проказ,
Чем нашу молодость помянем?
Не побежать ли нам за ней?
Не подстеречь ли у дверей?
Нет, только даром мы устанем.
Народ уснул — пора и нам.
Одно досадно: по ночам,
Должно быть, переспав нещадно,
Собака воет безотрадно —
Весь город чьей-то смерти ждет,
350 Толкуют набожно и тихо.
И ведь случается — возьмет
Да и скончается купчиха,
Перед которой глупый пес
Три ночи выл, поднявши нос.
Тогда попробуй разуверить.
«Да как ты смеешь сам не верить? . . .»
Молчи — предатели они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
360 Не то среды поддайся игу
И ляжку общую тяни.

Но есть и там свои могилы,
Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сонливо,
Как самодельная расшива
По тихой Волге в летний день.
Там только не грешно родиться
Или под старость умирать.
370 Куда ж идти? К чему стремиться?
Где силы юные пытаться?

Храни господь того, кто скажет:
«Простите, мирные поля!» —

И бедный свой челнок привяжет
К корме большого корабля. . .

Кому судьба венец готовит,
Того вопрос: куда идти? —
Не утрашит, не остановит;
Кого на жизненном пути
320 Любовь лелеет с колыбели,
Незримо направляя к цели, —
И тот находит путь прямой.
Но кто ни богом не отмечен,
Ни даже любящей рукой
Не охранен, не обеспечен,
Тот долго бродит как слепой:
Кипит, желает, тратит силы
И, поздним опытом богат,
Находит у дверей могилы
380 Невольных заблуждений ряд. . .
К чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путем
Не зная меж добром и злом,
Я по теченью плыл сначала,
Лишь гордость иногда спасала. . .
Бог весть куда бы прихоть волн
Прибила мой убогий челн:
Сбирались тучи, путь был труден,
А я упорен, безрассуден, —
400 Ждала тяжелая борьба.
Но вдруг распутала судьба
Загадку жизни несчастливой —
Я полюбил, дикарь ревнивый. . .

О ты, кого я с ужасом бежал,
Кому с любовью рвался я в объятья,
Кому чистосердечно расточал
Благословенья и проклятья, —
Тебя уж нет! На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
410 Являясь ангелом в грозе
И демоном у пристани желанной, —
Погибла ты. . . Ты сладить не могла
Ни с бурным сердцем, ни с судьбою

И, бездну вырыв подо мною,
Сама в ней первая легла. . .
Ругаясь буйно над кумиром,
Когда-то сердцу дорогим,
Я мог бы перед целым миром
Клеймом отметить роковым
420 Твой путь. Но за пределы гроба
Не перешла вражда моя,
Я понял: мы виновны оба. . .
Но тяжелей наказан я!
Года чредой определенной
Идут, но время надо мной
Остановилось: страж бессменный
Среди той ночи роковой,
Стою. . . ревниво закипаю,
И вдруг шаги. . . и голос твой. . .
430 И вопль — и с криком: «Не прощаю! . . .»
Всё помню с ясностью такой,
Как будто каждый день свершаю
Убийство. . . Тот же, тот же сон
Уж двадцать лет: молящий стон,
Безумный крик, сверканье стали. . .
Прочь, утонувшие в крови
Воспоминания любви!
Довольно сердце вы терзали.

Скорее в душную тюрьму!
440 Оттуда сердцу моему
Единый в жизни луч отрады
Мерцает. . . Так огонь лампы
До вечной сени гробовой
Горит над каждой головой. . .

2

Безлюдье, степь. Кругом всё бело,
И небеса над головой. . .
Еще отчаянье кипело
В душе, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
450 Когда преступная нога,
Звуча цепями, попирала
Недружелюбные снега

Страны пустынной, сиротливой...
Среди зверей я зверем стал,
Вином я совесть усыплял
И ум гасил...

В толпе строптивой
Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
460 Работал медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Как крот, — мы так его и звали, —
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.
Рука, нетвердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос,
И, словно лен, пушистый волос
На голове и бороде.
Оброс он скоро волосами,
470 Питался черствым сухарем,
Но и под грубым армяком
Глядел неровней между нами.
Его дежурный понукал,
И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо;
Так удила кусает конь,
Когда седок его пришпорит.
В глазах покажется огонь,
480 Однако промолчит — не спорит!
Бывало, подойдем гурьбой,
Повалим, будто ненароком,
Кричим: «Не хочешь ли домой?»
Он только поглядит с упреком
И покачает головой.
Не пьет, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал...

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
490 Куда деваться в подземельи?
Кричим: «Скорей! мешаешь спать!»

И стали в бешеном весельи
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,
Другой не будет из тюрьмы! . . .»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!» —
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошел начальник, —
Нет, просто выступил вперед
500 Наш белоручка, наш молчальник,
Смиранный, копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блестят глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
510 Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

В заботе новой, в думах строгих
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,
Не внявших вестнику добра:
Душой погибнув невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.
520 В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь. . .
Но в ком, как под золою пламень,
Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой. . .

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!

530 Забыты буйные проказы,
Наступит вечер — тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,
Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою —
Провел он свой недолгий век
540 В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
550 Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
560 Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,
Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет. . .

Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокий,
«Теперь, — он говорил, — у нас,
На нашей родине далекой,

570 Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы;
Въезжая на гору, скрипит
Снопами полная телега;
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
580 Ложится пахарь без огня,
И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревень.
Всё тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом
Или обратные лошадки,
Понуря голову, шагком
Пройдут; заснул ямщик ленивый
Верхом на дремлющем коне,
590 Один бубенчик говорливый
Воркует сладко в тишине.
Да старый вяз в конце селенья
Шумит, столетний часовой;
Пред ним проходят поколения,
Меняясь быстрой чередой,
Он невредим: корысть, беспечность —
Его ничто не сокрушит,
Любовь народная хранит
Его святую долговечность.
600 Он укрывает в летний зной
Шатром детей деревни целой;
Бедняк калека престарелый
Под ним ложится на покой;
Наш брат, звуча цепями, ссыльный,
Под ним сидит, обритый, пыльный,
И богомолок молодых
Под тень ветвей его густых
Приводит давняя привычка...

Чу! тянут в небе журавли,
610 И крик их, словно перекличка

Хранящих сон родной земли
Господних часовых, несется
Над темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная несется
Перед дымящимся костром. . .

Не ждут осенние работы,
Недолог отдых мужиков —
Скрипят колодцы и ворота
с20 При третьей песне петухов,
Дудит пастух свирелью звонкой,
Бежит по ниве чья-то тень:
То беглый рекрутик сторонкой
Уходит в лес, послышав день.
Искал он, чем бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно! . . Что ловить его!
Хозяйка старших разбудила —
с30 Блеснули в ригах огоньки
И застучали молотила.
Бог помочь, братья мужики!»
Родные русские картины!
Заснул, и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносил с чужбины
К забытой, милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальней,
с40 И на душе светлей, теплей. . .

Чего не знал наш друг опальный?
Слыхали мы в тюрьме своей
И басни хитрые Крылова,
И песни вещие Кольцова,
Узнали мы таких людей,
Перед которыми поздней
Слепой народ восторг почует,
Вздохнет — и совесть уврачуует,
Воздвигнув пышный мавзолей.
с50 Так иногда, узнав случайно,

Кто спас его когда-то тайно,
Бедняк, взволнованный, бежит.
Приходит, смотрит — вот жилище,
Но где ж хозяин? Всё молчит!
Идет бедняга на кладбище
И на могильные плиты
Бросает поздние цветы. . .

Но спит народ под тяжким игом,
Боишься пуль, не внемлет книгам.
660 О Русь, когда ж проснешься ты
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безыменных?
О ней, о родине державной,
Он говорить не уставал:
То жребий ей пророчил славный,
То старину припоминал,
Кто в древни веки ею правил,
670 Как люди в ней живали встарь,
Как обучил, вознес, прославил
Ее тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра.
Сто вечеров до поздней ночи
680 Он говорил нам про него —
Никто сомкнуть не думал очи
И не промолвил ничего.
Он говорит, ему внимаем
И, полны новых дум, тогда
Свои оковы забываем
И тяжесть черного труда.
Встает во мраке подземелья
Пред нами чудный лик Петра,
И, как монашеская келья,
690 Тиха преступников нора.
Сносней наутро труд несносный,

Таскаешь горы на плечах,
Чтоб трудолюбец венцешосный
Сказал спасибо в небесах...
Да! видит бог, в кровавом поте
Омыли мы свою вину
И не напрасно на работе
Певали песенку одну:

ПЕСНЯ ПРЕСТУПНИКОВ

1

Дружней! работа есть лопатам,
700 Недаром нас сюда вели,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери-земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

2

У ней, родимой, требы многи:
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
710 Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!..

3

Пускай бежит в упорном деле
С нас пот ручьями, как вода,
И мерзнет на клейменом теле,
Когда почиет от труда.

Пускай томимся гладом, жаждой,
720 Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы!

Ее сложил в часы недуга
Наш тихий, вечно грустный Крот,
И часто, поминая друга,
В своем углу ее поет
Прощенный ссыльный. Здесь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить —
С отцами рядом положить
730 Трудом изломанные кости,
Но рады, рады и тому! . .

Начальство к нам добрее стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что будет с нами — до конца
Тяжелой было нам загадкой,
Но в умиленные сердца
Прокрался луч надежды сладкой.
Так, помню, солнышко украдкой
740 Глядит, бывало, поутру
И в нашу черную нору. . .

Но он надежде верил мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только нас бодрить хватало
В нем сил. . . Великая душа!
Его страданья были горды,
Он их упорно подавлял,
Но иногда изнемогал
И плакал, плакал. Камни тверды,
750 Любой попробуй. . . но огня
Добудешь только из кремня.
Таков он был. Воспоминанья
Страшней не помню: знал и я
Изнеможение страданья, —
Но что была печаль моя?

К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжинной душой,
760 Томленье скуки, злость бессилья,
Я, говорят, был мелко зол
В моей тоске. . . Не так орел
Свои оплакивает крылья,
Которых мощь изведал он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила. . .
Да! возвращаясь с похорон,
Недаром в голос мы сказали:
«Зачем его Кротом мы звали?»
770 И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!»

О чем была его кручина?
Рыдал ли он рыданьем сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый дом
Стоит в краю деревни бедной,
И голова старухи бледной
780 Видна седая под окном.
Вздыхает, молится, гадает
И смотрит, смотрит, и двойной
В окошко рамы не вставляет
Старушка позднею зимой.
А сколько, глядя на дорогу,
Уронит слез — известно богу!
Но нет! и бог их не считал,
А то бы радость ей послал!

Любовь ли бедного томила?
790 Что случилось с нею? Позабыла?
Или грустит. . . и далеко
Несется. . . мысленно заглянет
И содрогнется глубоко?
Где ей? в ней сердца неостанет!

Ах! чувство женское легко!
Они его хранят, лелеют,
Покуда радуется оно,
Но если тучи тяготеют
И небо грозно и темно —
800 Его спасти им не дано!

Быть может, он душою верной
Припоминал былых друзей;
В кичливой гордости своей,
Быть может, враг высокомерный
Ему являлся в час ночной. . .
И с криком кинувшись, ногами,
Отягощенными цепями,
Топтал он призрак роковой?

Или изгладила чужбина
810 Всё то, чем молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Как знать! Пред ним мы дети были,
Ничем мы права не купили
Делить великую печаль;
Не все мы даже понимали,
За что его сюда заслали,
Но было трудно, было жаль.
Закоренелого невежду
820 Спроси, и тот отдать был рад
Свою последнюю надежду —
Под небо родины возврат —
За миг единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный бог
Утешить мученика мог.
И скоро гробовые двери
Пред ним открылись, но не вдруг
Клейменных каторжников друг
820 Сошел в них: роковой потери
По капле яд глотали мы.
Почти два года из тюрьмы
Не выходя, он разрушался.

Зачем? Известно небесам!
«Чтоб человек не баловался», —
Смеясь, говаривал он нам.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
440 Весной на солнышко несли
(Был для того у нас устроен
Снаряд особенный): больной
Кивал тихонько головой
И как-то грозно был спокоен.
Не шевельнется целый день;
Тосклив и кроток беспредельно,
Молчит: так, раненный смертельно,
Глядит и смерти ждет олень. . .

И наконец пора пришла. . .
850 В день смерти с ложа он воспрянул,
И снова силу обрела
Немая грудь — и голос грянул!
Мечтаньем чудным окрылил
Его господь перед кончиной,
И он под небо воспарил
В красе и легкости орлиной.
Кричал он радостно: «Вперед!» —
И горд, и ясен, и доволен;
Ему мерещился народ
860 И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил. . .

Прошло два года.
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.
Разверзлась роковая яма,
870 Как птицы, вольны вышли мы
И, не сговариваясь, прямо

Пришли гурьбою из тюрьмы
К одной могиле одинокой.
Стеснилась грудь тоской жестокой,
И каждый небо вопрошал:
«Зачем он жил, зачем страдал,
Зачем свободы не дождался?»
— «Чтоб человек не баловался!» —
Один сказал — и пресмирел.
880 Переглянулись мы уныло,
И тихий ангел пролетел.
Лишь буря, не смолкая, выла
И небо хмурилось. Земли
Добыв лопатой привычной,
Мы помолчали — и пошли.
И жизнь пошла чередой обычной! . .

Хотелось мне увидеть мать,
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не устрашится
890 Утес, готовый обвалиться,
На плечи брата своего?
Кто скажет ей: «Уж нет его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горниц не студи,
Простись с надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдаст с надеждой душу богу. . .
Но люди звери: кто-нибудь
900 Утес обрушит ей на грудь. . .

Кто знал его, забыть не может,
Тоска по нем язвит и гложет,
И часто мысль туда летит,
Где гордый мученик зарыт.
Пустыня белая; над гробом
Неталый снег лежит сугробом,
То солнце тусклое блестит,
То туча черная висит,
Встают смерчи, ревут бураны,
910 Седые стелются туманы,

Восходит день, ложится тьма,
Вороны каркают — и злятся,
Что до костей его добраться
Мешает вечная зима.

1856

II

90. МЫСЛЬ

Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый,
Под грустной тению ночного покрывала,
Едва согрет остатками огня
Уже давно погаснувшего дня.
Спи, старец, спи! . . . отрадного покоя
Минуты усладят заботы седины
Воспоминанием минувшей старины. . .
И, может быть, в тебе зажжется ретивое
Огнем страстей, погаснувших давно,
И вспыхнет для тебя прекрасное былое! . . .
И, может быть, распустится зерно
В тебе давно угасшей жизни силы,
И новой жизнью заглохшие могилы,
Печальный мир, повеют над тобой!
И снова ты проснешься от дремоты,
И снова, юноша с пылающей душой,
Забудешь старые утраченные годы
И будешь жить ты жизнью молодой,
Как в первый день создания природы!

. . . . .
. . . . .

Нет! тот же всё проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлей без покрывала. . .
Скрой безобразье наготы
Опять под мрачной ризой ночи!
Поддельным блеском красоты
Ты не мои обманешь очи! . . .

<1838>

91. БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Жизнь без надежд — тропа без цели,
Страсть без огня, без искр кремень,
Пир буйный Вакха без веселий,
Без слез тоска, без света день.

Жизнь без надежд — без силы воля,
Без пробужденья тяжкий сон;
О, как того ужасна доля,
Кто этой жизни обречен!

Он не живет; он без сознанья
Влачит томительные дни,
И цепью горького страданья
Влекутся медленно они.

Как отчужденный, с мрачной думой,
С немой печалью на челе,
Всегда унылый и угрюмый,
Он будто лишний на земле.

И в целом мире нет предмета,
Его способного пленить
И вновь отступника от света
К нему в объятья заключить.

Глубоко в сердце уязвленный,
На всё он холодно глядит,
И уж ничто во всей вселенной
Его очей не веселит.

Всему он чужд — и нет тяжеле
Его догробного креста,
И носит он на грешном теле
Печать поборника Христа. . .

<1838>

92. ЧЕЛОВЕК

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву. . .

Я мыслю: где ты, век деяний
Царя великого Петра?
Где гений мира, гений браней
И славы русского орла?

И слышу голос: «Слоем пыли
Давно покрыт прошедший век,
И дань обычную могиле
Вовре́мя отдал человек!»

Обоих нет. Но память века
С ним закатилась навсегда,
А память славы человека
Горит и светит как звезда. . .

<1838>

93. СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови

И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я. . .

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный,
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет. . .

12 ноября 1838

94. ПОЭЗИЯ

«Я владею чудным даром,
Много власти у меня:
Я взволную грудь пожаром,
Брошу в холод из огня,
Из покоя в чад похмелья;
А как песенку спою,
Благотворного веселья.
Море в сердце разолью;
Разорву покровы ночи,

Тьму веков разоблачу,
Проникать земные очи
В мир надзвездный научу.
Кто пленится сим чертогом —
Крылья дам туда летать,
С Аполлоном, гордым богом,
Наравне позволю стать.
Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
Поносителя венца.
Я властна блаженства морем
Грудь страдальца напоить
Или вмиг счастливец горем,
Как стрелою, поразить! . . .»

— «Кто ж ты, гордая царица?
Тайну смертным обнаружь!
Светлый дух иль чаровница,
Обольстительница душ? . . .»

Заструилась в небе змейка,
Свет блеснул, исчезла тьма:
«Я не дух, не чародейка,
Я поэзия сама! . . .»

4 марта 1839

95. МОЯ СУДЬБА

Мне плакать хочется, а плакать в мире стыдно,
Увидят люди — осмеют
И с едкой клеветой, с улыбкою обидной
Притворством слезы назовут.
О, горько жить, о, трудно пережить измену
Того, чем сладко было жить! . . .
Из чаши радостей я пил одну лишь пену,
Она мешала нектар пить. . .
Так прочь, прочь, чаша всех надежд и упований!
Не принесла мне счастья ты;
Меня сгубила ты; ты в чары ожиданий
Втравила тщетные мечты. . .

Я небу покорюсь... возьму другую чашу,
С ней съединю судьбу свою;
Не суетных надежд венком ее украшу —
Могильным плющем обовью.
И если слезы даст, по милости великой,
Бог в утешение мое,
Презря и суд глупца, и хохот черни дикой,
Наполню ими я ее.
И в день, когда совсем преполненная чаша
Ни капли боле не вместит,
Скажу «прощай» мятежной жизни нашей,
И дух мой в небо воспарит.
Там стану с ней, чужд черной ризы праха,
Все раны сердца обнажу
И у царя Судеб, как должного, без страха,
За них награды попрошу.

<1839>

96. ДВА МГНОВЕНИЯ

Печальный свет лампы озаряет
Чело певца; задумчивый поэт
К себе гостей заветных ожидает,
Зовет, манит; напрасно всё: их нет!
Нейдут к нему чудесные виденья,
И пусто всё; как меткою стрелой
Подстреленный орел, без крыл воображенья,
На дне души томительный покой.
Как бременем подавленная, страдает
Его огнем горящая глава,
Он на листы то бремя сбросить жаждет,
Но силы нет, не вяжутся слова!
Для пылких чувств, для мысли благородной
Он не находит их; грудь скукою сперта,
Бессилен взрыв фантазии свободной,
И сердце жмет, как камень, пустота.
Он рвется, ждет; напрасно всё: ни звука!
Бессилен ум! И в этот долгий час
Его души невыразима мука;
Страдает он, — и жалок он для нас,

Как бедный труженик. . .

Но вот от небосклона

Святая благодать спускается к нему;

Горит чело любимца Аполлона

Огнем поэзии; восторгу своему

Не ведая границ, в порыве вдохновенья,

В созвучья стройные переливает он

Восторг души, святые помышленья

И всё, чем ум высокий поражен.

Связь с брэнною землей расторгнув без усилия,

Свободен как орел, могуществен как царь,

Широко распахнув развесистые крылья,

Над миром он парит. Везде ему алтарь!

Легко душе, воображенью воля,

Раскрыты перед ним земля и небосклон —

И в этот миг его завидна доля,

И безгранично счастлив он.

<1839>

97. ИЗГНАННИК

Еще младенцу в колыбели

Мечты мне тихо песни пели,

И с ними свыклася душа.

Они, чудесной жизни полны,

Ко мне нахлынули как волны,

Напевом слух обворожа.

Вскипело сердце дивным даром,

Заклокотал огонь в груди,

И дух, согретый чистым жаром,

¹⁰ Преград не ведал на пути.

Отозвались желанья воле;

Однажды ею подыша,

В мир, мне неведомый дотолле,

Рванулась пылкая душа.

Отважно я взглянул, сын праха,

В широкий, радужный эфир;

Сроднилось сердце с ним без страха,

И разлюбил я дольний мир.

И долго там в стране лазурной,

²⁰ Его чуждаясь, пробыл я

И счастье пил из полной урны
Полуземного бытия.
Мое сродство с подлунным миром,
Казалось, рушилось навек;
Я, горним дышащий эфиром,
Был больше дух, чем человек. . .
Но пробил час — мечты как тени
Исчезли вдруг в туманной мгле,
И после сладких сновидений
30 Я очутился на земле.
Тогда рука судьбы жестоко
Меня к земному пригнала,
Оковы врезались глубоко,
А жизнь за муками пришла.
Печально было пробужденье,
Я молча слезы проливал,
И вот, посланник провиденья,
Незримый голос мне сказал:
«Ты осужден печать изгнанья
40 Носить до гроба на челе,
Ты осужден ценой страданья
Купить в стране очарованья
Рай, недоступный на земле.
В тюрьме, за крепкими замками,
Бледнеет мысль, хладеет ум,
Но ты железными цепями
Окуй волненье мрачных дум;
Не доверяй души сомненью,
За горе жизни не кляни,
50 Молись святому провиденью
И веру в господу храни.
Над ложем слез, как вестник славы,
Взойдет предсмертная заря,
И воспаришь ты величаво
В обитель горнего царя,
В свою небесную отчизну. . .»
Умолк. И ожил я душой,
И заглушили укоризну
Слова надежды золотой. . .
60 И с той поры, изгнанник бедный,
Одной надеждой я живу,

Прошедшей жизни очерк бледный
Со мной во сне и наяву.
Порой, знакомый голос слыша,
Я от восторга трепещу,
Хочу лететь, подняться выше,
Но цепь звенит мне: «Не пущу!»
И я припомню, что в оковы
Меня от неба низвели,
70 Но проклинать в тоске суровой
Не смею жизни и земли.
И жизнь ли — цепь скорбей, страданий,
В которой каждое звено
Полно язвительных мечтаний
И ядом слез отравлено?
Наш мир — он место дикой брани,
Где каждый бьется сам с собой:
Кто — веры сын — с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой.
80 Земля — широкая могила,
Где спор за место каждый час,
Пока всевластной смерти сила
Усопшим поровну не даст.

Я похоронен в сей могиле,
Изгнанник родины моей,
Перегорел мой дух в горниле
Земных желаний и страстей.
Но я к страданьям приучился,
Всегда готовый встретить смерть,
90 Не жить здесь в мире я родился,
Нет, я родился умереть. . .
Счастливицу прежде без границы,
Теперь отрадно мне страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастий пот с чела стирать.
Я утешительного слова
В изгнаньи жизни не забыл,
Я видел небо без покрова,
Награды горние вкусил;
100 И что страданья перед ними!
Навек себя им отдаю,
Когда я благами земными

Куплю на небе жизнь мою
И, не смутясь житейской битвой,
Окончу доблестно свой век.
С надеждой, верой и молитвой
Чего не может человек?? . .

<1839>

98. РУКОЯТЬ

Сонет

Не рылся я в земле в надежде вырыть золото,
Приюта мертвецов в ночи не разгребал;
Но, каюсь, — из руки усопшего собрата
Нехитрый черенок я сделал на кинжал.

Она от гибели спасла меня когда-то:
Мне посланный удар ту руку оторвал
От тела храбреца — полмертвым он упал;
Воздать я не успел ему достойной платой,

Не мог его спасти. — Нахлынули враги,
Молящим голосом он вскрикнул мне: «Беги!»,
Минуты не было последнему объятью,

Лишь руку я схватил и шпоры дал коню —
И с тех пор при себе кинжала рукоятю
На память друга я как жизнь ее храню.

<1839>

99. ЖИЗНЬ

Прекрасно, высокó твоё предназначенье,
Святой завет того, которого веленье,
Премудро учредя порядок естества,
Из праха создало живые существа;
Но низко и смешно меж нас употребленье,
И недостойны мы подобья божества.
Чем отмечаем, жизнь, мы все твои мгновенья —
Широкие листы великой книги дел?

Они черны, как демон преступления,
Стыдишься ты сама бездушных наших тел,
Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И гибельно парит над нами злобы гений,
Еще в зародыше всё доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волнение
Сбуревает нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведет порок и заблуждение
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Нам тяжек крест скорбей, даруемой судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой. . .

Раскрыла ты для нас все таинства искусства,
Мы можем создавать, творцами можем быть;
Довольно налила ты в груди наши чувства,
Чтоб делать доброе, трудиться и любить.
Но чуждо нас добро, искусства нам не новы,
Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть;
Мы любим лишь себя, нам дружество — оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что они безумным нам приносят?
Презрительно смеясь над слабостью земной,
Священного огня нам искру в сердце бросят
И сами же зальют его нечистотой.
За наслажденьями, по их дороге смрадной,
Слепые, мы идем и ловим только тень,
Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
Губительный порок, бездейственная лень. . .
И после буйного минутного безумья,
И чистый жар души и совесть погубя,
Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
Проклятью предаем неистово тебя.

О, сколько на тебя проклятий этих пало!
Чем недовольны мы, за что они? Бог весть! . .
Еще за них нас небо не карало:
Оно достойную приготовляет месть!

<1339>

100. КОЛИЗЕЙ

- Поросшие мхом, окаймленные плющом,
Развалины древнего зданья стоят,
Ничем не напомнят они о живущем,
О смерти на каждом шагу говорят.
Невольно сурово глядишь на руину
И дуמוю сходствуешь с нею вполне.
Упавший обломок там вырыл стремнину,
Там сиротко колонна приткнулась к стене,
Изрезало время морщинами темя,
■ А ветер-нахал их насквозь просверлил,
Карниз обвалился, как лишнее бремя,
Широкие двери буран растворил.
Изящные части загадочной грудой
Являются в целом смущенным очам,
Разрушено всё вековою причудой!
Но — слава искусству и древним умам! —
Еще нам напомнить и каждый обломок
Способен об их исполинском труде,
И днес устыдится правдивый потомок
■ Дерзнуть посмеяться его наготу.
Глаза не окинут огромной руины,
И в час не обскачет пугливый олень;
Во всем, как остаток великой картины,
Былого величья хранит она тень.
Угрюмое зданье! века пробежали,
Пока к разрушенью ты сделало шаг;
Ты крупная буква на темной скрижали
Прошедших столетий; ты им саркофаг.
Твой жребий чудесный невольно мечтами
■ Зажег вдохновенную душу мою;
Поведай мне, как ты боролась с веками,
Поведай прошедшую участь свою.
— Великим умом я задумано было,
И думу глубокую множество рук
В существенность тяжким трудом обратило,
В красе величавой восстало я вдруг.
Взглянуть на меня собирались отовсюду,
Мой вид был прекрасен, торжествен и нов,
Дивился весь мир рукотворному чуду.
■ В середине седми величавых холмов

Я грозной и прочной стояло твердыней,
 И Рим, мне бессмертную участь суля,
 Меня, ослепленный мятежной гордыней,
 Мерилом назвал своего бытия:
 «Покуда ты живо, и я не исчезну, —
 Мечтал он, — тогда лишь, как миру конец,
 Мы вместе провалимся в хаоса бездну».
 Торжественной славой горел мой венец. . .
 Наказан за гордость надменный мечтатель,
 60 Мне многим досталось его пережить;
 Хоть время, и люди, и жребий-каратель
 С тех пор сговорились меня погубить.
 Судьба к разрушенью мне путь указала:
 Сперва как старик к нему тихо я шло,
 Потом словно юноша быстро бежало,
 А было уж старо и седо чело.
 Что день, то я новые знало потери:
 Все люди считали меня за свое
 И рвали в куски, как голодные звери,
 60 Невежды, изящное тело моё.
 И вот от всего, что пленяло, дивило,
 Безмерно гордился чем целый народ,
 Осталась былого величья могила,
 Теперь я скелет, безобразный урод.
 Любуйся чудовищем с грустью мятежной,
 Смотри и грусти обо мне надо мной,
 Обдумай судьбу мою думой прилежной:
 Невольно блеснут твои очи слезой.
 Печален мой жребий, ужасен упадок! . .
 70 Но нет, не жалей меня, юный певец,
 Удел настоящий мой темен, но сладок,
 Тягчил меня славы прошедшей венец.
 Ужасных картин я свидетелем было.
 В день первый изменчивой жизни моей
 Кровавое зрелище взор мой смутило:
 В стенах моих звери терзали людей.
 В годину гоненья на чад христианства
 Неистово злоба в них рыскала вновь,
 Страдало добро, ликовало тиранство,
 80 Реками лилась христианская кровь.
 А я содрогалось от хохота черни,
 На мне отражался народный позор.

О, лучше б забвенья миллионами терний
Тогда ж закидало скорбящий мой взор!
Жалеть ли прошедшего с гибельной славой?!
Нет, странник, забыть я стараюсь его.
Взгляни: надо мною теперь величаво
Крест высится, веры святой торжество.
Там льется молитва, где страшная миру
80 Носилась речь злобы, как дикий буран;
Там амбра курений восходит к эфиру,
Где прежде дымилась кровь христиан.
О, я благодарно премудрому богу!
Пусть сорван покров красоты с моих чресл,
Пускай, указуя к паденью дорогу,
Меня изуродовал времени жезл —
Зато мои темные дни не тревожны,
Давно не обрызгано кровью стою. . .
Нет, нет, ко мне милостив рок непреложный,
100 Он чужд укорины за участь мою. . .
Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к предвечному в храм,
И спой там не жалобный гимн на судьбину, —
Мой гимн благодарственный спой небесам. . .

<1839> . . .

101. АНГЕЛ СМЕРТИ

Придет пора преображенья,
Конец житейского пути,
Предсмертной муки приближенья
Заслышу в ноющей груди,
И снидет ангел к изголовью,
Крестом трикраты осеня,
С неизъяснимою любовью
И грустью взглянет на меня;
Опустит очи и чуть внятно,
Тоскливо скажет: «Решено!
Под солнцем жизнь не беззакатна,
Чрез час ты — мира не звено.
Молись!» — и буду я молиться,
И горько плакать буду я,

И сам со мною прослезится
Он, сострадания не тая.
Меня учить он будет звукам
Доступных господе молитв,
И сердце, преданное мукам,
В груди их глухо повторит.
Назначит смертную минуту
Он, грустно голову склоня,
И робко спрашивать я буду:
Господь простит ли там меня?
Вдруг хлад по жилам заструится,
Он скажет шепотом: «Сейчас!»
Святое таинство свершится,
Воскликнут ближние: «Угас!»
Вдруг... он с мольбой закроет очи,
Слезой зажжет пустую грудь
И в вечный свет иль к вечной ночи
Душе укажет тайный путь...

<1839>

102. ВСТРЕЧА ДУШ

1

Всё туманится и тмится,
Мрак густеет впереди.
Струйкой света что-то мчится
По воздушному пути,
В полуогненную ризу
Из лучей облечено.
Только час оттуда снизу,
А уж с небом сближено;
Без порывов, без усилья,
10 Словно волны ветерка,
Златом облитые крылья
Вольно режут облака.
Нет ни горести, ни страха
На блистательном челе.
То душа, со смертью праха
Отчужденная земле.
То, от бедствий жизни бурной,
Беспорочная душа

Юной девы в край лазурный
20 Мчится, волею дыша.
Век страдальцей высокой
На земле она была,
Лишь любовьию глубокой
Да молитвою жила.
Но любви блаженством ясным
Мир ее не подарил:
Там с избранником прекрасным
Жребий деву разлучил.
Року преданная слепо,
80 Страсть она перемогла
И нетронутый на небо
Огонь невинности несла.
И блистателен и пышен
Был венец ее двойной,
Лёт торжественный, чуть слышен,
Сыпал искры за собой.
На недвижимый и безмолвный
Неба божьего предел
Взор, уверенности полный,
40 Как на родину смотрел.
Только темное сомненье,
Мнилось, было на челе:
Суждено ль соединенье,
Там ли он иль на земле?

2

Слышно тихое жужжанье
От размаха легких крыл,
Пламень нового сиянья
Тучи грудь пробороzdил.
Видит светлая другую,
50 Восходящую с земли,
Душу, в ризу золотую
Облеченную, вдали.
Ближе, ближе. . . вот сравнялись,
Вот сошлись на взмах крыла,
Быстро взором поменялись,
И приветно начала
Говорить одна: «Из мира

Многогрешного парю
В область светлого эфира,
60 В слуги горнему царю.
Грея грудь питомца горя,
Я там счастья не нашла;
Там, с людьми и роком споря,
Бед игрушкой я была.
Только раз лишь — помню живо
День и час — блаженства луч
Так роскошно, так игриво
Проблеснул мне из-за туч.
Деву с черными очами
70 В мире дольнем я нашла
И, пленясь ее красами,
Всё ей в жертву принесла.
Но под солнцем несчастлива
Бескорыстная любовь!
Вверг разлукой прихотливый
Рок меня в страданье вновь.
На свиданье с ней надеждой
С той поры живу одной,
И теперь, когда одеждой
80 Я не связана земной,
Радость всю меня обильно
Наполняет и живит:
Верю, мне творец всеильный
Амариллу возвратит. . .»
— «Амариллу? голос друга
Я узнала. . . я твоя!
Сладким именем супруга
Назову любимца я. . .
Нет здесь бедственной разлуки,
90 Вечен брак наш. . . Нет преград!
Наградил нас бог за муки.
Как он щедр, велик и свят!»

8

И в блаженстве беззаветном
Души родственно слились
И в сияньи огнецветном
Выше, выше понеслись.

Понеслись под божье знамя
Так торжественно, легко.
От одежд их свет и пламя
100 Расстилались далеко;
Счастья чистого лучами
Пышно рдело их лицо;
А венцы их над главами
Вдруг сплелись в одно кольцо --
Словно в знаменье обета
Всемогущего творца,
Что для них свиданье это
Не найдет себе конца.

<1839>

103. ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

Не всё постигнул ум надменный,
Не всё светло для мудреца,
Есть много таин во вселенной,
Ключи которых у творца.
От жажды знанья плод не сладок.
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец! пред богом прах твой ум;
Твои открытия случайны.
10 Тебе поверил ли эфир
Свои божественные тайны,
Свою судьбу сказал ли мир?
Дала ли жизнь тебе способность
Постичь хоть самого себя,
Ясна ль очам твоим загробность,
Дно моря светло ль для тебя?
Понятны ль дивные явленья
В природе неба и земли,
Пути планет, миров движенья,
20 Буран, что топит корабли,
Утроба гор, что родит золото
Иль мещет пламень и пожар?
Всезнания жаждою богатый,
Ты угадал ли тайну чар,
Во сне тебе дающих крылья?

В себе ты понял ли, скажи,
 Боренье силы и бессилья,
 Ничтожность тела, мощь души?
 А своенравная судьбина,
 30 С которой бедственна борьба,
 Что . . . . .
 . . . . .
 Играет гением и шутом,
 Смиряет битвы, рушит мир,
 В невежде, гордостью надутом,
 Земным умам дает кумир;
 Не внемлет воплей, просьб и плача,
 Когда сурова и гневна,
 Которой нет щедрей, богаче,
 40 Когда раздобрится она, —
 Покровы тайны, хоть украдкой,
 С нее ты сорвал ли, мудрец?
 Не верим мы твоим догадкам:
 Ты жалкий скептик, ты не жрец.
 Земным умом измерить бога,
 Постигнуть тайны бытия, —
 Нет, это дерзко, это много,
 Нет, это доля не твоя!
 Благоговеть пред мистицизмом
 50 И был и есть удел людей,
 На что ж преступным скептицизмом
 Мрачишь ты блеск души своей?
 Зачем запретные познания
 Тебе, рабу земных оков?
 Иль то для славы, для названья
 . . . . . гения веков?
 Отринь губящий дух гордыни,
 Не льстись надеждой ни на миг,
 Что глас твой будет не в пустыне,
 60 Когда ты скажешь: «Всё постиг!»
 Страшись снискать людей презренье,
 Небесной кары не накличь;
 Нет славы в дерзком покушении
 Непостижимое постичь!
 Не стыд — сознание бессилья
 Пред тем, что выше сил души.
 Оставь же тщетные усилья;

- Не жди, не мучься, не греши!
С мольбой возмись за труд по силе,
● Путь к знаниям верой освети
И с этим факелом к могиле —
Всего отгадчице — гряди.
Мужайся там, где слез пучина,
Люби добро, как мать птенца,
И разлюби родного сына
За отступление от творца;
Будь бед своих сторонний зритель,
Чужих — чувствительный отец;
Всего великого ревнитель,
● Всего ничтожного беглец;
Тип в совершенстве человека
В себе одном осуществи,
Собою тварь, на диво века,
Творца достойную яви.
Вот в этом мудрость, в этом слага,
Твой долг, твой подвиг на земле!
Таким, не мудрствуя лукаво,
Явись, с смиреньем на челе.
И вознесешься ты высоко,
● Блистая славою прямой —
Как это огненное око,
Что смотрит днем на мир земной.

<1839>

104. ЗЕМЛЯКУ

- Бывали дни — в стране родной
Мы жили вместе, пылки, юны,
Но чисты сердцем и душой.
Судеб карающих перуны,
И Зевсов гром, и гром тревог,
И стрелы зависти коварной,
И стрелы молнии лучезарной
Щадили нас и наш порог.
Всё было тихо; без волнений
10 Текла цветущая весна,
Душа щитом беспечной лени
Была от бурь заграждена.

МЕЧТЫ и ЗВУКИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Н.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЕГОРА АЛЕКСАНОВА.

1840.

И нам казалось — тяжкий молот
Не раздробит его вовек;
И нам казалось — пламень, холод
И всё, чем дышит человек, —
Тот щит лишь закалят надежней,
И навсегда он будет нам
Порукой в жизни безмятежной,
20 Ответом бурям и страстям.
Но затаенный долго пламень
Сильнее вспыхивает вдруг,
Но страшный порох рвет и камень;
Так и тот щит, печальный друг,
Которым грудь мы прикрывали,
Мгновенно страсти разорвали.
Нам стали скучны ручейки,
Долины, холмики, лески —
И всё, чем в доле беззаботной
30 В деревне счастлив земледел
(Чему б теперь опять охотно
Душой предаться я хотел).

Мы на чужбине. Рок забросил
Далеко углый наш челнок;
Ты скоро сердце обморозил,
Тревоги жизни пренебрег.
Я был несчастней, я пил дольше
Очарованье бытия,
Зато потом и плакал больше
40 И громче жаловался я.
Так и всегда: чем лучезарней
Сначала дольней жизни путь,
Тем будущность темней, коварней,
Тем глубже западает в грудь
Тоски крушительное семя
В минуты бедствий и утрат;
И разве опыт, рок и время
Его из груди истребят. . .
Сбылись ли наши ожиданья,
50 Узнали ль мы то, чем желанья
Палили кровь, томили ум?
Узнали мы тоску, страданья,
Мятеж страстей, волненье дум,

Узнали дружбу — без участия,
Привет и ласку — без любви,
Узнали то, что в мире счастья
Не уловить, как ни лови.
Что на пиру воображенья
Нарядом пышным и цветным
60 Рядили мы, в пылу забвенья, —
То было призрак, было дым.
. . . . .
Что хладно мучит и терзает,
Ни каплей блага не живя,
То всё младое сердце знает,
То всё мы встретили, живя.
А радость, а надежда славы,
Любви и счастья даров?
70 Как осенью листья с дубравы,
Исчезло всё среди снегов,
К нам нанесенных вьюгой буйной
Измен крушительных и бед.
Что ж нам осталось в жизни бурной?
Что пронеслось, чего уж нет?
Нет веры в сбыточность мечтаний,
Которым предавались мы.
Есть опыт. Хладные умы
Он отучил от ожиданий,
80 От обольстительных надежд,
От дружбы женщин и невежд
И вечно ложных упований.
Мы всё забыли, погребли,
Что обольщает чад земли, —
И холод раннего бесстрастья
Нам скудной стал заменой счастья. . .

<1839>

105. ГОРЫ

Передо мной Кавказ суровый,
Его дремучие леса
И цепи гор белоголовой
Угрюмо-дикая краса.

Мой друг, о сей стране чудесной
 Ты только слышал от молвы,
 Ты не видал в короне звездной
 Эльбруса грозной головы.
 Вот он. Взгляни, его вершина
 10 Одеята глыбами снегов,
 Вокруг седого исполина
 Стоят ряды его сынов.
 Великолепные творенья!
 Блестящая гордой красотой,
 Они вселенной украшенья,
 Подпора тверди голубой.
 Взгляни на них бесстрашным взором!
 Но ты дрожишь: что видишь ты?
 Или сравненьем, как укором,
 20 Смутились дерзкие мечты? . .
 Да, да. . . наследник разрушенья,
 Я понял ясно мысль твою
 И, не без тайного крушенья,
 Ее правдивой признаю:
 Здесь от начала мирозданья
 Водворены громады гор,
 И полон гордого сознанья
 Могучих сил их бурный взор;
 Всеразрушающее время
 30 Им уступать осуждено,
 А между тем земное племя
 В гробах истлело не одно.
 Они всё те ж. . . основы твердой
 Ничто разрушить не могло.
 О, как торжественно, как гордо
 Их величавое чело!
 Всегда и холодно и бурно
 Оно, закованное в лед;
 Как опрокинутая урна,
 40 Над ним висит небесный свод,
 И солнце в отблесках узорных
 На нем горит, как на стекле, —
 Хребет возвышенностей горных,
 Не чуждый небу, чужд земле.
 Лишь изредка, под небосклоном
 Наскуча праздностью немой,

Сорвется с грохотом и стоном
Осколок глыбы вековой
И, весь рассыпясь мелким снегом,
50 Привет их долу принесет,
А дол туда же громким эхом
Благоговейный ужас шлет.

Картиной чудной вдохновенный,
Стою недвижим перед ней
Я, как ребенок умиленный.
Святой восторг души моей
И удивленья полны взоры
Шлю к тем же грозным высотам —
Чтобы заоблачные горы
60 Их передали небесам.

<1839>

106. ЗЛОЙ ДУХ

Дух нечистый, дух порочный,
Как прокрался ты ко мне?
Для чего ты в час полночный
Здесь, со мной наедине?
Нет в очах твоих привета,
Как на давнем мертвце,
Лед бесстрастья на лице,
Злобной радостью одетом, —
Только демонский восторг
Смех неистовый исторг
С уст, и он вместо ответа
Мне понятно говорит:
«Сам ты звал, за данью верной
Я пришел! . . .»

Так лицемерный
Демон душу сторожит.
Так он вьется, в час паденья,
Над главой во тьме ночей
И вливает яд волненья
В сердце холодом речей.
Чудны, страшны эти речи!
Часто им внимает ум,

И от каждой новой встречи
Больше в сердце мрачных дум.
Дух коварный искушенья
Ими душу окружит
И мятежное сомненье
В чистом сердце поселит.
Всё, что юношу пленяло
Дивным блеском красоты,
Что неволью увлекало
В область мысли и мечты, —
Осмеет он; и под маской
Долгой опытности свет,
Безобразя черной краской
Зла, страданья, горя, бед,
Назовет темницей душной;
И, ребенок простодушный,
Ты погиб, когда его —
Силой духа своего —
    Не отвергнешь! . .

<1839>

107. НЕЗАБВЕННАЯ

..Для сердца нужно верить.

Пушкин

О память, память! образ нежный
Надолго в сердце заключи,
Запри его рукой прилежной
И брось ненужные ключи! . .

Не дай забыть того мгновенья,
Когда в полуночной тиши,
Затворник дум и вдохновенья,
Звучал я, полный восхищенья,
На струнах огненной души, —
И вдруг, чудесной невидимкой,
Как гений кроткий и благой,
Явилась дева предо мной,
Одета радужною дымкой
Туманной утренней зари,
В устах с улыбкою беспечной.

О память, память! сердцу вечно
Об ней мне в жизни говори! ..

Я в ней искать единовеца
В мою любовь, в мои мечты
Пойду везде. О сердце, сердце!
Зачем так страстно любишь ты? ..

Я не простыну до могилы...
Чуждаясь света и пиров,
В чертог заветный к деве милой
Искать лишь буду я следов.
И близь нее, в ее чертоге
Жить будет сердце век мое;
Или умру я на пороге
Жилища райского ее. . .

Но если это сон волшебный,
Одна мечта — и на пути
Тревожной жизни рок враждебный
Мне не судил ее найти?!

Я и мечту лелеять буду,
Любови к ней не погашу,
Свиданья сладкую минуту
На память сердцу запишу.
Солью мечтательное счастье
С моей существенной бедой
И жизни мрачное ненастье
Пройду бестрепетной стопой.
И верю — там, в стране лазурной,
Где радость и любовь вечна,
В награду бедствий жизни бурной
Осуществится мне она.

<1839>

108. ТУРЧАНКА

Гюльнара, гурия младая!
Как много пламени, лучей,
Любови, музыки, речей,

Приветов, ласк и песен рая
В живом огне твоих очей!
Кто, кто, безумец, эти очи
Отдаст за звезды ясной ночи?
Кто не забудет горя, мук,
Когда, как с арфы чудной звуки,
10 В порывах радости иль муки,
Слетает с уст волшебный звук?
А эти перси, моря волны,
Кто не почтет, восторга полный,
Тая любовь в душе своей,
За чашу благ, в которой слито
Всё, что небесное забыто
В юдоли плача и скорбей?
Вот кудри — вороновы перья;
Черны, как гений суеверья,
20 Как скрытой будущности даль,
Роскошны, длинны и лоснисты, —
За поцелуй в их шелк душистый
Расстаться с жизнью не жаль.
Вот стан, но кто не примет стана
Лишь за воздушный круг тумана?
Вот ножка, дивная краса!
Под солнцем нет цветка, дорожки,
Достойных быстролетной ножки,

30 Пери, Пери! диво света,
Ненаглядная краса!
Ослепляешь, как комета,
Ты и чувства и глаза.
Будто солнца луч полдневный,
Вкруг тебя блистает свет,
Смертоносен взор твой гневный,
Жизнодарен твой привет.
Пери, Пери! диво света!
Ты пленила мысль мою,
40 Я тебя, дочь Магомета,
Фантазируя, пою.
Как твои роскошны грезы,
Как восторженны мечты,
Как дрожат восточной розы
Неги полные листы,

Как дыханье беспокойно!
Ты как солнце горяча,
И огонь желанья знойный
Веет с груди и плеча;
50 Как растопленное золото,
Эта грудь нежна, чиста,
Но зато, как сталь булата,
Непорочностью тверда. . .
Пери, много дивной жизни
Затаила ты в себе;
Отчего ж в твоей отчизне
Нет поклонников тебе?
Скрыла ты под покрывалом
Прелесть юного чела
60 И от всех им, как забралом,
К сердцу двери заперла.

<1839>

109. СОМНЕНИЕ

Ты начал жить. Роскошен жизни пир,
На этот пир ты позван для блаженства,
Велик, хорош, изящен божий мир,
Обилен всем и полон совершенства.
Лазурь небес, безбрежный океан,
Дремучий бор, так пышно разодетый,
Седой зимы сердитый ураган,
И тишина торжественная лета,
И говор вод, и пенье соловья,
10 И над землей витающая птица,
И по волнам скользящая ладья,
И в небесах горящая денница,
И темнота безмесячных ночей,
Приют тоски, мечтаний и любви, —
Картины чудные для сердца и очей.
Ты всем пленен, и пламя юной крови
В тебе зажгло высокие мечты,
Ты вспыхнул весь огнем полунебесным
И, вдохновлен картиной красоты,
20 Постиг творца в творении чудесном.
Как праха сын, восторженным челом

Ты перед ним во прах повергся долу
И, до души проникнут божеством,
Послал мольбы к всевышнего престолу.
Он, внемля им, благословил тебя.
Сопутствуем надеждою веселой,
Иди, иди, надежду полюбя,
Ты с ней свершишь без горя путь тяжелый.
Но берегись! приюта не давай

30 В душе своей мятежному сомнению,
Беги его и сердца не вверяй
Его всегда недоброму внушенью. . .
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь —
С тобой навек останется оно,
Ты в нём навек врага себе имеешь. . .
Порыв души в избытке бурных сил,
Святой восторг при взгляде на творенье,
Размах мечты в полете вольных крыл,

40 И юных дум кипучее паренье,
И юных чувств неомраченный пыл —
Всё осквернит нечистое сомнение
И окует грудь холодом могил.
Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты,
И даже там, где смело ходят дети,
Остановясь, задумаешься ты.
Ни красоты природы, ни искусства —
Ничто души убитой не займет,

50 Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженет.
Полюбишь ты — сомненья призрак бледный,
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальет ревнивою тоской.
В ней закипит и бешено и страстно,
Как ураган, бунтующая кровь,
Но, мучимый сомнением всечасно,
Ты проклянешь безумную любовь.

60 Ревнивых чувств изгладишь впечатленье —
На сердце вновь и хлад и пустота,
Вотще искать ты будешь утешенья,
Нет, для него грудь будет заперта.

Участье дружества, последняя отрада —
И от нее сомненье отвлечет;
Оно тебе врагом покажет брата
И друга доброго злодеем назовет.
Мир для тебя в пустыню обратится,
Его бежать, чуждаться станешь ты;
70 В груди навек сомненье приютится
И поселит в ней мрачные мечты.
Ты не отвергнешь их, привыкший сомневаться,
И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться
И созреть на сердце молодом.
И вот плоды несчастных размышлений,
С сомнением томительных бесед:
Ты, раб его неправедных внушений,
Им омрачишь отрадной веры свет.
80 Тогда, тогда — печатью отверженья
Зажжет чело отступника позор,
И торжество коварного сомненья
Тебе прочтет последний приговор. . .

<1839>

110. ПЕСНЯ

Мало на долю мою бесталанную
Радости сладкой дано,
Холодом сердце, как в бурю туманную,
Ночью и днем стеснено.
Ах, уж страдальца краса благосклонная
Другом давно не звала
И, поцелуем живым раскаленная,
Грудь его грудью не жгла.
В свете как лишний, как чем опозоренный,
Вечно один он грустит.
Девы! ведь чувства во мне не затворены,
Я не бездушный гранит.
Дайте любви мне — радость безумная
Вспыхнет, как пламя, в крови,
Прочь, неотвязная грусть многодумная,
Всё утоплю я в любви!

Ты не раскаешься, дева прекрасная,
Если полюбишь меня.
Склонит цветочек погода ненастная,
Нежная дева средь дня
К солнцу небесному ручкою ловкою
Тихо его повернет —
Снова, на стебле качаясь головкою,
Он ароматом цветет:
Смят я несчастьями, горем измучен я;
Дева, явился, спаси!
С мыслью о смерти теперь неразлучен я,
Жить и любить воскреси! . .

<1839>

111. ПОКОЙНИЦА

«Кто умер здесь? какой потери
Печаль встревожила сердца?
Откройте гробовые двери —
Хочу взглянуть на мертвеца!
Хочу, на ледяные кости
Печать лобзанья наложу,
Найти там след суровой гостьи,
Где ныла пленница душа.
О боже, о творец великий!
Она! . .» И помутился взор,
И горьких жалоб ропот дикий
Несвязный выразил укор.
Опомнился. . . взглянул: у гроба
Другой, безмолвствуя, рыдал;
Но лишь ему в лицо, как злоба,
Народ презрительно взирал
С уликой. «О, зачем, спаситель,
В тоске рыдать об ней, как он,
Я права от тебя лишен,
И клевета, любви гонитель,
На самом гроба рубеже
Покоя не дает душе,
Простившейся с грехами тела,
И на нее через меня
Льет яд позорного огня?

Я ей чужой! . .» С чела слетела
Искусно скрытая тоска,
Из роз могильного венка
Цветок он вырвал равнодушно,
Пошел — исчез в толпе бездушной. . .

Толпа его не поняла.
Весь день об нем, наморщив брови,
Судила, думала, врала,
И страшно молвить, как, злословя,
Она покойницу звала. . .

<1839>

112. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

1

Повитый ризою полночного тумана,
Под сладкий говор волн седого океана,
Как путник под напев лесного соловья,
Спит пышный град. Разврата не тая,
Он обнажил поруганное тело, —
Рука страстей над ним отяготела,
И ночи тьма не кроет от очей
Печальных признаков людского заблужденья:
Там сладострастные стоят изображенья,
10 Нагие прелести вакханок и цирцей.
Что чувствам льстит, а душу унижает,
Там видит взор, и ясно выражает
Картина от очей не скрытой наготы,
Присутствие греха, отсутствие святого,
Господство одного порочного и злого —
Разврата блеклые цветы. . .
Тихо кладбище,
Мертвых жилище,
Храм божий тих.
20 Мук преступленья,
Жажды, презренья —
Говор притих. . .
Казни позорной
Место вдали,

Заговор черный,
Страсти земли —
Ада созданья,
Помыслы зла,
Злые желанья,
30 Злые дела,
Тихо, всё тихо,
Молчит.

2

Утопая в неге сладкой,
Беззаботно спит старик,
Дерзкий юноша украдкой
В терем девицы проник;
Жадный к деньгам видит золото,
И во сне его рука
Строит гордые палаты,
40 Исчисляет груз богатый
Кораблей издалека;
Враг людей, друг черной ночи,
Устремя кровавы очи
В даль, с кинжалом, на коне
Ждет добычи терпеливо.
Все — кто в яве, кто во сне —
Полны суетностью лживой.
И надежды и мечты
Их по-прежнему ласкают,
50 Ничего не ждут, не знают
Дети зла и суеты.
В море неги сладострастной
Сердце их погребено;
А меж тем земля ужасный
Пир готовит им давно. . .

Так, в глуби ее таится
Пламя дивное, оно
Скоро вспыхнет, задымится,
Чудной силой зажжено.
60 Скоро будет пир кровавый
На земле и в облаках;
Пышный, гордый, величавый
Превратится город в прах.

Скоро... вестницею гнева
Всемогущего творца,
Скрыла с неба радость-дева
Прелесть юного лица.
Тёмно, душно... Встаньте, люди,
Умолите божий гнев,
70 Оторвите вы от груди
Юных жен и юных дев;
Позабудьте ложе ночи,
Вы, погрязнувшие в зле,
Возведите к небу очи,
Устремите слух к земле.
Страшно в небе, но страшнее
Под землей, там гром гремит,
Там, как в сердце Прометея,
Пламя бурное кипит.
80 Пробудитесь! но призванью
Вы не внемлете; пора!
Нет, отсрочки наказанью
Бог не даст вам до утра...

8

Чу! дрожит земли утроба,
Гул несется из травы;
Гром гремит, как в двери гроба
Череп мертвой головы.
Чу! трепещут кровли башен,
Завывает темный бор.
90 Разрушительен и страшен
Бурь подземных разговор...

4

Вновь прогремели сердитые громы,
Эхо глухое далеко летит,
Плещется море, и рушатся дома,
Людам земля приговор говорит.
Слышишь ли, смертный, ты скрежеты ада,
Тяжкие вопли придавленных жертв,
Видишь ли тело погибшего брата? —
Он бездыханен, холоден, мертв.

100 Слышишь ли грозный ты звон колоколен?
Это не ты их заставил звенеть,
Слабый, унять их ты также не волен,
Покайся! близка твоя смерть. . .

5

Нет, ужасным сим явленьем
Человек не уstraшен;
Лишь с корыстным сожаленьем
Гибель зданий видит он.
И, рискуя жизнью, страшный,
Будто житель гробовой,
110 В бой вступает рукопашный
С разъяренною землей:
В сокрушенные палаты
Он стремительно идет
И из них кумир свой, злато,
В поле темное несет. . .
И везде одна тревога,
Мелкой суетности шум,
И не внемлет гласу бога
Человека гордый ум.

6

120 Но грохоты громов подземных сильнее,
А черные тучи на небе мрачнее. . .
И вот на свободе, как вихорь степной,
Летает, кружится взорвавшийся камень,
Потоками брызжет дробящийся пламень
И в воздухе блещет кровавой зарей;
Оттуда — свершитель небесного мщенья —
На головы грешных он с шумом летит;
Разгульно пирует везде разрушенье,
Ничтожеству всё предает и мертвит. . .

7

130 И ужас всех обнял. Всё люди забыли,
Дрожащие руки им страх оковал;
С землею прощались, горько вопили
И мнили: суд бога последний настал.

И мнили: то было паденье вселенной,
И с трепетом ждали паденья ея,
А громаы ревели во мгле потаенной,
Валилися зданья, стонала земля. . .
Отчаялись люди; настал час смириться!
В их души невольно закралась боязнь;
140 И поняли люди, что это творится
За их преступленья достойная казнь. . .

8

И вот перед небом создателя, в страхе,
Упал непокорный народ, и во прахе
Смирилися гордые дети земли:
И те, что доселе, главою надменной
Безумно отвергнувши бога вселенной,
На град наказание его навлекли;
И те, что в пороках одних утопали,
Забыв и молитвы, и совести глас,
150 Что буйно, безумно грехом торговали
И бога-творца забывали не раз, —
Пред ним все смирились и песнь о прощеньи
Послали к всесильному богу-царю.
И вот, милосердый, он в знак примиренья
Зажег на лазоревом своде зарю.
Заря загорелась, и тучи пропали,
Рассеялась мрачность и тьма в небесах,
Подземные громаы греметь перестали;
От града остался лишь пепел да прах.
160 Но люди о нем не тужили, в священных
Словах благодарности, чистых, живых,
Молитва лилася из душ обновленных, —
Им не было жалко хором дорогих.
Оделся свод неба пурпúром денницы;
Народ всё молился и в страхе твердил:
«О боже премудрый! Ты благ без границы,
Ты милостью наши грехи победил! . . .»

<1839>

113. ВОРОН

Баллада

Не шум домовых на полночном пиру,
Не рати воинственной топот —
То слышен глухой в непробудном бору
Голодного ворона ропот.
Пять дней, как, у матери вырвав дитя,
Его оглодал он, терзая,
И с тех пор, то взором в дубраве следя,
То в дальние страны летая,
Напрасно он лакомой пищи искал
10 И в злобе бессильной судьбу проклинал.

Носился туда он, где люди без слез
Лежат после хладной кончины:
Там жертву оспорил вампир-кровосос
И не дал ему мертвечины.
Был там, где недавно пожар свирепел
Вражды, честолюбья и злости:
Там раньше другой подобрать всё успел,
Ему не досталось ни кости.
И вновь без добычи вернувшись в бор,
20 Кричит он и стонет, кругом вода взор.

Едва от усталости может сидеть,
К земле опустилися крылья.
Чу, шелест, чу, топот! . . Рванулся лететь,
Но слабые тщетны усилья.
Вот ратник лихой. Засверкали глаза,
И демонам шлет он молитвы:
«Убей его яростных громов гроза,
Иль враг наскочи и без битвы
Тайком умертви, чтоб, лишившийся сил,
30 И голод и жажду я им утолил».

Но тщетна нечистая просьба, промчал
Спокойно ездок мимо врана.
С коня соскочил он, его привязал
И к хижине, мраком тумана
От взоров сокрытой, направил свой путь,
Исполнен надежды отрадной,

А ворон всё каркал и до крови грудь
Себе проклевал беспощадно.
Но вот встрепенулся он радостно вдруг,
40 Спорхнул, над конем обогнул полукруг.

Как будто бы замысел злобный тая,
Ему он закаркал приветно:
«Смотри, как летаю торжественно я,
Мне в мире ничто не заветно.
Меня не тягчит беспокойный седок,
Узда и удила мне чужды,
Быть так же счастливым и ты бы, конь, мог,
Не зная неволи и нужды.
Ты так же б свободно весь мир облетал
50 И бурным стремленьям преград не видал».

Тряхнул головой благородною конь, —
Понравились льстивые речи!
Рванулся, но столб устоял; лишь огонь
Копыта взметали далече.
Вновь ворон закаркал: «Тебе ли нести
Побой, позор и неволю,
И ты ли не в силах во прах разнести
Вождя хоть какого по полю.
Как сядет твой ратник, взбесится, помчи;
60 Срони его в бездну и сам ускачи!»

На волю порывом, как злой ураган
Могучим, ответил конь бурный.
И, радуясь, вынул безжалостный вран
Несчастливого жребий из урны.
А в хижине радость. Там он и она,
Играет он локоном девы,
Она ему шепчет, прекрасна, нежна,
Любви бесконечной напевы;
Она ему в очи приветно глядит.
70 Но жребий не даром блаженство дарит!

Они расстаются; уж близок рассвет,
И горько она зарыдала.
Он завтра приехать дает ей обет,
Но дева как будто узнала

Таинственный жребий, предчувствий полна,
Она его крестит, лобзая.
Он сел и поехал; уныло она,
Очами его провожая,
Стоит у порога. Вдруг конь на дыбы!
80 Заржал... и свершилася воля судьбы...

Летит без наездника конь молодой.
«О друг! что с тобою случилось?»
И быстро бежит она тайной тропой
И мертвой на труп повалилась.
На нем уже ворон голодный сидел
И рвал его, в радости дикой;
Сбылось, совершилось... ужасный удел
Тебальда постиг с Вероникой!

. . . . .
90 . . . . .

<1839>

114. РЫЦАРЬ

Баллада

Не жалобной чайки могильные крики,
Не сонного филина грустный напев,
Не говор унылый с волной повилики,
Не песни тоской сокрушаемых дев,
Не звуки поэта задумчивой лиры
В ночи прерывают природы покой —
То воин могучий над гробом Заиры
Рыдает, на меч опершись боевой.
Глухие стенанья несутся далеко;
10 Бесстрашного в брани смирила печаль —
Отчаянья полн, он вздыхает глубоко,
И брызжут горячие слезы на сталь.
«Заира, Заира! твою ли могилу
Я вижу? погибла надежда моя!
Молчите, дубравы и ветер унылый,
Затихни, полночная песнь соловья, —
Быть может, услышу хоть голос знакомый,
На миг хоть увижу любезной лицо.

Напрасно! нет вести из вечного дома,
20 Всё тихо! но ты, дорогое кольцо,
Поможешь мне вызвать из гроба Заиру.
Волнуйтесь, реки, дубравы, поля, —
Не дайте услышать уснувшему миру,
Как с грохотом треснет сырая земля.
Кольцом не простым я владею, — вручая
Его, мне сказала она: „Талисман
В нем дивный таится, из горнего края
Оно вызывает, врачую от ран“.
Свершайся ж, надежда! свидание с милой,
30 Уснувшую радость во мне пробуди,
Прах, жизнью согретый, вставай из могилы,
Заира к Роланду на грудь упади! . . .»
Не вихрь завывает, не море бушует,
Не громы грохочут в седых облаках —
Роланд, обнимая, Заиру целует,
У рыцаря радость блистает в очах,
Он счастлив. . . он шепчет: «Со мною, Заира,
Пойдем, я покину и лавры и меч,
Не буду грозою подлунного мира!»
40 — «Нет, милый, нет, в землю холодную лечь
Пора мне, простимся! мой друг, не дается
Нам прав уходить из подземных утроб,
Денница прекрасная скоро зажжется,
Прощай, до свиданья! ты в битву, я в гроб! . . .»
Исчезла. . . «Не можешь со мной ты остаться, —
Так я не могу ли с тобою? . . Прости,
Мой меч торегранный, с которым тягаться
Боялось полмира, мне в бой не идти! . . .»
День на небе. С громом сигнала сзывного
50 Помчались в битву бесстрашных полки,
Но не было с ними Роланда младого.
Где ж он? На кладбище, у быстрой реки
Есть ветхая келья. Оттуда порою
Выходит отшельник, угрюм, сановит;
Он молится днем над могилой одною,
А ночью всё с кем-то на ней говорит.

<1839>

115. ВОДЯНОЙ

Баллада

«Меня из-под солнца сманил Водяной
В подводные царства Дуная,
Оковано сердце броней ледяной,
И стала совсем я иная:
Ни черные очи огнем не горят,
Ни щеки румянцем не рдеют,
Ни бури желаний души не томят,
Ни страсти земные не греют;
И вся, как Дуная седого волна,
10 Теперь я бесстрашна, мертва, холодна.

Что мне, что могу я там вольною быть,
Сквозь волны смотреть на природу
Иль, ставши волной, прихотливо браздить
Крылом задремавшую воду;
Что отдал мне мой непостижный супруг
Во власть всё подводное царство —
Земное к земному влечет юный дух;
Но тщетно, кляня за коварство,
Прошусь я домой — он к родной стороне
20 Дорогу забыть приказал давно мне...»

— «О, где твоя родина, дева, открой!» —
Сидящей на бреге девице
Сказал юный ратник, бесстрашный герой.
Блистая слеза на реснице;
Участия полный, он деву спасти
Клялся и мечом и свободой.
«Беги, витязь юный, скорее! прости,
Иль сгибнешь, постигнут невзгодой!
Меня стережет мой супруг Водяной,
30 Найдет он везде, мы пропали с тобой!»

Но он не внимает. «О радость души!
В награду любви моей страстной
Спасителем быть мне твоим прикажи!
Твое опасенье напрасно.
Куда пролегает таинственный путь,
Скажи мне!» — так он умоляет.

Вдруг дева упала к счастливицу на грудь
И юношу страстно лобзает:
Земная природа проснулася в ней,
40 На волю из груди бьет пламень страстей.

В восторге души, он недвижим и нем,
Она вся любовь, восхищенье,
Забыли земное; готово меж тем
Ужасной грозы приближенье.
Бегут, но уж поздно. Раздался в тот миг
Прерывистый хохот; о горе!
Всё шире и шире Дунай — и настиг,
Разлившись как бурное море.
И где за миг с другом стояла она,
50 Там бьется, бушует и скачет волна.

<1839>

116. ПИР ВЕДЬМЫ

1

Тёмно в хате, душно в хате;
Пляшут ложки на столе.
Скачет ведьма на ухвате,
Едет черт на помеле.

Светло в хате, чисто в хате;
Вышла баба из трубы,
Набрала воды в ушате,
Загадала на бобы.

«Приходите, черти, змен!
Пир дадим, сестра-душа!»
И сняла колдунья с шеи
Двухаршинного ужа...

2

Ветер свищет, ветер вьется,
Воет бор, ревет ручей;
Вдаль по воздуху несется
Стая леших и чертей.

Поле стонет, поле плачет,
Завывает, словно волк;
По земле ползет и скачет
Змей гремучих целый полк.

Вползли змеи в двери хаты,
Черти с шумом из трубы,
Безобразны и рогагы,
Повалились, как грибы.

8

Обниманья, сплетни, говор,
Всякий хочет угодить;
Черный уж, колдуньяин повар,
Стал меж тем уху варить.

И покуда мыл он плошки,
Все, без скрипки, без смычка,
Под напев голодной кошки,
Принялись за трепачка...

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

4

Славно пляшет на три сорта
Сатанинская семья!
И колдунья, сватья черта,
От восторга не своя.

Что за праздник! песни, хохот,
Крик, бляенье, волчий вой,
Львиный рев и конский топот,
Зев и говор громовой.

Любо это ей до смерти!
Вдруг запели петухи,
И пропали гости-черти,
Не дождавшись ухи.

<1839>

Об чем, то рыдая, то буйно ликуя,
Порою хохочешь, порою грустишь?

Открой мне, кипучее, бурное море,
Тайник заповеданный, дай мне понять,
Что дивное скрыто в твоём разговоре,
Что бурные волны твои говорят!
Их говор безвестный несется далече
И чем-то высоким пленяет меня;
Но если б я понял чудесные речи,
Душа б утонула в восторге моя...

<1839>

118. НЕЗАБВЕННЫЙ ВЕЧЕР

Как быстро, быстро промелькнул
Восторг любви первоначальной!
Я помню: ветер тихо дул,
Приветно пел ручей хрустальный,
Дышали негою поля,
Как колыбель была земля,
Луна, как девственная жрица,
Раскинув пышные лучи,
В великолепной багрянице
10 Из огнерадужной парчи,
Казалась видимой короной
Главы незримого творца;
Звезд и созвездий легионы,
Как отблеск божьего лица,
Сияли в выпрленном эфире,
Веселым пламенем горя,
Как бы любуясь миром в мире,
Привет небес ему даря.
Он им амброзией растений
20 Курил чистейший фимиам,
И ароматный дым курений
Противен не был небесам.
Роскошно, пышно, чудотворно
Живописалась близь и даль:
Там всё в огне, а здесь всё черно,
Внизу цветы, вверху эмаль.

Я пил, в блаженстве замирая,
Восторга чистого струю,
Казалось мне, я был в раю;
30 Но средь чарующего рая
Чего-то взором я искал,
Чего-то мне недоставало. . .
Вдруг мягкий дерн затрепетал,
Вдали мелькнуло покрывало.
Она! дополнился восторг!
Он в сердце влил напиток райский,
Он взор и душу мне зажег. . .
В благоуханной сфере майской
Картина полночи немой
40 С ее немymi красотоми,
И дева — ангел неземной
С живыми черными очами,
Вся из улыбки и огня,
С обетом счастья во взоре —
Всё это лило на меня
Блаженства истинного море.
Душа, казалось, то нашла,
Что ей вдали светлело метой,
Жизнь без чего для ней была
50 Прекрасной песнью недопетой.
Я понял, радостью горя,
Не отягчен мирской заботой,
Как гармонирует с природой
Любви восходная заря.

Промчались дни. Бывали ночи
Той и прекрасней и ясней,
В них мне не раз являлись **очи**,
Роскошный шелк витых **кудрей**,
Изящны формы плеч и стана,
60 Меня пронзал лобзанья жар,
Каким родит жерло волкана
Вокруг и пламень и пожар, —
Но нет того очарованья!
Душе остывувшей моей
Всё слаще первое лобзанье,
Тот первый вечер всё милей.
И все вы, новые порывы

Любить, ласкать, лобзать и жечь,
Как вы ни бурны, как ни живы,
70 Меня не можете увлечь
В стихию прежнего блаженства.
И если временем мне в грудь
Прекрасной девы совершенства,
Как лаву, жар палящий льют
И, будто гнев в душе капризной,
Опять пылает страсть в крови, —
То не любовь, то только тризна
По первой радостной любви. . .

<1839>

119. МОГИЛА БРАТА

Я был на могиле, похитившей брата,
И горькие слезы кропили ее,
В душе пролилася святая отрада,
От горя проснулося сердце мое.

Проснулись чувства и думы толпою,
И память о прежнем в душе ожила,
И резво, роскошно опять предо мною
Былого картина как май расцвела.

Как будто бы горе мое миновало,
Как будто б я с братом, и брат мой со мной,
Как будто б на сердце тоски не бывало;
Но я был обманут коварной мечтой:

Не брат предо мною — могила сырая,
Сокрывшая тленный остаток того,
С кем весело мчалася жизнь молодая,
Кто был мне на свете дороже всего.

О слезы, о слезы! несчастных отрада!
Чрез хладную землю катитесь к нему,
На грудь упадите бесценного брата
И горе мое передайте ему!

Скажите, скажите, горючие слезы,
Что я одиноко веду мою жизнь,

Завяли в душе моей счастья розы
И тернии горя лишь в ней разрослись.

Но что я, безумец? Поймет ли бездушный
Остаток истлевший печали мой?
Душа его в небе, а гроб равнодушный
Лишь тело да кости взял в недра свои.

О небо, о вы, безграничные выси!
Я отдал бы счастье, оставил бы мир,
Чтоб в ваши пределы душой вознестися,
Орлом легкокрылым вспорхнуть на эфир.

Я там бы увидел бесценного брата
И с ним поделился бы грустью моей;
И это б мне было святая награда
За дни, проведенные в муках скорбей.

Увидел бы брата — и с ним не расстался;
Но небо высоко, а на небе он.
Лишь труп охладельй на память остался
И в душевной могиле давно погребен.

Касатка порхает над братней могилой,
Душистая травка роскошно цветет,
И плющ зеленеет, и ветер унылый
Над ней заунывную песню поет.

Храм бога высокий, часовня, ограда,
Кресты да курганы — кругом тишина.
Покойся же мирно, прах милого брата,
Пока не восстанешь от долгого сна.

<1839>

120. ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

Сонет

Вчера я бесстрашно сидел под грозою
И с мужеством буйным смотрел в небеса,
Не робостью кроткой — надменной мечтою,
Суровой отвагой горели глаза.

Я песнями вторил громам; надо мною
Губительных молний вилась полоса,
Но страх потерял все права над душою,
Меня не пугала вселенной гроза.

Зачем же сегодня я бури боюсь,
Под кров одинокий бегу, тороплюсь? . .
Ах, жизни вчера не жалел я, как сна,

Отверженный *ею*, царицею сердца, —
Сегодня же в *ней* я нашел одноверца,
«Люблю!» — мне сказала робея *она* . .

<1839>

121. НОЧЬ

1

Я не сплю, не сплю — не спится,
Сердце грустию томится,
Сердце плачет в тишине,
Сердце рвется к вышине,
К безмятежному эфиру,
Где, одетая в порфиру,
Блещет яркая звезда.
Ах, туда, туда, туда —
К этой звездочке унылой
10 Чародейственной силой
Занеси меня, мечта!

2

Полночь; тихо. Ангел мира
Воцарился над землей;
Вот редет мрак эфира,
Вот раскрылся предо мной;
Вот встают из мрака тени
Очарованных видений
И вокруг звездочки златой
Вьются светлую толпой.

20 То спускаются, то снова
Исчезают в вышине,
То кружатся над дубровой,
То взвиваются к луне;
То, сплетясь руками дружно,
Вереницею жемчужной
Над водами пролетят
И крылами прошумят.
О, спуститесь на минуту
К безмятежному приюту,
30 Где один с своей мечтой
Я грущу во тьме ночной,
И из сферы жизни душевной
Унесите в мир воздушный,
В мир фантазии святой!

8

Зашумела страшно буря,
Ветер буйный засвистел,
Свод небесный потемнел,
Мрачно голову нахмуря,
Дуб кудрявый затрещал,
40 Пошатнулся — и упал.
Страшно в поле в непогоду —
Брызжет белая волна,
Из берегов фонтаном воду
Бьет, кипучая, она;
Ветер воет, ветер свищет,
Ветер вольный всюду рыщет;
То по полю пролетит,
То над бездной прокричит,
То взовьется, закружится,
50 В поднебесную умчится.
Он свободен! Вот звезда
Вновь блеснула из-за тучи —
Ветер вольный, ветр летучий,
Унеси меня туда! . .

<1839>

122. ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

Дни благословенные, дни многоотрадные
Промелькнувшей радости,
Снова уловляю я памятью жадною
Нектар вашей сладости.
Вижу ночь весеннюю, пламень, проливаемый
Бледною Дианою,
Вновь иду под яворы, ласково встречаемый
Юною Светланой.
Вижу вновь красавицу совершенства чудного,
Счастьем упоенную,
Словно изумрудами, неба изумрудного
Блеском озаренную.
Слышу величавую музыку певучую
Слова сладкогласного,
Упиваюсь весело сладостию жгучею
Поцелуя страстного.
Мигом излечаются раны сердца вялого,
Нет тоски и холода,
И опять на миг оно памятью бывалого
Весело и молодо. . .

◀1889>

123. ЗАГАДКА

Сонет

Непостижнюю святынею
Перед нами, без речей,
Небо круглою равниною
Блещет в ризе из лучей.

Что же там за далью синею,
Далью, видной для очей,
Где слито оно с пустынею
Днем и в сумраке ночей?

Не понять нам. Чудной тайностью
То для глаз облечено;

И постигнутые крайностью,
Видим только мы одно,
Что мир создан не случайностью,
Есть начальное зерно...

<1839>

124. ОБЕТ

О, покинь меня! напрасно
О любви мне не тверди
И так пламенно, так страстно
На страдальца не гляди!
Я боюсь палящих взоров
Огнедышащих очей,
Я боюсь, как злых укоров,
Милых ласковых речей.
Отойди! я им не верю,
Я давно от них отвык;
Одичалому как зверю,
Чужд любви твоей язык.
Как дитя я суеверен;
Мне странна твоя печаль,
В этом мире — я уверен —
Никому меня не жаль.
В жизни странник, в год несчастья
Я узнал земных друзей
И чуждаться их участия
Дал обет в душе моей.
Ты пока еще не знаешь
Горькой муки бытия;
Погорюешь, страдаешь,
Так увидишь, прав ли я.

<1839>

125. КРАСАВИЦЕ

Красавица! не пой веселых песен мне!
Они пленительны в устах прекрасной девы,
Но больше я люблю печальные напевы:
Они манят к той дивной стороне,

Где жизнь сладка, от звуков тает камень,
 Где всё восторг, поэзия и пламень,
 Где без пределов радость есть,
 Куда и мыслью дерзновенной
 Не проникает ум надменный;
 Откуда лишь мечта в наш мир заносит весть,
 Когда на крыльях своевольных
 Туда взлетит с границ юдольных
 И там, прикована чудесным волшебством,
 Вся очарована, украдкой
 Заучивает гимн пленительный и сладкий,
 Не смея зашуметь крылом...
 Мне мил и потому печальный тон напева,
 Что в первый жизни год родимая, с тоской,
 Смиряла им порыв ребяческого гнева,
 Качая колыбель заботливой рукой;
 Что в годы бурь и бед заветною молитвой
 На том же языке молилась за меня;
 Что, побежден житейской битвой,
 Во власть ей отдался я, плача и стена;
 Что первых слез горючей влаги
 Восторга песнь не залила,
 А та — надежды и отваги
 С собой мне много принесла.
 И тем, что горних стран таинственная дева,
 Младая муза, в первый раз,
 Слетя ко мне под сень развесистого древа,
 Мне в нем поведала чудесный свой рассказ;
 Что мне понятен стал и дивный говор бури,
 И с листом шепчущийся лист,
 И шум морских валов, и ветра буйный свист,
 И разговор с землей лазури —
 Когда впервые я песнь грусти услышал;
 Я с ними встретил в ней неожиданные созвучья.
 В душе убитой им отзвучья
 Я много, много отыскал!
 На что ж мне песнь веселья и забавы,
 Когда настроена она
 На звуки томные, на грустные октавы
 И только ими лишь полна?
 Когда на ложе грусти вечной
 Спокойно задремал мой дух?

Забудь, прекрасная, песнь радости беспечной:
Его разбудишь ты для муки бесконечной,
Когда она встревожит слух.

<1839>

126. ТОТ НЕ ПОЭТ

Кто духом слаб и немощен душою,
Ударов жребия могучею рукою
Бесстрашно отразить в чьем сердце силы нет,
Кто у него пощады вымоляет,
Кто перед ним колена преклоняет,
Тот не поэт!

Кто юных дней губительные страсти
Не подчинил рассудка твердой власти,
Но, волю дав и чувствам и страстям,
Пошел как раб вослед за ними сам,
Кто слезы лил в годину испытанья
И трепетал под игом тяжких бед,
И не сносил безропотно страданья,
Тот не поэт!

На божий мир кто смотрит без восторга,
Кого сей мир в душе не вдохновлял,
Кто пред грозой разгневанного бога
С мольбой в устах во прах не упал,
Кто у одра страдающего брата
Не пролил слез, в ком состраданья нет,
Кто продает себя толпе за золото,
Тот не поэт!

Любви святой, высокой, благородной
Кто не носил в груди своей огня,
Кто на порок презрительный, холодный
Сменил любовь, святыней не храня;
Кто не горел в горниле вдохновений,
Кто их искал в кругу мирских сует,
С кем не беседовал в часы ночные гений,
Тот не поэт!

<1839>

127. ПЕСНЯ ЗАМЫ

Силен и строен мой милый, нет равного
В мире красавца ему,
В поле средь брани, средь игрища славного
Мало двоих одному.
Метко бросает он стрелы летучие,
Храбро владеет мечом,
Гордо глядят его взоры кипучие,
Ловко он правит конем.
Бровь соболиная, волосы черные,
Небо и пламень — глаза,
Речь сладкозвучная — волны подгорные,
Весь обольщенье, краса!
Светел, как отблески ярко-пурпурные
Солнца в прозрачной глуби.
Сладко смотреть ему в очи лазурные,
Дивные шепчут: люби!
Сладко внимать его слову певучему,
Тихо дыханье тая;
Счастье быть братом иль другом могучему,
Счастливей доля моя!
Тигр безбоязненный — в гения кротости
Он пред моей красотой
Вмиг превращается; и не без гордости
Я на груди молодой
Грею гранитную грудь победителя,
Если домой хоть на миг
Он прилетит — и, от ран исцелителей,
Ищет лобзаний моих.
Что же сравняется с долей прекрасною,
С долей завидной моей?
Лучше ль быть на небе звездочкой ясною,
Птичкой летать средь полей?
Нет, мне ненадобны крылья раздольные,
Блеска ненадобно мне!
Если мы вместе — и так мы не дольные,
Если обнимемся — так мы в огне.
Нам не ужасна судьбина коварная,
Рай наш всегдашний в любви.
О ты, как в сердце моем, жизнодарная,
Век в его сердце живи!

<1839>

128. ЧАС МОЛИТВЫ

Когда взойдет денница золотая
    На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
    Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
    И в храм идут,
И в нем стоят, моление совершая,
    И гимн поют, —
Тогда и я, с душою умиленной,
    Меж всех стою
И богу гимн, коленопреклоненный,
    Тогда пою.
Когда царь дня, в волнах купаясь чистых,
    Течет к концу
И запоеет хор птичек голосистых
    Хвалу творцу, —
И я пою, и я ему молюся,
    И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюся
    Угроз судьбы.
Мольба всегда усладу мне приносит,
    Мой дух свежа,
Но никогда молитвы так не просит
    Моя душа,
Как в грозный час кипучей непогоды:
    Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
    И, чужд земли,
Пошлю к творцу усердную молитву,
    И — внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
    Моих страстей. . .
<1839>

129. СМУГЛЯНКЕ

Черны, черны тени ночи,
Но черней твоя коса
И твои живые очи,
Ненаглядная краса.

Если вестниками бури,
Кроя свет дневных лучей,
Ходят тучи по лазури, —
Это тень твоих очей!
Если вспыхнут метеоры
Над поверхностью земли —
Их твои, о дева, взоры
Огнеметные зажгли!
Если молнья ярким блеском
На мгновенье вспыхнет там
И промчится с гордым треском
Гром по мрачным высотам,
Эта молнья — жар дыханья
Томных уст твоих, краса;
Гул отзвучный их лобзанья —
Разъяренная гроза.
Вся ты — искры бурной Этны
Да чудесный черный цвет;
Нет ни бледности бесцветной,
Ни румянца в тебе нет.
Лишь меняет буря гнева
Да любовь твои черты.
Черноогненная дева,
Счастлив, кем пленилась ты!
Как люблю я, как пылаю!
Но как часто за тобой
Взор ревнивый устремляю.
Ах, ужель? . . нет, боже мой!
Страшно мыслить! . . прочь сомненье!
Ты верна. Но, о судьба!
Если вдруг души влеченье. . .
Страсть. . . безумие. . . борьба?
Ах! молю — когда измену
Ты замыслишь, приходи,
Вольной страсти перемену
Расскажи мне на груди;
Обниму тебя, тоскуя,
Загорюсь от поцелуя
И, страдания тая,
Перед смертью скажу я:
«За Ленору умер я!»

<1839>

130. ВЕСНА

Волна катится за волною
В неизмеримый океан. . .
Зима сменилася весною,
И реже воеет ураган;
Не ждет безжалостное время, ,
Оно торопится на срок;
Полей и нив богатых бремя,
Исчез белеющий снежок,
Цветет веселая природа,
10 Зазеленел дремучий бор,
Встречает шумно утро года
Пернатых птиц громовый хор;
Они поют ей гимн приветный
Во славу бога и отца
И нежат песнею заветной
Печаль унылого певца.
Прекрасно небо голубое,
Везде прохлада и покой,
И щедро солнце золотое
20 Питает землю теплотой
Необходимой, благодатной;
От неприступной вышины
Струится воздух ароматный
На царство света и весны.
Широко, с гордостью кичливой,
Покинув прежние берега,
Через засеянные нивы
Течет прозрачная река,
И всё цветет, и всё прекрасно!
30 Но где ж зима, где след зимы,
Где вой метелицы ненастной,
Где грустный мрак могильной тьмы?

Зима прошла. Пройдет весна,
Настанет лето золотое,
Природа, радости полна,
Вздохнет отраднее в покое.
Но ненадолго; нет, опять,
Рассвирепелые, по воле
Мятежно ветры засвистят,

40 И закружится вихорь в поле.
И зашумит дремучий бор,
Завоет он, как волк голодный;
И с высоты пустынных гор
Повеет осенью холодной;
И снова сумрачная тьма
Раскинет свой покров печальный
И всемогущая зима
Оденет в саван погребальный —
Цветущий луг, зеленый бор
50 И всю поблекшую природу,
И убелит вершины гор,
И закует морозом воду;
И после дивной красоты
Природа будет вновь уныла;
Так жизнь: иль майские цветы,
Или заглохшая могила. . .

<1839>

131. СЕРДЦУ

Она так нежно, так заботно
В тот час взглянула мне в лицо,
Она, казалось, неохотно
Взяла венчальное кольцо, —
Ужель не сон? ужели точно
Она невинна и верна . . .
И не мечтой была порочной,
А тайной грустью стеснена?
Ах! искра той надежды сладкой
Могла бы грудь одушевить,
Веселый стих внушить украдкой,
Мечту и музу пробудить.
Я вновь главой поник бы ныне
Перед царицей красоты,
Неся к ногам моей богини
Любовь, покорность и мечты.
Но нет, самолюбивой думой
Напрасно сердце не живи!
Мне суждено молчать угрюмо
Под гнетом рока и любви. . .

Уймись же, сердце! не надейся,
Вздых затаи в грудной глуби,
Волненьем суетным рассейся
И, если можешь, разлюби
И для красот ее ослепни;
Иль страсть смирением окуй
И словно камень в нем окрепни,
Или по-прежнему целуй
Шаг каждый ног ее прелестных —
Всё, всё, лишь только не дерзни
Толпой укоров бесполезных
Напомнить ей былые дни!
Оставь ее! она ребенок,
Она и любит — только час.
Пускай же будет дик и звонок
Твоей тоски унылый глас.
Страдай! — страданьям нет неволи.
Мне суждено, постигнул я,
Одни трагические роли
Играть на сцене бытия.

<1839>

132. ПРИЗНАНИЕ

Я пленен, я очарован,
Ненаглядная, тобой,
Я навек к тебе прикован
Цепью страсти роковой.
Я твой раб, моя царица!
Всё несу к твоим ногам,
Без тебя мне мир темница.
О, внемли моим словам:
Несурово, хоть ошибкой,
На страдальца посмотри
И приветливой улыбкой
Хоть однажды подари!
Я люблю; ужель погубишь.
Ты меня, не полюбя?
Полюби! — когда полюбишь,
Буду жить лишь для тебя!

Лишь твои живые очи,
Ручку, ножку, локон, стан
Ведоминать и дни и ночи
Буду, страстный как волкан;
И покуда будет биться
Жизнь в пылающей крови,
Лишь к тебе, моя царица,
Буду полн огнем любви.
О, скажи, краса младая,
Мне хоть слово; но молю:
Подлюби, не отвергая,
Так, как я тебя люблю!

<1839>

133. РАЗГОВОР

Тело

Что ты, душа, так ноешь, страдаешь,
Грустишь и плачешь день и ночь,
Чем ты больна, чего ты жаждешь,
Чем я могу тебе помочь?
Твоя печаль непостижима.

Душа

И не поймешь ты никогда,
Чем я, несчастная, томима;
Не по тебе моя беда.
Мои страдания глубоко
10 Во мне самой заключены,
Они томят меня жестоко,
Моей враждой раздражены.
Не от забот, не от коварства,
Не от измен они и бед,
Но нет конца им, нет лекарства,
Но победить их силы нет.
Унять мучительное горе
Одно, быть может, и могло б;
Но далека, как берег моря,
20 На то надежда...

Т е л о

Что ж то? гроб?

Зачем такое помышленье!
Нет, не согласно я с тобой,
Гроб для меня не утешенье.
Люблю житейское волненье,
И чинный бал, и гул глухой
На беспорядочной пирушке,
Люблю повздорить со старушкой,
Затеять дружбу с молодой;
Я тем живу, в своей я сфере,
80 И нет достаточных причин
Роптать, теперь по крайней мере.
Себе я добрый господин:
Хваля обычай благородный,
Я каждый день себя кормлю,
Я каждой ночью крепко сплю,
Мои дни мчатся беззаботно,
Я дружно с жизнью живу
И лишь об том немножко плачу,
Что красоту и силу трачу.

Д у ш а

40 Ты и во сне и наяву
Одни лишь видишь наслажденья,
Тучнеешь ты от пресыщенья,
А мне дает ли пищу тот,
Кто мною дышит и живет?
Бросают псу из сожаленья
Порой оглоданную кость,
А я в презрительном забвеньи,
Я — на пиру незванный гость.

Т е л о

Послушна в дни земного века
60 Будь мне — и всё поправлю я.

Д у ш а

Нет, над тобою власть моя
Нужна для счастья человека.
Блажен, кто не всего себя

Тебе на рабство, тело, предал,
Кто мне часть жизни заповедал,
Меня питая и любя.
Кто суете себя не продал
За наслажденья и пиры,
Кто, словно рудник, разработал
60 Мои сокрытые дары.
Но тот несчастен, слаб и низок,
Кто жизнью душу обделил,
Кто дружбы с ней не заключил,
Хоть от рожденья к ней так близок.
Что я тому? излишний дар!
Он из сокровищниц глубоких
Не почерпает дум высоких;
Мой светлый ум, мой чистый жар,
Мой дух бездейственностью губит.
70 Он не меня, он тело любит,
А мне, забытой и больной,
Назначил он удел ужасный:
Тебе покорствовать всечасно
Или, вступя в неравный бой,
Бесславно падать пред тобой.
Как тяжела такая доля!
Ее мучительно влачить.
О, если б крылья, если б воля,
О, если б цепи сокрушить!

Тело

80 И вправду, я не понимаю
Твоей мечтательной беды,
Но отчего-то принимаю
В тебе участие. Брось мечты!
Послушай моего совета:
Живи со мною заодно;
По мне — на шумном пире света
Нам много радости дано.
Есть упоенье в сне мятежном,
В похвальных отзывах толпы;
90 В труде, в недуге неизбежном,
В грозе и милости судьбы;
Есть упоенье в вихре танца,
В игре, обеде и вине,

И в краске робкого румянца .
Любимой девы при луне.
На темный жребий свой не **сетуй**,
Со мной радушно помирись,
На пир за мной охотно следуй,
Моим весельем веселись.
100 Вкушай земные наслажденья —
И, верь, счастлива будешь ты
Без этой выпренной мечты
О неземном предназначеньи.
Итак, дай руку — мы друзья;
Тебя сегодня же прекрасно
Развеселить надеюсь я . . .

Д у ш а

Прочь, искуситель! не напрасно
Бессмертьем я освящена.
Одной враждой, враждой ужасной
110 Тебе до гроба я должна.
Пускай она не переможет,
Но не без боли вкусишь ты
Ее жестокие плоды.
Она во сне тебя встревожит,
Она на пир с тобой придет,
Твое веселье уничтожит,
Грудь плющем горя обовьет.
Ее укоров дикий голос
В тебя вонзится, как стрела,
120 И на челе поднимет волос,
Напомня грешные дела.
Когда безумством человека
Я ниже тела сочтена,
Когда во дни земного века
Плодов дать миру не должна, —
Хоть неусыпную борьбою
С грехом, владеющим тобою,
Порой от пропасти его
Тебя отторгну я насильно,
130 И хоть однажды — труп бессильный —
Ты мне уступишь торжество! . .

<1839>

134. < В АЛЬБОМ МАРИИ ФЕРМОР >

На скользком море жизни бурной
Пусть ваша скромная ладья
Плывет по гладкости лазурной
До темной цели бытия
Без бурь, без горя, без ненастья...
Пускай роскошные мечты
Вас подарят годами счастья,
Слетя с безбрежной высоты...
Пускай убийственная скука
От вас далеко улетит
И никогда печалей мука
Младого сердца не смутит.

Конец 1830-х или начало 1840-х годов

135. В. АЛЬБОМ

Не пошлость старого обычая поэтов
Стихами воспевать красавицу свою
Причиною тому, что никаких куплетов,
Красавица моя; тебе я не пою,
Но чувство сладкого и гордого сознанья,
Что выше ты похвал, как выше описанья
Мадонна — полная нетленной красоты,
Чистейшей прелести и чудной простоты,
Перед которою чем глубже впечатленья,
Тем молчаливей восхищенье...

Конец 1830-х или начало 1840-х годов

136. ТРУЖЕНИК

Я слушал, о мой друг, их пошлые рассказы
И твой постигнул приговор.
Я в свете бегал их, как губительной заразы,
И отвращал от них свой взор.
Я видел, что они не поняли, что значит
Жить на земле. Пустой народ!

Он ходит, говорит, смеется, спорит, плачет
И, умирая, не живет.
И я, с тех пор как дух могучего сознанья
В моей душе заговорил,
Стал всё употреблять, чтоб жить венцом созданья,
Как ни один из них не жил.
Я предался душой волшебнице науке,
В ее бездонном тайнике
Ловил я чудные таинственные звуки
На непонятном языке.
Но, необъятная, она меня давила
Громадой стройною своей,
И, как с Иаковом, неведомая сила
Со мной боролась в тьме ночей.
Я ослабел в борьбе, в нежданно грозной встрече,
Погрыз в забвеньи и в пыли —
Пусть поднял целый мир Атлас себе на плечи,
То был ничтожный мир земли,
А не науки мир! . . . Среди этой страшной битвы
Я духом, телом ослабел.
Я бодрость почерпнуть хотел в словах молитвы,
Но ум молиться не умел.
Я бросился искать отрады в наслажденьи,
Но наслажденье так, как зло,
Не может в жизни дать покоя и забвенья,
И мне оно не помогло.
Я в жизни ко всему рвался, летел, стремился,
Но не достиг ни до чего
И с грустью увидал, когда остановился,
Что я не сделал ничего.
А жажда знания в душе моей уснула,
Когда иссохла в жизни кровь.
Как Фауста, меня наука обманула,
Как Дон-Жуан, я обманул любовь!
Ты можешь ли понять, о друг мой, муки эти,
Иль к воплям, жалобам ты глух?
Скажи мне сам, как должно *жить* на свете,
Что значит *жизнь*? . . .

Конец 1830-х или начало 1840-х годов

137. ДУМА

О чем тоска и сокрушенье,
О чем вседневная печаль,
Роптанья, слезы, сожаленье —
Что тратим мы, чего нам жаль?

Ужель несчастье жизни краткой
Для нас мучительней всего,
А счастье так полно и сладко,
Что стоит плакать без него? . .

Пловцов минутных в бурном море
Земное счастье неполно,
И побеждать земное горе
Довольно силы нам дано.

Страданье наше, наша мука,
Когда их сносим мы с мольбой,
За счастье прочное порука
В дому другом, в стране святой;

Не вечен мир, не вечны люди,
Покинем мы минутный дом,
На волю вылетит из груди
Душа эфирным мотыльком, —

И станут перлами все слезы
Сиять в лучах ее венца,
И пусть страданья, мягче розы,
Ей путь устелют в дом отца.

Не часто ль ходим мы с отвагой
По топким тундрам и горам,
Когда хоть миг единый блага
Найти за ними мнится нам?

Зачем же ропот на страданья,
Зачем по мрачному пути
Мятежной жизни, без роптанья,
С отвагой той же не идти;

Когда, порою так же трудный,
От бед житейских и забот
Тот путь не к радости минутной,
К блаженству вечному ведет?

<1840>

138. МЕЛОДИЯ

(К. А. Д.)

Есть страна на севере, сердцу драгоценная;
В неге поэтической
Пела лишь веселье там лира вдохновенная
Песнью гармонической.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана.
Словно драгоценною лентой бирюзовою,
Волгой опоясана,
Взору предстоит она стройною картиною,
10 Чудом оживленную:
Волны нежат слух ее дикой каватиною,
С эхом соглашенною;
Розы кашемирския ароматом дышат в ней,
Небо — как в Авзонии;
Соловьи китайские в рощах распевают ей
Дивные симфонии.
Как она пленительна, ризою пурпурною
Солнца облеченная!
Как она торжественна, в непогоду бурную
20 Гроном ополченная!
Как она, раскинувши тени чародейские
Полночи мечтательной,
Навевает на́ душу думы нежитейские
Силой обаятельной! . .
Там, срывая весело лилии цветущие
С поля ароматного,
Бегал резвый юноша в дни быстротекущие
Лета благодатного.
Пылкий, любовался он мира лучезарного
30 Стройною красотью,

Ложным обольщениям счастья коварного
Веря с детской живостью;
Жизнь ценил он дорого, девой восхитительной
Перед ним представшую.
Там сдружился с музой он, песнью усладительной
Слух очаровавшею.
Горя в чашу радостей жизни поэтической
Не было примешано;
От очей мечтателя дымкой фантастической
40 Даль была завешена;
Всё было одето там праздничной одеждою,
Всё так улыбалося,
И чего-то сердце там, с страхом и надеждою,
Ждало — не дождалось. . .
Дни летели соколом. . . вдруг всё изменилось. . .
Увлечен желаньями,
Я протился с родиной; шибко сердце билось
Новыми страданьями. . .
Отлетел надежд моих призрак обольстительный,
50 Счастье изменило мне, .
И теперь гнетет меня думой сокрушительной
Горе по родной стране.
Шлю привет то вздохом ей, то мечтой суровою;
В мыслях каждый час она.
Сердцу не забыть ее пред природой новою:
С ней жизнь сердца связана. . .

<1840>

139. ОФЕЛИЯ

В наряде странность, беспорядок,
Глаза — две молнии во мгле,
Неуловимый отпечаток
Какой-то тайны на челе;
В лице то дерзость, то стыдливость,
Полупечальный, дикий взор,
В движениях стройность и красивость —
Всё чудно в ней! . . По высям гор,
В долинах, в рощах без боязни

Она блуждает, но, как зверь,
Дичится друга, из приязни
Ей отворяющего дверь.
Порою любит дни и ночи
Бродить на сумрачных гробах;
И всё грустит, и плачут очи,
Покуда слезы есть в очах.
Порой на лодке в непогоду,
Влетая в бунт морских зыбей,
Обезоруживает воду
Геройской дерзостью своей.
На брег выходит; как русалка,
Полощет волосы в волнах,
То вдруг смиренно, как весталка,
Перед небом падает во прах.
Неволью грустное раздумье
Наводит на душу она.
Как много отняло безумье!
Как доля немощной страшна!
Нет мысли, речи безрассудны,
Душа в бездействии немом,
В ней сон безумья непробудный
Царит над чувством и умом.
Он всё смешал в ней без различья,
Лишь дышат мыслию черты,
Как отблеск прежнего величья
Ее духовной красоты. . .
Так иногда покой природы
Смутит нежданная гроза:
Кипят взволнованные воды,
От ветра ломаются леса,
То неестественно блистает,
То в мраке кроется лазурь,
И всё, смутив, перемешает
В нестройный хаос сила бурь.

<1840>

140—141. < ИЗ РАССКАЗА
«БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ ПИИТА» >

1

ФЕДОТЫЧ

Трагедия в пяти действиях, в 16 картинах

Действие 1

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет полати.

Федотыч спит. Работник Кузьма подходит будить его.

Кузьма

Вставай, владыка мой, Федотыч, солнце красно
Взошло и на сей мир ослабилося ясно.

Федотыч

(просыпаясь)

Всю ночь мне не спалось, и некий злой шакал,
Мне мнилось, на меня хулу из уст рыгал.

Кузьма

Что зрелося во сне, на то ты не смотри,
А лучше лик себе платенцем сим утри!

(Снимает с гвоздя полотенце и подает ему.)

Дремоту обуяв, взгляни на ясность неба;
Умойся, помолись — и съешь краюшку хлеба.

Федотыч

Советодатель мой и мой наперсник! внемлю
Тебе и нисхожу — с полатей я на землю.

(Федотыч встает, умывается, садится есть.)

Кузьма

Реши, владыка мой, сомнение днесь одно:
Идти ли нам косить иль выйти на гумно.

Федотыч

О юность! сколько ты неопытна, быстра!
Ведь прежде нежелъ мы изыдем со двора,

Должно нам порешить с тобой, о сын мой! **вкупе,**
Владыке в чем идти, в чемерке иль в тулупе?

Кузьма

Едва лишь ночи мрак преторгнул свет **Авроры,**
На улице жара, ну так, что ломит взоры.

Федотыч

Итак, надену я армяк и стару шляпу,
Не сторгся б с небеси дождь яростный внезапно.

Кузьма

Надень под низ тулуп: здоровьем ты ведь слаб.

Федотыч

(едва удерживаясь от слез)

В объятия мои, ко мне, мой верный раб!

(Заключает его в объятия, потом одеваются и уходят.)

2

ВЕЛИЧИЕ ДУШИ И НИЧТОЖНОСТЬ ТЕЛА

Сколь вечна в нас душа, столь бренно наше тело.
Судьбы решили так: чтоб плоть в трудах потела,
А дух дерзал в Парнас, минуты не теряв,
Подобно как летал во время оно голубь.
Всему есть свой закон: зимой лишь рубят пролубь
И летом лишь пасут на поле тучных крав!..
У вечности нельзя отжилить мига жизни,
Хоть быстро прокричи, хотя протяжно свистни,
Ее не испугать: придут, придут часы,
Прервутся жизни сей обманчивые верви,
Зияя проблеснет вдруг лезвие косы,
И, смертный! зри: тобой — уж завтракают черви!
Невольню изречешь: «O tempora, o mores!»,¹
Когда поразглядишь, какая в жизни горечь.
До смертных сих времен от деда Авраама
Людей я наблюдал и семо, и овамо,

---

¹ О времена, о нравы! (лат.) — *Ред.*

Дикующих племен я нравы созерцал,
И что ж? едину лишь в них суетность встречал!
Нешадно все они фальшивят и дикуют
И божьего раба, того гляди, надуют.
То всё бы ничего: но ежели их души
Вдруг гордость обует, средь моря и средь суши,
Забудут, что они есть прах, средь жизни чар
Постигнет их твоя судьба, о Валтасар!

<1840>

142. СЛЕЗА РАЗЛУКИ

Тих и мрачен в час печали,
Я в лицо тебе гляжу
И на памяти скрижали
Образ твой перевозжу.
Изучаю голос речи,
Мысль очей хочу понять,
Чтоб, грустя, до новой встречи
Их в душе не затерять.
Посмотри, мой друг, серьезно,
Взор улыбкой засвети,
Повернися грациозно,
Статной лебедью пройди;
Распусти власы по шейке,
Резвой ножки не скрывай,
Белой груди, чародейке,
Волноваться волю дай!
Спой мне нежно про разлуку,
Легкой нимфой протанцуй,
Дай мне беленькую руку,
Сладко, жарко поцелуй! . .
Урони теперь в волненьи
Две жемчужные слезы —
Будет полно впечатленье
На меня твоей красы. . .
Может быть, не сохраню я
В бедной памяти моей
Ни очей, ни поцелуя,
Ни движений, ни речей;

Но слеза — любви свидетель!
Ту невольную слезу,
Как младенец — добродетель,
Я в могилу унесу!

<1840>

143. «К НЕЙ!!!!!»

Гляжу с тоской на розы я и тернии
И думой мчусь на край миров:
Моя душа в Саратовской губернии,
У светлых волжских берегов.
Я близ *нее!* О рай, о наслаждение!
Как на мечтах я скоро прискакал!
Бывало, я имел туда хождение
И словно конь почтовый уставал.
Страдал тогда кровавыми мозолями...
Теперь ношусь крылатою мечтой —
В эфире — там — близ ней — над
антресолями, —
И вот тайком влетел в ее покой!
Вот, вот она, души моей пиитика!
Сидит печальна и бледна.
В ее словах, в движениях политика,
А на челе — тоска по мне видна.
В ее руках цепочка с закорючками,
Она от скуки ей шалит;
Любуюсь я торжественными ручками,
Приятен мне их белоснежный вид.
Но вот она, пленительная узница,
Слезу отерла рукавом...
О, что со мной? Душа моя, как кузница,
Горит мучительным огнем!
«Не надо мне ни графов, ни полковников, —
Так говорит, — останусь век вдовой,
Когда не ты, божественный Грибовников!
Супруг мой будешь роковой!»
Запрыгал я тогда от умиления,
И в пятки вдруг душа моя ушла,
И перед ней повергся на колени я,
И речь из уст, как млеко, потекла!..

«Ты ль это, — ты ль? .. Ивана ли Иванаыча
Зрю пред собой! .. Какой ты путь свершил?» —
Так изрекла. «От Дона и от Маныча,
С конца миров к тебе б я поспешил,
Не устрась ни верстами, ни милями!
Я для тебя всем жертвовать готов!
Но я не шел пешком, меж простофилями,
Я прилетел», — сказал я в кратце слов...
Тут обнялись мы сладостно и пламенно;
Ее чело стократ я лобызал!
О, в этот час растаял бы и каменный:
Стихами ей экспромтец я сказал!
Она меня попотчевала дулями,
Я стал жевать... Но ах! .. Я пробужден! ..
Где я? .. один! .. лишь *мечт* моих ходулями
    Был к ней я занесен! ..

<1840>

144—145. < ИЗ ПИСЬМА К Е. А. НЕКРАСОВОЙ >

1

Грустно... совсем в суете утонул я,
Бедному сердцу простора я не дал...
Тяжко... за что сам себя обманул я...
Сам себя мрачным терзаниям предал?

2

А дни летят... Слой пыли гуще, шире
День ото дня на позабытой лире...
Порой возьму: по струнам пробегу,
Но уж ни петь, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердят укор разорванные звуки,
    И я от лиры прочь бегу!

Бегу... Куда? В торг суетности шумной,
Чтоб заглушить тоску души безумной...
Бегу туда, где плачет нищета,
Где светел лик богатого шута...

Бегу затем, чтоб дать душе уроки
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желает быть сыта!..

. . . . .
Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа́ для мысли, для мечты...
Зачем? На что? Без цели, без охоты!..
Лишь боль в костях от суетной работы
Да в сердце бездна пустоты!

<1840>

146. СКОРЬБЬ И СЛЕЗЫ

Мне плакать хочется... Зачем же я не плачу,
Остановляю слез исход?
Зачем тоску, как радость, в сердце прячу,
Когда она так сердце жмет?
Затем, что не хочу страданьям облегченья, —
В нем скрыта новая беда:
Теперь душа полна глубокого мученья,
Тогда в ней будет пустота!
Средины нет — бесчувственность иль мука,
А я узнал, что тяжелей...
О нет! Ни капли слез, роптаний ни ползвук!
Тоска, ты друг души моей!
Тебя не изгоню, тебя не облегчу я,
Тебя на сердце буду греть;
Ты мучишь, ты томишь... и знаю, что живу я,
Что должен скоро умереть!

<1840>

147—148. <ИЗ ПОВЕСТИ «ПЕВИЦА»>

1

Театр дрожал... Восхищена,
Толпа, дивясь, рукоплескала;
Певница, гордости полна,
Чуть головой толпе кивала;

Краса тускнела перед ней,
Заметней было безобразье;
Вздохали юноши сильней,
И в старцах таяло бесстрастье...
Летят хвалы со всех сторон,
Шумнеет гул рукоплесканий,
Собирает — понят, оценен —
Талант торжественные дани!
И на нее венец кладет
Ареопаг искусства строгий,
И на себе толпа везет
Ее в роскошные чертоги! . .
Промчался месяц. . . Злой недуг
Ее сковал; она в постели,
Краса лица исчезла вдруг,
Живые очи потускнели. . .
Она поправилась: и вот
Летит опять на помост сцены,
Запела арию — и ждет,
Как задрожат театра стены.
Но тихо всё. . . Давно толпой
Уже другая овладела. . .
Толпа лишь шепчет меж собой:
«Как Вероника подурнела!»

2

Клятвою верности с милою связанный,
Ею любимый душой,
В латы закован, мечом препоясанный,
Рыцарь собирается в бой.
Вот уж и сел на коня крутогрудого,
Вот и пропал вдалеке.
Годы промчались. . . нет ниоткудова
Вести о милом дружке.
Слезы красавица льет одинокая,
Тайно грустит в тишине. . .
Пылью клубится дорога широкая:
Скачет ездок на коне.
Вот он приблизился, в замок торопится,
Входит и ей говорит:

«Ждешь понапрасну ты — он не воротится:
Храбрый жених твой убит!»
Плакать — не плакала, только лишь кинула
Пламенный взор в небеса;
С тех пор без горести часа не минуло:
Гасла в ней жизнь и краса! . .
Мужа избрать себе, рыцарь воинственный,
Грозный велел ей отец;
Дева покорна судьбине таинственной,
Плача, идет под венец.
Вот обвенчались. . . пир начинается,
Вот наконец призатих.
Дверь отворяется. . . мрачный является
К девице прежний жених!
Вздрогнула, вскрикнула. . . Он ей с укорами
Кажет золотое кольцо. . .
Встретил соперника страшными взорами,
Бросил перчатку в лицо! . .
Оба нашли себе в битве отчаянной
К мраку могильному путь;
Дева, сраженная смертью нечаянной,
К *прежнему* пала на грудь!

<1840>

149. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОДЪЯЧИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

(1)

Ох, времечко! Скорехонько
Летишь ты, хоть без крыл.
Уж двадцать лет ровнехонько,
Как в Питере я был.
В питейном департаменте
Служение имел,
На каменном фундаменте
Домишком я владел.
С особами отличными
10 В знакомстве состоял,
Поклонами приличными
Начальству угождал.

Как всё переменялось!
Мне Питер стал чужой;
Всё новое явилось,
Чуть пахнет стариной!
Секрет мой обнародовать
Вновь прибыл я в него,
Хоть много израсходовать
20 Пришлось мне для того.
Одно мне утешительно,
Что ведать кой-кому
Секрет такой спасительно.
Приступим же к нему:

Граматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от *деления*
30 Немало получил:
Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения
Мой капитал толстел
И рос — от *умножения*
Просителей и дел.
Дало плод *вычитание*,
Как подчиненным я
Не брать дал приказание,
40 За *вычетом* себя.
Сложив всё, в заключение
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот-навыворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот,
Куда б я ни вошел!

До Павловска катался я
60 Железной мостовой,
Парами восхищался я —
Не столько быстротой!

В воксале, в упоении,
Прослушал я цыган:
Вот, доложу, уж пение —
Что палкинский орган! ..
Смотрел намедни «Фебуса»...
В нем Сосницкий лихой...
Ну точно у Брамбеуса,
60 Смешливый слог такой.
Я надорвал животики,
От смеха лопнул фрак!
Читая «Библиотеки»,
Не хохотал я так! ..
Пришлось «Титулярных» раз
Мне как-то посмотреть,
Вот здесь так, уверяю вас,
Другому б умереть!
Над ними, посудите-ка,
70 Смеются так, что страх;
Ну, это просто критика:
Я сам в таких чинах! ..
Вчера смотрел Тальони я,
Притом еще в «Тени»:
В поступках — благовония
И прелести одни.
Что это за чудесница!
Не жаль пяти рублей!
Отменно пляшет крестница, —
80 Но далеко до ней...
Весь Невский, чудо Питера,
На ваньке облетел;
На вывеске кондитера
Я диво усмотрел:
Там в «Пчелку» с умилением
Турецкий франт глядит,
Читает с наслаждением
Гречанка «Инвалид».
Он в красках всё прелестнейших
90 Представил напоказ;
Таких вещей чудеснейших
И в Пскове нет у нас!
Не ждал, чтоб ум в кондитере
Был сметлив так, клянусь...

Уж подлинно, что в Питере
Во всем изящный вкус. . .
Трубой какой-то внутренней
На Невский из земли
Светящий до заутренней
100 Газ немцы провели.
Накрыт стеклянной шапкою,
Огонь большой такой
Горит гусиной лапкою!
Ну так. . . что день-деньской!
Прощайте! оставляю вас.
Чувств много, мало слов!
В Кунсткамеру бегу сейчас,
А завтра еду в Псков. . .

⟨2⟩. СНОВА — ЗДОРОВО!

Хоть друг я аккуратности,
110 Хоть я не ротозей,
Избегнуть коловратности
Не мог я в жизни сей.
Вернуться с первой станции
Я в Питер должен был,
Понеже в нем квитанции
По делу позабыл.
В великую конфузию
Был тем я приведен,
Как будто бы контузию
120 Мне дал Наполеон.
Меня так озадачило,
Что тут же на пути,
Как в лихорадке, начало
В санях меня трясти.
Я чуть не обморозился,
Не мог ни есть, ни спать;
Приехав, прямо бросился
Квитанции искать.
Хозяйка той гостиницы,
130 Где я стоял, была
В тот день у именинницы
И комнат не мела.

«Ну, это, — молвил радостно
Я сам себе, — к добру!»
Искал с надеждой сладостной
И всё нашел в сору. . .
Душа в каких-то сладостях
Тонула у меня;
Я в Питере, на радостях,
140 Остался на три дня.

На Невском у механика
Казал мне кум Антип
Картины, в виде пряника, —
То есть — дагерротип.
Божуся вам серьезно я:
Их солнышко печет;
Ну, штука прекурьезная:
Немецкий всё расчет!
Ходил я в Академию
150 «Помпею» ту смотреть,
За что Брюллову премию
Пришлось возыметь.
Вот это прелесть сущая!
Картина вся в огнях,
Народу там тма-тмущая
Пешком и на конях.
И видно, что с постели их
Спугнул всех ночью страх:
Иные без сапог из них,
160 Иные в колпаках.
Там мальчик, такой душенька,
На улице лежит
И точно мой Петрушенька
Глазенками глядит.
Там деньги, ради прибыли,
Сбирает с мостовой,
Согнувшись в три погибели,
Кашей такой седой.
На псковского подьячего
170 Похож, ни дать ни взять,
Теперь с того не для чего
Портрета рисовать.

Там дама авантажная
Катилась впопыхах;
Хоть одноколка важная,
А вся расшиблась в прах.
Сумятица ужасная!
Помпея же в пожар
Усёлася, несчастная,
180 Одна на тротуар.
Какой-то хват пригоженький
С собой старушку звал:
Куда! — Отнялись ноженьки:
Последний день настал.
Отменно нарисовано,
Отличнейшая вещь!
Я был к ней как прикованный,
Впился в нее как клещ.
Так живо представляется,
190 Что хоть рукой бы взять.
Брюллов наш отличается,
Уж нечего сказать! . .
Конторы все питейные,
Горевшие в ту ночь,
Заводы оружейные
Потрафил он точь-в-точь.
Я думал: не в чаду ли я?
Похоже чудо как;
Был сам в то время в Туле я:
200 Действительно, всё так.
Создатель! Что за множество
Там разных этих зал;
Я всякого художества
Там пропасть повстречал.
А лучше всех красуется
Статуя мужика:
Он важно в бабки дуется,
И видно, что биткá!
По выходе из комнат сих
210 Я мимо сфинок шел
И было не заметил их,
Да надпись вдруг прочел:
«Мемноновым представлены
В святой наш Петроград,

На пристань здесь поставлены». Действительно, стоят.
Скажу, огромные сии
Две сфинки — чудеса:
В фалборках, как из кисей,
220 Закрыты волоса.
Таких чудных окроме я
Не видел отродясь:
У них физиономия
Такая, как у нас!
Вот выдумка забавная —
В театре маскарад!
Попировал там славно я,
Уж подлинно впопад.
Как в дни великопостные,
230 Во всей таки красе,
Такие пресурьезные,
Там в шляпах ходят все.
На всех салопы черные
До самых до колен,
А на иных отборные
Наряды всех племен;
Как будто с чайных ящиков
Пришли все в маскарад.
Кабы достать образчиков,
240 Весь Псков наш будет рад.
Уж стали бы отхватывать
Мазурку — ай-люли!
Сумели б всех порадовать,
Как в пляс бы мы пошли.
А здесь что? — Как уходятся —
Расходятся домой;
За это деньги плотятся:
Обычай уж такой! . .
Раскланяюсь почтительно
250 Теперь без дальних слов;
Прощайте! Уж действительно
Я завтра еду в Псков. . .

(3). БЕДА НЕМНУЧАЯ И РАДОСТЬ МОГУЧАЯ

Проплакали отчаянно
Пять суток мы с женой:
Стряслась беда нечаянно
Над нашей головой.
У черта сердце сжало бы —
Случись такой изъязн:
На барина две жалобы
260 Пришло к нам от крестьян;
Донос их на господчика
Упрятал я под спуд,
За то меня, молодчика,
Упрятали под суд.
Прочли то есть нотацию, —
Хоть просто умирать!
Вписали в аттестацию:
К местам не принимать.
Ну где ж тут правосудие,
270 Я б всякого спросил? . .
Чуть только вышел в люди я,
Брюшко чуть отрастил,
Количество изрядное
Деньжонок позашиб;
Житье-то было б знатное,
Да вдруг — и скушал гриб. . .
Скажите, — как правительство
Изволит рассуждать:
Вишь, я чиню грабительство!
280 С чего б им это взять? . .
Ходил всегда я в нанковых,
Не то чтобы в трико,
Не брал бумажек банковых
И не тянул клико,
Умел всегда делишечки
Чистехонько вести,
И только разве лишечки
Пришлось мне загрести.
В суде не валежирствовал,
290 Не делал тяп да ляп;
Ни с кем не дебоширствовал:
Не всё ж ведь цап-царап. . .

Да что же? .. я утешуся,
Лиха ль еще беда!
Не бойтесь — не повешуся!
Найду кусок всегда!
Я поступлю в компанию:
Довольно их зело;
Приличную по званию
300 Я выберу — назло! ..

С женою от Аничкина
Извозчика я взял, —
«Льва Гурыча Синичкина»
Глядеть каприз припал. . .
Да сбился я афишками,
И вышел тут крючок:
С различными делишками
Шел Пантелей Жучок.
Он человек, как водится,
310 Сенатский, деловой;
Да от жены приходится
Пропасть, хоть с головой.
Всё дело-то в нотациях:
Толкуют то и сё;
На тонких экскузациях
Основано тут всё.
Скажу: в большом был горе я,
Бедняга Деловой!
Такая же история,
320 Вот точно как со мной! . .
Зато нас с Василисою
Утешила — вон та,
Что *хочет быть актрисою*,
Такая суета.
Мне кажется, что шутствует
Она напрасно так:
Актрисой ведь присутствует
Она давно никак?
Еще тут есть отменнейший,
330 Честнейший человек,
Расчетливый, почтеннейший,
Одесский то есть грек.

Так сердце к нему клонится,
Ведь как умен, злодей!
Приятно б познакомиться:
Люблю таких людей! . .
На днях смотрел «Парашеньку» —
Нет прелестям конца!
На крестницу Евлашеньку
340 В ней сходство есть лица.
Тут очень уморительно
Всех Гусева смешит,
Тут пляшут так чувствительно,
Что плачут все навзрыд.
Печальная оказия!
Не видел век такой:
Чуть сам не выл в экстазе я —
Уважил Полевой!
В окошке на прищепке я
350 Фигуру видел раз;
Признаться: стал в решпекте я,
Глядел почти что с час.
Вертится тут помещица,
Ну точно дама пик;
Я думал, мне мерещится
И стал-таки в тупик.
С испуга я зажмурился,
Но вдруг открыл глаза
И чуть было не втюрился,
360 Такая ведь краса! . .
Что ж это? . . У завивщика,
Так просто, для проказ,
Машина, вроде живчика,
Вертится напоказ.
Меня сначала мучило,
Стоял я как дурак;
А вышло — просто чучело. . .
И всё-то в жизни так! . .
Намедни, кажись в пятницу,
370 Иду повеся нос,
Встречаю вдруг сумятицу
И вижу: тут курьез.
Коляска самокатная
Катит без лошадей:

Работа деликатная,
Не русских, знать, затей...
И лодка б так не плавала
На полных парусах —
Как будто бы два дьявола
380 Уселись в колесах...

Но я здесь закалялся,
А дома ждет жена;
Ну, как бы я не всплакался:
Задорлива она!
Живу в Грязной покудова,
Не плачу ни о чем;
А в Псков меня отсюдова
Не сманят калачом.
Мне здешнее правительство
390 Оказывает честь:
В газеты, с местом жительствова,
Меня велело вносить;
Чин, имя и фамилия —
Всё внесено в столбец.
Ведь это значит — в силе я,
Каков я молодец?..
Итак — мое почтение!
Готовый быть по гроб
У вас во услужении
Феклист Онуфрич Боб.

1840

150. БАБА-ЯГА, КОСТЯНАЯ НОГА

Русская народная сказка в стихах. В восьми главах

Дела и жизнь неживших лиц,
Воспоминанье небылиц.

Глава первая похищение

Проснулась шумная тревога
С восходом радостного дня...
Стоят у царского чертога
Четыре огненных коня.

Из камня искры огневые
Копытом мещут жеребцы,
Храпят и бьются; стремянные
Их крепко держат под уздцы.
Красуясь пышным одеяньем,
10 Сребром и золотом горя,
С нетерпеливым ожиданьем
Толпой придворные царя,
Его сотрудники лихие
В пирах, охоте и войне,
Во всем равно передовые,
Стоят на правой стороне.
Налево легкий штат царицы:
Прекрасный пол во всей красе;
В одежде праздничной девицы
20 В сомкнутой длинной полосе
Красивой выстроились цепью
И, засветив улыбкой взгляд,
Как в бурю небо с водной степью,
С противным строем говорят. . .
Вот рать! брадою Чернобога
Поклясться смело может свет,
Что побежденных ею много,
А победителя ей — нет!

Выходит царь. Ему подводят
30 Его любимого коня,
За ним жена и сын выходят,
И дочь — ясней молодого дня;
Мила как юная Зимцерла,¹
Она улыбкой всех дарит —
И ряд зубов, белее перла,
Глаза и души ворожит.
Она заносит ножку в стремя —
Не смея духа перевесть,
Мужчин завистливое племя
40 Глазами радо ножку съесть;
Коня погладит ручкой ловкой —
Всем ручка видится во сне;

---

¹ Русская Аврора.

Шутя кивнет кому головкой —
И взоры всех в той стороне;
Посмотрит на кого сурово —
Тот и печален и угрюм;
Моргнет ли бровью, скажет слово —
В тупик поставит самый ум.

И наши деды знали толк
50 Ценить поэзию правдиво:
Был у Пленеры целый полк
Рабов влюбленных — и не диво! . .
К нам по преданиям дошло,
Переходя от деда к внуку,
Что тот, презреньем ввержен в муку,
Весь век страдал; того сожгло
Одной улыбкой благосклонной;
Тот, говорун неугомонный,
От изумленья онемел,
60 Когда ей в очи поглядел. . .

Куда же едут царь с царицей
И с белолицей царь-девицей?
Куда мужчин и женщин рать
Собралась их сопровождать? . .

Царь, утомясь победной славой,
Любил с зверьми вести войну,
И как охота в старину
Была и женскою забавой,
То и царица с ним порой
70 Делить в отъезде поле травлю
Любила. Здесь я точку ставлю.
Пойдемте на поле со мной. . .

Разнообразными толпами
Станица воинов и жен,
С бичами, копьями, стрелами,
Пестреют в поле — шум и звон!
Кругом раскинуты тенета,
Зверей усердная гоньба
Всех утомила, как работа;

- 80 Но ловля, травля и стрельба
Идут успешно: уж сразили
Лисицу, волка и хорька,
Вдобавок в сети заманили
Недальновидного сурка
И пару зайцев затравили.
Доволен царь. Своей рукой
Он гладит мягкий пух лисицы;
Остановился, ждет царицы.
Она примчалася стрелой.
- 90 Тогда с коней своих усталых
Они для отдыха сошли;
Забыв охоту, к ним пришли
Толпы наездников удалых
И в кубках меда принесли.
Наполнен ковш шипучей влагой,
И благотворная струя,
Досыта жажду их поя,
Дарит их силой и отвагой.
Меж тем идет серьезный толк
- 100 Между придворными: кем волк
Повержен был? кто на лисицу
Поднял неробкую десницу?
Кем загнан маленький сурок
В ему расставленный силок?
Венец победы над лисицей
Приписан был царю с царицей,
И их же верная рука
Сразила волка и хорька.
Заслыша общее их мнение,
- 110 Пришла царица в восхищенье,
Царя державное чело
Улыбкой ясной расцвело;
Предложен тост за лов удачный,
И вот уж пенистый фиал
До края кубки наполнял,
И вот уж пьют...

Вдруг тучей мрачной
Небесный лик заволокло,
Как демон, с бешенством и свистом
Пронесся ветер в поле чистом,

120 Шатер походный унесло,
В руках ковшей как не бывало,
С придворных шапки посрывало...
Вдруг крик, и свист, и шум вдали,
И стук копыт о грудь земли
Они слышали, — чему бы
Тут удивляться им? в лесах
Ведь недостатка нет в лисах:
То, знать, царевна трубит в трубы
И с ратью гончих и девиц

130 Гоняет по лесу лисиц.
Но отчего-то на царицу
Вдруг страх напал, сам умный царь,
Хоть никогда не трусил встарь,
Тут от испуга рукавицу
Из рук дрожащих уронил...
Вдруг он коня поворотил,
Махнул рукой и вскачь пустился
Туда, где стук и крик носился,
За ним царица и весь двор

140 Помчались, едут: темный бор
Пред ними стройным великаном
Предстал преградою в пути
И, шевелимый ураганом,
Как бы шептал им: «Не ходи!»
Въезжают в лес: толпою тесной
Там девы робкие стоят,
На что-то пристально глядят;
Меж них царевны лик небесный
Увидел царь: какой-то страх

150 Заметен был в ее очах.
Он изумился. «Что-то худо!» —
Кричит супруге — и стрелой
Летит к царевне молодой,
Летит, летит — и видит чудо:
Вдали клубится дым густой,
В чепце из жаб, в змеиной шубе,
Не на коне — в огромной ступе,
Как сизо-белой пеленой
Обвита сетью дымовой,

160 Летит ужасная колдунья;
Был только день до полнолуния, —

А в это время, всякий знал,
Что ведьмам праздник наставал.
Пестом железным погоняла
Колдунья ступу, как коня,
Сквозь зубы что-то напевала,
Клыками острыми звеня.
На лбу по четверти морщина,
А рот разодран до ушей,
170 Огромны уши в пол-аршина,
До груди волос из ноздрей,
На месте глаз большие ямы,
Затылок сгорблен, ноги прямы,
На лбу огромные рога —
Всё это вмиг их убедило,
Что Баба старая Яга
Зачем-то бор их посетила.
И, в страхе все оторопев,
Быстрее ратники пустились
180 К толпе упавших духом дев.
Но поздно — как ни торопились,
Им изменили их кони,
Хоть понуждали их они. . .
С размаха ведьма налетела
На рать несильных, робких жен,
Их осмотрев со всех сторон,
Царевне в очи посмотрела,
Над ней как ворон пронеслась,
Рукою в грудь ее впилась,
190 Другой рукой за стан схватила,
С собой на ступу посадила
И прытче мысли унеслась. . .
Всех прежде юный брат царевны
Послал за хищницей стрелу,
Потом сам царь, печальный, гневный,
Послал другую. Мрак и мглу
Опять сменило море света.
Вдали виднелася она,
Туманом пасмурным одета,
200 И с ней несчастная княжна.
Погоня страшная летела
Вослед злодейке, уж чуть-чуть

Стрела Булата не задела
Ее предательскую грудь,
Но страшный <в> ступе пест железный
Колдунью спас над самой бездной.
Она сильнее им застучит —
И диво-ступа побежит,
Как лань, заслыша лай собаки;
210 Она удары участит —
И ступа лѐтом полетит
Через холмы и буераки. . .
День целый гнались за ней,
Всѐ отставали дале, дале
И наконец совсем отстали.
Царевны нет! . . Царевна с ней!
Тоскует царь. Сама себя
Царица в той беде винила:
«Охоту пламенно любя,
220 Не я ль и дочь к ней приучила,
Не я ль ей первая дала
Понять, что конь и что стрела?» —
Так плачет грустная царица.
«Где дочь, где солнце царь-девица?
Где царства лучшая звезда,
Любимый перл, куда, куда
Она так долго запропала?
Ее уж нет! Ее украла
Из ада присланная тварь!» —
230 Взывает так печальный царь.
И в непритворном сокрушении
Они рыдают день и ночь,
Надежды нет увидеть дочь,
Надежды нет ее спасенья! . .
Мгновенно царского несчастья
Весть по столице пронеслась,
Слеза горячего участия
С глаз добрых подданных слилась.
Они все искренне любили
240 Царя и царскую семью,
Под их правленьем мирно жили,
Благословляя жизнь свою,
Довольны мудрым их правленьем,

И были тягостней своих
Несчастья царские для них.
Веселье общим сокрушеньем
Сменилось всюду; резвый смех
И кроткий мир покинул всех.
Но кто наиболее крушился,
250 В чью грудь всех глубже и сильней
Удар нечаянный вонзился
И страшный след оставил в ней?
Всех больше горевал Булат,
Похищенной царевны брат.
Он в тот же вечер в путь собрался,
Царю торжественно поклялся
Домой не быть до той поры,
Пока похищенной сестры
Из рук колдуньи не исхитит
260 И за позор не отомстит;
Святую клятву небо видит,
И если кто ей изменит,
Пускай оно того казнит. . .
Ему два спутника судьбою
В далеких странствиях даны:
Охотно храбрые герои,
Светан и Серп, утомлены
Однообразьем жизни дворской,
Направить путь к стране заморскоѣ.
270 С ним согласились, дочь царя
Найти усердием горя,
С богатырями потягаться,
На дев чужбины посмотреть,
Победой громкой увенчаться
Иль так же громко умереть. . .
Один решимостью и силой
Уж доказал, что был не трус,
Его и бороду и ус
Давно седина серебрила.
280 Другой — на утре лучших лет,
Но уж знакомый с ратным боем,
Не в шутку прозванный героем,
Красавец, царства пышный цвет.

Глава вторая
О происхождении яги и о прочем

Готов день ясный закатиться;
Три храбрых витязя верхом
По полю скачут — пыль клубится,
И брызжут искры янтарем.
Природа дремлет. В темной дали
Чернеет лес. Они к нему,
290 Но тут, загадкою уму,
Им три распутия предстали.
Который путь туда ведет,
Где их царевну заточили,
Кто угадает, кто поймет?
Подумав, так они решили:
«Нас трое, три дороги тут
В три страны разные ведут, —
Итак, обнимемся, простимся,
Дорогу каждый изберем,
300 И в страны разные помчимся,
Авось царевну и найдем! . . .»
Три храбрых витязя обнялись,
Поклялись дружбой и расстались. . .
Булат избрал середний путь.
Луны не видно, в небе тучи,
Кругом Булата лес дремучий;
Булату грустно, ноет грудь, —
Один! . . Но нашего героя
Наутро ждет забава боя,
310 И лучше нам печаль и ночь
Прогнать скорей со сцены прочь.
Вот утро. Люди, пробудитесь,
Пора вам действовать, пора!
Без остановки ехал витязь
Дремучим лесом до утра;
Лес миновал; пред ним равнина
Лежит, роскошна как картина,
Цветами пышно убрана,
Благоуханий амброй нежной,
320 Как райский сад, напоена.
Неволью к думе безмятежной
Сердца настраивает вид

Природы юной и цветущей, —
 Булат заснул под пышной кущей.
 Но вот он встал, коня бодрит
 И снова скачет! Видит: в поле
 Пасутся два коня на воле,
 Из-под седла, как из трубы,
 Выходят дымные столбы.
 330 Он едет дале. Видит: дева
 Накрепко за руки у древа
 Стоит привязана; стена,
 Как бы о помощи взывает,
 Кого-то, в горести кляня,
 Своим злодеем называет.
 Булат долину в изумленьи
 Окинул из конца в конец
 И ясно понял наконец
 Причину странного явления...
 340 Со всю яростью врагов,
 Миримых лишь за дверью гроба,
 Дрались два витязя; их слов
 Постигнуть смысл могла лишь злоба.
 Но ясно было, что ценой
 Победы плачущая дева...
 Исполнен праведного гнева,
 С участием к жертве молодой,
 Столь огорченной, неутешной,
 Младой Булат летит поспешно
 350 На место битвы роковой.
 «Оставьте бой поносный свой,
 Мечей бесславить не держайте,
 Плод преступления вкусить
 Себя мечтой не обольщайте!
 Должны прощенья вы просить
 У девы, вами оскорбленной,
 Или мой меч непосрамленный
 Ее злодеям будет мстить!» —
 Воскликнул витязь, обнажая
 360 Кровавый меч; между собой
 Враги, сраженье забывая,
 К Булату кинулись стрелой.
 Один на двух Булат выходит
 Там, где так долг ему велит,

И в чести силу он находит,
Перун сам за него разит.
Они сошлись. Удар удачный
Поверг на землю одного,
Он захлебнулся кровью мрачной.
370 Теперь один на одного . .
Не трусы оба, ловки, статны,
Наострены мечи булатны,
Кому же пасть, кому же жить,
Кому кого похоронить?
Кто будет гением сей битвы,
В цветах победного венца,
И за чью душу слать молитвы
К престолу вечного творца? . .

Видали ль вы, когда две тучи
380 Стремятся в мутных небесах
Одна к другой? Уж только шаг
Их делит; грянул гром могучий,
Столкнулись плотно грудь о грудь:
Одна рассеялась, другая,
Свободней крылья расправляя,
Проходит гордо спорный путь. . .

Летят обломки их броней,
Дождем из стали сыплют искры,
Освирепелые как тигры
390 И каждый сам себя сильней,
С безумной храбростию оба
Дерутся; кровью обагрен
И отвратителен как злоба
Булатов враг; уж ранен он,
Но страшно меч его сверкает.
Под охраненьем крепких лат,
Еще не ранен наш Булат,
Но глубже броню пробивает
На нем удалый меч врага.
400 В бою минута дорога,
Заплатишь жизнью за ошибку.
В тот миг, как с радостной улыбкой
Булатов враг заносит меч,
Чтоб вмиг главу ему рассечь,

Булат в подставленную шею
Вонзает острый меч злодею.
Стремглав сраженный враг упал:
«Достоин быть мой победитель
Царевны молодой властитель!» —
410 Он прошептал — и жить престал. . .

Хоть, по правилу, Булата
Оставлять бы здесь не надо,
А вести об нем лишь речь,
Но должно на час пресечь
Нам об нем повествованье:
Побуждает нас желанье
Повидаться час-другой
С Бабой злобною Ягой. . .
Злей она любого черта,
420 Хоть какого хочешь сорта.
Это, как и почему,
Непонятно хоть уму,
Но поистине правдиво.
Только, видишь, вот в чем диво:
Черт варил двенадцать баб
(Он, вишь, был сердечком слаб,
Был влюблен он в них по уши,
Да надули, злые души!);
Кипятком вода кипела,
430 Вверх бросалась пена бела,
А колдуньям нипочем,
Черта дразнят языком,
Улыбаются, хохочут,
Чертов люд честной порочат,
Брызнут пеной в сатану
Да и спрячутся ко дну. . .
Сатана чертовски злился,
По-каковски ни бранился,
Чуть со злости караул
440 Не кричал. Вдруг как зевнул,
Да закашлял: серный пламень,
Медь, железо, глина, камень —
Всё на баб, им всем назло,
Повалилось, полило.

Вмиг старухи призатихли.
«Вот что вам за фигли-мигли!» —
Закричал тут сатана
И достал старух со дна.
450 Стал разглядывать их молча:
«Фи! да сколько это желчи,
Злости, разных славных штук,
Право, просто вон из рук! . .
Что сравнится с ихней злостью,
Зло срослося с каждой костью,
Это просто первый сорт,
Ей-же-ей, как честный черт! —
Наконец сказал он тихо. . . —
Поступлю я с ними лихо;
460 Ну, теперь дрожи весь мир,
Будет нам тут вечный пир,
Будем чаще вас тревожить. . .
Знаю, как здесь зло умножить:
Чтоб была позлее тварь,
Все двенадцать этих харь
Я в одну соединяю
И такую сочиняю
Злую бабу, что она
Будет тот же сатана,
470 То есть я, своей особой!»
Тут он вываренной злобой
Начал тело наливать
Да над ним что-то шептать.
Вышла баба: оглянулась,
Миру злобно улынулась
И, лишь только на часок
Увидала чертов рог,
Прямо черта хватать по морде.
Закипела радость в черте;
480 «Будь мне старшая сестра,
Ты, как вижу я, добра. . . —
Сатана сказал и в щеку
Чмок красотку краснооку. . . —
Будь ты Бабою-Ягой,
С костяной ходи ногой,
Я тебя тотчас пристрою,
Не давай людям покою,

Да собьешь каких с пути,
Верны счеты тем веди. . .
490 Как приблизишься ты к аду,
Дам за всех тебе награду!»
Тут исчез вдруг сатана. . .
Вот теперь, я чай, ясна
Вам причина, по которой
Ни с ленивцем, ни с обжорой,
Ни с разбойником она
Быть не может сравнена.
Всех Яга превосходила,
В ней вся дьявольская сила
600 Находилась в одной. . .
Дни летели чередой.
По чертовскому наказу,
Не теряя даром часу,
Зло она творила всем,
Иногда кое за чем
Приближалась и к аду,
Получала там награду
И опять заняться злом
В мир пускалася потом.
610 Раз случайно, ради шутки,
Забралась она на сутки
К Тихомиру в царство, — там
Счета нет ее делам
И позорным, и бесстыдным,
Человечеству обидным.
Там царевну невзначай,
Чтоб схватить хотя на чай
С сатаны, она украдала,
У себя ее держала,
620 Не пускала никуда,
Запирала ворота
На замок, как уходила;
А царевна всё грустила,
Всё рыдала ночь и день
И была бледна как тень. . .
В одиночестве страдала,
Как уйти, она не знала:
Пятиглавый страшный Змей
Наблюдал всегда за ней. . .

530 Дом колдуньин был так страшен,
По углам двенадцать башен,
Ров кругом, и нет моста...
Вся околица пуста,
Тут нигде жилья не видно...
Но хоть вчуже жить обидно,
А уж всё, чем умирать,
Лучше малость подождать,
Не придет ли час спасенья,
Или, может, сожаленье
540 На Ягу вдруг нападет
И она ее снесет,
Возвратит в родное царство...
А колдуньино коварство
Всё росло. На целу ночь
Улетала она прочь,
Возвращалась днем с добычей.
И такой у ней обычай:
Угождай чем больше ей,
Тем она всё злей да злей!
550 Змей служил ей преусердно,
Люд губил немилосердно,
Приносил домой тела,
А колдунья их брала,
В разны твари превращала
Иль варила и съедала...

Глава третья

ЦАРЕВНА ЛЮБАНА И ЦАРЕВИЧ СПИРИДОН

Скоро сказка говорится,
Да не скоро то творится,
Что рассказывают в ней...
Победив богатырей,
560 Подошел Булат наш к древу,
Отвязал младую деву,
Потупил смущенный взор
И завел с ней разговор...
«Я девица не простая
(Так, Булата озирая,

Начала она): мой род,
Царством властвуя, живет
И богато, и счастливо,
Всех окольных царств на диво.
570 Я дочь царская Любана,
Надо мною слишком рано
Разразилась беда.
Я, беспечна, молода,
Проживала беззаботно,
Но судьбе было угодно
Наказать меня: злодей —
Царь соседний Федосей —
Как-то раз меня увидел,
Вдруг влюбился — и похитил.
580 Был с отцом моим он враг,
Не надеялся никак,
Быв беднее всех в округе,
Получить меня в супруги,
Да и мне он не был люб,
Потому что очень глуп. . .
Он скакал без остановки,
Не давал коню сноровки;
Вдруг сегодня встречу нам
Здесь попался царь Варлам.
590 Он, как знала я, давненько
Был влюблен в меня маленько. . .
Лишь меня увидел он,
Страшно сделался взбешен,
Закричал, мечом захопал,
Страшно конь под ним затопал,
Он с него тотчас сошел,
Речь с противником завел,
За меня с ним поругался.
Впрочем, тот не испугался,
600 Слез с усталого коня,
Привязал скорей меня,
И пошла у них потеха,
Но мне было не до смеха:
Беспокойна и грустна,
Дум мучительных полна,
Я стояла, чуть дышала,
Смерть на помощь призывала,

Чтоб спастися от беды,
Вдруг явился, витязь, ты. . .»
610 И она благодаренье
За нежданное спасенье
Тут Булату воздает. . .
А Булат не узнает
Сам себя от восхищенья
И какого-то смущенья,
Страстен взгляд его очей,
Странен смысл его речей. . .
Но томить я вас не стану:
Он влюбляется в Любану
620 Просто-запросто и ей
Объясняется скорей,
Без дальнейших прибауток,
Как внушил ему рассудок.
Тут Любана покраснела,
На Булата посмотрела
И влюбилась сама,
Просто молвить, без ума.
Решено было: согласие
На взаимное их счастье
630 У родителей просить. . .
Жарко друг друга любить
Поклялись они до гроба
И пустились в путь оба,
Чтоб царевну отыскать
И спокойней пировать
После свадьбы. Конь Варлама,
Не сердитый, хоть упрямый,
Был молодой царевной взят,
Посадил ее Булат;
640 Он сказал было невесте,
Что не худо б ехать вместе,
Да, стыдлива и скромна,
Заупрямилась она. . .

Третий день они уж скачут,
То надеются, то плачут
О царевне молодой,
Что украдена Ягой,
Ждут с часу́ на час с ней встречи,

И о ней лишь только речи
650 Меж собой они ведут,
Либо песенки поют
Про любовну страсть друг к другу
Да про скучную разлуку...
День под вечер уж склонялся,
Конь Булата спотыкался, —
Нет ни лесу, ни жилья,
Всё песчанее земля.
Ждут, не выедут ли в поле,
Где б пустить коней по воле
660 И самим поотдохнуть:
Утомил их долгий путь,
Да известно, что и голод,
Как ни будь себе тут молод,
Всё не тетка, а скорей
Лютой мачехи лютей,
А они давно не ели:
На пути нет даже ели,
А не только что дерёв,
Чуть стоящих от плодов,
670 Как бывало это прежде...
Едут далее, в надежде
Степь песчану миновать,
Луг цветущий увидать,
Но напрасно ожиданье...
Солнце тмит свое сиянье,
Вечер мрачный настаёт,
Конь чем далее вперед,
Тем песок всё глубже, глубже...
«Эх, прости, создатель! глуп же
680 Я, вернуться бы назад!» —
Размышляет так Булат.
А Любана без движенья,
Словно некое виденье,
На коне своем сидит,
Ничего не говорит.
В ней давно ослабла сила,
И уздечку опустила
От усталости рука...
Сильно их гнетет тоска,
690 Холод, голод и усталость:

Камень тут взяла бы жалость!
Но Булат не за себя
Плакал, всей душой любя
Черноокою Любану,
Он бы снес большее рану,
Лишь была б только она
От беды сохранена...

Уж кони едва ступали,
Беспреданно подымали
700 Вверх песчаные столбы...
Не уйти, знать, от судьбы!
Ночь кругом, на что решиться?
«Лучше нам остановиться,
До рассвета подождать,
Чтоб коней не потерять», —
Говорит Булат Любане,
Не заметивши в тумане,
Что Любана чуть жива —
Нет ответа на слова.
710 Испугался он ужасно
И к царевне стал несчастной
Громко, жалобно звать...
Стало на небе светать,
Он остатками настоя
Лил в лицо ей, громко воя,
И, печальна и бледна,
Вдруг опомнилась она;
Стали думать о спасеньи,
Тут завидел в отдаленьи
720 Поле пышное Булат,
Поскакал, сердечно рад,
Он туда с больной Любаной.
Вдруг, о ужас! словно пьяный,
Пошатнулся в страхе он,
Словно громом поражен:
На него, в змеиной шубе,
На своей огромной ступе,
С дикой яростью врага,
Баба кинулась Яга...

730 Перед солнечным закатом,
Распростившись с Булатом,
Серп поехал на восток.
Месяц по небу потек,
Звезды в небе засверкали,
Он всё ехал дале, дале,
То надеждою живим,
То отчаяньем томим.
Про колдунью мыслил гневно,
Думал встретиться с царевной,
740 У врага ее отнять,
С нею в царство прискакать
И просить ее в награду.
Он к коню забыл пощаду,
Гнал без памяти его,
Сам не зная для чего.
Вот прошло уж трое суток,
Стал грустить он, кроме шуток,
Не встречая никого:
Скука мучила его.
750 Мучим тайною тревогой,
Ехал он путем-дорогой.
Вдруг однажды при реке
Видит город вдаль —
На пространстве необъятном
Он, в величии нарядном,
Красовался, процветал,
Чем-то дивным поражал. . .
«Что за диво, что за чудо!
Побывать бы в нем не худо,
760 Чтоб немного отдохнуть,
А потом и снова в путь», —
Серп подумал и помчался. . .
Конь от жара задыхался,
Он его всё боле гнал
И в минуту доскакал.
Город пышен, как столица,
Всюду праздничные лица.
«Что тут, праздник, что ль, какой?» —
У красотки молодой
770 Невзначай спросил проказник
И узнал, что точно праздник:

У царя родился сын,
Так сегодня день крестин. . .
Серп не знал, за что приняться:
Погодить иль в путь пускаться?
И, решившись наконец,
Поскакал он во дворец.
Там с придворными съякшался,
Разговорами занялся,
780 Был прилично угощен
И к царю потом сведен.
Царь был рад ему душевно
И с царицей да царевной
Ну расспрашивать его:
Прибыл к ним он для чего?
Он сказал, что так, случайно,
И открыл потом, за тайну,
Что царевны молодой,
Что похищена Ягой,
790 Он с усердьем рабским ищет
И за ней по свету рыщет.
«Отдохни немного, братец,
Я вина хотя ушатец
Для тебя поставить рад,
Я сегодня тороват:
У меня, вот видишь, диво,
Жил доселе я счастливо,
И во сне, и наяву,
Но счастливей заживу:
800 Сын третьеводни родился,
А сегодня уж молился
На крестинах сам своих,
Вот, брат, делаем каких!
Это всё б еще не диво,
Да растет он очень живо,
Не по дням, а по часам,
Посмотри, братец, хоть сам —
Верно, скажешь: просто милка!»
Тут велел он, чтоб кормилка
810 Принесла к нему дитя.
Серп подумал, что шутя
Царь об нем разговорился,
И немало удивился,

Как увидел, что оно
Не шутя говорено:
Вдруг в покой дитя вбежало
И раскланиваться стало,
Завело об чем-то речь,
Стало прутом кошку сечь.
820 Серп не верил, чтоб малютке
Было только трои сутки,
Говорил, что лет уж пять
Он изволит проживать,
Но, побывши с ним с полсуток,
Стал уверен, кроме шуток,
Потому что вдруг при нем
Больше стал он полвершком. . .
Сила в нем была велика,
Бегал он, как заяц дикой,
830 Не по летам был умен,
Назывался Спиридон.

Глава четвертая
ПРЕВРАЩЕНИЕ ЛЮБАНЫ
И ЛЮБОВНАЯ СТРАСТЬ БАВЫ-ЯГИ

А-та-та, да а-ту-ту!
Как во нашем во свету
Дива разные творятся:
В чугунах змеи варятся,
Леший ходит по лесам,
Не дает покоя нам,
Ведьмы ездят на ухвате,
Черти скачут на лопате,
840 От рассвета до зари
Бой ведут богатыри,
Петухи между собою
Тоже склонны очень к бою:
Между всем, что лишь живет,
Драка вечная идет!
Рыба ищет там, где глубже,
Человек — где жить получше,
И обычной чередой
Всё проходит под луной. . .

850 А-та-та, да а-ту-ту!
Сказку дальше поведу...

Как опомнился Булат,
Так он стал сердечно рад,
Что с Ягою повстречался.
«Наконец-то я добрался
До тебя, бесовска дочь,
Без сестры не выду прочь!
Я задам тебе трезвону,
Будет свет дрожать от стону,
860 Так тебя приколочу!» —
Он подумал и к мечу
Устремился, а колдунья
(Знать, она была болтунья)
Без умолку говорит,
В чем-то всё его корит
И его о чем-то просит...
Тут Булат свой меч заносит,
По башке колдунью бьет,
Меч колдунью не берет!..
870 Ха, ха, ха! да хи, хи, хи!
И пустилась во смехи!..
Насмеявшись досыта,
Закричала: «Хоть обида
Мне побои от тебя,
Но прощаю я, любя,
Всю вину тебе, как брату!
(Глазки сделала Булату
Тут она и страшно рот
Искривила, как урод!)
880 Ты меня не уничтожишь,
А себя лишь растревожишь:
Лучше нужде покорись
И на мне, Булат, женись!
Я хотя и некрасива,
Но зато я в мире — диво,
Не найдешь такой другой;
Очарована тобой,
Вся горю я, вся пылаю,
О тебе одном мечтаю,
890 О тебе и ночь и день

Я грущу, бродя как тень!
Помню, взвидела я в жизни
В первый раз тебя в отчизне,
Был ты в поле на коне
И пришел по нраву мне!
Ах! не будь моим тираном!
И к моим сердечным ранам
Сострадание имей!»
Тут она еще глупей
900 Посмотрела на Булата...
«Даром мне тебя не надо,
Что ты, старая Яга!
Жизнь мне, что ль, не дорога?
Убирайся к черту в гости,
Да прибей его со злости,
Да подай скорей сестру,
А не то — в пыль изотру!»
— «Нет же, нет тебе сестрицы!
Не хотел любить Ягицы,
910 Так не будет век любовь
Греть твою отныне кровь!
Ты меня ввергаешь в горе,
Отпуск дам я Миловзоре, —
Лишь останься ты со мной,
Мой тиран, владыка мой!
Что, не хочешь? Ну так ладно,
Для тебя будет накладно...
А! соперницу свою
Здесь вблизи я узнаю!
920 Нет, не дам тебе, тирану,
Целовать свою Любану!» —
И бросается стрелой
Ведьма к деве молодой...
А Любана в отдаленьи
Пребывала в размышленьи
И смотрела, как вдали
Небо близко от земли.
К ней колдунья подлетела,
Всю Любану обозрела,
930 Да и ну над ней шептать,
Черной палицей махать!
До нее лишь дотронúлась,

Злобным взором улыбнулась,
Посмотрела ей в лицо —
И Любана в деревцо
Обратилась в минуту,
Да еще, к большому чуду,
Тотчас в землю тут вросла
И качаться начала. . .

940 Ветви пышно развевались,
Подымались, наклонялись —
Всё своим порядком шло:
Колдовство свое взяло!
В бой с Ягой Булат пустился,
Но он сколько ни храбрился,
Ведьме просто — ничего,
Лишь накладно для него. . .
Он же был притом уставши:
Не поевши, не поспавши,

950 Трое суток ездил он,
Поневоле не силен. . .
«Скучно жить мне одинокой,
Покорись судьбе жестокой,
Эй, послушай! покорись,
Поскорей на мне женись,
Я не вечно безобразна,
Я бываю и прекрасна:
Есть в году такие дни,
Наступают уж они.

960 Буду лучше я рядиться,
Да румяниться, белиться,
Так, поверь, заморожу
И к себе приворожу!» —
Так Яга ему твердила,
А он выл, что силы было,
Над несчастным деревцом,
Обратясь к нему лицом.
Ветви с лаской наклонялись
И как будто улыбались,

970 То как будто плач и стон
От него вдруг слышал он. . .

День уж к вечеру склонялся,
С деревцом он не прощался,

Всё над ним еще сидел,
На него он всё глядел.
Гибким станом любовался,
Превращенью дивовался
И был полон грустных дум.
Вдруг вверху он слышит шум,
980 Оглянулся: Змей крылатый,
Весь одет в стальные латы,
И со множеством голов
Возбуждая страшный рев,
Пролетал над ним. Булату
Он посланником из аду
Показался б, если б он
Не был храбрым урожден...
Меч Булат свой припасает
И о битве размышляет,
990 Вдруг с ужасным криком Змей
Замахал крылом сильней,
Распустил его пошире
И, хоть весь тонул он в жире,
Так широко рот раззел,
Что Булата разом съел,
Проглотил его как муху
И пустился что есть духу, —
К дому ведьмы прилетел
И на землю разом сел...
1000 «Выходи, моя Ягица,
Круглолица, белолица!
Я исполнил твой приказ:
Уж Булат теперь у нас! . . .»
Разрядившись как девица,
Прибежала тут Ягица,
Руку с радости свою
Целовать дала Змею.
А меж тем он из утробы,
Не без радости и злобы,
1010 Вдруг Булата возвратил.
«Как он нежен! Как он мил!
Не изволит ли белиться?
(Закричала тут Ягица);
Впрочем, это не беда,
Лишь была бы красота!»

Да и чмок его тут в губы.
 Чуть Булат с досады зубы
 Тут колдунье не разбил! . .
 «Чтобы черт тебя любил
 1020 (Закричал он), я не стану,
 Я люблю одну Любану!»
 — «Ха, ха, ха, да хи, хи хи! —
 И пустилась во смехи! —
 Полно, милый мой дружок,
 Мой прекрасный жизненочек,
 Чем же я тебе худа?
 Где же лучше красота?
 Рот немножко широконок,
 Нос изрядно великонок,
 1030 На макушке есть рога,
 Словно кость одна нога,
 Да немножко ухо длинно, —
 Но зато ведь я невинна!
 Вот что главное, дружок!» —
 И опять Булата чмок! . .
 Чуть не выл Булат со злости.
 «Ну, попал я в добры гости
 (Говорил он про себя) . . .
 Черт бы взял, Яга, тебя! . .»
 1040 А Яга, палима страстью,
 И ласкательством, и властью,
 И приманками любви
 На желания свои
 Преклонить его стремится,
 Но напрасно горячится —
 Наш Булат всё «нет да нет!»
 Произносит ей в ответ.
 Так проходят дни и ночи,
 Уж Булату нету мочи
 1050 У колдуньи старой жить,
 Ласки дьявола сносить,
 Быть в ужасном заточеньи, —
 И действительно мученье
 Жизнь так глупо проводить,
 Лучше запросто — не жить!
 Опечаленный и бледный,
 О сестре он плачет бедной,

Знает верно, что она
Близ него заключена,
1060 И не может с ней видаться,
Вместе горю предаваться,
Вместе ждать бедам конца.
«Хоть бы вестку до отца
Как послать, он, верно б, вскоре
Прекратил сыновне горе;
Чтоб детей освободить,
Рать прислал бы, может быть», —
Так мечтал Булат несчастный.
А меж тем в колдунье страстной
1070 Жар любви не потухал,
А всё больше прибывал.
Наконец она однажды,
Вся полна любовной жажды,
Объявила, что Булат
Будет сам себе не рад,
Коль любовь ее отвергнет,
Что в тюрьму его повергнет,
Будет всячески язвить,
Не давать ни есть, ни пить,
1080 Что она его измучит,
Да любить себя научит!
Не послушался Булат.
В сильной злобе, из палат,
Отвести его в темницу
Повелела тут Ягица.
И Булат был отведен,
В смрадный погреб посажен,
Заперт накрепко замками.
Плача горькими слезами,
1090 Что затеять, он не знал, —
День за днем так протекал...
А Яга сильнее злилась,
Всё румянилась, белилась,
Завивала волоса,
Но ничуть ее краса
От того не возвышалась,
И по-прежнему осталась
Баба злобная Яга
Безобразна, как карга...

Глава пятая
СПИРИДОНОВЫ БОГАТЫРСКИЕ ПОДВИГИ И О ПРОЧЕМ

- 1100 Крепок, силен Спиридон,
В три недели вырос он,
В три недели укрепился,
К бранной жизни приучился;
Рос он в час по полвершка,
К удивленью старика,
Своего отца родного,
И всего люду честного. . .
В царстве шла об нем молва,
Что такая голова
- 1110 У него, каких доселе
Царства вовсе не имели:
В царстве всех богатырей
Побеждал он как детей;
Силен, словно царь Самсон,
Королевич Спиридон,
Нет ни в чем ему преграды,
Никому не даст пощады, —
Что подковку разогнуть,
Что булавочку согнуть —
- 1120 Для него одно и то же;
Был он в царстве всех пригоже,
Красных девушек любил,
Не ковшом — ведром он пил,
Доказать чтоб всем отвагу,
И вино и разну брагу. . .
Все дивилися ему,
Не спускал он никому,
Первый был в бою кулачном,
И в курении табачном,
- 1130 И в подобных шалостях,
Озорник такой, что страх:
В царстве всех приколотивши,
Осрамивши, победивши,
Кто был славен удальством,
Стал для всех он словно гром,
Стали все его бояться
И как можно удаляться. . .
Вдруг стал скучен Спиридон:

Не любил без дела он
 1140 Проводить ни получасу —
 За проказою проказу
 И за жарким боем бой
 Уважал он всей душой. . .
 Он пришел к отцу однажды:
 «Скоро ль мне свободу дашь ты,
 Гой еси! родитель мой!
 Я терзаюсь тоской,
 Здесь уж жить мне несподручно,
 Жить без дела как-то скучно,
 1150 Нет простора ни уму,
 Ни удалъству моему.
 Дай коня мне, дай мне волю —
 Рыскать стану я по полю,
 Дай мне щит да вострый меч —
 Буду головы им сечь!
 Богатырской стану силой
 Хвастунов дружить с могилой,
 Может быть, порой сыщу
 Я себе и по плечу —
 1160 Тут-то я себя потешу:
 Разом глотку перережу
 Непреклонному врагу,
 Замолчит он, ни гугу!
 В разных царствах побываю,
 Всех диковин повидая,
 Присмотрю себе жену
 Да домой и улизну
 За твоим благословеньем. . .» —
 Он сказал отцу с почтеньем.
 1170 Приласкал его отец,
 Прослезился, наконец
 Молвил, слезы отирая:
 «Ладно, братец, отпускаю,
 Только больно не кути,
 Поумней себя веди:
 Не дерися с кем попало,
 Право, проку будет мало,
 Не уйти нам от беды,
 Раскутишься если ты,
 1180 Если всякому злодею

Подставлять ты будешь шею,
Если, ради удальства,
Будешь дерзок на слова.
Неровен ведь челядинец —
Даст такой тебе гостинец,
Что костей не соберешь,
Без ноги домой придешь. . .»
Тут ему благословенье
Он дает на отправленье,
1190 И отважный Спиридон,
Тем донельзя восхищен,
Дует с радости в ладоши,
Раздает прохожим гроши,
Песнь веселую поет
И вино ковшами пьет. . .
«То-то чадо уродилось,
Вечно б дралось, веселилось —
Он на все проказы лих;
Кабы больше нѣм таких,
1200 Так бы, верно, наше царство
Превратилось в мытарство.
Впрочем, что же? Ничего!
Дурь пройдет ведь у него,
Будет во сто раз умнее!» —
Думал царь и веселее
Становился, а сынок
Пил настойку, как квасок,
Ел себе за кочнем кочень
И был весел очень, очень,
1210 Без особенных баляс
То и знай — пускался в пляс.
Бой затеял напоследок:
Выбил окна у соседок,
Вызывал богатырей,
Побивал их как детей
И, чтоб помнили подольше,
Им рубцов наделал больше
На спине и на руках,
На боках и на ногах.
1220 До утра попировавши
И часок-другой поспавши,
Начал он собираться в путь.

- Пал отец к нему на грудь
И опять давал наказы,
Не пускался чтоб в проказы,
Чтоб без толку не дрался
Или как не опился!
А не то задать и перцу
Посулил ему как шмерцу.
- 1230 Спиридон сел на коня,
Как огонь на нем броня,
Меч в руках огромный блещет,
Он от радости трепещет,
Нетерпением горя,
Лобызает он царя,
Огорченную царицу
И красотку царь-девицу,
Бьет коня потом ногой
И уносится стрелой. . .
- 1240 Едет день, и два уж едет,
О победах славных бредит,
С нетерпеньем встречи ждет,
Кто помимо ни пройдет —
Рукавицу в рожу бросит
И сражаться с ним попросит.
«Верно, трусишь, нетопырь!» —
Грозно молвит богатырь
И опять всё дальше едет
Да о разных сечах бредит.
- 1250 Раз он видит: на коне,
В латах кованых, в броне,
Едет витязь. . . То-то радость!
Спиридону шепчет младость:
«Наскочи скорей — и в бой,
Драться где ему с тобой!»
Спиридон летит стрелою,
Приготовливаясь к бою;
Витязь смотрит, удивлен.
«Что ж ты смотришь? (Спиридон
1260 Закричал ему спесиво.)
Или я какое диво?
Становись-ка, становись,
Защищаться не ленись,

Будет тут тебе работы!» —
 — «Право, драться нет охоты
 (Молвил витязь) — жар такой,
 Что дерися хоть нагой,
 Так устанешь до упаду;
 Дай-ка руку мне, как брату».

1270 Спиридон свое поет:
 «Видно, страх тебя берет,
 Закоптить боишься рожу.
 Коли так, тебя я брошу,
 Верно, ты большой, брат, трус!»
 (Говорит он.) — «Я дерусь!» —
 Отвечает витязь грозно,
 И начался бой сурьезный...
 Долго дрались; Спиридон
 Вдвое больше был силен,

1280 Но еще не свыкся с битвой:
 Он мечом махал как бритвой,
 Но неверен был удар.
 А другой уже был стар,
 Помогал ему тот опыт,
 Что в сраженьях частых добыт,
 С ним никак он не плошал,
 Все удары отражал.
 Наконец, уставши драться,
 Ну герои обниматься.

1290 «Оба храбры мы равно,
 Удальство у нас одно,
 Будем лучше мы друзьями,
 Вместе тешиться боями
 Станем, странствуя везде
 (Спиридон сказал). А где
 Ты живешь? За чем пустился
 В путь, давно ли веселился,
 И когда опять домой
 Ты отправишься, герой?» —

1300 — «Я давным-давно из царства:
 В силу некого коварства
 Злобной Бабою-Ягой
 Перл украден дорогой,
 За грехи наши велики,
 Дочка нашего владыки, —

Послан я ее сыскать
И злодейку наказать». — «В самом деле? Это чудно!
Нам сыскать ее нетрудно:
1310 Ездить буду я с тобой;
Только встречуся с Ягой,
Так ее я изувечу,
Истираню, искалечу,
Что забудет воровать,
Будет ноги нам лизать!»
И Светан со Спиридоном
Разменялися поклоном,
Словно братья обнялись,
В вечной дружбе поклялись,
1320 С час еще потолковали,
Меж себя погоревали
О царевне молодой
И решился с Ягой
Поскорее как сойтиться,
Покровавее сразиться,
Разом дело всё решить
И царевну возвратить.
С тем и в путь они пустились,
Только той надеждой льстились,
1330 Что Ягу как раз найдут
И во гроб ее сведут.

Глава шестая
СВИДАНИЕ ЦАРЕВНИЧА БУЛАТА
С СЕСТРОЙ И О ПРОЧЕМ

Время льется словно речка,
В жизни человек как свечка:
Проблеснет и догорит,
Только смрад распространит.
В мире счастье непрочно,
Сердце гибнет непорочно,
Только зло одно живет
И толстеет, и цветет;
1340 Слабый сильного терзает,
Глупый умному мешает,

Всё идет наоборот,
Черт мутит честной народ.
Да к большой беде народа,
Кроме всякого уroda,
Чтобы пакости творить
И вконец всех разорить,
Хоть и так уж люди слабы,
Завелися Яги-Бабы
1350 И от ведьм отбоя нет,
Право, жаль взглянуть на свет! . .
Проклинал, в темнице сидя,
Света божьего не видя,
Ведьму бедный наш Булат
На особенный свой лад. . .
Посылал он ей проклятья —
Их не стану повторять я,
Потому что насмешу,
Если все их расскажу.
1360 Находясь в большом свирепстве,
Помышлять он стал о бегстве,
Стены стал с досады рыть
Да окошки колотить;
Проку было в том хоть мало,
Да надежда обольщала,
А с надеждою подчас
Вместо водки пьешь и квас.
Вот однажды приуставши,
Долго стену прорывавши,
1370 Руки он сложил на грудь,
Лег немного отдохнуть.
Лишь заснул, пред ним виденья
Появились во мгновенье:
Наклонившись к нему,
Шепчут что-то все ему
На языке непонятном,
Но о чем-то о приятном;
Вдруг исчезли, лишь одно
С ним осталось. Оно
1380 Долго пристально смотрело,
То краснело, то бледнело
И сказало наконец:
«Ты терпенья образец,

И за то тебе в награду
 Дам я помощь и пощаду.
 Терпеливо всё сноси,
 Понапрасну не проси
 У Яги себе прощенья —
 Близок, близок день спасенья:
 1390 Всё случилось к добру,
 Скоро ты найдешь сестру,
 Добрый нрав твой мне угоден,
 Скоро будешь ты свободен.
 Не спеши лишь, подожди,
 Да не сбейся как с пути!
 А чтоб горю услажденье
 Было, думай про спасенье.
 Случай дам тебе такой:
 Ты увидишься с сестрой, —
 1400 На, вот ключ: в твоей темнице
 Есть проход к твоей сестрице —
 Тут в стене направо дверь,
 Отвори ее теперь,
 Повидайся с ней немного,
 Да смотри, наказан строго
 Будешь, если чересчур
 Засидишься, балагур».

Тут исчезло вдруг виденье...
 «Что за чудо-сновиденье?
 1410 (Говорил Булат себе.)
 Не угодно ли судьбе
 Надо мною посмеяться?
 Видно, нечем ей заняться!»
 Так дивился, а потом
 Шарить стал в стене ключом,
 Через темень полуночну
 Отыскал он щель замочну:
 Ключ однажды повернул —
 Чрез порог вдруг свет блеснул,
 1420 Дверь сама собой открылась,
 И сестра пред ним явилась.
 От восторга сам не свой,
 Он целуется с сестрой,
 И пошла у них беседа,
 Длилась долго, до рассвета, —

Про несчастье свое,
Про житье свое бытие
Миловзора рассказала
И от счастья трепетала,
1430 Что, ее любимый брат,
С ней увиделся Булат.
«И уйти бы нам отсюда
(Говорит Булат) не худо,
Возвратиться бы к отцу,
Уж пора бедам к концу,
Много, много мы терпели,
Так придется неужели
Долго нам еще терпеть
И отрады не иметь?»
1440 Но уж мне пора в каюту!»
— «Погоди хотя минуту,
Посиди хоть до зари
Да со мной поговори.
Дома нет, кажися, ведьмы,
Можем дольше посидеть мы», —
Говорит ему она. . .
Вдруг, как будто сатана,
Ворвалась ведьма в двери:
«Эге-ге! какие звери!
1450 Вот бы лихо провели,
К двери ключ себе нашли!
Мастера, как видно, шарить!
И изволят тарабарить!
Ладно — я вас накажу,
Власть свою я докажу
Над судьбиной вашей жалкой!»
Тут своей волшебной палкой
К ним она коснулась: вмиг
На их месте, вместо их,
1460 Две статуйки показались,
Да недвижны и остались,
В землю накрепко вросли,
Не отдернешь от земли!
«Стойте тут себе, дубины!»
Тут разглаживать морщины
Ведьма стала на челе,
А потом на помеле,

Проюркнувши через кровлю,
Вновь отправилась на ловлю. . .

- 1470 Туча по небу бежит,
Месяц на небе горит,
В роще свищет соловей,
Говорит с травой ручей,
Облетая вокруг кладбище,
Жадный ворон ищет пищи,
По долине на коне
Скачет путник при луне. . .
Кто ты, путник одинокой,
Едешь близко иль далеко?
1480 Из палат ты, иль твой дом
Не сияет серебром?
Для чего ты среди ночи
Гонишь лошадь что есть мочи —
Иль, уставши от пути,
Хочешь кров скорей найти?
«Еду я из стран далеких,
Из палат царя высоких,
И гоню и день и ночь,
Чтоб найти цареву дочь,
1490 Изломать колдунье кости —
Я за тем к ней еду в гости,
Я царев посланный Серп:
На щите горит мой герб,
Меч в руке моей широкий. . .»

Едет Серп путем-дорогой,
В даль туманную глядит,
Всё по-прежнему грустит:
Он бы с радостью подрался,
Да никто не попадался.

- 1500 Скука бедного взяла
И на душу налегла.
«Хоть бы леший мне попался,
Так и с ним бы я подрался!» —
Про себя он говорил
И коня со злости бил. . .
Средь своих печальных дум
Вдруг вдали он слышит шум,

Шум становится сильнее,
Серп бодрее и бодрее.
1510 «То-то, — думает, — сражусь,
За всю скуку поплачусь!
Кто бы ни был тут, хоть дьявол,
Хоть по воздуху б он плавал,
Хоть скакал бы на коне,
Хоть бы был он весь в огне,
Ни за что не дам я тягу,
Лучше мертвым тут же лягу!»
Шум еще сильнее, сильнее,
Вдруг он видит: страшный Змей
1520 На него стремится прямо,
Рот огромный, словно яма,
У него уж растворен.
Серп испуган, изумлен,
Но меча не забывает,
О сраженьи помышляет.
Змей летит, летит, летит —
Налетел — и делу квит!
Проглотил Серпа как муху
И помчался что есть духу.

Глава седьмая

О ТОМ, ЧТО ГОВОРИЛО ДЕРЕВЦО СПИРИДОНУ И КАК ОН НАШЕЛ ЯГУ

1530 И дорогой, и бурьяном
Спиридон скакал с Светаном,
Всё хотел попасть на след,
А следа всё нет да нет.
Где к Яге-Бабе дорога?
Ведь дорог на свете много —
Словно праздничный базар,
Испещрен земной весь шар! . .
Но, надежды не теряя,
О царевне размышляя,
1540 Дале ехал Спиридон.
С каждым днем был крепче он,
С каждым днем он был сильнее,
Ловче, краше и смелее, —

Рад душевно был Светан,
 Что ему судьбою дан
 Спутник столь во всем отличный. . .
 Чередой всё шло обычной;
 Раз, прервав немного путь,
 Спиридон лег отдохнуть,
 1550 И Светан улегся тоже.
 На другое утро — что же?
 Нет Светана, нет как нет,
 Уж пропал его и след.
 Конь по-прежнему пасется,
 На осине щит трясется,
 Воткнут в землю меч стоит,
 Всё по-прежнему лежит,
 А Светана нет да-й-только!
 Стал, не струсивши нисколько,
 1560 Спиридон его искать
 Да с надеждой поджидать,
 Но Светан не возвратился.
 Спиридон тут подивился,
 Не стерпел, чтоб не вздохнуть,
 И один пустился в путь.
 Едет, голову повеся
 И почти не куролеса,
 Думу думает тайком,
 Озираяся кругом.
 1570 Минул лес. Пред ним долина,
 Разноцветна как картина,
 В ряд на ней деревьев цепь,
 А за ней песчана степь.
 «Ехать дале, иль вернуться,
 Или в сторону шатнуться?» —
 Думал молча Спиридон.
 Наконец решился он:
 Через степь, во что б ни стало,
 Переехать как попало, —
 1580 И поставил на своем,
 Хоть устал с своим конем.
 Вот в долину он въезжает,
 Поскорей с коня слезает,
 Озирается вокруг.
 «Словно с кем-то я сам-друг,

Чей-то голос грустный слышу,
Кто ж бы это был? — не вижу!» —
Размышляет Спиридон.
Тут опять долину он
1590 Обозрел и посредине
Деревцо на той долине
Одинокое узрел.
Отдохнуть под ним он сел. . .
Вдруг он слышит некий шепот
И какой-то грустный ропот
Прямо над ухом своим, —
Стал он слушать, недвижим:
«Витязь, будь великодушен,
Добродетели послушен,
1600 Сохрани меня от бед!
Здесь немил мне дневный свет!
Я не дерево — девица,
Баба старая Ягица
Изувечила меня,
А была свободна я:
И спокойствием наслаждалась,
И любовью обольщалась,
Женихом мне был Булат.
Будешь мне и друг и брат,
1610 Если ты меня избавишь,
Полюбить себя заставишь, —
Победи скорей Ягу!
Жить я дольше не могу
В этой тягостной неволе,
Сил моих не хватит боле.
Как Ягу ты победишь,
Не сплошай тут как, смотри ж:
У нее есть жезл волшебный,
С виду он не велелепный,
1620 Но в нем сила такова,
Что вновь буду я жива,
Если им ко мне коснешься.
С Змеем ты сперва столкнешься,
С ним дерися из всех сил,
Он становится уж хил,
И хоть много люду губит,
Да и сам Яги не любит».

Тут умолкло дерево.
 Спиридоново лицо
 1630 Полным счастьем просияло:
 Уж охота забирала
 Поскорей сойтись с Змеём
 И с Ягицею потом.
 Вдруг летит и самый Змей,
 Ветра бурного быстрей;
 Спиридон свой меч хватает,
 Против Змея обращает,
 Змей помимо пролетел,
 Боком лишь его задел,
 1640 Змей свирепо оглянулся
 И тотчас назад вернулся.
 Тут начался жаркий бой:
 Спиридон одной рукой
 Все удары отражает,
 А другою защищает
 От ударов он себя.
 Змей, свирепственно хрипя,
 То и знай его колотит.
 Долго битва происходит,
 1650 Оба ранены давно,
 Кровь смешалася в одно,
 Но конец еще не близок,
 Спиридон пред Змеем низок:
 Змей ударит и назад
 Отлетает, супостат!
 Наконец случайно Змею
 Спиридон вцепился в шею,
 Крепко держится, а Змей
 Всё сильнее и сильней
 1660 Отбивается — но тщетно!
 Спиридону лавр победный
 Улыбаться начинал;
 Змей последний дух собрал,
 Приподнялся и в минуту
 Полетел, к большому чуду!
 Спиридон на нем сидит,
 По башке его тузит,
 Не дает ему покоя,
 Он летит всё, громко воя,

- 1670 Наконец он долетел
И к Яге на крышу сел;
Ну вопить тут гласом зычным,
От всегдашнего отличным,
Так вот горло и дерет,
Спиридон его всё бьет. . .
А Яга на голос Змея
Собралась поскорее,
Помогать ему летит.
«Плохо дело! — говорит
1680 Спиридон себе, — ведь с ними
Мне не справиться с двоими,
Ведь, пожалуй, цап-царап!
Я и так уже ослаб,
Надо этого спровадить,
Да потом и с ведьмой ладить!»
Тут принялся Змея он
Колотить со всех сторон:
То мечом его поколет,
То зубами рвать изволит,
1690 А меж тем он всё глядит,
Скоро ль рот Змей растворит.
Дождался — и меч с размаху,
Без печали и без страху,
В горло Змею засадил,
Там его поворотил.
Змей грызет железо зубом,
Но, в своем свирепстве глупом,
Не находит ничего
Для спасенья своего.
1700 Что за дело Спиридону
До его смешного стону —
Он не меньше озлился,
Резать Змея принялся —
Перерезал ему глотку,
Допил бывшу в фляжке водку
И слезать он с крыши стал,
Тут Ягу он увидал,
Со всех сил к нему летящу,
Под собой земли не зрящу.
1710 «Ну (подумал он), еще
Будет дело горячо,

Будет много мне работы,
Благо много и охоты!»
Навострив свои рога,
Мчится старая Яга:
Поравнялась прежде с крышей,
Поднялась после выше
И пришла в великий страх:
Мертвый Змей в ее глазах.
1720 «Ах ты, Змей мой Змеуланч,
Дорогой Иван Иваныч!
Кто тебя так исказил,
Буйны головы разбил?
Друг души моей безмерный,
Мой слуга нелицемерный,
Мой кормилец, брат ты мой,
Кто глумился над тобой?» —
Так колдунья сожалела
И на крышу сесть хотела;
1730 Спиридон ее схватил,
В бок свирепо поразил.
Оглянулася Ягица,
Принялась кричать и злиться,
Длинну палицу взяла,
Бить героя начала:
Раз ударила — герою
Стало вовсе не до бою,
Не упал чуть со всех ног;
Но себя он перемог,
1740 С новой силой стал сражаться
И, что долго прохлажаться,
Просто-запросто сказать —
Стал Ягу он побеждать.
Тут Яга свирепо взвыла,
Пощадить ее просила.
«Нет, пощады я не дам,
Отошлю тебя к чертям!»
Пуще тут Яга озлилась,
Завертелась, закружилась
1750 И вскричала во гневу:
«Пусть я больше не живу,
Пусть ты жизнь мою погубишь,
Тем царевны не искупишь!» —

Головой тут потрясла
И со злости умерла.
Спиридон тут спохватился:
На себя он сам сердился,
Что не выведал о том
Перед ведьминым концом,
1760 Где она царевну скрыла.
Вспомнил он, что говорило
Деревцо в долине той,
Где вступил он с Змеем в бой;
У Яги тот жезл сыскавши
И его с собою взявши,
Он отправился потом
Обыскать колдуньин дом.

Глава осьмая

**О том, что делали Спиридон с Вулатом
и на ком ехали их невесты**

В мрачну думу погружен,
Молча ходит Спиридон,
1770 На себя нещадно гневный.
Ищет в доме он царевны,
Все покои обыскал,
Наконец вошел в подвал.
Ничего и тут — всё пусто,
Пахнет только лишь капустой.
Дальше молча он идет
И фонарь в руке несет.
Две статуйки небольшие,
Обе стройные такие,
1780 Он увидел, посмотрел,
Приподнять было хотел,
Но напрасно горячился:
Их не поднял, как ни бился.
«Где ж царевна? где она?
Неужели сожрана
Ненавистною Ягою?» —
Молвил он, стуча ногою.
Грустно, бедному, ему,
Не приложит он уму,

- 1790 Поступить как в этом деле.
Клонит сон его к постеле,
Долго, долго он не спал,
Чересчур в бою устал.
Перемочь сна сил не стало,
Он прилег под одеяло;
Спит и видит: некий дух
Прилетает к нему вдруг
И гласит ему чуть внятно:
«Храбрость мне твоя приятна,
1800 Ты отлично поступил,
Что вконец Ягу убил.
Не крушися, всё устрою,
Скоро всех вас успокою.
Как царевны не найти?
Снова ты в подвал поди,
Две статуйки там заметишь
(Ты огонь затем засветишь:
Без огня нельзя никак,
Там всегда ужасный мрак).
- 1810 Прикоснися к ним той палкой,
Что ты взял у ведьмы жалкой,
И увидишь пред собой
Брата родного с сестрой».
Тут исчезло вдруг виденье,
Он проснулся в изумленьи,
Пораздумал, погадал
И отправился в подвал.
Только палицей коснулся,
От восторга улыбнулся:
- 1820 Миловзора и Булат
Пред очьми его стоят. . .
Брат с сестрою обнялися
И слезами залилися.
Даже самый Спиридон
Был растроган и смущен.
Объяснил он всё им вкратце,
Обнялись они, как братцы,
И сбираться стали в путь,
Не подумав отдохнуть.
- 1830 Лишь Булат один невесел,
Мрачну голову повесил.

«Где Любанушка моя?
Одинок неужли я?» —
Говорил он с сожаленьем.
Спиридон тут с восхищеньем
Речь Булата перебил,
Всё как должно объяснил;
Тут в долину побежали,
Деревцо скорей сыскали,
1840 Прикоснулись жезлом,
Да и дело всё с концом!
«Я роптать теперь не стану,
Возвратил мне рок Любану!» —
Закричал, сердечно рад,
Торжествующий Булат;
Стал с Любаной обниматься
И с восторгом целоваться.
А меж тем наш Спиридон
Миловзорой был пленен,
1850 И она его улыбкой
Подарила не ошибкой.
Брат на помощь подоспел,
Кончить всё как раз умел.
Решено было — на счастье
У отца просить согласия,
А потом и под венец,
Если даст его отец.
В стойле ведьмы конь Булата
Поджидал его, как брата;
1860 Там же было два коня,
Все как будто из огня,
Так вот пол ногой и роют,
Ну, не дешево, чай, стоят!
Не подумай на них сесть:
Целиком готовы съесть!
Но неробкие девицы,
Не боясь коней Ягицы,
Сели бережно на них,
И затихли кони вмиг.
1870 Спиридон меж тем в минуту
Отыскал кобылку люту,
И отправилися в путь...
Громки песенки поют,

Разговаривают дружно.
«Ничего теперь не нужно
Нам: мы счастливы вполне;
Одного лишь жалко мне:
Где те храбрые герои,
Что со мной пустились двое
1880 За молодой моей сестрой,
Поразведаться с Ягой?» —
Говорит Булат печально...
Едут шибко, путь им дальной,
Приезжают вдруг к реке:
Волны брызжут в тростнике,
По песку, журча, струятся,
В даль туманную катятся...
«Посмотри-ка, ведь река,
Мне кажись, не глубока,
1890 Пересохла от морозу;
Чем искать нам перевозу,
Переехать лучше вброд,
Далеко она течет
(Говорит Булат) — скорее,
Да и ехать веселее».
И они пустились вброд.
Вот Булат на берег тот
Переехал безопасно,
С Миловзорою прекрасной
1900 И с Любаной Спиридон
Едет вместе... только он,
И величествен и важен,
Обгоняет их на сажень.
Вышел на берег, назад
Оглянулся, и Булат
Тоже смотрит в изумленье...
«Что за чудное явление?
Да на ком они сидят?»
(Так друг другу говорят.)
1910 Оказалось, что Любана
На загорбке у Светана,
Миловзора на Серпе...
Вот что вздумалось судьбе!..
Посмеялись, подивились,
Вброд за ними возвратились,

Их на берег принесли
И расспрашивать пошли:
Как да что? каким манером?
Уж наверно изувером
1920 Всё настряпалось так?
«Да, Яга, наш общий враг,
Так над нами подшутила,
Нас в лошадок превратила:
К ней принес нас лютый Змей,
Что служил усердно ей.
Мы бы вечно так остались,
Если б вы не догадались
Нас от ведьмы увести,
Через ручей сей провести.
1930 В нем течет вода живая —
От волшебства избавляя,
Прежний вид он тем дает,
Через него кто перейдет!» —
Так сказал Светан. Довольны,
Независимы и вольны,
Все обнялись чередой
И пустились домой;
Радость души их живила,
Услаждала, веселила,
1940 Дни невидимо текли.
И родительской земли
Скоро им явились зданья.
Было радостно свиданье:
От восторга сам не свой,
Всех лобзал старик седой,
В честь героя Спиридона
Дал земных он три поклона,
Дал ему в невесты дочь.
Пир начался в ту же ночь,
1950 Две вдруг свадебки справляли,
Без пощады пировали. . .
Брага пенная лила,
Яствам не было числа.
Всё, что было только вкусно,
Приготовили искусно
И поставили на стол.
Пир три дня, три ночи шел.

Я там был во все три ночи,
Ел, что было только мочи,
1960 За стаканом пил стакан,
А всё не был сыт и пьян.

1840

151. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как много дум наводит день рожденья!
Как много чувств в душе он шевелит!
Тот от души его благословит
И проведет с друзьями в наслажденьи.
А есть другой. . . Болезнен и уныл,
Бежит под сень родительских могил
И там, в пылу преступного раздумья,
Его клянет и просит у небес
В удел земной, как милости, безумья,
Чтоб страшный день из памяти исчез! . . .
Безумен тот, кто рад ему; безумен,
Кто упрекать и клясть его посмел.
Счастлив — чей лик ни праздничен, ни думен,
Кто перед ним ни вырос, ни сробел;
Кому с собой ни радости беспечной,
Ни горьких мук тот день не принесет;
Кому шепнет, что жизнь не бесконечна,
Что больше он, быть может, не придет!

27 ноября 1840

152. СКАЗКА О ЦАРЕВНЕ ЯСНОСВЕТЕ

Цып, цып, цып! ко мне, малютки,
Слушать сказки, прибаутки!
Уж чего мне на веку
Не случилось, старику?
Дай бог памяти! Гисторий
Слышал пропасть! Как Егорий
С волком дрался, как солдат
Вдруг попал ни в рай, ни в ад;
Как Руслан с Бовой сражался;
10 Как на черте Карп катался,

Как, не для ради чего,
 Черт зял душу у него!
 Как Егору да Вавиле
 Ведьмы ребра изломил,
 Как пяток богатырев
 Полонили сто полков,
 Как Ягу прибил Данилыч,
 Сатана Сатанаилыч
 Как на землю нисходил,
 20 Души добрые мутил. . .
 Как Иван коня-горбатку
 Заставлял плясать вприсядку,
 Как бесстрашный царь Макар
 Полонить ходил татар. . .
 Как по щучьему веленью,
 По Иванову прошенью
 Ведра на гору взошли
 На потеху всей земли. . .
 Как он ездил на лежанке,
 30 Как держал колдунью в банке
 Чернокнижник Змеулан,
 Страх для всех окольных стран. . .
 Знаю всё, но не об том
 Речь теперь мы поведем.
 Поведем мы речь про царство,
 Про большое государство,
 Где во время сказки сей
 Государь был Елисей. . .
 Елисеevo правленье
 40 Было всем на удивленье,
 Силе вражеской назло
 Царство крепло и цвело:
 Там не слышно было мору,
 Ни вражды, ни заговору,
 Ни других каких потех,
 Побери их леший всех! . .
 Все как братья словно жили,
 А царя уж как любили,
 Так, не хваставши, скажу,
 50 И ума не приложу!
 Да и то сказать, еще бы
 Не любить его особы —

Был он подданных отец,
 Награди его творец! . .
 Словно с детками родными,
 Он, вишь, всем делился с ними.
 Чуть победа, празднество —
 У него и пиршество!
 Все бояра, все миряна,
 60 Все чиновные гражданина
 Уж к нему приглашены
 И вповал напоены!
 У царя еще, кроме
 Этих милостей, был в доме
 Преогромный вечный пир
 Для того, кто сед и сир. . .
 Так он страждущих всех нежил. . .
 Бог за то его потешил
 И, по благости своей,
 70 Даровал ему детей
 Умных, добрых, залихватских,
 Проживавших в чувствах братских!
 Старший сын его Роман
 С виду был другой Полкан,
 Настоящим он ироем
 Ходит в доме по покоям,
 Ростом чуть ли не в сажень
 И красив, как вешний день. . .
 Кудри сами завивались,
 80 И усы уж пробивались,
 Был уж он во цвете лет,
 Расцветал как маков цвет. . .
 «Что, Роман-брат, не пора ли
 И жениться для морали?
 Ты уж взрослый молодец», —
 Раз сказал ему отец.
 Наш Роман потупил очи
 И заплакал что есть мочи,
 Так что сердце у царя
 90 Сжалось в виде сухаря,
 Так что инда все окошка
 В доме вздрогнули немножко. . .
 «Рад я, батюшка, жениться,
 Коль невеста мне случится

Из каких заморских стран
(Наконец сказал Роман).
Только надо не простую,
А царевну молодую,
Чтоб была она умна,
100 И богата, и красна».
— «Правда, правда! (царь ответил.)
Я еще не заметил
Для тебя, брат, по плечу.
Но авось ведь и сыщу!»
На другой день совещанья
Разослал царь приказанья,
Чтоб немедленно к нему,
Как владыке своему,
Ради некого присловья
110 Собралися все сословья,
А меж тем велел он пир
Приготовить на весь мир...
Дело важное решиться
На пиру должно: боится
Царь, — не то чтоб самому
Не достало тут уму,
И не то чтоб из приличий,
А старинный был обычай
Дело важное решать,
120 Чтоб несчастья избежать,
Не нажить поклепу света,
После общего совета...
Пир готов великолепный,
На столы напиток хлебный,
Мед и прочее вино
Уж давно принесено...
Гости в доме кишмя кишут,
От восторга еле дышат,
Что пришла такая честь —
130 За столом им царским есть...
Вышел царь. Пошли поклоны,
Толковали про законы,
Про спокойство, про войну,
Про дела и старину...
Елисей вдруг с места сходит,
На высокий трон восходит

И оттуда речь ведет,
Поклонившись наперед...
«Вам, бояра и дворяна
140 И чиновные граждана,
Всем известно, что я сед,
Что уж мне не двадцать лет...
И для этой-то причины,
Чтобы не было кручины,
Чтоб всё шло у вас к добру
И тогда, как я умру, —
Объявляю всенародно,
Что оставить мне угодно,
Не в обиду никому,
150 Трон мой царский, по уму
И по росту великану,
Сыну старшему Роману.
Но чтоб это учинить,
Надо нам его женить,
Чтобы он не баловался,
За чужими не гонялся,
А найпаче чтоб в стихи
Не пустился на грехи...
Ваш совет я уважаю
160 И затем вам предлагаю
Поразмыслить и решить:
Сыну ровню где найти?
Из которого-де царства,
Вы скажите без коварства,
Нам царица по плечу, —
А не то приколочу»
(Царь промолвил ради шутки, —
Он остер на прибаутки,
Хоть и нету в них пути...
170 Ну, да бог ему прости!).
Тут бояра и дворяна
И чиновные граждана
Почесали за ушми
И задумались вельми...
Долго думали, корпели,
Угодить царю хотели;
Всяк совет давал тут свой
Ради надобности той;

Царь, прослушавши, «Не пара! —
180 Отвечал им: — та уж стара,
Та горбата, та бедна,
Не царевна та княжна. . .»
Лоб бояра потирали,
Думать снова начинали. . .
А мудрец один седой
Лишь качает головой.
«Ладно (думал он), постойте,
Что вы тут себе ни пойте,
А как я свое скажу,
190 Так уж, верно, угожу»;
И решившись наконец,
Начинает так мудрец:
«Царь наш, ты наш благодетель,
Счастья нашего содетель,
Не вели меня казнить,
А вели мне говорить. . .»
«Говори!» — царь отвечает,
И мудрец так продолжает:
«Силен ты, богат и славен,
200 Кто с тобой по власти равен?
У кого такая рать,
Где такая благодать, —
Царства более твоего
В свете нет ни одного,
Все владыки, все соседи
Пред твоим величием дети,
И в свекрови ни одна
Из их дочек не годна. . .
Да и нет во всей природе,
210 Ни в одном сиречь народе
Нет пригодной для него,
Для Романа твоего. . .
К пользе царственной ревнуя,
Обвенчать его хочу я
На красотке неземной,
На владычице ночной.
Пречудеснейшая тайна
Мне открылась не случайно, —
Коли хочешь, сообщу
220 И что делать научу. . .»

— «Говори! да лишь курьезно, —
Отвечает царь серьезно, —
Разным вздором не скучай,
Подарю тебе на чай. . .»
Вновь мудрец так начинает:
«В некоем царстве проживает,
Что за тридевять земель,
Славный царь Ходинамель. . .
У царя, кроме дочек,
230 Есть приемыш, как цветочек
Расцветает пышно он,
Весь сияньем окружен. . .
То царевна Ясносвета, —
В царстве лучше нет предмета,
Так чудесна, так умна,
А особенно ясна!
Все дивятся, что за чудо,
Самоцветней изумруда,
Как от месяца в ночи,
240 От нее идут лучи. . .
По известной мне науке
Прокатился раз от скуки
Я в то царство, лишь на час
Отлучившись от вас. . .
Как вошел во двор я пышный,
Только было там и слышно,
Что хвала ее красам,
Диву дался я и сам. . .
Столько блеску, столько жару,
250 Что недолго до пожару!
Ну, диковина! дивней
Не найдется в жизни сей!
Вот уж, правду молвить, знатно!
Только мне невероятно
Что-то стало, что она,
Вишь, от смертных рождена. . .
Разум мой пришел в свирепство,
Я принялся за волшебство. . .
И недолго я гадал,
260 Подноготну всю узнал. . .
Умолчу, каким манером, —
Не назвали б изувером!

Просто молвлю, что она
 Не царевна, а луна...
 В небе скучившись дежурить,
 Гарцевать и балагурить
 И пред солнцем не хотя
 Унижаться, не светя,
 Днем она на землю сходит
 270 И в том царстве день проводит,
 А как солнце сходит прочь,
 Освещать уходит ночь...
 Вот невеста для Романа!
 Кроме царственного сана —
 И ведь где же? в небесах! —
 Важный клад у ней в руках,
 И богатство ее будет, —
 Бело озеро запрудит...»
 — «Ладно! (молвил Елисей.)
 280 Нарядить к царевне сей
 Послезавтра же посольство,
 Да не делать своевольства,
 Чинно там себя вести,
 Чтоб невесту привезти
 Без урону и изъяна
 Для царевича Романа...
 Штука славная! луна
 Будет в дом к нам введена!
 Ну, брат, честь тебе и место,
 290 Да спасибо за невесту,
 Ведь такой уже другой
 Не отыщешь под луной!..»
 (Говорит царь мудрецу.)
 «Но еще царю-отцу
 Нужно молвить между прочим,
 Что ведь этак не упрочим
 Мы навек себе луны
 (Говорит мудрец). Должны
 Мы к земле ее навеки
 300 Приковать...» — «Но человеки
 Через эти чудеса
 Могут выколоть глаза.
 С обязательем подпиской,
 Чтоб к земле держалась близко

И являлась поскорей,
 Будем отпуск давать ей,
 Только б с солнцем не дружилась
 Иль с звездами не водилась;
 Впрочем, это уж, тово,
 810 Дело сына моего. . .» —
 Царь сказал с самодовольством
 И занялся хлебосольством. . .
 «Нет, неладно, царь-отец!
 (Отвечал ему мудрец.)
 Так она, у нас соскуча,
 Заберется в серы тучи,
 И попробуй-ка поди
 Вновь беглянку приведи! . .
 Нет, чтоб было безопасно,
 820 Средство знаю я прекрасно:
 Есть чугунное кольцо
 Здесь со мною налицо.
 Вот, царевич (тут до стану
 Он согнулся в честь Роману),
 Вот возьми! да береги,
 Уничтожить не моги!
 Поезжай ты сам в те страны,
 Я коня тебе достану,
 Да такого, что он в час
 830 Донесет тебя как раз. . .
 Как вспылят у вас сердечки,
 Да захочется колечки
 Друг у друга променять,
 Это ей изволь ты дать;
 Ей оно вопьется в руку,
 Но не бойся, стерпит муку. . .
 Но зато, ручаюсь я,
 Будет целый век твоя. . .»
 Царь радехонек до смерти.
 840 «Не вмешались бы тут черти!» —
 Говорит он. . . Славный пир
 Тут пошел на целый мир,
 В честь блистательной надежды;
 Наконец сомкнулись вежды;
 А царевич наш Роман
 Был уж близко чуждых стран. . .

Пречудовую свиньюшку,
Ростом в сдобную ватрушку,
Подарил ему мудрец.
350 Вот и к царству наконец
Наш царевич подъезжает,
Тут свиньюшку оставляет
И идет себе пешком
В преогромный царский дом.
В нем и роскошь, и богатство,
И устройство, и опрятство,
И различных тьму красот
Сам колдун не перечтет. . .
У дверей стоит прислуга
360 Вся в убранстве из жемчуга,
Так как жар вот и горит,
По-гишпански говорит. . .
Между ними тут Емеля. . .
«Где царя Ходинамеля
(Говорит Роман) найти,
Укажи — да проведи!»
Тут прислуга подскочила
И царевича спросила,
Кто он родом и отколь,
370 Не саратовская ль голь,
И не с вражьего ль навета
Прикатил к ним до рассвета?
Но с почтением потом
Отступили чередом,
Поклонились и к царю
Дали путь богатырю. . .
«Ну-тка, царь Ходинамель,
Оставляй свою постель!
(Закричал дурак Емеля
380 И толкнул Ходинамеля.)
К нам царевич из чарморя
Прикатил размыкать горе,
Угощенье припаси
Да садиться попроси! . . .»
Не расслышав хорошенько,
Рассердился царь маленько
И, вспылыв на дурака,
Дал в загривок тумака. . .

Вдруг он делом спохватился,
 390 Как надлежит извинился,
 И с царевичем они
 Уж остались одни. . .
 Тут Роман потупил очи
 И заплакал что есть мочи,
 Слезы вытер рукавом
 И речь начал так потом:
 «В наше малое поместье
 Донеслося, царь, известье
 Из огромного твоего,
 400 Что дивней нет ничего
 Среди всех пределов света,
 Как царевна Яносвета,
 Дочь названная твоя,
 Ей в мужья гожусь ли я?
 согласишься ль ты — не знаю,
 Но к ней страстью я пылаю,
 Хоть не видел никогда».

(«Ну, да это не беда, —
 Коли с неба, так уж видно,
 410 Что ей мужем быть не стыдно», —
 Он подумал про себя. . .)
 — «Я и дочку для тебя
 Уступить готов любую,
 Хоть старшую, хоть меньшую. . .
 У меня их богатель! —
 Отвечал Ходинамель
 И воскликнул что есть силы:
 — Эй вы, дочки мои милы!
 Мы, сударыни, на час
 420 К нам в беседу просим вас. . .»
 Только вымолвил, девицы
 Прибежали из светлицы
 И все стали у стены. . .
 «Ну, которую в жены
 Ты, царевич, завоюешь
 Или всех их забракуешь?» —
 Царь сказал. . . Роман взглянул:
 «Знать, мудрец меня надул,
 Или я теперь в угаре:
 430 Тут такие инда хари,

Что за чертовых сестер
Их признать — так не позор!» —
Так Роман себе помыслил,
Их по пальцам перечислил...
Вдруг на самом на краю
(Я от вас не утаю:
Он в тот час немного струсил,
Так его перекофузил
Ясносветы чудный взгляд!)
440 Видит: два глаза блестят,
Самоцветный словно камень,
Словно звезды, словно пламень!
«Та, та, та! Так вот она
Уж доподлинно красна,
Правда, в ней уж столько жару,
Что недолго до пожара...» —
Он подумал... Зорких глаз
Не спускал с нее он час,
Поразмыслил, постыдился,
450 Да по горло и влюбился.
«Уступи ты мне вот эту,
Сиротинку Ясносвету,
Уж куда мне до другой,
Удовольствуюсь и той!» —
Так Роман сказал с усмешкой,
Царь же думал: «Глуп как пешка
Он, урод, молокосос,
Слеп он вовсе или кос,
Хорошенько я не знаю,
460 Лишь того не постигаю,
Отчего не дочь мою
Он берет в жену свою...
Пусть же нянчится с девчонкой!...»
«Коли хочешь, будет женкой
Ясносветочка твоей,
Приказать не смею ей,
А даю свое согласие», —
Он сказал... Роман от счастья
Чуть в безумство не пришел,
470 Чепухи не замолол...
Но опомнился... К невесте
Подошел с царем он вместе

И его женою быть
Стал красавицу просить...
Ясносвета оробела,
С изумленьем посмотрела,
Раскраснелась как заря
И с согласия царя
Наконец ему сказала:
480 «Что охота вдруг припала,
Да и видано то где —
На безродной сироте
Сыну царскому жениться?..
Но должна я согласиться,
Коли дело уж давно
Без меня порешено...»
Тут Роман кольцо снимает,
Ей на руку надевает,
А ее берет себе;
490 И, покорствуя судьбе,
Царь чету благословляет
И, меж прочим, прибавляет:
«Но ты знаешь ли — она
Ведь как нищая бедна?
Я не знаю ее роду,
По двенадцатому году
В плен была она взята
И в дворец мой принята...
Я даю лишь хлеб ей с солью,
500 Ты берешь ее голь голью...»
«Ладно, — думает Роман, —
Не глумися, бусурман.
Или ты и сам не знаешь,
Что из царства отпускаешь
Драгоценный, чудный клад;
Ладно, буду я богат,
Ведь луне серебра и злата
Занимать, я чай, не надо —
Царства купит ваши все
510 Тем, что есть в одной косе...»
Помолившись, поклонившись
И радушно распростившись,
Царь с царевной молодой
Стправляется домой.

Между тем царь Елисей
Называть велел гостей, —
Предан радостной надежде,
Ходит в праздничной одежде,
Приказанья отдает
520 Да застольную поет. . .
День к полудню стал склоняться —
Гости начали собираться,
И меж множеством гостей
Прикатил царь Пантелей,
Пожилой, не политичный,
С Елисеем закадычный,
Приглашенья он не знал,
А нечаянно попал. . .
Притворяться не умея,
530 Царь в сторонку Пантелея
Вдруг отводит и тишком
Говорит ему потом:
«Поздравляй, брат, поскорее
Ты с невесткой Елисея!
Сына, братец мой, женю,
И на нынешнем же дню! . .
А невеста — так уж чудо!
Самоцветней изумруда,
Лучше б я и не желал, —
540 Разве ты бы дочь отдал,
Так задумался б немного. . .»
— «Ох! давно, по воле бога,
Дочь погибла у меня,
Даже как, не знаю я.
Делать нече! Не вернется,
Только плакать остается,
А охотно бы Роман
Был в мужья ей мной избран», —
Так ответил со слезами
550 Пантелей и рукавами
Ну-тка слезы утирать,
Чтоб тоски не оказать. . .
Елисей великодушный
Сам завыл, как малодушный,
Пантелея утешал
И потом ему сказал:

«Что касается до сына,
То счастливый он детина.
Ведь, поверишь ли? луна
560 Будет, брат, ему жена. . .
Всё небесное пространство
На одно лишь ей убранство,
Вишь, в приданое идет:
Целиком небесный свод
Ей с морями, областями,
Поселеньями, садами,
С кормной птицей всех сортов
И скотиной всех родов, —
Будет тут тряхнуть червонцем!
570 Только жаль, что вместе с солнцем
Ей придется всем владеть
И сношенья с ним иметь. . .
Впрочем, что же, бог помилуй!
Как войдем мы только в силу,
Можно, знаешь, и тово. . .
Рати двинуть на него. . .
Не большая ведь персона,
Да и светит-то как соня,
Не заботясь ни о чем,
580 Ну да мы его пугнем!»
Молча слушал Пантелей
То, что баял Елисей,
И потом сказал с улыбкой:
«Ну, смотри, брат, как ошибкой
Не вломися в чепуху,
Уморишь всех со смеху. . .
Есть ли месяцу причина
Выходить за твое сына?
Да притом и небеса
590 Без него что за краса! . . .»
Елисей вельми сердчает
И, подумав, отвечает:
«Что сказал, то докажу,
Всех на свете пристыжу». . .
Тут он всё пересказал,
Что мудрец ему сказал.
Пантелей пожал плечами.
«Славны бубны за горами», —

Он подумал, а потом
630 Запялся и пирогом. . .
Так прошло около часу,
Елисей напился квасу
И хотел ложиться спать
На дубовую кровать,
Вдруг, обрадованный, слышит:
У ворот свиныюшка дышит
Так, что ажно всё дрожит.
Елисей туда бежит,
Сына у двери встречает,
610 Лобызает, обнимает,
А Роман вместо ответа:
«Вот царевна Ясносвета», —
Говорит ему, и он
Отпускает ей поклон. . .
Сердце пляшет от блаженства
У царя! Все совершенства,
Всё, чем славен женский пол,
В Ясносвете он нашел.
Весть гремит меж тем в народе,
620 Что луны теперь в природе
Уж не будет, что она
За Романа отдана.
Кто шататься в пьяном виде
Ночью любит, тот в обиде
Был при случае таком;
А кто любит царский дом,
Тот в сильнейшем был восторге,
И в трактирах, и на торге,
И в домах, и на дворах
630 Пел с восторга, так что страх. . .
И придворные того же
Были мне<ня>: всех пригожей,
Всех яснее, всех белей,
И прекрасней, и умней
Все царевну признавали
Да из чарок попивали. . .
Лишь один царь Пантелей
Что-то не был веселей. . .
Без любви и без привету
640 Он смотрел на Ясносвету,

И так пристально смотрел,
 Что самой ей надоел...
 Чтоб скорей окончить дело
 И кутить опосле смело,
 В честь счастливому концу,
 Молодых ведут к венцу...
 Обвенчали по порядку...
 Чуть не пляшет царь вприсядку,
 Так он счастьем сына рад!
 650 «Был я (мыслит он) богат,
 А теперь уже найпаче
 Буду впятеро богаче...
 Что за нѹжда, коль темно
 Будет в небе, всё равно!..
 И кому это обидно,
 Что луны не будет видно?
 Молвит всяк, уняв тоску:
 „Знать, в бессрочном отпуску,
 Знать, светить ей надоело,
 660 За другое взялась дело“, —
 Потолкуют да потом
 И забудут чередом...
 От того их не убудет...
 Перву ночь теперь не будет
 В небе сумрачном луны,
 Диву даваться все должны!..
 Да и сам я подивуюсь,
 На невестку полюбуюсь:
 „Что, голубушка, сидишь
 670 На земле, а не глядишь
 Уж, как встарь бывало, с неба,
 Словно с год не евши хлеба...“»
 Солнце красное садится,
 Люд крещеный веселится...
 Попиваючи винцо,
 Царь наш смотрит на кольцо
 На руке у Ясносветы
 И поет ей многи леты...
 Все спокойны, все поют,
 680 А найпаче того пьют...
 Царь лишь только Пантелей
 Не стает всё веселей...

То глядит на новобрачных,
 То течение облак мрачных
 Мутный взор его следит...
 Елисей ему твердит:
 «Что ты, братец, что невесел,
 Что ты голову повесил?..»
 И уходит от него,
 690 Не добившись ничего...
 Там с придворными толкует,
 Как он солнышко надует,
 Как приданое луны
 Получить они должны,
 И потом, смеясь свирепю,
 Обращает взор на небо...
 Вдруг он видит: в небеса
 Входит свету полоса...
 Он попристальней глядит...
 700 Вот летит, летит, летит,
 Светом радужным блистает
 И на небо выплывает,
 Милостива и красна,
 Слово прежняя, луна.
 «Различить я не умею
 (Говорит он Пантелею,
 Указав на высоту),
 Эту как зовут звезду?..»
 Пантелей глядит, хохочет,
 710 Елисея так порочит:
 «Ну, брат, сделал ты чуху,
 Уморишь всех со смеху,
 Это просто ведь видна
 Настоящая луна...»
 — «Как!» — царь в бешенстве взывает,
 Мудреца тут призывает,
 Задает ему вопрос.
 А мудрец, повеся нос,
 Елисею отвечает,
 720 Что он сам того не знает...
 В это время и все гости
 Небо взвидели; со злости
 Стали жалобно кричать,
 Что луна мешает спать,

С мест своих все поскакали,
 Толковали, рассуждали
 И кричали так, что дом
 Обернули кверху дном. . .
 Сам царевич в изумленьи
 730 С места встал; как привиденье,
 Помутился, побледнел
 И на небо поглядел. . .
 А меж тем с большим свирепством
 Царь ругался над волшэбством,
 Проклинал его как мог,
 Да простит ему то бог!
 «Чрез ошибку эту злую
 Взяли, может быть, простую
 Девку мы себе в родство
 740 (Говорит он). Шутовство,
 Что ли, это, в самом деле?
 Обмануть, что ль, нас хотели?»
 И, сердчая, что есть сил
 Всю вселенну царь бранил. . .
 А меж тем царь Пантелей
 Делал во сто раз умней. . .
 С Ясносветою несчастной
 Что-то баял он согласно,
 Всё об чем-то вопрошал,
 750 Что-то всё припоминал. . .
 Знать бы было интересно,
 Да, на грех, то неизвестно. . .
 Наконец царь Пантелей
 Вдруг упал на шею к ней:
 «Дочь моя! мое рожденье,
 Небесам благодаренье!
 Вновь ты мне возвращена!» —
 Говорил он, а она
 Так и падает на шею
 760 Со слезами к Пантелею. . .
 Тут подходит Елисей:
 «Неужель отец ты ей?»
 (Вопрошает). «Да, она
 Точно та, что пленена
 Встарь была Ходинамелем».

И Роман пришел в тот час,
Объяснилось всё как раз,
Все четверо обнялися,
770 Быть век в мире поклялися,
Безобидно проживать
Да деньжонки наживать.
Снова кубки заблестали,
Пить прилежней вдвое стали,
И пошел такой тут пир,
Что не знал подобных мир.
Я там был три сряду ночи,
Ел что было только мочи,
За стаканом пил стакан,
780 А всё не был сыт и пьян. . .
1840 (?)

153. ЮНОСТЬ ЛОМОНОСОВА

*Драматическая фантазия в стихах;
в одном действии с эпилогом*

Действующие лица:

Старик.
Женщина.
Михаил, сын их.
Извозчик.

СЦЕНА 1

Простая крестьянская изба; посередине деревянный стол. Старик починивает сеть; пожилая женщина сидит за самопрялкой; вдали в задумчивости сидит мальчик с книгой.

Старик

Плохие времена; прогневался на нас
Правдивый бог: хлеба, покосы плохи —
Того гляди, придется голодать,
Придется продавать последние лаптишки.
На ту еще беду ни щука, ни карась,
Ни сельди, ни треска не ловятся изрядно.
Ох, ох! старуха! худо время!

Ж е н щ и н а

Ась?

Кажись, ворчишь недоброе ты что-то;
Господь даст день и пищу, — не тужи!

С т а р и к

10 Да, хороша пословица, а знаешь
Пословицу другую: на бога надейся,
Да не плошай и сам? и эта хороша.
Вздохнешь и нехотя, как нету ни гроша,
А силы всё слабее да слабей —
Ох! что-то мы с тобой, старуха,
Тогда начнем, как выбьемся из сил!

Ж е н щ и н а

Зато наш сын в то время будет силен:
На старости призрит, прокормит нас.
Поди сюда, Михайло, о тебе,
20 Ты слышишь, речь идет, поди скорее!

М и х а и л

Что, матушка? я книжки зачитался, —
Как много тут хорошего, давно
Я не был так доволен: как-то сердцу
Приятно, как начну читать псалтырь.
Послушай-ка! прочту тебе страничку!

Ж е н щ и н а

Ох, дитяtko, ох, горе-богатырь!
На горе выучил письму отец Никифор!

С т а р и к

Доподлинно на горе: малец взрослый,
А нет, чтобы отцу в работе помогать.

Ж е н щ и н а

30 Чтоб матери горшки переставлял...

С т а р и к

Чтоб иногда развесил мне хоть сети
Для сушки...

М и х а и л
(огорченный)

Матушка, отец родимый мой!

С т а р и к

Всё с книгою сидит, читает. Дети, дети!
Для вас трудись руками и спиной,
А вы ленитесь...

Ж е н щ и н а

Рвете рубашонки
Да дрянные читаете книжонки!

М и х а и л

Помилуй, матушка, отменнейшие книги,
И даже есть картиночки в иных.

С т а р и к

Опять свое!

М и х а и л
(жалобно)

Да не сердись, родимый;
40 Что мне велишь, всё сделаю тотчас,
Рад помогать тебе, что силы станет,
И буду лишь тогда читать,
Как дело кончу...

С т а р и к

Ну, родимый, ладно!

М и х а и л
(ласкаясь к нему)

Прости, коли сердит!

С т а р и к
(целует его)

Ну, будь вперед умнее!

Ж е н щ и н а

Да, да, умнее будь!

М и х а и л

Да, буду я умнее!

Я, батюшка, теперь уж не дитя,
Пройдет пять лет, — как ты, я взрослый буду
И стану работáть за всех вас, вам
Покойно будет; всем займусь исправно,
Лишь вы за то читать мне не мешайте,
60 Как дело кончу...

Ж е н щ и н а

Да скажи на милость,
Что к чтению вдруг тебя так пристрастило
И что, скажи, хорошего есть в книгах?

М и х а и л

О, много! много! матушка!

Ж е н щ и н а

Да что же?

М и х а и л

Не знаю, как сказать, а только хорошо.
Когда я в первый раз взял книгу
И начал буквы разбирать —
Почувствовал я в сердце радость,
Готов был с книгой умереть!
60 Глаза мои к словам прильнули,
Душа их смыслом увлеклась;
Я дальше, дальше, — всё другое,
И всё так чудно-хорошо!
Куда, я сам не знаю, мысли
Меня манили за собой,
И вот с тех пор люблю я книги
И буду их читать всегда!

С т а р и к

Да что же толку? Ты ведь будешь
Крестьянином таким же, как и я,
70 А я не знаю в книгах ни бельмеса,
Да прожил век не хуже грамотея.

Ж е н щ и н а

Ась?

М и х а и л

Я слышал, батюшка, и в книгах
Читал, что есть такой народ,
Который знает всё на свете:
Считает звезды в небесах,
Всё, на чем свет стоит, изведал
И, как вертётся свет, постиг...
Таких, слышь, в Питере немало,
И всем им там большой почет,
80 Какого немцам не бывало:
Сама царица их блюдет!

С т а р и к

Так что же в том: не хочешь ли и ты
Таким же быть заморским колдунишкой?

М и х а и л

Признаться, батюшка, я думал,
Когда бы ты позволил мне,
Поехать в Питер, обучаться
Охота забирает страх...
Об этом мысль не оставляет
90 Меня; попробовал бы сам
Писать такие же я книги...

Ж е н щ и н а

Вот что затеял, вот те раз!
Еще он смеет озорничать!
Пусти его, вишь, в Питер: хочет он
Учиться, а отца и мать
Покинуть.

С т а р и к

Не годится, Миша,
Такие думы замышлять; и что
С них проку? Лучше хлеб насущный
100 Ты честно добывай, крестьянином живи,
Куда уж нам до мудрости столичной!
Ты там себе пристанища не сыщешь,
Умрешь там с голоду...

М и х а и л

Я рад

Всё претерпеть, лишь можно б было
Мне там в училище вступить, —
О, как бы я учиться начал!
Всё б для науки я забыл!
Мне, право, батюшка, порой
На ум идет, что без науки
Могу я умереть со скуки, —
Давно уж я грущу душой.
110 Все книги, что отец Никифор
Оставил мне, уж я прочел,
Почти уж выучил на память,
А жить без книг я не могу...
Свези же в Питер, мой родимый,
Меня, и в школу там отдай!
Я скоро выучусь, приеду
И с вами снова буду жить!

С т а р и к

(строго)

Откуда ты набрался этой дичи?
Не смей об этом больше говорить!
120 Мальчишка, ты не понимаешь дела...
Знать, этого ты духу набрался
Из книг; подай — я их все спрячу;
Отдам тогда, как будешь поумней!

М и х а и л

(умоляющим голосом)

Пусти учиться!

Ж е н щ и н а

Ась!

М и х а и л

Хоть книги-то оставь!

С т а р и к

Подай сюда иль сам возьму их, ну!

Михаил с отчаянием подходит к углу, в котором образ, берет книги и дрожащими руками подает отцу.

М и х а и л
(в страхе)

Оставь хоть две!

С т а р и к

Нет, ты избаловался:
Работать не работаешь, шалишь,
Да дичь еще такую замышляешь!

Ж е н щ и н а

Знать, правда, что недобр тот человек,
130 Который возится с нечистой силой книжной!
Я, грешная, отроду не читала,
Да и читать не приведет господь,
Хоть до седых волос уж дожила я;
А он молокосос!..

М и х а и л

Ах, матушка! за что
Все на меня? Как я теперь несчастен!..

С т а р и к

Из головы дурь выкинь, помогай
Работать мне прилежно, приучайся
Хлеб добывать трудом, и помни век,
140 Что не бывать тебе, пока живу я,
В столице, не видать поганых книг!
Иди же, спи спокойно!..

М и х а и л

Ах, родимый,
Могу ли спать спокойно? Хоть одну
Исполни просьбу: я..

С т а р и к
(строго)

Не смей и говорить!

Михаил заливается слезами,

СЦЕНА 2

Поле. Вдали лес. Вправо большая дорога.

М и х а и л

(один)

День ото дня мне тяжелей:
До вечера от утра за работой,
Которая не по сердцу, сижу;
Отец за мной так строго смотрит,
Все книги спрятал, а без них
Мне тяжело, скучно, я страдаю...
150 Бывало, так легко душе,
Когда я чтением занимаюсь,
Стараюсь разгадать: зачем
И почему написано в ней то-то
Или другое? Время так летит,
Не замечаю я его теченья...
Бывало, мысль надеждой занята,
Что я учиться буду, буду сам писать,
Что не простым я буду человеком
И, может быть, других перегоню...
180 Что и отца и мать утешу я
Собою, облегчу их участь...
И всё-то вдруг пропало, разлетелось:
Крестьянин я, крестьянином умру!
Отец не понимает пользы своих
И отпустить меня не хочет в Питер...
А надо мне учиться, самому
Приняться сочинять, да, надо!
К тому назначен я судьбой и знаю,
Что говорил мне тот небесный вестник,
170 Во сне который посетил меня!
Он мне сказал: «Высок удел,
Который для тебя назначен,
Иди, лишь не кривым путем,
Будь честен, добр, покорен, прямодушен,
К чужому зависти не знай:
И своего довольно будет!
Учись прилежно, силы все
Употребь ты на науку,
Иначе будешь мужиком!»

180 И вдруг пропал; тут на меня
Повеял запах ароматный...
Сначала я не понимал,
Что делать; после догадался,
За книгу взялся в тот же час
И с той поры всё думал, думал,
Как бы учиться, как бы мне
Моей судьбины не прогневать!..
Читал прилежно и порой
Стихи сам пробовал писать я,
190 И так тогда я весел был!
Теперь надежды я лишился.
Что делать мне?

По дороге проезжают несколько путешественников.

Счастливым пути!
Они, быть может, едут в Питер!
А я, я должен здесь грустить
И не учиться, не послушать
Того, что сон мне предсказал!
О, что мне делать! я просил
Отца раз пять — не отпускает
И не отпустит; бредом он
200 Зовет мои предположенья...
А доказать я не могу,
Что он ошибся! Как же быть?
Как в Питер мне попасть? не знаю!
Когда б не гневался отец,
Тихонько б я ушел отсюда!
Но как? дороги не найду!

По дороге проходят несколько пешеходцев.

Они идут... а что же я,
Ходить тож, кажется, умею.
Спрошу, где, как?.. язык ведь есть!..

(В ужасе)

210 А мать, отец? Оставить их
На сокрушенье, на рыданья?
Они меня балуют так,
Лишь на меня у них надежда...

Уйду. . . покоя их лишу,
Они почтут меня погибшим! . .

(Решительно)

Пусть так. . . но я им докажу,
Что не погиб я, ворочусь я
Ученый, умный, ото всех
Почтен, с чинами и с богатством,
220 И пусть бранят тогда меня
За то, что я от них укрылся!
Иду. . . о, господи, прости,
Что я родителей оставляю,
Что не послушался я их!
Иду, иду! . .

По дороге проезжают извозчики с кладью. Михаил идет к ним.

Спрошу, где Питер,
На первый раз хотя у них. . .

(Обращается к извозчику.)

Где в Питер мне пройти поближе,
Скажи, старинушка?

И з в о з ч и к

Что, свет?

Да ты зачем идти туда намерен?
230 Ведь Питер-то — отсюда не видать!

М и х а и л

(в замешательстве)

Да так, мне надобно. . . Скажи,
Пожалуйста, скорей!

И з в о з ч и к

Так ты не шутишь?

М и х а и л

До шуток ли?

И з в о з ч и к

Да как же ты пойдешь,
И что тебе идти-то за охота?

М и х а и л
(в сторону)

Ах, боже мой! что ж я ему скажу?

(Вслух)

Пожалуйста, скажи, — там у меня родные,
А здесь я сирота!

И з в о з ч и к

Теперь я понимаю...

Да только всё того мне не понять,
Как ты дойдешь? Ведь ты и мал, и беден!

М и х а и л

240 Дойду, дойду...

И з в о з ч и к

Пристанешь, захвораешь!

М и х а и л

Нужды нет!

И з в о з ч и к

Жалко мне тебя...

Садись на воз, я подвезу покуда.

М и х а и л

(садится с веселой улыбкой)

Вот видишь: ты тужил,

Как я дойду, а первый сам помог мне, —
На свете не без добрых, знать...

И з в о з ч и к

И не без злых!

(Ударяет кнутом по лошади и уезжает вместе
с Михаилом.)

Входит старик, отец Михаила, и за ним жена его.

С т а р и к

Да где же наш Михайло? Что за пропасть,
День целый я ишу его напрасно, —
Помилуй бог, уж не пропал ли он?
Искал, искал, ну так, что утомился!

Где он? Не в Питер ли ушел, шалун,
 Не утонул ли, не упал ли в яму? ..
 О господи! как сердцу тяжело!
 Как будто должен я его лишиться!

Ж е н щ и н а
 (входит)

Ах, горе, горе! мы его лишились.
 Искала я везде, и у соседей
 Я спрашивала — нет. . . О боже мой!
 Да где же он? да что же с ним случилось!

С т а р и к

Везде искала — нет! О, страшное сомненье
 Исчезло! Новою бедой господь
 260 Карает нас: его святая воля!
 Одна была надежда — миновалась. . .

Ж е н щ и н а
 (плачет)

Пропала наша лучшая надежда.

С т а р и к

Один был сын — и тот недолго был!
 О горе, горе нам, старуха!

Ж е н щ и н а

Горе, горе!

Плачут отчаянно; занавес опускается.

ЭПИЛОГ

Действие происходит через пятнадцать лет. Кабинет, великолепно убранный. Ломоносов сидит в задумчивости, сочиняя стихи.

Л о м о н о с о в

Ну, это будет хорошо. . . Что ж дальше?
 Подумаю, так что-нибудь придет. . .

(Думает.)

Нет ничего. . . На мысль воспоминанья
 Приходят, я их разбудил стихом.

«Как прошлое для нас заманчиво и ново!»

Давно ль еще я был совсем не то!
 Я помню, был когда-то я в деревне,

Читал псалтырь и сказку о Бове
И приходил в восторг от разной дряни.
Я помню, как отец меня бранил
За леность, за любовь к науке. Он
Не верил ни учению, ни людям
И был уверен, что ученье вздор!
Покойный сон страдальческому праху —
Тяжелый крест он до могилы нес,
280 И жаль, что весть отрадная о сыне
Не усладила дней его последних.
А мать моя, — она меня любила,
Хоть тоже от нее за книги доставалось!
А как я их ужасно огорчил,
Когда вдруг скрылся из дому. . . Как много
С тех пор со мной случилось перемен!
Трудов немало перенес я:
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
290 Дороги сам себе искал.
Сам шел всегда без руководства,
Век делал то, что честь велит,
И не имел хоть благородства,
А благородней был других. . .
Зато достиг своих желаний,
Учиться дали средства мне —
Я быстро шел путем познаний
И на хорошем был счету. . .
И вот я шел да шел, трудился,
300 Свой долг усердно исполнял
И этим кой-чего добился:
Теперь я тот же дворянин!
Но это всё еще ничтожно,
Совсем не этим я горжусь,
Такое титул всем возможно.
Горжусь я тем, что первый я
Певец Российского Парнаса,
Что для бессмертья я тружусь. . .
Горжуся тем, что, сын крестьянский,
310 Известен я царице стал
И от нее почтен вниманьем
И ей известен, как пиит.
Горжуся тем, что сердце россов

Умел я пеньем восхитить,
Что сын крестьянский Ломоносов
По смерти даже будет жить!

1840 (?)

154—156. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ «УТРО В РЕДАКЦИИ» >

1

Чуть проснешься, нет отбоя
От задорливых писак,
Не дают тебе покоя,
Жгут сигары и табак,
Предлагают вам услуги,
Повестцу вам принесут
И, как будто на досуге,
С жаром вам ее прочтут.
Тот пучок стихотворений
10 Вам изволит предлагать, —
Сам не знает ударений,
А ударился писать.
Тот свою дрянную сказку
Подает в десятый раз:
«Я поправил тут завязку,
Стал короче мой рассказ».
Тот с безграмотной статьею
Силой ломится к вам в дверь:
«Извините — беспокою,
20 Но последний раз теперь».
Тот придет с пиесой дикой:
«Прочитать я вас прошу,
Человек-де вы великой,
Вашим мнением дорожу» —
И начнется искушенье. . .
И пойдет тут кутерьма.
Просто сущее мученье,
Ходишь точно без ума.
Тут клянешь литературу,
30 Проклинаешь сам себя;
В лапах держишь корректуру,
А *держать* ее нельзя.

А тут смотришь — вдруг газеты
Новый номер принесут,
В нем тебя сживают с света,
По карману больно быют. . .
А тут смотришь — гневный фактор
Впопыхах к тебе бежит:
«Господин, дескать, редактор,
43 Типография стоит!»
Как-нибудь гостей проводишь,
Над статьей начнешь корпеть,
Что попало производишь,
Только б к сроку подоспеть!
Вдруг. . . о, страх! толпою гости,
Как враги, нахлынут вновь.
От досады ноют кости,
Приливает к сердцу кровь.
День проходит, день потерян. . .
60 Заглянуть беда вперед;
На другой день — будь уверен —
То же самое пойдет!

2

Как скучны эти господа!
Жить не дают совсем в покое.
Придут и сядут без стыда,
Болтают битый час пустое,
А ты тут думай: вот беда!
Я не один, и нас не двое.

3

А завтра публика что скажет?
Она меня же обвинит!
Кто правоту мою докажет?
Кто ей всё дело объяснит?
Кто скажет ей, что на рассвете
Я встал, забыв и сон и лень,
И что на нашем белом свете
Мне ежедневно — *черный день?*

<1841>

157—160. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ
«ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ —
ДЕВУШКИ ПОД ЗАМКОМ НЕ УДЕРЖИШЬ» >

1

На объявленья ловят нас,
Кто нынче их не рассылает...
О новой книге в день пять раз
Книгопродавец объявляет...
Все деньги шлют за новизну,
Спеша прочесть ее во здравье,
А получают старину,
Где ново — только лишь заглавье.
Врачи зубные о зубах
Кричат немало и кричали,
А между тем не дай аллах,
Чтоб мы к ним на зубы попали.
Очки вам оптик продает,
Слепцы в которых видеть станут, —
А кто их купит, тот поймет,
Что он оптически обманут...
Какой-нибудь мосье Гримо,
Недоучившийся повеса,
Берется с глаза снять бельмо,
А сам не смыслит ни бельмеса.
Вот объявленья! Вот они!
Сказать не будет неприлично,
Что объявленья в наши дни —
Легчайший способ врать публично!

2

Жизнь нашу тратя на химеры,
Весь век мы все до одного
На разнородные манеры
Вертимся *около того*...
Чиновник, чтобы подслужиться
Там, где есть польза для него,
И повышения добиться, —
Вертится *около того*.
Тот на красавице женился
Для утешенья своего;

Вдруг знатный друг к нему явился,
Вертится *около того!*
Писатель раз умно напишет,
Так, что похвалят все его,
Да после тем же всё и дышит,
Вертится *около того.*
Жених невесту так голубит,
Ее хранит как божество —
Подумаешь: ее он любит, —
Вертится *около того.*

(Бьет по карману.)

Тут, впрочем, нечему дивиться,
Мудреного нет ничего:
И мир-то, кажется, вертится
Весь *около того!*

3

Доктора свои находки
Сыплют щедрою рукой:
Лечат солью от чахотки
И водой от водяной.
Прежде этими вещами
Добывали мы доход,
А теперь не рады сами,
Что пустили воду в ход.
Времена для нас плохие,
Мы теперь хоть волком вой:
Не зовут уж нас больные,
Сами лечатся водой.
И недужных, и уродов —
Всех вода лечить взялась,
И теперь *водопроводов*
Тьма на свете завелась.
В бога здравья воду тянут,
Воду тянут, как вино,
И уж скоро в море станут
Без помехи видеть дно. . .
Не дождутся злого году. . .

Как во всех концах земли
Всю до капли выпьют воду —
Сядут раком на мели!

4

Наш мир — театр. На сцене света
Играть нам роли суждено,
В репертуаре жизни этой
Пьесы те же уж давно:
Любовь — ошиканная драма,
Честь — историческая быль,
Приязнь — на век наш эпиграмма,
И *Совесть* — шутка-водевиль.
Мы в жизни бенефицианты.
Вся трудность в том, что надо знать,
Чтоб показать свои таланты,
Какую пьесу разыграть:
В *Любви* и *Дружбе* мало смеху,
От *Чести* выгодой не льстись,
А *Совесть* дай толпе в потеху, —
Так схватишь славный бенефис!

<1841>

161—164. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ
«ФЕОКЛИСТ ОНУФРИЧ БОБ,
ИЛИ МУЖ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ» >

1

Табак противен модным франтам,
Но человек с прямым умом,
Писатель с истинным талантом
Живут, как с другом, с табаком.
Нос образованный и дикий
Его издревле уважал,
И даже Фридрих, муж великий,
Табак в карман жилетный клал.

Наполеон пред жарким боем
Им разгонял свою тоску, —

И вряд ли б он прослыл героем,
Когда б не нюхал табаку.
Табак смягчает нрав суровый,
Доводит к почестям людей:
Я сам, винюсь, через бобковый
Достиг известных степеней.

Табак, наш разум просветляя,
Нас к добродетели ведет,
И если, трубку презирая,
Весь свет понюхивать начнет —
Добро, как будто в мире горнем,
Здесь процветет с того числа
И на земле табачным корнем
Искоренится корень зла!

2

— Что это за история?
Во что ты наряжен? . .

— Купил в столице с горя я
Французский балахон. . .
Там все творят магически:
Лишь в Английский придешь —
Нарядят эластически
Уродом, и пойдешь.

Одежда хоть престранная,
Не стоит ни гроша,
Но так как иностранная,
Так очень хороша!
Метода басурманская
На свете завелась:
Смола американская
Повсюду разлилась!

Вы, жители пустынные,
Лишь любите свое;
А там так всё резинное:
И люди и житье!

Там каждый страшно тянется,
Чтоб честь приобрести:
В резине ловко кланяться —
За то она в чести. . .

3

Погибель разрушителю
Блаженства моего!
Пойду к градоправителю
С прошением на него!
Со мной сыграл ты шуточку
И честь мою задел,
Теперь под нашу дудочку
Напляшешься, пострел!

Мужьям в наш век решительно
Стеречь должнó жену:
Вот как неутешительно
Бросать ее одну!
С родимыми пенатами
Чуть-чуть ты разлучен —
И хватами усатыми
Весь дом твой окружен.

4

Приятные мечтания
Я в сердце заключал,
День бракосочетания
Я лучшим почитал. . .
Вдруг мне судьба повесила
Беду на шею вновь:
Жена закуролесила.
И как ведь? стынет кровь!

Не знал я прежде ревности,
Сей губельной чумы,
От коей гибли в древности
Великие умы, —

Теперь я как помешанный.
Мне нужен мщенья лавр,
Понятен мне ты, бешеный
Венецианский мавр!

<1841>

165. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ «АКТЕР» >

И вот как у нас понимают искусство!
Вот как на жрецов его люди глядят:
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства, —
За то тебя именем шута клеймят!
Талант твой считают за ложь и обманы:
Понять его — выше их сил и ума.
Им нет в нем святыни, для них шарлатаны
И Гаррик, и Кин, и Лекень, и Тальма!

<1841>

**166. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ
ВЛЮБИТЬСЯ В АКТРИСУ!» >**

Ах, как мило! ах, как чудно —
Быть актрисой, всех пленять,
Над толпою многолюдной
Каждый день торжествовать! ..
Чуть на сцену — все лорнеты
На тебя устремлены,
Генералы и корнеты —
Все тобой поражены!
Тот стишки тебе скропает,
Тот срисует твой портрет,
Тот с любовью предлагает
На придачу фунт конфет.
Не играешь — балагуришь,
Будь дурна хоть выше мер. . .
Глазки сделаешь, прищуришь,
И захлопает партер!

<1841>

167. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ «ДЕДУШКИНЫ ПОПУГАИ» >

Чтоб о женщинах понятия
Сын ваш как не разгадал,
Я всех женщин без изъятья
Из истории прогнал. . .
Клеопатру, Феодору,
Катерину Медичи —
Всех без счету, без разбору
В шкаф я запер на ключи,
Сам об них молчал как рыба,
Но и тут брала тоска, —
Благо в нем еще, спасибо,
Кровь не слишком-то жарка.
Есть такие забияки,
Что запри их хоть замком,
Словно гончие собаки,
Слышат женщину чутьем!

<1841>

168. АКТРИСА

На сцене я для всех загадка:
Иначе действую, хожу,
Смотрю так весело, так сладко,
Что хоть кого обворожу.
Но посмотрите за кулисы,
Там изменяюсь я тотчас —
Театр, актеры и актрисы
Не то на деле, что для глаз!

Что вас в театре занимает,
Что вас из кресел и из лож
Так веселит, так поражает —
Всё подражание, всё ложь!
У нас поддельные картины,
Умны мы — от чужих речей,
Природа наша — из холстины,
А солнце наше — из свечей.

Рассчитаны движенья наши.
Суфлер — вот наше волшебство,
И сами мы, кумиры ваши, —
Актеры, больше ничего!
За нами можно волочиться
В честь нашей славы и красе,
Мы даже любим тем гордиться —
Мы те же женщины, как все.
Поклонников у каждой вволю,
На сцену явится едва!
И на мою, признаться, долю
Их также есть десятка два!

Они болтливы все, любезны,
И даже остры на полдня,
Притом они мне и полезны:
Они так хвалят все меня!
В честь мне дрожат в театре стены
От их здоровых, крепких рук,
А я за то порой со сцены
Им глазки делаю — всем вдруг!

<1841>

169. < ИЗ ПОВЕСТИ «В САРДИНИИ» >

Если жизнь ослепит блеском счастья глаза,
Даст на счастье обет,
Да изменит... солжет... и наступит гроза, —
Есть терпенье для бед,
Есть для горя — слеза!

Если тот, с кем делить ты все тайны привык,
Чью ты руку сжимал,
Вдруг обидит тебя иль предаст хоть на миг, —
Есть для мести — кинжал,
Для проклятья — язык.

И на всё и за всё оживляющий вносъ
В чем-нибудь есть ответ...
Лишь ничем не зальешь страстью полную кровь, —

Гамм ответных нет
Без любви на любовь!

Под балконом тебя сколько черных ночей
Я стерег от измен.
Сколько взоров кидал я к тебе из очей,
Сколько спел кантилен! —
Нет ответных речей!

Подожду... и уйду, как земле возвратят
Светлый день небеса...
Но уж завтра сюда не вернусь я назад...
Есть для горя — слеза,
Для отчаянья — яд!

<1842>

170. ПЕСНЬ МАРИИ

(Из драмы «Материнское благословение»)

В хижину бедную, богом хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцелую любимую,
С добрым отцом обнимусь?
Бледная, страшная, в грезах являлася
Мать моя часто ко мне,
И горячо я с мечтой обнималася,
Будто с родимой, во сне! . .
Сколько, я думаю, к горю привычная,
Мать моя слез пролила. . .
Если б отсюда она, горемычная,
Речь мою слышать могла,
Я закричала б ей, — пусть не пугается:
«Жизнь для меня не тошна.
Матушка! дочь твоя с горем не знается:
Замуж выходит она!»

<1842>

171. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ «КОЛЬЦО МАРКИЗЫ,
ИЛИ НОЧЬ В ХЛОПОТАХ» >

Недолго нас незнание мучит, —
Чуть закипит огонь в крови,
Сейчас же сердце нас научит
Всем тайнам языка любви.
Не верьте, если уверяем,
Что не понять нам слов иных,
А сами взоры потупляем,
Краснеем при намеках злых.
Притворство явно и безбожно!
Зачем бы взоры потуплять?
Того стыдиться невозможно,
Что невозможно понимать!
Нам всё понятно чрезвычайно,
И существует под луной
В шестнадцать лет одна лишь тайна...
А иногда — и ни одной!..

<1842>

172. ПОРТРЕТЫ

1

Суд современный, грешный суд —
В нем судьи слепы, словно дети,
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий!
Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
10 Редает, чуть не исчезает!..
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

Подчас войдет случайно в моду
 Поэт, актер иль музыкант,
 Который сам не думал сроду,
 Что дал господь ему талант.
 Но вот о нем все закричали
 И докричались до того,
 Что бюст счастливица изваяли,
 20 Великим прозвали его. . .
 А он? . . Он с бюстом чудно сходен:
 Он так же точно, как и бюст,
 Формально никуда не годен,
 Ни в чем не грешен, тих и пуст!

С кого не пишем мы портретов? . .
 Богач, без мозга, без души,
 Нам задал несколько обедов —
 Скорей портрет с него пиши!
 Тотчас чудес о нем наскажут,
 80 Опишут жизнь его в два дни
 И исторически докажут,
 Что он Горацию сродни.
 Полна хвалами биография,
 Где строчка каждая ложна
 И где жена его Агафья
 Агатой важно названа. . .

Иной полвека делал зло,
 Труслив, бессовестен, продажен,
 Но счастье плуту повезло,
 40 И вдруг он стал спесив и важен.
 У всех поклонников своих
 На стенках тщательно повешен,
 Он на портрете добр и тих,
 Как агнец, кроток и безгрешен,

Но разгляди его вполне,
В оригинале — не в картине:
Ему б висеть не на стене,
Ему висеть бы на осине!

5

Иной, напротив, щедр и знатен,
50 Прилично вел себя всегда,
И громких дел, и черных пятен
Равно душа его чужда.
Он добр и пуст, и слава богу!
Ему зевать бы да толстеть,
Но и к нему нашло дорогу
Желанье — в рамке повисеть.
Занятий не берет он в руки,
Чужим умом дела ведет,
А сам от праздности и скуки
60 Свои портреты издает. . .

6

Какой-нибудь писатель странный
Во сне увидит сгоряча,
Что он из тысячи избранный,
И ну писать, писать сплеча!
Почуяв лавры над главою,
Тотчас он тиснул свой портрет,
С улыбкой гордою и злою,
«Как Байрон, гордости поэт».
Но байроническою миной
70 Он никого не удивил. . .
Он поросенка в коже львиной
Напомнил всем — и насмешил!

7

В иной актрисе нет приметы
Ума, таланта и души,
Но пишут все с нее портреты
За то, что глазки хороши.
Актер на сцене фарсирует,

А в частной жизни с ним сойдись —
Облобызает и надует,
80 А ты ему же подивись!
Вот он: портрет его так важен!
Вообразить не станет сил,
Что и душою он продажен,
Да и способностями хил!

8

Суд современный, грешный суд —
В нем судьи слепы, словно дети,
Он то решает в пять минут,
На что потребно пять столетий!
Людей-гигантов каждый год
90 У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! огромная толпа
Редает, чуть не исчезает!..
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

<1842>

173. < ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА «РУССКИЙ ПАТРИОТ.
ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ПЕСНОПЕНИЕ...» >

ПРИВЕТ РУССКОМУ ПАТРИОТУ

Умолкни в мире глас наветов,
Склони главу, подлунный свет,
И громко грянь творцу приветов
Нелицемерный свой привет!
Сей дивный муж твореньем новым
Днесь всю Европу огласил
И в нем весь мир *приветным словом*
Без исключенья подарил!
Когда, сознав в душе отвагу,
Свою он книгу издавал,
То даже серую бумагу
Приветом братским обласкал.

И пусть жестокие зоилы
Все скажут: в книге толку нет!
Лишь были б перья да чернила —
И им напишет он привет.
Проснется правда, зла каратель,
Потомство взглянет и найдет,
Что рифм приветственный слагатель
Был гений, «русский патриот».
И если в гору, полный жару,
Его не вывезет Пегас, —
Оно прогоны даст на пару
Для отправленья на Парнас!

1842

**174. < ИЗ РЕЦЕНЗИИ
НА «ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И. СТУПИНА...» >**

У нее, как у страдальца,
Неприятный желтый цвет;
Шириной она в два пальца,
В ней на палец толку нет.
При журнале на узоре,
Может быть, читатель мой,
Вы видали инфузорий —
Вот портрет ее живой!
По формату, по сюжету
Неописанно мала,
Странно, как, на диво свету,
В свет в наш век она зашла!
Всех возможных предприятий
Удивительней она:
Для нуждающихся братий,
Говорят, сотворена.
За усердьё честь и слава
И еще бы кое-что, —
Но, нам кажется, в ней, право,
Не нуждается никто!
Видно, ей погибнуть в мале
Жребий горький предстоит.
Вот, послушайте, в начале
Что наш автор говорит:

«Доселе я не торговал
Небесным даром вдохновенья,
Ни дум, ни чувств не продавал,
Не продавал воображенья.
*Зачем теперь я изменил
Обет души, обет смиренный,
Перо печатью заменил
И в торг пускаюся презренный?»*
(Стр. 7 и 9)

В самом деле, для чего вы
Изменили свой обет?
Сами ж вы, держась основы,
Говорите, наш поэт:

«Кто для земных, для мелких нужд
Продаст небесный дар за злато,
Корыстолюбия не чужд,
Готов платить святою платой
За хлеб, за *деньги на вино*, —
Ужель в душе его презренной
Есть чувство светлое одно,
Ужель певец он вдохновенный?»
(Стр. 17 и 18)

Но пора беседе нашей
Положить конец давно,
А то больше книги вашей
Выйдет взгляд наш неравно.
В заключенье допустите
Вам совет полезный дать:
Строже впредь обет храните —
Грех обеты нарушать!

1842

175

Еще звено от цепи вековой
Оторвалось и с грохотом упало
Туда, где всё берет свое начало,
Где всё конец находит роковой,
Где спят года и славы и позора.

Еще к вскам забвенным прибыл год —
И нет его! Он снова не придет,
Но нет ему и тяжкого укора!
Что начертал неумолимый рок,
Сбылося то по воле провиденья:
    Не он был скуп на наслажденья,
    А жребий мира был жесток!

<1843>

176. КАБИНЕТ ВОСКОВЫХ ФИГУР

ИЗ ВЕНЫ, В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОСТ,
СОДЕРЖАЩИЙ БОЛЕЕ 125 ЧАСТНО ВРАЩАЮЩИХСЯ ФИГУР
ИЛИ АВТОМАТОВ, ГРУПП И ИЗОБРАЖЕНИЙ
ПРЕДМЕТОВ ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ,
ИЗ КОИХ МНОГНЕ ЦЕЛЫЕ ИЗ ВОСКУ

*Каждый день с 4 до 9 часов пополудни
показываются публике
при великолепном освещении*

Кто не учился в детстве в школах,
Историй мира не читал,
Кто исторических героев
В натуре видеть не желал,
И кто в часы уединенья,
В часы вечерней тишины
Не рисовал воображеньем
Картин героической старины?
Чтоб оживить свои идеи,
10 О чем мечтала старина,
Так вы идите в галерею,
Идите в дом Осоргина.
Там всё, что умерло и сгнило,
Мы оживили навсегда.
Оно и дешево и мило:
Ей-ей, смотрите, господа!
Чем вам по Невскому слоняться,
Морозить уши и носы,
Идите с прошлым повидаться,
20 Смотреть истлевшие красоты.
Там целый ряд былых деяний
Людей умерших и живых
Предстанет в пышных одеяньях
В лице героев восковых.
Вы их с вниманьем рассмотрите, —

Довольны будете собой,
Притом художнику дадите
За труд награду с похвалой.
Взойдете — прямо перед вами
20 Стоит задумавшись один,
Тальма, прославленный людьми,
Французской сцены исполнин.
Его французы все любили,
Он их героев представлял;
Как мы их лица оживили,
Так он их страсти оживлял.
Иван Иваныч Штейнигер-с
С саженой бородой,
Он был в немецком городе-с
40 Когда-то головой.
А вот Вильгельм Васильевич
Тель, парень молодой;
Он славно дрался с немцами
За город свой родной.
Он — штука не последняя —
В историю попал,
Хоть в жизнь свою истории
Ни разу не читал.
А жил-то он в Швейцарии
50 В то время, когда там
Жил Геслер, злой правитель их,
Всех щелкал по ушам.
Там этому-то Геслеру
Тель как-то нагрубил.
У Теля сын был маленький,
Отец его любил.
Ну, Геслер и велел ему,
Чтоб в сына он стрелял
И яблоко с главы его
60 Стрелой своею снял.
С тоскою Тель прицелился,
Вдруг воздух завизжал,
Все вскрикнули от радости —
Он в яблоко попал.
Всё это здесь представлено,
Всяк сделан как живой:
Сам Геслер, Тель, жена его,

И сын, и тесть седой —
Картина интересная.
70 Да что тут толковать,
Придите, так увидите —
Мы рады показать.
Вот лорд Кохрен, британец храбрый,
Одет в пурпуровый мундир;
И с ним Миаули отважный,
Известный греков командир.
И предводитель фильбелинов,
Искавших счастья людей
И храбро дравшихся за греков
80 Для славы собственной своей;
Фабвье, полковник знаменитый,
Порядку греков он учил,
От императора французов
Он крест французский получил.
Встречался с турками он редко,
Да больно турок не любил,
Хотя и редко, да уж метко
При каждой встрече колотил.
К ним турка смуглого с посланьем
90 Паша египетский прислал,
Тот турок, полн негодованья,
Вождем посланье отдавал.
А здесь рожденный для короны,
Еще в младенческих летах,
Представлен сын Наполеона
У юной мамки на руках.
С дитяти глаз она не сводит,
Его лелеет, веселит,
С ним на руках весь день проводит,
100 Всю ночь у ног его сидит.
Смотрите больше на ребенка:
Печать несчастья на нем,
Рейхштадтским герцогом он умер,
Родился римским королем.
А здесь царевна молодая
Во всей красе, во цвете лет,
С тоскою взоры устремляет
В последний раз на божий свет.
Пред нею, преклонив колена,

- 110 Стоит Мельвиль, седой старик,
Товарищ гибельного плена,
Главою грустною поник.
Вокруг, в тревожном ожиданьи,
С слезами фрельны на глазах
Сидят, прощаясь до свиданья
В блаженной жизни, в небесах.
Вот графы Кентский и Шревсбури,
И мрачен их печальный взор,
Они несут, как тучи бурю,
120 Царевне грозный приговор.
Еще вблизи от эшафота,
С улыбкой зверства на устах,
Стоит отверженец народа,
Палач с секирою в руках.
При первом взгляде на картину
Все фибры сердца задрожат,
Ведь это страшная кончина
Несчастной Марии Стюарт!!
Ах, вот еще про этого,
130 Совсем было забыл,
Когда взойдете в двери вы,
Тут немец прежде был,
Сидит он, как оглянетесь,
Весь в черном, небольшой,
Так вы ему не кланяйтесь,
Он мертвый, восковой.
Знать, это Шульт, хозяин сам,
Сначала думал я,
Да что-то больно пристально
140 Он смотрит на меня.
Тут я и образумился —
Знать, это не живой,
Взглянул тотчас же в книжечку:
Ах точно, восковой.
Он Пальмом прозывается,
В Нюрнберге прежде жил,
Да книжечку какую-то
Про немцев сочинил.
Книжонка-то пустячная,
150 Да франков он ругал,
Так автора несчастного

Француз и расстрелял. —
А вот, пленительна как счастье,
Стройна как дикая сосна,
Царица неги, сладострастья
Сидит, детьми окружена.
Она бела, как снег ваш хладный,
Как ваши зори, румяна,
Как летний вечер ваш, отрадна,
160 Как цвет полуденный, нежна.
Кто молод, в ком бушуют страсти,
Кто их не в силах победить,
Кто любит негу сладострастья,
Кто может пламенно любить, —
Вы не ходите в галерею,
Не пробуждайте сердца сон,
Не оживить вам Галатею,
Как оживил Пигмалион.
Венера сердцем овладеет,
170 Все чувства страсти пробудит,
Она и старость разогреет,
А юность? — в прах испепелит.
    А здесь две старушоночки
    Танцуют менуэт.
    Величиной с котеночка,
    А 70 лишь лет,
    И рожицы умильные,
    Улыбка на устах,
    Старушки щепетильные,
180 Смешны ну так, что страх!
Ну вот и Кант, философ славный,
А вот и Лютер, Меланхтон,
Вольтер, писатель презабавный,
Сатирик злой и атеист.
А здесь сидит его патрон,
Великий Фридрих, бич австрийцев,
Король, писатель и артист.
О вы, седые дипломаты,
О вы, читатели газет,
190 Есть и для вас в моей палате
Презанимательный предмет.
Сюда, сюда, Кузьма Петрович,
Сюда, сюда, почтенный Шпак,

Взойдите прямо и смотрите,
 Немного вправо, точно так:
 Преинтересная картина —
 Пред вами рядышком стоят
 И черноокая Христина,
 И черноусый Фердинанд. —
 200 Хотите видеть в отдаленьи
 От пульей, ядер и огня
 Картину грозного сраженья
 И смерть французского вождя, —
 Смотрите: бледный, помертвельный,
 На трупe бранного коня
 Лежит Моран, беспечно смелый,
 Средь грозной битвы и огня.
 Он был убит под Люнебургом,
 Который храбро защищал,
 210 И эту сцену в Петербурге
 Теперь кто б видеть не желал?
 Смотрите ж, вот она: всё мрачно,
 Вождя любимого всем жаль,
 На лицах воинов бесстрашных
 И безнадежность и печаль,
 А их доспехи боевые
 Сребром и золотом горят,
 Все эти лошади — живые,
 Все эти люди говорят!
 220 А здесь Махмуд, султан турецкий,
 Среди наложниц молодых,
 И азиатских, и немецких,
 И итальяночек живых.
 Потом Антония-девица,
 Она с усами, с бородой,
 Хотя с усамн не годится
 Ходить девице молодой.
 А вот и тот, кто целый мир
 Геройской славой изумил,
 230 Пред кем Европа трепетала,
 Чье слово чтилось как закон,
 Чье имя храбрых ужасало,
 Кто прежде был Наполеон.
 Но смерть героя не щадила.
 Как он при жизни не щадил, —

Она великого сразила,
Как он всю жизнь свою разил;
Под пышным черным балдахином
Лежит герой Наполеон,
240 Вокруг его стоят уныло
Маршал Бертран и Монтолон,
Вокруг развешены знамена,
Трофеи славы и побед,
Под ними меч Наполеона,
Который знает целый свет.
Кто ж это в бархатной скуфейке,
С крестом французским на груди,
Сидит так смиренно на скамейке,
На гроб так пристально глядит?
250 То славный Гете современник,
Писатель с чувством и умом,
То славный веймарский советник
Виланд, вы знаете об нем;
Виланд и Гете нам знакомы,
И город Веймар нам сродни,
Под сенью царственного дома
Они так пышно расцвели.
Как сердцу русскому не биться,
Припомнив город нам родной,
260 Его державная царица
Была российской княжной.
А здесь Франклин — в года былые
Он много истин нам открыл,
Открыл отводы громовые
И молний злобу усмирил.
Кто это кроткое создание,
Кто эта дивная жена,
За что на горе и страданье
Она судьбой обречена?
270 Каким небесным выраженьем
Горят прекрасные глаза,
В чертах и кротость, и смиренье,
С ресницы катится слеза;
Вблизи страдальцы прекрасной
Истлевший череп и земля
Напоминают ей всечасно
Тщету земного бытия.

Ее назвать я вам не смею,
Она не здешняя жена,
280 Пред нею мир благоговеет,
Она для неба создана! —
    А это просто чучело,
    Стоит такой смешной,
    В старинной шапке с бантиком,
    С небритой бородой.
    Стоит да ухмыляется,
    Как лошадь на овес,
    Да так и заливается,
    Такую дичь понес.
290 Какой-то вальс чувствительный
    Орган его поет,
    Ну просто так разительно,
    Что всякого проймет;
    Из воску весь составлен он,
    А как живой стоит,
    Одно мне в нем не нравится —
    Совсем не говорит.
    Приятно б побеседовать, —
    Он много, чай, видал,
300 Когда с своей шарманкою
    В Неметчине гулял.
    Известно, что в Неметчине
    Не то, что на Руси,
    И бабы словно барыни,
    Поди-ко расспроси!
    Да вот хоть эта барыня,
    Ведь с прялкою сидит,
    А тоже, смотришь, в чепчике,
    Да как еще вертит.
310 Смешная, но преумная,
    Уж видно по глазам,
    Читает, верно, книги всё —
    Да только по складам.
    А вот еще компаньца,
    Прекраснейший народ,
    Картежники да пьяницы,
    Один из них урод,
    Не знает он приличия,
    Зевает за столом —

320 Но, верно, невоспитанный.
И платье-то на нем
Не то, что на хозяине.
Вот этот так дантист,
Носина преогромнейший,
Должно быть что артист.
Одет весьма прилично он,
Да только без очков:
Известно, что красавицы
Не любят старичков.

330 А он вот с этой девушкой
Ну, знаете, тово. —
Да кто не куртизолвал?
Так это ничего.
На свадьбе же серебряной
Не всё ведь только есть,
Жена, старушка дряхлая,
Успела надоесть.
Да к ней же подбирается
Какой-то там чудак,

340 Хоть стар, да, впрочем, кажется,
Что парень не дурак,
Он с розочкою аленькой
Изволит подходить,
А женщине, да старенькой,
Ведь можно всем польстить.
Проклятые картежники —
Отдельный уж народ,
Один из них хоть седенький,
А видно, что урод.

350 К себе он карты лучшие
Изволит подбирать,
Товарищи же вполпьяна, —
Так выгодно играть. —
А . . . баум, ну точно наш,
Такая же биткá,
Как липочку ошиплет вас,
Проворная рука.
Вот здесь так чудо-девушка,
Бела и румянá,

360 Да что-то крепко спит она,
Должно быть что пьяна.

Как смотришь, так и хочется
Смотреть, не свел бы глаз,
Ведь этаких красоточек
Уж не найдешь у нас.
Хоть есть, конечно, славные,
Да знаете, не так, —
Не слишком образованы,
Не скажут слова в смак.

370 А брат-то у красавицы
Уж парень пожилой,
Должно быть, из Японии,
Костюм такой смешной.
Халат на нем поношенный,
Из толстого сукна,
Веревкой подпоясанный,
Как сторы у окна. —
А вот еще оказия,
Ну кто б подумать мог,

380 Ренель, старушка дряхлая,
Родила разом трех.
Мадам Капель из Австрии
Шесть разом родила —
Да, впрочем, баба крепкая
Лет в 30, не стара;
Все мальчики смирнехонько
На столике лежат,
У столика их матери,
Как есть, они сидят. —

390 Вот штука любопытная,
А страшно посмотреть,
Такой ужасной смертию
Не дай бог умереть. —
А рожи все прегадкие,
Смотреть — так страх берет,
Так, кажется, и бросится
Да кожу обдерет.
Ужасная история:
Какой-то граф весной

400 Отправился в Германию
Со всей своей семьей,
Наследство пребогатое
Он ехал получать.

В корчме остановился
 От бури ночевать.
 Давно уж все по комнатам
 Особым разошлись
 И спать, когда всё стихнуло,
 Покойно улеглись;
 410 Вдруг страшные разбойники
 Напали на корчму,
 Сам грозный Гран-Диаволо,
 Нет спуску никому!!
 И старого, и малого,
 И женщин, и мужчин
 Колотят направо, и налево,
 Не спасся ни один.
 Всё живо так представлено,
 Так жалостно глядят
 420 Все графские дитяточки,
 И видно, что кричат.
 Граф, стиснутый злодеями,
 Стоит уж чуть живой,
 Слуга его валяется
 С разбитой головой.
 Тут сам и Гран-Диаволо,
 Сердито так глядит,
 Он держит нитку жемчугу
 И спрятать норовит,
 430 А может быть, и четки то,
 Известно, что бандит
 Сначала богу молится,
 А после уж кутит. —
 Ба, ба, а это что за рожу,
 А это что за генерал?
 Зачем себе и адъютанту
 Он сажай рожу замарал?
 Ах нет, да как бы вам не сажай,
 Его уж бог так уродил,
 440 Ведь это Гейнрих, царь Доминго,
 Что после сам себя убил. —
 Bonjour, madame ¹ Шарлота Гаген,
 И вы, которой целый мир

¹ Здравствуйте, мадам (франц.). — *Ред.*

С таким усердьем восхищался,
Вы, улетевший наш кумир,
И вы, краса, с подмосток сцены
В такое общество пришли,
И вы, прекрасная сирена,
Среди великих сей земли!
450 Вот герцог Брауншвейгский Карл,
Он целый век пропировал.
Здесь Карл X, добрый царь,
Недолго был он на престоле,
На нем он с честью восседал,
Его оставил поневоле.
Леон XII, он добрый
Был церкви западной главой
И замечателен своею
Необыкновенной красотой.
460 А это что за старичок,
Танцует с бабой молодою?
То Жак, тирольский мужичок,
С своей девятою женою.
Здесь жертва варварства и зверства
Великой нации детей,
Погибла средь своей столицы
От рук подвластных ей людей.
То рень Мария Антоанета,
Ее убили в цвете лет.
470 Почтеннейшая публика,
Уж дали вы два рублика,
Так что и толковать,
Как гривны-то не дать?
А фокусы отличные
Представит жид смешной,
Ну точно как естественный,
А он ведь не живой.
Да вам уж эта нация
Известна наперед:
480 Хоть мертвый жид, а за пояс
Он всякого заткнет;
Уж так они рождаются,
С такою головой, —
Другой жиденок маленький,
А вострый ведь какой.

Наш жид ужасный фокусник,
Творит он чудеса,
Как будто бы колдун какой,
Отводит всем глаза.

490 Он сделает вам яйца
Из ягод и плодов
И превратит крыс маленьких
В огромнейших котов;
Придите, так увидите,
Ужаснейший он плут,
Лимоны, сливы, яблоки
В руках его растут.
Пред ним фигурка славная
На столике стоит,
500 Как кончит, так хозяина
За труд благодарит.

Но я обязан в заключенье
Почтенной публике сказать,
Я сам германец, не умею
Стихов по-русски написать,
Просил об этом я другого,
А сам осмелюсь вас просить:
Мои фигуры восковые
Благоволите посетить.

510 Когда угодно приходите,
Мы будем рады всегда,
Собак лишь только не водите
Да не курите, господа.
Шинели, зонтики и палки
Прошу в передней оставлять.
Потом всяк может объективно
По нашим комнатам гулять,
На всё смотрите субъективно,
Прошу руками лишь не брать.
520 От слишком частых потрясений
И кукла может пострадать.
Теперь скажу вам со смиреньем:
Мне честь вас видеть дорога,
Я остаюсь с моим почтеньем
Жан Шульт,

Покорный ваш слуга.

<1843>

1

Как тут таланту вырасти,
Как ум тут развернешь,
Когда в нужде и сырости
И в холоде живешь!
Когда нуждой, заботою
Посажен ты за труд
И думаешь, работая:
Ах, что-то мне дадут!
Меняешь убеждения
Из медного гроша —
На заданные мнения
Глупца иль торгаша.
Преступным загасителем
Небесного огня,
Искусства осквернителем —
Прозвали вы меня.
Пусть так!.. Я рад: губительно
Стремленье ко всему,
Что сердцу так мучительно,
Что сладко так уму.
Я рад, что стал похожее
С бесчувственной толпой,
Что гаснут искры божии
В груди моей больной,
Что с каждым днем недавние,
Под гнетом суеты,
Мне кажутся забавнее
Порывы и мечты...
Я рад!.. О, время тяжкое
Валится с плеч...

.....
Скорей, скорей!.. мучители,
Готов я променять
Завидный чин художника,
Любимца горних стран,
На звание сапожника,
Который вечно пьян.

1843

Нарядов нет — прекрасный пол
 Капризится, тоскует, плачет;
 Наряды есть — прекрасный пол
 Под *потолок* в восторге скачет.

1841, 1843

В понедельник
 Савка мельник,
 А во вторник
 Савка шорник,
 С среды до четверга
 Савка в комнате слуга,
 Савка в тот же четверток
 Дровосек и хлебопек,
 Чешет в пятницу собак,
 Свищет с голоду в кулак,
 В день субботний всё скребет
 И под розгами ревет,
 В воскресенье Савка пан —
 Целый день как стелька пьян.

1843 или 1844

Ужели должен я страдать?
 Ужели мой удел — могила?
 Как догадаться, как понять,
 За что она мне изменила? ..
 Я угождать старался ей,
 Любил так страстно, так глубоко...
 И даже пред свиданьем с ней
 Читал романы Поль де Кока!

1843 или 1844

...И он их не чуждался в годы оны
 И вычитал оттуда, что она
 Курит сигары, носит панталоны
 И с мужем развелась и влюблена
 В какого-то повесу...

1843 или 1844

182—183. < ИЗ ФЕЛЬЕТОНА
 «ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКОГО ЖИТЕЛЯ» >

1

По свету я бродил: повсюду люди тощи
 Рассудком и душой, а телом толстяки;
 Здесь человечество волнуется, как дрожжи,
 И производит — пустяки!

1844

2

Расторгнут наш союз корыстью кровожадной,
 И счастье и любовь судьбина отняла,
 Теперь я слезы лью над банкою помадной,
 Которую *она* на память мне дала.
 Теперь не радость я — позор на сердце чую
 И вот уж третий день не ел,
 И скоро, может быть, туда перекочую,
 Где всем страданиям предел!..

1844

184—185. < ИЗ ФЕЛЬЕТОНА
 «ПЕТЕРБУРГ И ПЕТЕРБУРГСКИЕ ДАЧИ» >

1

А здоровье? Уж не наше ль
 Славно крепостью стальной?
 Но скорее немца кашель
 Схватишь, друг любезный мой.

Здесь и русская натура
Не защита, трень-трава!
Уж у нас архитектура
Летних зданий такова!
Словно доски из постели,
Наши стены толщиной,
И в стенах такие щели,
Что пролезешь с головой.
Дует в спину, дует в плечи,
Хоть закутавшись сиди, —
Беспощадно гасит свечи
И последний жар в груди.
А когда на долы свыше
Благодатный дождик льет,
Не укроешься под крышей —
Он и там тебя найдет.
На дорожках грязь и слякоть,
И, скучая день и ночь,
Ты готов со злости плакать —
Но слезами не помочь!

Но бывают дни в неделе,
Солнце ярко так горит
И приветно во все щели
И в окошко к нам глядит,
И бежишь тут из лачужки
По лесной дороге вдаль,
Чтоб кукуканьем кукушки
Разогнать свою печаль,
Чтоб пред солнечным закатом
На лужайке полежать
И еловым ароматом
Для здоровья подышать,
Чтоб могла тебе природа
Все открыть свои дары,
Чтоб скорей тебя в уroda
Превратили комары...
Отвратительное племя!
Жгут, тиранят и язвят...
И хорошее-то время
Превращают в сущий ад.

В лето крови благородной
Выпьют, верно, самовар.
Ведь комар, мой друг, — природный,
Не б<улгарински>й комар. . .

1844

2

Цветущие нивы, журчащий ручей,
Зеленые рощи да кусты
Далеко, далеко сманили людей,
И даже трактиры все пусты!
Ни хлопанья пробок, ни алых ланит,
Ни криков корысти азартной. . .
И сонный лакей молчалив и сердит,
И плачет маркер в биллиардной,
И гневно ворчит: «Не к добру! не к добру!» —
И вдруг к биллиарду подскочит,
И яростно хлопнет шаром по шару,
И в сотый раз кий переточит.
Лишь изредка тощий чиновник придет
И в «Пчелку» с довольною миной
Уставит глаза; улыбнется, зевнет
И спросит обед в два с полтиной. . .
Лишь изредка купчик, гуляка и мот,
Бутылку шампанского спросит,
Прольет половину, другой не допьет
И слуг удивленных обносит.

. . . . .

На улице пыль, духота, пустота
И запах гниющей капусты,
И даже в любимом театре места
Частенько, поверишь ли? пусты.
Увы! не залучишь веселых гостей

. . . . .

1844

186. < ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА «ВОСКРЕСНЫЕ ПОСИДЕЛКИ» >

При бесталанности стихов ты не пиши
И человечества собою не смеси;
Не славу тем себе, а стыд приобретешь,
Что ты стишищами дубовыми несешь. . .

1844

187—189. < ПАРОДИИ НА СТИХИ
«КАРТОФЕЛЬ, ХАРЧ БЛАГОСЛОВЕННЫЙ. . .» >

1

Крапива! драгоценная трава!
Когда у мужика все кадки пусты,
С тобою щи варят вместо капусты,
И во крестьянстве ты сытна и здоровá!
Ты даже нрав порочный исправляешь
И к трезвости пьянчугу возвращаешь,
Когда на старости, колюча и жестка,
В руках десятского <ты хлещешь мужика>.

2

Устрицы! харч благословенный!
Во время жарости для всех бесценный!
Кто хлебом не нуждается,
Устрицами нередко пропитается.
Устрицы и вкусны, и сытны, и сладки,
Поганства в них нет, и лишь гадки
Те люди, которые врут,
Что устрицы гадость, и устриц не жрут!

3

Артишоки, вот харч благословенный,
В обед и не обед для всех бесценный,
Артишоки и вкусны, и сытны, и сладки,
Поганства в них нет, и лишь гадки
Те люди, которые мнят,
Что артишоки гадки, и их не едят!

1844

1

И СКУЧНО, И ГРУСТНО!

И скучно, и грустно, и некого в карты надуть
 В минуту карманной невзгоды. . .
 Жена? . . но что пользы жену обмануть?
 Ведь ей же отдашь на расходы!
 Засядешь с друзьями, но счастья нет и следа —
 И черви, и пики, и всё так ничтожно.
 Ремизиться вечно не стоит труда,
 Наверно играть невозможно. . .
 Крепиться? . . Но рано иль поздно обрежешься вдруг,
 Забыв увещанья рассудка. . .
 И карты, как взглянешь с холодным вниманьем вокруг, —
 Такая пустая и глупая шутка! . .

1844

2

Грешник великий,
 Ты обратился!
 В черви и пики
 Снова влюбился!
 Вновь предо мною
 Клонишь ты выю. . .
 Ты ль, дерзновенный,
 Думал спастись? . .
 Раб мой презренный,
 Впредь берегися!
 Жатвы богаты,
 Жать не умеешь! . .
 Если врага ты
 Злого имеешь —
 Дерзки поступки
 Брось и смирися!
 Тайны прикупки,
 Тайны ремиза,
 Вражьи уловки,

Сердце их, душу —
Сколько ни ловки, —
Всё обнаружу! . .
Спи же спокойно!
Раньше проснися,
Благопристойно
Принарядися.
Минет день скучный,
Мрак воцарится;
Року послушный,
Сядь равнодушно —
Бойся сердиться!
Бойся свихнуться,
Бойся ремизов. . .
Можешь вернуться
С тысячью призов! . .

1844

192—195. < ИЗ ВОДЕВИЛЯ
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОСТОВЩИК» >

1

РОСТОВЩИК

Было года мне четыре,
Как отец сказал:
«Вздор, дитя мое, всё в мире!
Дело — капитал!»
И совет его премудрый
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак.
Страсть навек к монете звонкой
10 Тотчас получив,
Стал у всех я собачонкой,
Кто богат и чив.
Руки, ноги без зазренья
Всем лизал, как льстец,
И семи лет от рожденья
Был уж я подлец!

(То есть так только в народе
Говорится, а зато
Уж зарыто в огороде
20 Было кое-что.)
Говорят, есть страсти, чувства —
Незнаком, не лгу!
Жизнь, по-моему, — искусство
Наживать деньгу.
Знать, во мне раненко скупость
Охладила кровь:
Рано понял я, что глупость —
Слава, честь, любовь,
Что весь свет похож на лужу,
30 Что друзья — обман,
И затем лишь лезут в душу,
Чтоб залезть в карман,
Что от чести от злодейки
Плохи барыши,
Что подлец, кто без копейки,
А не тот, кто без души.
И я свыкся понемногу
С ролею скупца
И, ложась, молился богу,
40 Чтоб прибрал отца...
Добрый, нежный был родитель,
Но в урочный час
Скрылся в горнюю обитель,
Навсегда угас!
Я не вынес тяжкой раны, —
Я на труп упал
И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал...
Продав всё, что было можно
50 Хоть за грош продать,
И деньжонки осторожно
Начал в рост пускать...
Чтоб нажитья — лез из кожи,
Лук да редьку ел,
Ни спины, ни рук, ни рожи,
Верьте, не жалел!
Всех завел, провел и вывел,
С кем сойтись пришлось,

И, пока не оплешивел,
60 Брал процент с волос:
Вырастать им как угодно
Волю я давал
И в цирюльню ежегодно
Косу продавал.
И теперь зато, под старость,
Есть немножко тут.
(Хлопает по карману.)
Пусть приходят люди в ярость,
Говорят: он плут!
Шутки! . . нет, побольше стою!
70 Я ведь знаю свет:
Лишь тряхни-ка я казною
Да задай обед,
Все в объятья тотчас к плуту,
Все в родню, в друзья —
Я честнейший в ту ж минуту. . .
Что, не так ли. . . а???

1844

2

Наша книжная торговля
Так уж исстари идет:
Простачков невинных ловля —
Первый авторов доход!
В кабинете примут знатно
И сигарочку дадут,
И почтеннейшим печатно,
И умнейшим назовут;
С аккуратностью большою
Рассчитают барыши,
А издашь — махни рукою
И в подвалы положи!
Разорили — и отстали —
Всякий с ним уже не тот!
Только деньги размотали —
Глядь, господь другого шлет!
С ним опять развязка та же. . .

Я и сам богат бывал,
Жил когда-то в бельэтаже,
Всех морочил, надувал;
Драл с живых и с мертвых шкуру,
Не боялся никого,
А попал в литературу —
И надули самого.
Здесь хватило б и для внуков,
Да сто книжек издал в год,
И теперь карман мой звуков
Никаких не издает!

1844

8

Я люблю простор и барство
И живу, как жили встарь!
Я — обширнейшего царства
Полновластный государь.
Широки мои владенья —
У меня с давнишних пор
Десять тысяч душ именья
И осьмнадцать тысяч свор!
Дом величественной формы
Прочно выстроен для псов, —
Я скупаю им для корма
Старых кляч со всех концов.
Лучшим псам и стол особый,
А отличных так люблю,
Что рядком с своей особой
И с женой своей кормлю!
Стоит ночью встрепенуться,
Затрубить — на голос мой
Тотчас всадники проснутся,
Псы начнут веселый вой.
Вмиг усеяна дорога,
Счета нет собачьих свор;
Затрубим — и звуки рога
Потрясают дол и бор.
Дорога моя забава,
Да зато и веселит.

Об моей охоте слава
По губернии гремит!
Да зато как гаркнут «слушай!»
Доезжачие в бору,
И зальются вдруг тявкуши,
Словно птицы поутру,
Как кубарь, матерый заяц
Чистым лугом подерет
И ушами, как китаец,
Хлопать в ужасе начнет, —
Тут последняя копейка
Мне не стоит пустяка,
Только б *Сокол* или *Змейка*
Подхватили русака!
Я живу в отъезжем поле,
Днем травлю, а ночь кучу,
И во всей вселенной боле
Ничего знать не хочу!
Я люблю простор и барство
И живу, как жили встарь.
Я — обширнейшего царства
Полновластный государь.

1844

4

Пощечина людей позорит —
Так думал в старину народ,
А в наши дни — никто не спорит —
Бывает и наоборот.
Был у меня бедняк знакомый
С почтенным выпуклым лицом,
Питался редькой и соломой
И слыл в народе подлецом,
Да вдруг столкнулся с богачом:
Затеял ссору с ним пустую,
Пощечину изволил съесть,
Сто тысяч взял на мировую
И вдруг попал в почет и в честь.
Все — кто и ведал и не ведал —
К нему с почтением тотчас,

И даже там вчера обедал
Кой-кто, мне кажется, из вас.
И что ж? Ведь было б безрассудно
Сердиться, мщенье замышлять,
Боль усмирить в щеке нетрудно,
Сто тысяч мудрено достать. . .
А с ними проживешь так чудно
И беззаботно целый век. . .
Не сто — пожалуйте пять тысяч, —
Я сам, как честный человек,
Себя сейчас позволю высечь!

1844

196

Читатель мой! я был когда-то сам
Российских книг отъявленный ценитель
И *яростно* (не верю я ушам,
Но утверждал так некий сочинитель)
Уничтожал таланты и гасил
В младых сердцах божественное пламя. . .
Но дешево издатель мне платил —
И бросил я критическое знамя. . .

<1845>

197. КОЛЫБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Есть край, где горит беззакатное солнце
Алмазным пожаром в безбрежной дали
И сыплет горстями лучи, как червонцы,
На лоно роскошной и щедрой земли,
Где северный холод, вьюга и морозы
Сердце не сжимают, не сушат костей,
Где розы — как девы, а девы — как розы,
Где всё наслажденье, восторг для очей,
Где тигр кровожадный свободно кочует
И робкая серна находит приют,

Но где человек человека бичует,
Где плачут и стонут, где режут и жгут,
Где волны морские окрашены кровью,
Усеяно трупами мрачное дно. . .

<1845>

198. < ИЗ ФЕЛЬЕТОНА
«ПИСЬМО К ДОКТОРУ ПУФУ» >

Почтеннейший Иван Иванович!
Великодушный доктор наш!
Всегда зачитываюсь за ночь
Статеек ваших. Гений ваш —
Благотворитель всей России!
Вы краше дня, вы ярче звезд,
И перед вами клонит выи
Весь Новоладожский уезд.
Действительно, вы благодетель
10 Желудков наших, — а от них
И гнев, и злость, и добродетель,
И множество страстей других.
У нас помещик был свирепый —
Неукротимая душа!
Он раз в жену тарелкой с репой
Пустил — зачем не хороша!!!
Ко всем сварливо придирался,
Худел, страдальчески хандрил,
И в доме всяк его боялся
20 И ни единый не любил!
Его сердитый, злобный говор
На миг в семействе не смолкал,
Неоднократно битый повар
Свое искусство проклинал.
Вдруг. . . (но какой, скажите, кистью
Здесь подвиг ваш изображу?
Поверьте, движим не корыстью,
Но благодарностью — пишу;
Хоть я учился у поэта,
30 Но не пошла наука впрок)
Вдруг. . . получается «Газета»,
И в ней — ваш кухонный урок.
Прочел небрежно гордый барин

(То было в пятницу, при нас)
 И, как на Пушкина Фиглярин,
 Напал, о доктор мой! на вас.
 Но не дремал и разум женский:
 Прочла жена и — поняла.
 И в сутки повар деревенский
 40 Стал человеком из осла.
 И что ж? (Я был всему свидетель —
 Клянусь — не ложь мои слова!)
 Нет, ты не знала, добродетель,
 Полней и краше торжества!
 И никогда с начала света
 Порок сильнее не страдал:
 Помещик наш из-за обеда
 И краснощек и ясен встал,
 В слугу не бросил чашкой кофе,
 50 И — доктор мой! гордись! гордись! —
 Как из фонтана в Петергофе,
 Рекой из уст его лились
 Слова не бранные. . . Уроки
 Твои из грешной сей души
 Изгнали жесткость и пороки! . .
 С тех пор, что ты ни напиши —
 Родным, друзьям, жене читает,
 Тебя отцом своим зовет,
 Весь от блаженства тает, тает
 60 И в умиленьи слезы льет.
 С тех пор он стал и добр и весел,
 Детей ласкал, жену любил.
 Злой управитель нос повесил,
 «Мужик судьбу благословил!»¹
 . . . . .
 И да не говорит, не ходит,
 Повержен в лютый паралич,
 Кто на тебя хулу возводит
 И злонамеренную дичь.
 Ты Пуф, но ты не *пуф* нахальный —
 70 Досужий плод журнальных врак,
 Ты человек — и достохвальный,
 А не какой-нибудь дурак.

¹ Стих Пушкина из «Онегина».

Кормилец сорока губерний,
Ты и умен и терпелив.
Твоим врагам — венец из терний,
Тебе — из лавров и олив!
Трудись, трудись не уставая!
Будь вечно счастлив, здоров и свеж,
И, есть Россию научая,
80 Сам на земле не даром ешь! . .

1844 или 1845

199. ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ (ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ)

Так мы готовимся, о други!
На достохвальные заслуги
Великой родине своей. . .

Н. Языков

Друг, товарищ доброхотный!
Помня, чувствуя, любя,
Кубок первый и почетный
Пью в чужбине за тебя.
Мил мне ты! . . Недаром смлада
Я говаривал шутя:
«Матерь! вот твоя отрада!
Пестуй бережно дитя.
Будет Руси сын почтенный,
10 Будет дока и герой,
Будет наш — и непременно
Будет пьяница лихой!»
Не ошибся я в дитяти:
Вырос ты удал и рьян
И летишь навстречу братий
Горд, и радостен, и пьян!
Горячо и, право, славно
Сердце русское твое,
Полюбил ты достославно
20 Нас развившее питье.
Весь ты в нас! . . Бурлит прекрасно
В жилах девственника кровь,
В них восторженно и ясно
К милой родине любовь

Пышет. Бойко и почтенно
 За нее ты прям стоишь. . .
 С ног от штофа влаги пенной,
 Влаг русской — не слетишь!
 Враг народов иностранных,
 30 Воеватель удалой,
 Ты из уст благоуханных
 Дышишь родине хвалой,
 Доли жаждешь ей могучей. . .
 Беспредельно предана
 Ей души твоей кипучей
 Ширина и глубина! . .
 И за то, что Русь ты нашу
 Любишь — речь к тебе держу,
 И стихом тебя уважу,
 40 И приятню награву.
 Будь же вечно тем, что ныне:
 Своебытно горд и прям,
 Не кади чужой святыне,
 Не мирволь своим врагам;
 Не лукавствуя и пылко
 Уважай родимый край;
 Гордо мужествуй с бутылкой —
 Ни на пядь не уступай,
 Будь как был! . . За всё за это,
 50 Да за родину мою,
 Да за многи, многи лета
 Нашей дружбы — днесь я пью. . .
 Пью. . . величественно-живо
 В торжествующий стакан
 Одурающее диво
 Ущедренных небом стран
 Льется. Лакомствуя мирно,
 Наслаждаюсь не спеша. . .
 Но восторженностью пирной
 60 Не бурлит моя душа.
 Хладных стран заходный житель,
 Здесь почетно-грустен я:
 Не отцов моих обитель
 Здесь — не родина моя!
 То ли дело, как, бывало,
 Други, в нянином дому

Бесподобно, разудало
Заварим мы кутерьму! ..
Чаши весело звенели,
70 Гром и треск, всё кверху дном!
Уж мы пили! уж мы пели! ..
В удовольствии хмельном
Вам стихи мои читал я. . .
Сотый чувствуя бокал,
Им читанье запивал я
И, запивши, вновь читал.
Благосклонно вы внимали. . .
Было чудное житье:
Други мне рукоплескали,
80 Пили здравие мое!
Здесь не то. . . Но торжествую
Я и здесь порой, друзья.
Счастье! фляжку — и большую —
У матросов добыл я
Влаги русской. . . Как Мозта
Мне наскучит легкий хмель,
Пью и потчую соседа. . .
Объяденье! богатель!
Ровно пьем; цветущ и весел,
90 Горделиво я сижую. . .
Он. . . глядишь — и нос повесил!
Взором радостным слежу,
Как с подскоком жидконогой
Немец мой — сутул, поджар —
Выйдет храбро, а дорогой
Бац да бац на тротуар. . .
Драгоценная картина
Сердцу русскому! Она
Возвышает славянина
100 Силу скромную. . .

Вина!

На здоровье Руси нашей!
Но, увы мне, о друзья!
Не сос্তুкиваюсь чашей
Дружелюбно с вами я —
И не пьется. . . Дух убитый
Достохвальной грустью сжат,
И, как конь звучнокопытый,

Все мечты туда летят,
Где родимый дым струится,
110 Где в виду своих сынов
Волга царственно катится
Средь почтенных берегов...
Что ж? туда!.. Я скор на дело!
Под родные небеса
Вольно, радостно и смело
Я направлю паруса —
Мигом к вам явлюсь на сходку!
Припасайте ж старику
Переславльскую селедку
120 И полштофа травнику!..

Январь 1845

200. СТАРУШКЕ

Когда еще твой локон длинный
Вился над розовой щекой
И я был юноша невинный,
Чистосердечный и простой, —
Ты помнишь: кой о чем мечтали
С тобою мы по вечерам,
И — не забыла ты — давали
Свободу полную глазам,
И много высказалось взором
Желаний тайных, тайных дум;
Но победил каким-то вздором
В нас сердце хладнокровный ум.
И разошлись мы полюбовно,
И страсть рассеялась как дым.
И чрез полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы — и молчим... .

А мог бы быть и не таким
Час этой поздней, грустной встречи,
Не так бы сжала нас печаль,
Иной тоской звучали б речи,
Иначе было б жизни жаль... .

15 мая 1845

Он у нас осьмое чудо —
 У него завидный нрав.
 Неподкупен — как Иуда,
 Храбр и честен — как Фальстаф.
 С бескорыстностью жидовской,
 Как хавронья мил и чист,
 Даровит — как Тредьяковской,
 Столько ж важен и речист.
 Не страшитесь с ним союза,
 Не разладитесь никак:
 Он с французом — за француза,
 С поляком — он сам поляк,
 Он с татаринoм — татарин,
 Он с евреем — сам еврей,
 Он с лакеем — важный барин,
 С важным барином — лакей.
 Кто же он? <Фаддей Булгарин,
 Знаменитый наш Фаддей.>

1845

Ходит он меланхолично,
 Одевается циничеcки,
 Говорит метафоричеcки,
 Надувает методичеcки
 И ворует артистичеcки. . .

<1846>

**203—207. < ИЗ РАССКАЗА «КАК ОПАСНО
 ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМ СНАМ» >**

1

Месяц бледный сквозь щели глядит
 Не притворенных плотно ставней. . .
 Петр Иваныч свирепо храпит
 Подле верной супруги своей.

На его оглушительный храп
Женин нос деликатно свистит.
Снится ей черномазый арап,
И она от испуга кричит.
Но, не слыша, блаженствует муж,
И улыбкой сияет чело:
Он помещиком тысячи душ
В необъятное въехал село.
Шапки снявши, народ перед ним,
Словно в бурю валы на реке...
И подходят один за другим
К благосклонной боярской руке.
Произносит он краткую речь,
За добро обещает добром,
А виновных грозит пересечь,
И уходит в хрустальный свой дом.
Там шинель на бобровом меху
Он небрежно скидает с плеча...
«Заварить на шампанском уху
И зажарить в сметане леща!
Да живей!.. Я шутить не люблю!»
(И ногою значительно топ.)

. . . . .
. . . . .

Всех величем своим устранив,
На минуту вздремнуть захотел
И у зеркала (был он плешив)
Снял парик и.. как смерть побледнел!
Где была лунолицая плешь,
Там густые побеги волос,
Взгляд убийственно нежен и свеж
И короче значительно нос...
Постоял, постоял — и бежать
Прочь от зеркала, с бледным лицом...
Вот зажмурясь подкрался опять...
Посмотрел... и запел петухом!
Ухвативши себя за бока,
Чуть касаясь ногами земли,
Принялся отдирать трепака...
«Ай лю-ли! ай лю-ли! ай лю-ли!
Ну узнай-ка теперича нас!
Каково? каково? каково?»

■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■
И грозя проходившей чрез двор
Чернобровке, лукаво мигнул
И подумал: «У! тонкий ты вор,
Петр Иваныч! Куда ты метнул! . . .»
Растворилася дверь, и вошла
Чернобровка, свежа и плотна,
И на стол накрывать начала,
Безотчетного страха полна. . .
Вот уж подан и лакомый лещ,
Но не ест он, не ест, трепеща. . .
Лещ, конечно, прекрасная вещь,
Но есть вещи и лучше леща. . .
«Как зовут тебя, милая? . . ась?»
— «Палагеей». — «Зачем же, мой свет,
Босиком ты шатаешься в грязь?»
— «Башмаков у меня, сударь, нет».
— «Завтра ж будут тебе башмаки. . .
Сядь. . . поешь-ка со мною леща. . .
Дай-ка муху сгоню со щеки! . .
Как рука у тебя горяча! . .
Вот на днях я поеду в Москву
И гостинец тебе дорогой
Привезу. . .»

<1846>

2

Клянусь звездой полуночной
И генеральскою звездой,
Клянуся пряжкой беспорочной
И не безгрешною душой!
Клянусь изрядным капитальцем,
Который в службе я скопил,
И рук усталых каждым пальцем,
Клянуся бочкою чернил!
Клянуся счастьем скоротечным,
Несчастьем в деньгах и в чинах,
Клянусь ремизом бесконечным,
Клянуся десятью в червях, —

Отрекся я соблазнов света,
Отрекся я от дев и жен,
И в целом мире нет предмета,
Которым был бы я пленен! ..
Давно душа моя спокойна
От страстных бурь, от бурных снов;
Лишь ты любви моей достойна —
И век любить тебя готов! ..
Клянусь, любовью порочной
Давно, давно я не пылал
И на свиданье в час полночный
В дезабилье не выбегал...
Кого еще с тобой мне надо? ..
Тобой одной доволен я, —
Моя любовь! моя отрада!
Федосья Карповна моя! ..

<1846>

8

Они молчали оба... Грустно, грустно
Она смотрела. Взор ее глубокий
Был полон думы. Он моргал бровями
И что-то говорить хотел, казалось;
Она же покачала головой
И палец наложила в знак молчанья
На синие, трепещущие губы...
Потом пошли домой всё так же молча,
И было в их молчаньи больше муки
И страшного значенья, чем в рыданиях,
С которыми бросаем горсть земли
На гроб того, кто был нам дорог в жизни,
Кто нас любил, быть может. У ворот
Они кухарку встретили. * * * * *
. . . . . * * * * *
И долго изумленными глазами
Она на них смотрела, но ни слова
Они ей не сказали. Да! ни слова...
И молча продолжали путь... и скрылись.

<1846>

Что чиновники то же, что воинство¹
 Для отчизны в гражданском кругу,
 Посягать на их честь и достоинство
 Позволительно разве врагу,
 Что у них всё занятъя важнейшие —
 И торги, и финансы, и суд,
 И что служат всё люди умнейшие
 И себя благородно ведут.
 Что без них бы невинные плакали,
 Наслаждался б свободой злодей,
 Что подчас от единой каракули
 Участь сотни зависит людей,
 Что чиновник плохой без амбиции,
 Что чиновник — не шут, не паяц
 И не след ему без амуниции
 Выбегать на какой-нибудь плац.
 А уж если есть точно желание
 Не служить, а плясать качучу,
 Есть на то и приличное звание —
Я удерживать вас не хочу!

<1846>

Корабль, обуреваемый
 Волнами, — жизнь моя!
 Судьбою угнетаемый,
 В отставку подал я,
 Немало тут утрачено —
 Убыток — и большой!
 А впрочем, предназначено
 Уж, видно, так судьбой.
 И есть о чем печалиться,
 Нашел чего жалеть!
 Смерть ни над кем не сжалится —
 Всем должно умереть!
 Почетные регалии,
 Доходные места,
 Награды и так далее —
 Всё прах и суета!

Мы все корпим, стараемся,
Вдаемся в плутовство,
Хлопочем, унижаемся,
А всё ведь из чего?
Умрем, так всё останется!
На срок пришли мы в свет...
Чем дольше служба тянется,
Тем более сует.
Успел уж я умяться
В житейском мятеже,
Подумать приближается
Пора и о душе!
Уж лучше здесь быть пешкою,
Чем душу погубить...
А впрочем, что ж я мешкаю?
Уж десять хочет бить!
Есть случай к покровительству!
Тотчас же полечу
К его превосходительству
Ивану Кузьмичу —
Поздравлю с именинами...
Решится, может быть,
Под разными причинами
Блохова удалить
И мне с приличным жительством
Его местечко дать...
Не нужно покровительством
В наш век пренебрегать!..

<1846>

208

Те кудри черные... когда б отрезать их,
Преступно посягнув на их несокрушимость...
Соткать на них чехол из нитей дорогих —
В нем бешеных кудрей сковать необозримость, —
И, взбив перину ту, в длину и ширину,
Чрез степи жаркие, чрез влажную волну,
Чрез горы и леса, постлать ее по миру, —
Всё человечество могло б на них заснуть,
В душистом их пуху блаженно утонуть

492

И — гордо близостью к надзвездному эфиру —
Увидеть райские, пленительные сны
Про кудри черные, как думы сатаны,
Как ковы зависти, про очи огневые,
Про радугу бровей и перси наливные. . .

1846

209

В один трактир они оба ходили прилежно
И пили с отвагой и страстью безумно мятежной,
Враждебно кончались их бильiardные встречи,
И были дики и буйны их пьяные речи.
Сражались они меж собой, как враги и злодеи,
И даже во сне всё друг с другом играли.
И вдруг подрались. . . Хозяин прогнал их в три шеи,
Но в новом трактире друг друга они не узнали. . .

<1847>

**210—214. < ИЗ ФЕЛЬЕТОНА «ТЕОРИЯ
БИЛЬIАРДНОЙ ИГРЫ» >**

1

О вы, герои бильiardда!
Я славно знал когда-то вас
И в исступлении азарта
Спасал от голоду не раз.
Мне ваших лиц зелено-бледных,
Ни ваших вдохновенных штук,
Ни сертуков богато-бедных,
Жилетов пестрых, красных брюк,
Волос ненатурально редких
И рук художественно метких
Забуть в сей жизни не дано,
Затем что было суждено
Мне много лет стезею вашей
С кием в руке и с полной чашей
Пройти. . .

Я знал тех посетителей трактиров,

Которым за стакан клико
 В разгаре грязных вакханалий
 Плескали в рожу... Глубоко
 Сначала чувство оскорблялось,
 Но постепенно примирялось
 И примирилось наконец.
 Я стал такой же молодец,
 И пляска гаеров бесстыдных
 Под градом плоскостей обидных
 Меня смешила — и не раз
 В чаду вина, в припадке скуки
 Я унижительные муки
 И сам придумывал для вас —
 О вы, наследники прямые
 Шутов почтенной старины,
 Которых рожи расписные
 И прибаутки площадные
 Так были бешено смешны
 И без которых и доселе,
 В сей сильно просвещенный век,
 . . . . .
 Не весел русский человек!..

Среди гусей, окороков, индеек
 Он заседал, бородкой шевеля,
 И знали все: крал двадцать пять копеек
 Неотразимо с каждого рубля.
 Хозяин сам, копеечный купчишка,
 Облопавшись настойки и трески,
 Говаривал: «Ведь знаю, что воришка,
 Да дело, варвар, знает мастерски!»

Но хоть сия российская таверна
 Смотрела неприветно, даже скверно,
 А, видно, в ней дышалось легко. . .
 Сюда бежал подъячий необритый,
 Пропахнувший сивухой глубоко,
 Прожорливый и никогда не сытый. . .
 Сюда являлся господин в усах,
 С израненным, великолепным носом,
 В весьма широких плисовых штанах,
 В архалуке, подбитом мериносом,
 Обшитом бранденбурами. Кидал
 Сей господин с надменностью нелепой
 Взгляд на слугу презрительно-свирепый
 И «ну, болван, вчерашнюю!» кричал. . .
 Сюда являлся фокусник голодный,
 Родной земли цветущие поля
 Покинувший . . . . .

. . . . .
 На срок прощался с матерью-старухой,
 С невестою сей тощий сын нужды,
 Но погасил российскою сивухой
 В груди давно немецкие мечты.
 (А в старину ему мечтались живо
 Объятия хорошенькой жены,
 Колпак, халат, душистый кнастер, пиво
 И прочие филистерские сны. . .)
 Смиренно век в трактирах доживая,
 Он в сергучишке нанковом ходил
 И, русский и родной язык ломая,
 Трактирную компанию смешил. . .
 Не оскорблялся он названьем цапли
 И, если рюмку кто ему давал,
 Он, выпив *содержимое* до капли,
 С поклоном *содержащее* съедал. . .

Затем, что мне в трактире бьющий стекла
 Купеческий сынок в пятнадцать лет
 В сто тысяч раз важнее Фемистокла
 И всех его торжественных побед! . . .

<1847>

**215—217. < ИЗ РОМАНА
 «ТРИ СТРАНЫ СВЕТА» >**

1

Когда с тобой — нет меры счастью,
 Вдали — несчастен и убит!
 И, словно волк голодной пастью,
 Тоска пожрать меня грозит!
 Куда ни обращаю взоры —
 Долины, облака и горы —
 Всё говорит: «Люби! люби!»
 Во цвете лет — не погуби!
 Не наноси смертельной раны,
 Не откажи моей мольбе. . .
 Пусть лучше растерзают враны
 И сердце принесут к тебе! . . .

<1848>

2

ПОЭЗИЯ БУРЬ

Летит по дороге четверка,
 В коляске Мария сидит.
 А месяц, как дынная корка,
 На небе полночном висит. . .

Верхом — словно вихрем гонимый —
 Скачу я за ней через лес,
 И жажду, волканом палимый,
 Поэзии бурь и чудес!

Я отдал бы всю мою славу
За горсть, за щепотку песку,
Чтоб только коляска в канаву
Свернулась теперь на скаку.

Иль если б волшебник искусный
Задумал вдруг Мери украсть;
Иль вор, беспощадный и гнусный,
Рискнул на коляску напасть...

Иль пусть кровожадные звери
Коляску обступят теперь...
На помощь возлюбленной Мери
Я сам бы явился, как зверь.

Умчал бы ее я далеко,
За триста земель и морей...
И там бы глубоко, глубоко
Блаженствовал с Мери моей.

Но нет ни зверей, ни злодеев,
Дорога бесстыдно гладка,
Прошли времена чародеев...
О жизнь! как ты стала гадка!

Везде безотрадная проза,
Заставы, деревни, шоссе...
И спит моя майская роза,
Раскинувшись в пышной красе, —

Меж тем, как, окутан туманом,
Летит ее рыцарь за ней
И жаждет борьбы с великаном,
В порыве безумных страстей...

О, чем же купить твою ласку
В холодный и жалкий наш век,
Когда променял на коляску
Поэзию бурь человек?..

<1848>

Когда горит в твоей крови
 Огонь действительной любви,
 Когда ты сознаёшь глубоко
 Свои законные права, —
 Верь: не убьёт тебя молва
 Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз
 Отринь насильственное бремя
 И заключи — пока есть время —
 Свободный, по сердцу союз.

Но если страсть твоя слаба
 И убежденье не глубоко,
 Будь мужу вечная раба,
 Не то — раскаешься жестоко! . .

<1848>

218. МЕСТЬ ГОРЦА

Ассан сидел, нахмурия брови.
 Кальян дымился, ветер выл.
 И, грозно молвив: «Крови! Крови!» —
 Он встал и на коня вскочил.
 «Зюлейка! нет, твою измену
 Врагу я даром не прощу!
 Его как мяч на шашку вздену,
 Иль сам паду, иль отомщу!»
 Что было ночью в поле ратном,
 О том расскажет лишь луна. . .
 Наутро конь путем обратным
 Скакал. . . Несчастливая жена!
 Мешок о лук седельный бился,
 Горела под конем трава.
 Но не чурек в мешке таился:
 Была в нем вражья голова!

<1850>

Прихожу на праздник к чародею:
 Тьма народу там уже кипит,
 За затеей хитрую затею
 Чародей пред публикой творит.
 Всё в саду торжественно и чудно,
 Хор цыган по-старому нелеп,
 Что же мне так больно и так трудно,
 Отчего угрюм я и свиреп? . .
 Уж не жду сегодня ничего я,
 Мой восторг истрачен весь давно;
 Я могу лишь воспевать героя —
 Как в нем всё велико и умно!
 Он Протей! он истинный художник!
 Как его проказы хороши!
 И артист, и барин, и сапожник —
 Все найдут здесь пищу для души!

Между 1848 и 1850

Мне жаль, что нет теперь поэтов,
 Какие были в оны дни, —
 Нет Тимофеевых, Бернетов
 (Ах, отчего молчат они?).
 С семьей забвенных старожил
 Скорблю на склоне дней моих,
 Что лирой пренебрег Стромил
 Что Печенегов приутих,
 Что умер бедный Якубович,
 Что запил Константин Петрович,
 Что о других пропал и след,
 Что нету госпожи Падерной,
 У коей был талант примерный,
 И Розена барона нет;
 Что нет Туманских и Трилунных,
 Не пишет больше Бороздна,
 И нам от лир их сладкострунных
 Осталась память лишь одна. . .

<1853>

Я посягну на неприличность
 И несколько похвальных слов.
 Теперь скажу про эту личность:
 Ах, не был он всегда таков!

Он был когда-то много хуже,
 Но я упреков не терплю
 И в этом боязливом муже
 Я всё решительно люблю:

Люблю его характер слабый,
 Когда, повесив длинный нос,
 Причудливой, капризной бабой
 Бранит холеру и понос;

И похвалу его большую
 Всему, что ты ни напиши,
 И эту голову седую
 При моложавости души.

13 декабря 1853

Стол накрыт, подсвечник вытерт,
 Самовар давно кипит,
 Сладковатый немчик Видерт
 У Тургенева сидит.
 По запросу господина
 Отвечает невзначай
 Крепостной его детина,
 Что «у нас-де вышел чай».
 Содрогнулся переводчик,
 А Тургенев возопил:
 «Чаю нет! Каков молодчик!
 Не вчера ли я купил?»
 Замечание услышал
 И ответствовал Иван:
 «Чай у нас так скоро вышел
 Оттого, что мал стакан».

Между 1850 и 1854

223. 14 ИЮНЯ 1854 ГОДА

Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединясь, идут против России;
Пожар войны полмира обхватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых. . .
Обращены в позорище вражды
Моря и суша. . . Медленно и глухо
К нам двинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизились — стоят
Пред укрепленной русскою твердыней. . .
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия. . . и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всеильною рукой
И свету потрясенному покажет.

14 июня 1854

224

Мы, посетив тебя, Дружинин,
Остались в верном барыше:
Хотя ты с виду благочинен,
Но чернокнижник по душе.
Научишь каждого веселью,
Полуплешивое дитя,
Серьезно предан ты безделью,
А дело делаешь шутя. . .
Весьма радушно принимаешь
Ты безалаберных друзей
И ни на миг не оставляешь
Ты аккуратности своей:
В числе различных угощений
Ты нам охоту снарядил
Среди наследственных владений. . .
И лист бумаги положил
Для чернокнижных вдохновений. . .

28 июля 1854

Ничего! гони во все лопатки,
 Труден путь, да легок конь,
 Дожигай последние остатки
 Жизни, брошенной в огонь!

Начало октября 1854

Пробил час! . . Не скажу, чтоб с охотой
 В мир вступал я моею чредою . . .
 Что голов, убеленных заботой!
 Сколько лиц, омраченных тоскою!
 Благородным проникнуты гневом,
 Пусть бы старцы глядели серьезно . . .
 Но пристало ли юношам, девам
 Сокрушаться и хмуриться грозно? . . .
 Слышу всюду один я вопрос:
 «Новый год! что ты миру принес? . . .»

Всколыхнется ли бурей полсвета,
 Тишина ль процветет над землею —
 Всё поглотит бездонная Лета,
 Всё законной пройдет чередою.
 Настоящее станет прошедшим,
 Но сойду ли я в темное царство,
 Как предшественник мой — сумасшедшим,
 Окровавленным, полным коварства,
 Или буду умней и светлей —
 Эта тайна в деснице моей!

Всё на свете старо, как могила,
 Всё уж было и будет всегда:
 Ум и глупость, бессилье и сила,
 Зависть, гнев, клевета и вражда;
 Но навек благородно и ново,
 Никому надоест не умело —
 Вдохновенное, светлое слово
 И великое, честное дело . . .
 Слов таких, а особенно дел
 Я побольше бы видеть хотел! . . .

Конец 1854

227. ЛЕТО

Умирает весна, умирает,
Водворяется жаркое лето.
Сердит муха, комар сноровляет
Укусить, — всё роскошно одето!

Осязательно зреющий колос
Возвышается вровень с кустами.
По росе долетающий голос
Из лесов словно пахнет грибами...

По утрам продолжительны росы,
А к полудню жары чрезвычайны...
< . . . . . >
. . . . . >

От шмелей ненавистных лошадки
Забираются по уши в волны.
Вечера соблазнительно сладки
И сознательной жаждою полны.

Прикликает самец перепелку,
Дергачи голоса сиповато,
Дева тихо роняет иголку
И спешит, озираясь, куда-то.

1854 (?)

228. НАСЛЕДСТВО

Скончавшись, старый инвалид
Оставил странное наследство:
Кем, сколько раз, когда был бит
До дней преклонных с малолетства, —

Он всё под цифрами писал
В тетрадку — с толком и раченьем
И после странный свой журнал
Читал с душевным умилением.

Так я люблю вспоминать
О днях и чувствах пережитых,
Читая пыльную тетрадь
Моих стихов — давно забытых. . .

<1855>

229

Зачем насмешливо ревнуешь,
Зачем, быть может, негодуешь,
Что музу темную мою
Я прославляю и пою?

Не знаю я тесней союза,
Сходней желаний и страстей —
С тобой, моя вторая муза,
У музыки юности моей!

Ты ей родная с колыбели. . .
Не так же ль в юные лета
И над тобою тяготели
Забота, скорбь и нищета?

Ты под своим родимым кровом
Врагов озлобленных нашла
И в отчуждении суровом
Печально детство провела.

Ты в жизнь невесело вступила. . .
Ценой страданья и борьбы,
Ценой кровавых слез купила
Ты каждый шаг свой у судьбы.

Ты много вынесла гонений,
Суровых бурь, враждебных встреч,
Чтобы святыню убеждений,
Свободу сердца уберечь.

Но, устояв душою твердой,
Несокрушимая в борьбе,
Нашла ты в ненависти гордой
Опору прочную себе.

Ты так встречаешь испытанья,
Так презираешь ты людей,
Как будто люди и страданья
Слабее гордости твоей.

И говорят: ценою чувства,
Ценой душевной теплоты
Презренья страшное искусство
И гордый смех купила ты.

Нет, грудь твоя полна участия!..
Когда порой снимаешь ты
Личину гордого бесстрашья,
Неумолимой красоты,

Когда скорбишь, когда рыдаешь
В величьи слабости твоей —
Я знаю, как ты проклинаешь,
Как ненавидишь ты людей!

В груди, трепещущей любовью,
Вражда бесплодно говорит,
И сердце, обливаясь кровью,
Чужою скорбию болит.

Не дикий гнев, не жажда мщенья
В душе скорбящей разлита —
Святое слово всепрощенья
Лепечут слабые уста.

Так, помню, истощив напрасно
Всё буйство скорби и страстей,
Смирялась кротко и прекрасно
Вдруг Муза юности моей:

Слезой увлажнены ланиты,
Глаза поникнуты к земле,
И свежим тернием увитый
Венец страданья на челе. . .

Между 1852 и 1855

И так за годом год... Конечно, не совсем
 Разнообразно... да зато спокойно,
 Благонамеренно, благопристойно...
 И благоприобретенье меж тем
 Растить всё будет... Счастье малюток
 Упрочится... Да что ж?.. И кроме шуток,
 Чем худо?.. [а? решайся-ка, сестра,
 А ежели когда-нибудь хандра
 Найдёт случайно...]

Между 1853 и 1855

231. ПОСЛАНИЕ К ПОЭТУ-СТАРОЖИЛУ

В крылах отяжелевший грач,
 Когда-то на Парнас летавший!
 Давно ли нам прислал ты «Плач»
 О русской музе — задремавшей?

И что же? не прошло двух лет,
 Как всё вверх дном перевернулось:
 И поднял голову поэт,
 И вновь поэзия проснулась!

Нам музу новую свою
 Представил автор «Арлекина»,
 И тот, кто, равен соловью,
 Природу нам воспел, — Щербина!

Никитин, мещанин-поэт,
 Различных пробует Пегасов,
 Как птица распевает Фет,
 Стихи печатает Некрасов,

Ленивый даже Огарев —
 И тот пустил в печать отрывок,
 Стахович нам поет коров
 И вкус густых и свежих сливок.

Поэтов новых всех родов
Фаланга целая готова,
И даже старых голосов
Два-три услышали мы снова.

Что ж? в добрый час! смелее, марш! . . .
Проснулись Солоницын, Греков,
И, может быть, проснется Шарш
И отзовется Печенегов! . . .

Весна 1855

232

Еще скончался честный человек,
А отчего? Бог ведает единый!
В наш роковой и благородный век
Для смерти более одной причиной.
Не от одних завалов и простуд
И на Руси теперь уж люди мрут. . .
Понятна нам трагическая повесть
Свершившего злодейство, — если он
Умрет, недугом тайным поражен,
Мы говорим: его убила совесть.
Но нас не поражает человек,
На дело благородное рожденный
И грустно проводящий темный век
В бездействии, в работе принужденной
Или в разгуле жалком; кто желал
Служить Добру, для ближнего трудиться
И в жажде дела сам себя ломал,
Готовый на немногом помириться,
Но присмирел и руки опустил
В сознании своих напрасных сил —
Успев, как говорят, перебеситься!
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая.
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон — восторженностью странной,

А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон — тоскою постоянной.
Покорствуя решению судьбы,
Не ищет он обидных сожалений,
И мы не видим внутренней борьбы,
Ни слез его, ни тайных угрызений,
И ежели сразит его судьба,
Нам смерть его покажется случайной,
И никому не интересной тайной
Останется сокрытая борьба,
Убившая страдальца. . .

Между 21 мая и 7 июня 1855

233. КАРЕТА

О филантропы русские! Бог с вами!
Вы непритворно любите народ,
А ездите с огромными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун мальчишка, кто случится,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За вашим экипажем. . .

Между 21 мая и 7 июня 1855

234

Ты меня отослала далёко
От себя — говорила мне ты,
Что я буду спокоен глубоко,
Убежав городской суеты.

Это, друг мой, пустая химера —
И как поздно я понял ее.
Друг, во мне поколеблена вера
В благородное сердце твое.

Лето 1855

Фантазии недремлющей моей
 И опыта мучительного дети,
 Вы — планы тысячи поэм и повестей —
 Вы нерожденные должны погибнуть в Лете.

Лето 1855

О, не склоняй победной головы
 В унынии, разумный сын отчизны.
 Не говори: погибли мы. Увы! —
 Бесплодна грусть, напрасны укоризны.

29 августа 1855

Не знаю, как созданы люди другие, —
 Мне любви и дороги блага земные.

Я милую землю, я солнце люблю,
 Желая, надеюсь, страстями киплю.

И жаден мой слух, и мой глаз любопытен,
 И весь я в желаньях моих ненасытен.

Зачем <же> я вечно тоскую и плачу
 И сердце на горе бесплодное трачу?

Зачем не иду по дороге большой
 За благами жизни, за пестрой толпой?

1855 или 1856

Не гордись, что в цветущие лета,
 В пору лучшей своей красоты
 Обольщения модного света
 И оковы отринула ты,

Что, лишь наглостью жалкой богаты,
В то кипучее время страстей
Не добились бездушные фаты
Даже доброй улыбки твоей, —

В этом больше судьба виновата,
Чем твоя неприступность, поверь,
И на шею повеситься рада
Ты <нрзб> будешь теперь.

1855 или 1856

239

Семьдесят лет бессознательно жил
Чернский помещик Бобров Гавриил,
Был он не <то> чтоб жесток и злонравен,
Только с железом по твердости равен.

1855 или 1856

240

Кто долго так способен был
Прощать, не понимать, не видеть,
Тот, верно, глубоко любил,
Но глубже будет ненавидеть...

1855 или 1856

241

Так говорила <...> актриса отставная,
Простую речь невольно украшая
Остатками когда-то милых ей,
А ныне смутно памятных ролей, —
Но не дошли до каменного слуха
Ее проклятья, — бедная старуха
Ушла домой с Наташею своей

И по пути всё повторяла ей
Свои проклятья черному злодею.

Но <не> сбылись ее проклятья.

Ни разу сон его спокойный не встревожил
Ни черт, ни шабаш ведьм: до старости

он дожил

Спокойно и счастливо, денег тьму
Оставивши в наследство своему
Троюродному дяде... А старуха
Скончалась в нищете — безвестно, глухо,
И, чтоб купить на гроб ей три доски,
Дочь продала последние чулки.

1855 или 1856

242

И на меня, угрюмого, больного,
Их добрые почтительные лица
Глядят с таким глубоким сожаленьем,
Что совестно становится. Ничем
Я их любви не заслужил.

1855 или 1856

243

О, пошлость и рутина — два [гиганта],
Единственно бессмертные на свете,
Которые одолевают всё —
И молодости честные порывы,
И опыта обдуманый расчет,
Насмешливо и нагло выжидая,
Когда придет их время. И оно
Приходит непременно.

1855 или 1856

244. ПРОЩАНИЕ

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости».
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного. . .
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы —
С могилы сердца моего!

28 февраля 1856

КОЛЛЕКТИВНОЕ

245. ПОСЛАНИЕ БЕЛИНСКОГО К ДОСТОЕВСКОМУ

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ.

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг,
Тебя знает император,
Уважает Лейхтенберг.

За тобой султан турецкий
Скоро вышлет визирей.
Но когда на раут светский,
Перед сонмище князей,

Ставши мифом и вопросом,
Пал чухонскою звездой
И моргнул курносом носом
Перед русой красотой,

Как трагически недвижно
Ты смотрел на сей предмет
И чуть-чуть скоропостижно
Не погиб во цвете лет.

С высоты такой завидной,
Слух к мольбе моей склоня,

Брось свой взор пепеловидный,
Брось, великий, на меня!

Ради будущих хвалений
(Крайность, видишь, велика)
Из неизданных творений
Удели не «Двойника».

Буду нянчиться с тобою,
Поступлю я, как подлец,
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец.

Январь 1846

246. ЗАГАДКА

Художества любитель,
Тупейший, как бревно,
Аристократов читатель,
А сам почти . . . ;

Поклонник вре-бонтона,
Армянский жантильом,
Читающий Прудона
Под пальмовым листом;

Сопящий и сипящий —
Приличий тонких раб,
Исподтишка стремящий
К Рашели робкий . . . ;

Три раза в год трясуший
Журнальные статьи

. . . . .
. . . . .

Друг мыслей просвещенных,
Чуть-чуть не коммунист,
Удав для подчиненных,
Перед Перовским — глист;

Враг хамов и каратель,
Сам хам и хамов сын —
Скажи, о друг-читатель,
Кто этот господин?

Начало 1854

247. ПОСЛАНИЕ К ЛОНГИНОВУ

Недавний гражданин дряхлеющей Москвы,
О друг наш Лонгинов, покинувший — увы! —
Бассейной улицы приют уединенный,
И Невский, и Пассаж, и Клуба кров священный,
Где Анпенков, чужим наполненный вином,
Пред братцем весело виляет животом;
Где, не предчувствуя насмешливых куплетов,
Недолго процветал строптивый Арапетов;
Где, дерзок и красив, и низок, как лакей,
10 Глядится в зеркала Михайла Кочубей;
Где пред Авдулным, играющим зубами,
Вращает Мухортов лазурными зрачками;
Где, о политике с азартом говоря,
Ты Виртембергского пугал секретаря
И не давал ему в часы отдохновенья
Предаться сладкому труду пищеваренья!
Ужель, о Лонгинов, ты кинул нас навек,
Любезнейший поэт и редкий человек?

Не ожидали мы такого небреженья. . .
20 Немало мы к тебе питали уваженья!
Иль ты подумать мог, что мы забыть могли
Того, кем Егунов был стерт с лица земли,
Кто немцев ел живьем, как истый сын России,
Хотинского предал его родной стихии,
Того, кто предсказал Мильгофера судьбу,
Кто сукиных сынов тревожил и в гробу,
Того, кто, наконец, — о подвиг незабвенный! —
Поймал за жирный хвост весь причет
наш священный? . . .

Созданье дивное! Ни времени рука,
30 Ни зависть хищная лаврового венка

С певца Пихатия до той поры не сдернет,
Пока последний поп в последний раз не . . . !

И что же! Нет тебя меж нами, милый друг!
И даже — верить ли? — ты ныне свой досуг
Меж недостойными безумно убиваешь!
В купальне без штанов с утра ты заседаешь;
Кругом тебя сидят нагие шулера,
Пред вами водки штоф, селедка и икра.
Вы пьете, плещетесь — и пьете вновь до рвоты.
40 Какие слышатся меж вами анекдоты!
Какой у вас идет постыдный разговор!
И если временем пускаешься ты в спор,
То подкрепляешь речь не доводом ученым,
. . . . .
Какое зрелище! Но будущность твоя
Еще ужаснее! Так, вижу, вижу я:
В газетной комнате, за «Северной пчелою»,
С разбухшим животом, с отвислою губою,
В кругу обжорливых и вялых стариков,
50 Тупых политиков и битых игроков,
Сидишь ты — то икнешь, то поглядишь сонливо.
«Эй, Вася! трубочку!» — проговоришь лениво. . .
И тычет в рот тебе он мокрым янтарем,
Не обтерев его пристойно обшлагом.
Куря и нюхая, потея и вздыхая,
Вечерней трапезы уныло поджидая,
То в карты глянешь ты задорным игрокам,
То Петербург ругнешь — за что, не зная сам;
А там, за ужином, засядешь в колымагу —
60 И повлекут домой две клячи холостягу —
Домой, где всюду пыль, нечистота и мрак
И ходит между книг хозяином прусак.
И счастье еще, когда не встретит грубо
Пришельца позднего из Английского клуба
Лихая бабища — ни девка, ни жена!
Что ж тут хорошего? Ужели не страшна,
О друг наш Лонгинов, такая перспектива?

Спомнись, возвратись! Разумно и счастливо
С тобою заживем, как прежде жили, мы.

70 Здесь бойко действуют кипучие умы:
Прославлен Мухортов отыскиваньем торфа;
Из Вены выгнали барона Мейендорфа;
Милютина проект ту пользу произвел,
Что в дождь еще никто пролеток не нашел;
Языкова процесс отменно разыгрался:
Он без копейки был — без денежки остался;
Европе доказал известный Соллогуб,
Что стал он больше подл, хоть и не меньше глуп;
А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой,
80 Вконец оподлился — конечно, не ошибкой...
И Арапетов сам — сей штатский генерал,
Пред кем ты так смешно и странно трепетал, —
Стихами едкими недавно пораженный,
Стоит, как тучный вол, обухом потрясенный,
И с прежней дерзостью над крутизной чела
Уж не вздымается тюльпан его хохла!

20—30 июля 1854

248

За то, что ходит он в фуражке
И крепко бьет себя по ляжке,
В нем наш Тургенев все замашки
Социалиста отыскал.

Но не хотел он верить слуху,
Что демократ сей черств по духу,
Что только к собственному брюху
Он уважение питал.

Да! понимая вещи грубо,
Хоть налегает он сугубо
На кухню Английского клуба,
Но сам пиров не задает.

И хоть трудится без оглядки,
Но всюду сеет опечатки
И в критиках своих загадки
Неразрешимые дает...

А впрочем, может быть и точно
Социалист он беспорочный...
Пора, пора уж нам понять,

Что может собственных Катонов
И быстрых разумом Прудонов
Российская земля рождать!

4 января 1856

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
НЕКРАСОВУ**

219. K N. N.

Мой бедненький цветок в красе благоуханной,
На радостной заре твоих весенних дней
Тебя, красавица, пришелец нежеланный
Сорвал по прихоти своей.

Расчетам суеты покорно уступая,
Ты грустно отреклась мечтаний молодых —
И вот тебя скует развалина живая
В своих объятых ледяных.

Но ведь придет пора сердечного томленья,
Желанья закипят в взволнованной крови,
И жадно грудь твоя запросит наслажденья
В горячке огненной любви.

Мечта коварная твой жаркий бред обманет,
И к ложу твоему полночную порой
Прекрасный юноша невидимо предстанет
В разгаре силы молодой.

И вся отдашься ты могучему влеченью,
И обовьешь рукой создание грез живых,
Но призрак сладостный исчезнет в то мгновенье...
И кто ж в объятиях твоих? —

Старик... холодный труп!.. Тебе упреком грянут:
«Зачем смущаешь ты бесчувственный покой?»
И как мучительно, убийственно обманут
Восторг души твоей больной.

<1841>
Эльдорадо

250. ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок невелик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь!.. Что? будет?..
Авось придет тебе на вкус...
А не придет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Неприхотливый, не сердитый,
Подарок старого пииты
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...
1844

251. ОДА «СОН»

(Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому)

Покоясь спят все одре мягком на,
Тем приятства вкушая от сладкого сна;
С лирой лишь в руке не дремлет пиит;
Того горит око и лира звенит;
Хвалит он ночь, свет дневной запрудившу,
В просвещенном же уме его родившую виршу...
Некий Орфей как певал, ему так все внимали,
Что мухи, жуки, журавли, граки и индейки
скакали...

<1845>

252. ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(Из записок борзопища)

О, не верьте этому Невскому проспекту! . .

Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки. Как ни развевайся вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далее, ради бога далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделяетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря всё дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгушенной массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, фореиторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде.

Гоголь

Я на Невском проспекте гулял
И такую красавицу встретил,
Что, как время прошло, не видал,
И как нос мой отмерз, не заметил.
Лишь один Бенедиктов бы мог
Описать надлежащим размером
Эту легкость воздушную ног,
Как, назло господам кавалерам,
Избегала их взоров она,
Наклоня лукаво головку
И скользя, как по небу луна . . .
Но нагнал я, счастливец! плутовку,
Деликатно вперед забежал
(А кругом ее публики пропасть)
И «Куда вы идете?» — сказал,
Победив <ши> врожденную робость.
Ничего не сказала в ответ,
Лишь надула презрительно губки,
Но уж мне не четырнадцать лет:
Понимаем мы эти поступки.

Я опять: «Отчего ж вы со мной
Не хотите сказать ни словечка?
Я влюблен и иду как шальной,
И горит мое сердце, как свечка!»
Посмотрела надменно и зло
И сердито сказала: «Отстаньте!»
Слышу хохот за мной (дело шло
При каком-то разряженном франте).
Я озлился. . . и как устоять?
На своем захотелось поставить. . .
«Неужель безнадежно страдать
Век меня вы хотите заставить?» —
Я сказал. . . и была не была!
Руку взял. . . Размахнулась грозно
И такую злодейка дала
Оплеуху, что. . . вспомнить курьезно!
Как, и сам разрешить не могу,
Очутился я вмиг в Караванной.
Всё судил и рядил на бегу
Об истории этой престранной,
Дал досаде и страсти простор,
Разгонял ерофеичем скуку
И всё щеку горячую тер
И потом целовал свою руку —
Милый след всё ловил на руке
И весь вечер был тем озабочен. . .
Ах! . . давно уж на бледной щеке
Не бывало приятней пощечин!

<1845>

253. ОДА «ЧАЙ»

(Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому)

Смертных ты поишь, настоян горячей водой,
Тем, чтоб согренье желудка дать той —
Прекрасный, как оных древних сказок нектар,
С ромом мешаясь, внутри ты производишь пожар,
Что крутит в голове, входя в ту чрез брюхо,
От чего красен нос и зело горит ухо —
Палке подобно брошенной вверх, тогда воспарит
Сила та, что в пиите вирши творит,

По дороге ль зимой ехавши, зябнет купец,
Перву беседу с то<бо>й в ночлеге творит
молодец;

Полевой, за отчизну дерясь, офицер
Привязан к тебе на такой же манер;
Ловчий, под осень крутясь на полях,
Без тебя прозябая, готов кричать — ах!
Мудрости пускаясь умом в глубину,
С теми ж профессор имеет привычку одну;
Мы же, пииты, пиющие тя,
Одами да чтим повседневно двумя.

<1845>

254. КАРП ПАНТЕЛЕИЧ И СТЕПАНИДА КОНДРАТЬЕВНА

Поэма в индийском вкусе

1

Жил-был красавец, по имени Карп, Пантелея
Старого сын, обладатель деревни Сопелок
(Турово тож), трехаршинного роста детина,
Толстый и красный, как грозды калины созрелой —
Ягоды сочной, но горькой, — имел исполинскую силу,
Так что в Сопелках героя, подобного Карпу,
Не было, нет и не будет, — между мужиками
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Раз на рогатину принял медведя, а волка,
10 Жива и здрава, однажды в село притащил
за полено¹;
Храбро смотрел на широкое горло ведерной бутылки,
Кашей набитый бурдюк поглощал как мельчайшую
птичку,
Крепкий мышцею, емкий гортанью, прекрасного пола
Первый в Сопелках прельститель . . . . .
. . . . .
...Таков-то
Карп Пантелеевич был. Но, к несчастью, и слабость
Также имел он великую: в карты играть был
безмерно

¹ Хвост волка у охотников называется *полоном*.

Дева за ним — он всё дальше. . . и странно .
 Ей показалось, что сделалось с гусем? «Постой же! —
 50 Думает, — я тебя так не оставлю, проказник; поймаю
 И за побег накажу — накормлю хорошенько!»
 Просо за пазуху всыпав и платице кверху поднявши
 (Был уже вечер, и небо обильно росилось),
 Ручки к нему простирает и ловит, как серна
 Вслед беглецу устремляясь и алые губки кусая,
 Полные милых упреков, в досаде. И вот уж накрыла;
 Вот уж готова схватить, но опять непокорный
 Вырвался, снова отшибся далеко — и снова,
 Стан распрямив серновидный, бежит утомленная
дева.
 60 С версту и более так пробежала; но тщетны
 Были усилья красавицы, силы уж ей изменяют,
 Дух занимается — хочет бежать и не может. . .
 Стала, кругом оглянулася. Вправо окраина леса,
 Дальше пространный нива, покрытая рожью;
налево. . .
 «Боже! какая картина! . .» И скромно потупила очи
 Робкая дева и в страхе дыханье удерживать стала. . .

3

Влево была небольшая поляна, и кусты
 Шли от нее далеко и с самим горизонтом сливались,
 С края же кустов (и вот что стыдливую деву смутило)
 70 Кто-то лежал, устремившись очами на небо
 И выпуская дымок из коротенькой трубки с оправой.
 Был он красив: в голубую венгерку с кистями
 Затянут, обут в сапоги до колен и украшен
 Желтой ермолкой с зеленою кистью; лежала
 Пара легавых собак близ него, и смотрело
 Смерть наносящее дуло ружья из куста. Удалиться
 Силы собравшая дева хотела, но снова
 Силы ей вдруг изменили — осталась и долго,
 Долго смотрела, забыв и стыдливость, и гуся,
 80 И всё, что ни есть на земле. В упоеньи,
 С сердецвластительным взором, с улыбкой,
чарующей душу,
 Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
 Пламенем. . . Вот бы идти — победила влеченье

Страстное... Вдруг востепенулся — подходит
Прямо к охотнику гусь, распутив златоперые
крылья,

Дерзко крича и длинной главой помавая.

Бросились псы, оглянулся охотник и видит:

Сладкоприветная дева пред ним; как с неба
слетевший

Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви
окружала

90 Нежные члены ее, жажду любви пробуждая.

Муку любви почувствовал Карп при виде
волшебном

Стройного стана ее; приподнялся и рухнул
снова

Он на колени пред нею, и речь полилася потоком,
Словно с горы сладкозвучные волны, словно

из бочки
Мед искрометный на дно енды позлащенной.

4

Грусть и тоска воцарились в селе Вахрушове.

Печальна,

Бродит одна Степанида и тайную думает думу:

После того, что сказал ей охотник, влюбленная
дева,

Словно как будто с собою расставшись, была
беспрестанно

100 С Карпом прекрасным. Ни вкусный крыжовник,
ни вишни,

Ниже галушки ее не прельщают; то в землю

Взоры потупит, то к милым Сопелкам (Турово тож)
их поднимет

С темной надеждой и с полной тяжкими вздохами
грудью;

Временем щеки — как жар, временем бледные; очи
Полные слез, засохшие губы, и все в беспорядке

Мысли, как волосы... День и ночь Степанида
вдыхала,

Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на месте ином, и Кондратий Степаныч,

Нежный родитель ее, услышавши, что дочь

Степанида

110 *Свой покой потеряла*, обедать не мог, и простыли
Даром ленивые щи, и вареники так простояли. . .
К счастью, недолго тоска вострозубая грызла
Жителей добрых села Вахрушова. Однажды,
Только что сели за стол и разрезали чудный
Кашей набитый пирог, и главою семьи на тарелку
Было уж взято три доли, и он, уж схвативши
Мощной рукою одну, обдававшую паром, разинул
Пасть и как тигр показал серо-желтые зубы, —
Вдруг подлетела к крыльцу таратайка, и сваха
120 В комнату шасть. Изменилась в лице Степанида,
Вон убежала в испуге. Сваха за ней быстро, как
за робкой

Ланию пес разъяренный, и вот Степанида

С нею одной осталась одна, и тут, приосанясь,
Сваха сказала почтительным голосом ей:

«Степанида,

Свет мой Кондратьевна! в Турове Карп Пантелеич,
Барин добрейший, живет-поживает, и нет

и не будет

В свете красавца такого, — верь чести, не лгу я,
Лопни глаза, расступись мать сыра земля, выгний
Зубы во рту до единого. Если б его ты женою

130 Стала, какой бы родился у вас постреленок. . .

о, чудо!

Выдь за него, осчастливь и его и себя ты навеки —

Ты, тихонравная, сладкоприветная, добрая девка!

Много на жизни людей повенчала я, много

Всяких даров и побой приняла за услуги,

Много наделала жен и мужей, но доньне

Встретить красавца такого, как он, не случилось.

Краля червонная ты, а твой Карп Пантелеич

Просто козырный король — выбирай, какой

любишь ты масти!»

Так говорила злохитрая сваха. Меж тем Степанида,

140 Слушая, радостно рдела; потом в ответ

прошептала,

Вся побледнев от любви: «Скажи ты то же

и Карпу»,

Быстро оделася сваха, уселась опять в таратайку,

Ехать в Сопелки велела и там, за графином
настойки,
Карпу влюбленному всё рассказала.
Слушая жадно, почтенный сын Пантелея, рюмку
за рюмкой глотая,
Радостно рдел... Благодарного полный восторга,
Обнял старуху, сладко рыдая, и целую сотню
Собственной травли заячьих шкур подарил ей
на шубу...

1844 или 1845

255

С цветком в руке, бледна и одинока,
Облокотясь спиною на рояль,
Она сидела... Взор ее глубокий
Пронзительно впивался в мрак и даль,
И странная какая-то улыбка
Змеилась по трепетным устам.
И всюду тишь... лишь в отдаленьи, там,
Качался челн на влаге мутно-зыбкой...

<1846>

256. ЖЕНЩИНА, КАКИХ МНОГО

Она росла среди перин, подушек,
Дворовых девок, мамок и старушек,
Подобострастных, битых и босых...
Ее поддерживали с уважением,
Ей ножки целовали с восхищеньем —
В избытке чувств почтительно-немых.

И вот подрос ребенок несравненный.
Ее родитель, человек степенный,
В деревне прожил ровно двадцать лет.
Сложилась барышня; потом созрела...
И стала на свободе жить без дела,
Невыразимо презирая свет.

Она слыла девицей идеальной:
Имела взгляд глубокий и печальный,
Сидела под окошком по ночам,
И на луну глядела неотвязно,
Болтала лихорадочно, несвязно...
Торжественно молчала по часам.

Въедалася в немецкие книжонки,
Влюблялася в прекрасные душонки —
И тотчас отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала... всё страдала!!!
И пела так фальшиво, что беда.

И вдруг пошла за барина простого,
За русака дебелого, степного —
.....
На мужа негодую благородно,
Ему детей рожала ежегодно
И двойней разрешилась наконец.

Печальная, чувствительная Текла
Своих людей не без отрады секла,
Играла в карточки до петухов,
Гусями занималась да скотиной —
И было в ней перед ее кончиной
Без малого — четырнадцать пудов.

<1846>

257. РУССКАЯ ПЕСНЯ

«Что не весел, Ваня?
В хоровод не станешь?
Шапки не заломить?
Песни не затянешь?
Аль не снес, не добыл
Барину оброку?
Подати казенной
Не представил к сроку?
Аль набор рекрутский
Молодца кручинит —

Угодить боишься
Под красную шапку?
Аль душа-девица,
Что прежде любила,
С недругом спозналась?
Ваньке изменила?»
— «Оброк и с гостинцем
Барину преставил;
Подати казенной
За мной ни алтына;
Не боюсь рекрутства —
Брат пошел охотой;
А душа-девица
Мне не изменяла —
Да ее-то, братцы,
Сроду не бывало! . . .»

<1846>

258. РЕВНОСТЬ

Есть мгновенья дум упорных,
Разрушительно-тлетворных,
Мрачных, буйных, адски-черных,
Сих — опасных как чума —
Расточительниц несчастья,
Вестниц зла, воровок счастья
И гасительниц ума! . .

Вот в неистовстве разбоя
В грудь вломились, яро воя, —
Всё вверх дном! И целый ад
Там, где час тому назад
Ярким, радужным алмазом
Пламенел твой светоч — разум!
Где добро, любовь и мир
Пировали честный пир!

Ад сей. . . В ком из земнородных,
От степей и нив бесплодных,
Сих отчаянных краев,
Полных хлада и снегов —

От Камчатки льдянороброй
До берегов отчизны доброй, —
В ком он бурно не кипел?
Кто его — страстей изъятый,
Бессердечием богатый —
Не восцествовать посмел? . .

Ад сей. . . ревностью он кинут
В душу смертного: Раздвинут
Для него широкий путь
В человеческую грудь. . .
Он грядет с огнем и треском,
Он ласкательно язвит,
Всё иным, кровавым блеском
Обольет — и превратит
Мир — в темницу, радость — в муку,
Счастье — в скорбь, веселье — в скуку,
Жизнь — в кладбище, слезы — в кровь,
В яд и ненависть — любовь!

Полон чувств огнепалящих,
Вопиющих и томящих,
Проживает человек
В страшный миг тот целый век!
Венчан тернием, не миртом,
Молит смерти — смерть бы рай!
Но отчаяния спиртом
Налит череп через край. . .
Рай душе его смятенной —
Разрушать и проклинать,
И кинжалов всей вселенной
Мало ярость напитать! !

1845 или 1846

**259. СТИХОТВОРЕНИЕ, ЗАИМСТВОВАННОЕ
ИЗ ШИЛЛЕРА И ГЕТЕ**

Я герой! . .
Припеваючи жить
И шампанское пить,
Завираться!

Жребий мой:
Вечеринки давать,
И себя восхвалять,
И стишки издавать,
И собой
Восхищаться!
Верить одному
Вкусу своему,
Всех блаженней в мире,
Всех несчастней быть;
Но какое счастье
Так *себя* любить! . .

1845 или 1846

260. МОЙ ЖРЕБИЙ

Давно от участия, от ласковой речи
Меня отучило коварство людей.
Слова их — отравы, лобзанья — картечи,
Объятья — тяжелые груды цепей.

Кто вырвал надежду из девственной груди?
Кто день моей жизни во мрак погрузил?
Всё братья родные! всё люди да люди!
Но видит всевышний, что я им не мстил.

Я всё перенес! Мне ничто не обидно!
Давайте мне больше тяжелых работ.
Я труженик мира! я раб беззащитный! —
Пусть ломаются кости! пусть льется мой пот!

Я хитростных козней вражды не разрушу,
Тяжелого бремя не сброшу с плечей:
Пусть хлад отчужденья терзает мне душу,
Пусть я забавляю моих палачей.

Пускай всё отнимут — наперсники злости!
Мне в голову камень — не сетую я!

Мне в пищу обломок обглоданной кости,
Покров погребальный — одежда моя!

Не с острым кинжалом в карательной длани,
Не с грозным укором на бледном челе, —
С надеждой веселой под тучей страданий
Я твердой стопою пройду по земле...

Роптанья не вырвет мирская забота:
Томиться я буду с улыбкой в устах,
Чтоб каждая капля кровавого пота
Блаженства зерном мне вошла в небесах!..

<1847>

261

Взирает он на жизнь сурово, строго,
И, глядя на него, подумать можно:
У! у него здесь (надо указывать на лоб)
много! много!..

Солидный вид, и страшный мрак во взоре,
И на челе какой-то думы след,
Отрывистость и сухость в разговоре...
Да! Мудрецом его признает свет!
Такая внешность — мудрости залогом,
Без всякого сомненья, быть должна...
Она ему способствует во многом,
И уважение внушает всем она!..

<1854>

262

Кто видит жизнь с одной карманной точки,
Кто туп и зол, и холоден, как лед,
Кто норовит с печатной каждой строчки
Взимать такой или такой доход, —

Тому горшок, в котором преет каша,
Покажется полезней «Ералаша».

Но кто не скрыл под маскою притворства
Веселых глаз и честного лица,
Кто признает, что гений смехотворства
Нисходит лишь на добрые сердца, —
Тот, может быть, того и не осудит,
Что в этом «Ералаше» есть и будет.

Начало 1854

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Варианты даются в порядке номеров строк. После номера указывается источник варианта; если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта.

1

*После 466
«Статейки
в стихах»*

С ним пела не отличная
Певица Остергард.
Ей, право бы, приличнее
Петь в зале Энгельгард.

*После 730
ЛГ*

Стыжусь подобной дичи я! . .
(Хоть больно колотил,
Но правила приличия
Родитель мне внушил.)

3

*Вторая редакция
Автограф ЛБ*

ДЕТСТВО

Родился я в губернии
Далекой и глухой
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Чуть от земли завидели,
Тотчас же принялись
Пороть меня родители. . .
«Не шляйся, не ленись!»
Отец мой приговаривал:
«Ты скот — не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забыть вовек!
От матери украдкою
Меня к себе сажал
И в рот мне водку гадкую
По капле наливал:

«Ну, заправляйся смолоду,
Дурашка, подрастешь —
Не околешь с голоду,
Рубашку не пропьешь». —
Так говорил — и бешено
С друзьями хохотал,
Когда я, как помешанный,
И падал, и кричал. . .
Полакомивши коркою
Частенько при чужих:
«Ну, — говорил, — четверкою
Катни-ка на своих! . . .»

Плод дало воспитание:
Я десяти годов
Уж приобрел познание,
Что значит полуштоф.
Отлично в подкаретную
С мальчишками играл,
Имел наружность бледную —
Что делать! — много знал! . . .
По грошику откладывал,
Надул уж кой-кого;
Отец на всё поглядывал,
Не видя ничего.
Бранился со старухою,
Клал за щеку табак
И часто за сивухою
Гонял меня в кабак;
Жил бедно удивительно,
Мне не давал гроша,
Но пьяный был решительно
Добрейшая душа.
Нередко даже вместе я
Тянул с ним ерофей,
А он твердил мне: «Бестия!
Не шляйся и не пей!»
Когда ж поймает в шалости,
Спокоен и жесток,
Без гнева и без жалости
Берет свой посошок.
От страха рот разину я,
Сплетать примуся ложь —
А он меня дубиною,
И я опять за то ж! . . .

Так времечко катилось
Без горя и без бурь,
Но вдруг беда случилась:
В отца вселилась дурь.
Небритый, как страшилище,
Он месяц кряду пил

И вдруг меня в училище
Отправить рассудил.
Мать плакала, томилася,
Не ела по три дня,
Вздыхала и молилася,
Просила за меня.
Пешком идти до Киева
Хотела, но слегла
И с просьбой «не губи его!»
В могилу перешла.
Немытый, неприглаженный,
Бежал я босиком,
Как в церковь гроб некрашенный
Везли большим селом.
Я слезы непритворные
Руками утирал,
И волосенки черные
Мне ветер развевал.
Мир праху добродетельной! . .
Отец грустил, рыдал,
Но тщетно благодетельной
Я перемены ждал.
Не изменил решения:
Изрядно куликнул,
Дал мне благословение,
Полтинник в руку ткнул,
Влепил с немым рыданием
В уста мне поцелуй. . .
«Учися с прилежанием,
Не шляйся, не воруй!» —
Сердечно, наставительно
Сказал в последний раз,
Махнул рукой решительно —
И кляча поплелась. . .

*Третья
редакция
Автограф ПД*

МОИ ДЕТСКИЕ ГОДЫ
Из признаний Белопяткина

ГЛАВА 1

Родился я в губернии
Далекой и глухой
И прямо встретил тернии
В юдоли сей земной.
Чуть от земли завидели,
Тотчас же принялись
Пороть меня родители.
«Не шляйся! не ленись! —
Папаша приговаривал. —
Ты жук — не человек!»
И так меня прожаривал,
Что не забуду век! . .

(При правильном питании,
Скажу вам, господа,
В подобном воспитании
Ребенку нет вреда.
Лишь бей без раздражения
И розги намоча,
Чтоб членоповреждения
Не сделать сгоряча.)
Как человек практический
И малый с головой
Прием педагогический
Имел он и другой:
Раз с кумом Евстигнейчем
Он сильно закутил,
Противным срофеичем
И сына накатил:
«Ну, заправляйся смолоду,
Дурашка! подрастешь,
Не околеешь с голоду —
Рубашки не пропьешь! . . .»

Напившись, как помешанный
Я падал и кричал,
А он-то, разутешенный,
Любуясь, хохотал.
«На! закуси-ка коркою!
Травник уж больно лих. . .
Да ну теперь четверкою
Катни-ка на своих! . . .»

Хлебал я водку с тюрею
В невинные года,
Но пред житейской бурею
Не дрогнул никогда.
На старости не пьянствую,
А налижусь, то тих.
В семействе не тиранствую,
Но в детстве был я лих.
С семи лет в подкаретную
С мальчишками играл,
Имел наружность бледную,
Что делать? много знал!
По грошику покрадывал,
Обшарил кой-кого,
Отец на всё поглядывал,
Не видя ничего.
Бранил жену паскудою,
Звонил в колокола
И гнал меня с посудой
Зеленого стекла.

• • • • •

Вместо
97—99
ЛГ

«Да, женишок попался неудачен
(Так рассуждал), а ведь, кажись, и взрачен!
Нет, уж вперед я буду поумней
И муженька получше завербую
Для дочери возлюбленной моей. . .»
Смеюсь я часто, чаще негодую
На способы к сбыванью дочерей,
Какие замечаю повсеместно
В моей отчизне кроткой и любезной,
И вообще против словечка *тесть*
В моей душе предубежденье есть.
Насильное вмешательство, укоры,
Глубоко возмущающие ссоры. . .
О, если вы женатый человек,
Блюда дни супруги вашей нежно,
Не то случись несчастье — целый век
Вы прогрызетесь с тестем неизбежно.
Родитель вашей дорогой жены,
Считавший вас еще за сутки сыном,
Кому по нежным родственным причинам
Вы ручку были целовать должны
(У тестюшек у многих руки грязны,
Но, к радости зятей смиренных, есть
Такой обычай древний и прекрасный
Среди семейств российских и доднесь), —
За долг себе священнойши поставит
Не только вас до нитки обобрать,
Но с вами до могилы враждовать. . .
Надеюсь, что читатель не заставит
Примеры представлять. Я тороплюсь —
Забуть события важные боюсь. . .

Вместо
173

И любим басурманское вино.
Да, точно жаль — заочно соглашаюсь!
Но — странное явление! — возвращаюсь
С литературных наших вечеров
Всегда я как-то не совсем здоров. . .

13

15—18
ОЗ

Я разделял твои мученья,
Я горячо тебя любил
И жалкой мыслью отчужденья,
Клянусь, на миг не оскорбил! . .

15—16
Все

прижизн. изд.

Мне луч божественный участия
Весь темный путь твой осветил:

- Вместо* И ты, делившая с страдальцею бедной
 31—33 Однообразный век, безрадостно-бесцветный,
Автограф Тебя уж также нет — сестра моей души!
из собр. Ты рано отцвела, погибла ты в глуши,
В. В. Егерева Но помню я твое тоскливое рыданье.
 Нет той, с которою делила ты страданье
 И девственной души несмелые мечты,
 И помню я твой вопль: «За что погибла ты?»
 И быстрый-быстрый взгляд, сверкнувший не случайно
 И гневом, и прозой, и ненавистью тайной.
 Смерть матери была предтечею твоей.
- 45—48 И няню вспомнил я (о нянях на Руси
 Так много есть стихов, что боже упаси!
 При имени ее впадая в умиление,
 Я встарь к ней чувствовал и сам благоговенье).

- 1 [В неведомой глуши, в отчизне полудикой,]
Автограф

- После 12* Я скажу, что напугал я вздору,
Черновой Ты дашь слово не вспыхивать больше, —
автограф Осмеем мы минутную ссору
(первые 4 И обнимемся крепче и дольше!
стиха —
также в С) Откровенны и счастливы оба,
 Снова в жизни найдем наслажденье.
 Хуже, если подавлена злоба, —
 Приготовит она охлажденье!
 [Как бы ни было сердце прекрасно]

- После 16* Имел я и талант и страсть к литературе,
 С Но в жертву с юных лет принес всё корректуре!
 Бывает жаль теперь, когда завистник мой,
 Бездарный кропотун, смеется надо мной,
 И нечем отвечать обидной укоризне. . .
 Но пусть не головой полезен я отчизне,
 Я всё же доказать фактически могу,
 Что в корректуре я себя не берегу!

Я даже был творцом таких нововведений,
Которые должны мой корректурный гений
Потомству передать, — хоть осмелили их!
Но пусть враги мои твердят, что аккуратность
Мне заменяет честь, талант и деликатность, —
Заслуг не омрачат почетных и прямых!
Кто что ни говори, без верной корректуры
Нет настоящих книг, и нет литературы! . .

После   Корректор я такой, что не подточишь пятки,
58   Но даже у меня отыщут опечатки!
Неловкую статью, тяжелый перевод —
Всё выставят на вид, а что умно и ново,
О том молчание. . . Завистливый народ! . .
«Ни место, — говорят, — ни время не дает
Распространяться нам», — и мнение готово! . .

Вместо   Да где их доставать? Я сам за корректурой
132   Заняты прекратил давно литературуй,
Лишь в «Критике» пишу. . .

П о д п и с ч и к

Какие же статьи?

Ж у р н а л и с т

Те, что без подписи, — все до одной мои.

При этом известии в лице подписчика выражается глубочайшее почтение.

Таланты наши так, к несчастью, ленивы,

Вместо   Журнал ваш, например, достопочтенный друг!
292   Читателей у нас что год, то шире круг,
По милости правительства и бога
Нам к просвещению широкая дорога
Открыта. . . Для чего ж грошовый интерес

(Провожает его до прихожей и, возвращаясь в кабинет, говорит:)

После   Он дело говорит, да что ж я делать стану,
307   Когда меня бранят, колотят по карману!
Я, правда, начал сам. . . Да поздно уж теперь!
Какой, однако ж, шут! провинциальный зверь!
Без деликатности малейшей так и режет;
А всё ведь из чего? язык досужий чешет!
Послушайся его, пожалуй, перестань
Браниться. . . Никогда! Нет, докажу, что дрянь
Всё, кроме моего журнала, — вот и баста!

Звонит. Входит слуга.

А где же Хрипунов?

С л у г а

Он ждет.

Ж у р н а л и с т

Проси его!

Х р и п у н о в

(входит с тетрадкой)

Не помешал ли вам?

Ж у р н а л и с т

Садитесь, ничего!

А что там, батюшка, под мышкою у вас-то?

Х р и п у н о в

Да так-с. У недругов у ваших я нашел. . .

Ж у р н а л и с т

Что? что?

Х р и п у н о в

Неправильно поставленный глагол,

Одну бессмыслицу, семнадцать опечаток. . .

Неловкий каламбур. . .

Ж у р н а л и с т

Остричь не мастера!

Х р и п у н о в

Я целый день писал статеечку вчера. . .

Зато отделал же — от головы до пяток!

(Подает статью.)

Она невелика. . .

Ж у р н а л и с т

Давайте, посмотрю!

Да вот нельзя ли вам состряпать к сентябрю?

(Дает ему раскрытую книгу с отметками.)

Х р и п у н о в

Еще?

Ж у р н а л и с т

Потешиться тут можно превосходно!

Х р и п у н о в

Писать готов я всё, что будет вам угодно. . .

Ж у р н а л и с т

Перепечатана, вот видите, статья,

И то с ошибками. . . две-три нашел уж я —

Нельзя ли приискать побольше? Вот бы чудно!

Могли бы мы сказать: «Ведь, кажется, не трудно

Перепечатывать? Взгляните между тем,

Какие пропуски, ошибки, опечатки!

И вот, читатели, вас угощают чем!
Недаром Лермонтов в стихах своих перчатки
Советовал надеть, начав читать журнал.
Сигов и Кузмичев, возрадуйтесь! . . Чем же
И кто безграмотней когда-нибудь писал? . .»

Х р и п у н о в

Смотрите, ведь они ответить могут тем же . .
Пойдет история . .

Ж у р н а л и с т

Э, где им! никогда!

Х р и п у н о в

Однако ж, и у вас встречал я иногда . .

Ж у р н а л и с т

Ну, верно пустяки . . Не бойтесь — и пишите!
Да также и в других отделах поищите;
Нельзя ли перевод пощупать? . .

Х р и п у н о в

Всё прочту!

Прощайте!

(Уходит.)

Ж у р н а л и с т

Посмотреть, какие тут улики.

(Берет статью, оставленную Хрипуновым.)

Досадно, что статьи их вечно так велики:
То два, то три листа — и редко по листу!

(Перевертывает страницы.)

Сказал, невелика, а тоже будет, верно,
Страниц до тридцати; привыкли непомерно
Растягивать они . . и как не похитрить?
Условья хороши! Эх, жаль! за корректурой
Заняться не могу я сам литературой,
А то бы как писал! . .

(Снова перевертывает статью и вздыхает.)

Попробуй не платить —

Отступятся, уйдут, останусь беззащитным.
А благородное молчание хранить
Не будет ли опасным и постыдным? . .

40

После 12
С

Взяты временем и горем
Кудри черные твои,
Не сравнишь ты с синим морем
Очи впалые мои . .

*После 32
Письмо
к Тургеневу* По трудному пути растерянная гордость
И всетерпящая, постылая ей твердость,
Желанья и мечты, которым никогда
Свершиться не дано, — и верная беда;

*217—220
Автограф* На жизнь сурово он взирал
И, чтоб долги поправить,
Скорее партию желал
Богатую составить. . .

225—228 [Мамаша распевала ей:
«Другая бы гордилась —
Опять войдем в родство князей!»
И Надя покорилась. . .]

БУРЯ

*Первая
редакция
С* Не любил я ни грому, ни бури,
И боялся, когда по лазури,
Разрушенье и гибель тая,
Пробежит золотая змея.
Да вчера молодая соседка
Мне сказала: «В саду есть беседка —
Как стемнеет, туда приходи!»
Расходилося сердце в груди!
Я не знал, как я ночи дождуся,
Вдруг гляжу и поверить боюся:
Обложилось небо кругом,
Блещет молния — буря и гром!
Проклиная докучную бурю
Пуще прежнего, брови я хмурю
И в беседку тоскуя иду,
Что соседки я там не найду:
«Ведь она и робка и ленива —
В бурю выйти ей из дому в диво —
И не верит, что счастье мое —
Целый мир исходить для нее!
Ах! люби она столько же страстно,
Не казалась бы буря опасна,
Не казалась бы ночь ей темна,
Да настолько ли любит она? . . .»

Без надежды вхожу я в беседку,
Озираюсь — и вижу соседку!

«Я боялась, что ты не придешь! . .»

Не хочу, да и слов не найдешь
Передать эти жаркие речи,
Эту радость условленной встречи. . .

«Оба, друг мой, боялися мы,
Но не грому, не бури и тьмы:
Пусть там буря ревет нестерпимо,
Наша туча промчалася мимо,
Наше счастье тихо цветет,
Наше сердце любовью живет. . .»

Я сушил ее мокрые ножки,
И чем ярче блистали окошки,
Озаряясь мгновенным лучом,
И чем больше пугал ее гром,
Тем, любви ее веря сильнее,
Наслаждался и жил я полнее,
И блаженной такой тишиной
Веял бури пронзительный вой
В эту черную ночь надо мной. . .

Не боюсь теперь грому и бури,
И когда по туманной лазури
Пробежит золотая змея,
Не робею, а радуюсь я. . .

50

Перед 1
С

Бедных петербургских жителей,
Стариков, сирот и вдов
Общество благотворителей
Приняло под свой покров.
С той поры я благоденствую
Без печалей и тревог,
И от скуки совершенствую,
Сочиняючи, мой слог.
Слава богу! между знатными
Нынче в моде, так сказать,
Не советами печатными,
Самым делом помогать:
Вот обычай утешительный!
А то в прежние года
Был со мною удивительный,
Станный случай, господа!

После 16
С и Изд. 1856

Говорят, за эти качества
Я бы в честь теперь попал;
Но была пора подьячества,
Как я службу начинал.

- После 24
 Автограф ПД
- День-деньской таскался в люди я,
 Ночью не жалел чернил, —
 Не добился правосудия,
 Только сапоги добил!
- 54—56
 С и Изд. 1856
- Соревнуя, пять частей
 В популярном изложении
 Напечатал повестей.
- После 60
- В русском духе, молодецкая,
 Как по маслу речь текла,
 Хоть фамилия немецкая
 У особы той была.
- 86—89
 Автограф ПД
- Не пустил — ступай в трактир! ..
 Помолился я угоднику,
 Поначистил свой мундир
 И пошел. . . Путем-дорогою,
- 109—112
- Вот идет его сиятельство, —
 Я сробел; чуть жив стою;
 Впал в тупое замешательство
 И забыл всю речь свою.
- 134—136
 С и все при-
 жизненные
 издания
- Кулаком ударя в лоб,
 Взвыл я вроде сумасшедшего
 Пред особой из особ. . .
- 137—140
 С и Изд. 1856
- Видя плач сей уморительный
 И в мундиришке изъян,
 Человек благотворительный
 Заподозрил, что я пьян. . .

52

ТРУЖЕНИК

Признания новейшего Фальстафа

Ранняя
 (вторая
 печатная)
 редакция
 «Для легкого
 чтения»

Те, которых часто я встречаю
 В час, когда по Невскому гуляю,

По моей громадной толщине
 Заключают ложно обо мне.

Помню раз, четыре господина
 Говорили: «Вот идет скотина!»

Видно, нет заботы никакой —
 С каждым годом прет его горой!»

Ах, когда б я был благополучен
 10 Вполовину только, сколько тучен,

Ничего бы в жизни не хотел. . .

Но, увы! ужасен мой удел. . .

Я тружусь, я мучусь через силу
И сойду безвременно в могилу,

А за что? . . Я кроткий человек,
Я собаки в жизни не посека!

Всякий в мире чем-нибудь тщеславен:
Тот гордится тем, что он забавен;

А другой, что мрачен как чума, —
20 Мрачность есть подобие ума!

Тот богат, тот беспредельно беден. . .
Я горжуся тем, что *я безвреден*. . .

Так хранит непроходимый бор
Никому не вредный мухомор

В глубине своей. . . Мое наследство
Получив чуть-чуть не с малолетства,

Стал я жить, как говорится, всласть,
Не учась ни занимать, ни красть!

Я не плут, не честный спекулятор,
30 Не крючок и даже не плантатор.

Не люблю тартюфов и ханжей,
Презираю снобсов и хлыщей.

(Неспособный к внешнему эффекту)
Не брожу по Невскому проспекту

При коварном свете фонарей.
(По причине тучности моей)

Предаваясь благородной лени,
Не пишу снотворных сочинений.

Не служа, к отличию дорог
40 Никому я перебить не мог.

Ни умом, особенно блестящим,
Ни богатством, по свету гремящим,

Ни азартом рук или речей —
Я ничем не оскорбил людей, —

Самому не быть бы только битым
Да владеть хорошим аппетитом

Я хочу. Но не дает господа!
Извожу я собственную плоть.

Для поддержки сил ослабших нужен
50 Мне обед достаточный и ужин,

И чтоб к ним себя готовить,
Должен я гулять, гулять, гулять!

Чуть проснусь, кувшинчик выпью квасу,
«Одевай!» — тотчас кричу Протасу.

(Адски глуп и копотлив Протас:
Одевает часто целый час.

Да зато повязывать мне шею
Допускать его я не робею:

Предан мне — и хоть совсем не франт,
60 Мастерски устраивает бант.

Честь ему! . . тем более, что кос он. . .)
Наконец одет я и причесан. . .

Палку в руки, шляпу набекрень —
И пошли мученья на весь день. . .

Как пройду я первые ступени,
Подогнутся, задрожат колени;

А как вовсе с лестницы сойду,
Кажется, как будто я в аду:

Тут одно желанье и старанье —
70 Как-нибудь перевести дыханье;

Стукотня ужасная в висках,
Пот на лбу и слезы на глазах,

Словно кто свистит и дует в ухо,
И как волны в бурю ходит брюхо! . .

Отошедши несколько шагов,
Я совсем разбит и нездоров;

Сел бы в грязь, так жутко и так тяжко,
Да грозит чудовище Кондрашка

И твердит, как Вечному Жиду,
80 Всё: «Иди, иди, иди! . .» Иду. . .

Из коляски высунется дама
И в лицо мне засмеется прямо,

Крикнет мальчик с хохотом: «Ура!
Посмотрите: катится гора! . .»

(А дурак лакей, за мной идущий,
Вдруг икнет и захочет пуше.)

Тот кричит: «Влеплю в политипаж!» —
И готов уж вынуть карандаш;

А другой своим заметит дамам:
90 «Полюбуйтесь сим гиппопотамом!»

Кучера по-своему острят
И — скоты! — друг другу говорят:

«Если б в брюхо и попало дышло,
Чай, насквозь оно бы ведь не вышло! . .»

Так, извне насмешками язвим,
Изнутри изжогаю палим,

Я бреду. . . Пальто, бурнусы, шляпки,
Смех мужчин и дам нарядных тряпки,

Экипажи, вывески, друзья —
100 Ничего не замечаю я! . .

Чуть живой, сердитый и угрюмый,
Я одной весь преисполнен думой:

Как бы время поскорей убить?
И хоть малый голод ощутить? . .

То и знай справляюсь я с часами,
Услаждаясь вкусными мечтами

О хороших яствах и о том,
Что дадут сегодня за столом:

С вечера я знаю карту клуба.
110 (Вообще моя не дура губа —

Я поесть умею хорошо
И люблю, чтоб было всё свежо. . .)

Наконец. . . блаженная минута! . .
Скоро пять — бог ведает откуда

Силы вдруг возьмутся. . . Как зефир,
Я лечу домой, или в трактир,

Или в клуб. . . Теперь я жив и молод,
Я легок: я ощущаю голод! . .

Ах, поверьте! счастье не в том,
120 Чтоб блистать возвышенным умом,
Красотой, богатствами и чином,
Наше счастье — в потрохе гусином!
(Может быть, мой вкус немного груб,
Но люблю я с потрохами суп.)
Наше счастье бродит меж холмами
В бурой шкуре, с дюжими рогами! . .
Впрочем, мне распространяться лень. . .
Дней моих хранительная сень,
Здравствуй, клуб! . . Почти еще ребенок,
130 В первый раз, и сухощав, и тонок,
По твоим ступеням я всходил;
Ты меня взлелеял и вскормил!
Честь тебе, твоим здоровым блюдам! . .
Если кто тебя помянет худом,
Не сердись, не уличай во лжи:
На меня безмолвно укажи!
Друг людей, кормилец и защита!
Сколько раз, как ветер выл сердито,
Думал я, дремля у огонька:
140 «Жизнь моя приятна и легка.
Кто-нибудь теперь от стужи стонет,
Кто-нибудь в сердитом море тонет,
Кто-нибудь дрожит. . . а надо мной
Ветерок не пролетит сквозной. . .
Скольких ты призрел и успокоил!
И в объеме, как меня, удвоил!
Для какого множества людей
Заменил семейство и друзей! . .»
Впрочем, время начинать нагрузку,
150 Нападаю рьяно на закуску.
О, мои заклятые враги —
Ветчина, копченые сиги,
Балыки, икорка и селедки! . .
Съел всего, два раза выпил водки. . .

А!!!! несут уху из стерлядей. . .
Ну, теперь, желудок мой, — смелей!

Предстоит тебе — не ужасайся! —
«Натиск лют и гнет велик», — раздайся!

За жабо салфетку я заткнул,
160 Рукава у фрака отвернул

И засел! Я не даю потачки
Ни ухе, ни жирной кулебячке;

А десяток малых пирожков
Сам собой проскочит меж зубов. . .

Чу!!! явилось блюдо солонины —
Разгорелись очи соколины!

Вместе с ним — приятель мой ростбиф —
Весь в гарнире. . . не ростбиф, а миф!

Я грибом чуть-чуть не подавился,
170 Да сосед, спасибо, умудрился:

Тумака такого дал, что гриб
Вылетел и к потолку прилип!

(Кто из нас не рад сердечно другу
Оказать подобную услугу? . .

Но не всякий на руку легóк,
Берегите шейный позвонок. . .)

Караси в сметане очень вкусны,
Да от них бывают мысли грустны:

Съел всего полдюжины. . . Легюм?
180 Не хочу! . . Боюсь холерных дум. . .

Я и так не спал намедни ночьку. . .
Лучше съем пока телячью почку —

А меж тем жаркое подадут. . .
Вот оно. . . О поваришка плут!

Не гуська и не индюшку с рисом —
Дал дроздов: есть нечего и крысам! . .

Но свое, однако ж, я навел:
Девятнадцать дроздиков уплел! . .

В заключение съел и форму крему,
190 Приподнять велел себя Ефрему,

Выпил чашку кофе и спросил
Коньяку — для оживленья сил. . .

К сожаленью, счастье непрочно.
За столом блаженствовал я, точно,

Да потом. . . ну, много ли поел? . .
Как тюлень морской отяжелел!

Начались ужасные отрывки,
Словно ел сырые кочерыжки;

200 На желудке чувствовал бревно,
И на фраке лопнуло сукно:

Пуговица звонко отскочила
И слегка кому-то глаз подбила.

(Извинился вяло и с трудом —
Было лень ворочать языком.)

Отпиваясь разными водами,
Всех пугал кровавыми глазами;

Так дышал, что лампу погасил
И по всей бильярдной начал;

210 Так храпел, уснувши на минутку,
Что весь клуб обидел не на шутку. . .

И притом случился кошмар.
Закричав «пожар! пожар! пожар!» —

Я вскочил: вертится пред глазами
Красный жук с огромными усами,

И корова с голубым хвостом
Раскаленным дразнит языком

И мычит: «Давай скорее душу!»
Я в ответ: «Погибну, а не струшу! . .

220 Хоть всего в былинку иссуши. . .
Дура ты! нет у меня души! . .»

Тут меня соседи окружили
И водой холодной окатили.

Слышу толки: «Видно, паралич!»
— «С кем? когда?» — «Увы, Фома Фомич!»

— «Так его Кондрат таки прихлопнул?»
— «Я дивлюсь, как он давно не лопнул. . .»

— «Ни один обжора-камчадал
Вполовину столько не съедал. . .»

— «Вот теперь обрадуется повар! . . .»
230 Слушая сей неприличный говор,

Я слегка потрогал каждый член:
Никаких не видно перемен,

Лишь чуть-чуть подергивает брови,
Глаз ведет. . . пустой приливчик крови!

Я взглянул — весь клуб передо мной:
Тот качает грустно головой,

Тот глаза лазоревые пялит,
Тот, под видом состраданья, жалит,

Тот зовет товарищей играть:
240 «Что напрасно время нам терять?»

Никому нет нового нimalo:
Протянулся дюжий объедало! . . .»

(Таково участие людей —
В том числе и преданных друзей.)

Наконец я с мыслями собрался
И вперед есть менее поклялся. . .

Но я слаб, я человек. . . увы!
Привезли белугу из Москвы,

И рассудок был обезоружен,
250 Сокрушил я самый плотный ужин,

И ведь что ж? . . . Всё сняло как рукой! . . .
С той поры обычной чередой

Ем обеды, ужины, закуски.
Каждый год мне панталоны узки.

Ничего! В последние года
Изобрел я средство, господа,

Улучшать домашних птиц породу.
Целый день в дождливую погоду

Провожу средь уток и гусей,
260 Как отец среди своих детей.

Глупые, но добрые творенья!
Довожу я их до ожиренья

И потом съедаю... Жил бы всласть,
Да гулянье — вот моя напасть! . .

Рад не рад — идешь, как до прогулки
В рот нейдет кусочек малый булки,

Да вопрос: ходить-то каково? . .
Верьте мне: нет хуже ничего!

Я тружусь, потею через силу
270 И сойду безвременно в могилу. . .

А за что? Я кроткий человек,
Я собаки в жизни не посек.

Потому — столь тяжкое несчастье,
Смею думать, вызовет участие,

Пусть узнает публика, что тот,
Кто счастливец по виду слывет,

Далеко не так благополучен,
Как румян и шаровидно тучен.

54

*Набросок
начала
Автограф*

А спроси, кто их строители?
Тот же всё бедняк-мужик.
Мы на днях такого видели.
Богом избранный старик —

*Вместо
1—8*

В армяке с открытым воротом,
Смуглолиц, высок и прям, —
Важно проходил он городом
И просил на божий храм.

Весь в веригах; обувь бедная,
Та же летом и зимой;
На груди икона медная
И котомка за спиной.

Вместо 12—24

Был он прежде. Стороной

От людей мы верных сведали,
Что он был один из тех,
Кои *(пропуск)* бога предали
(пропуск) грех,

Что душа его у дьявола
Изнывала под замком,
Да зато по Волге плавала
Барка с Власовым добром.

Говорят, душа преступная —
(Он) о ней не помышлял.
Словно крепость неприступная,
Власов дом в селе стоял.

Нищим в окна неприветные
Постучать избави бог.
Он сокровища несметные,
Словно лютый пес, стерег. . .

Гнал недужного, убогого,
Только ноги уноси.
Нрава был такого строгого,
Что в беде и не проси!

[Купит сходно хлеб у бедного
При нужде,] а в черный год
Не уступит гроша медного,
До рубашки обдерет!

Он жену, кликушу бледную,
В гроб побоями загнал,
Под замками малолетнюю
Дочь-красавицу держал.

[Женихову сваху-сводницу
Приказал по шее гнать.
Мне-де, дура, не работницу
Из-за дочки нанимать.]

Подросла — отца покинула.
Влас о ней не потужил,
Да как сорок Власу минуло,
Чудо тут господь явил.

*Вместо
33—36*

а Говорят, ему видение
Было в третий день поста,
Видел светопреставление,
Видел адовы врата.

[Видел муки расточителей,
Праздных, буйх мытарей,
И чужого присвоителей,
И неправедных судей.]

б На великий пост видение
Было Власу, говорят, —
Видел света преставление,
Нисходил в кромешный ад,

Видел муки лютых грешников —
Праздных, буйх мытарей,
Сквернословов, кровосмешников,
Лихоимцев и ханжей.

Вместо
37—48 Воют грешники в прискорбии —
И вещают им в ответ
Ефиопы, змии, скорпии:
«Вам помилованья нет!»

Стоном, скрежетом и грохотом
Оглашен смердящий ад,
И над ним летает с хохотом
Лютый тигр-шестокрылат.

После 52
С и все
прижизненные
издания Сочтены дела безумные...
Но всего не описать...
Богомолки, бабы умные,
Могут лучше рассказать.

После 76 Словом истины евангельской
Собирая богу дань,
Побывает и в Архангельской,
Проберется и в Рязань...

85—88
Автограф И дают ему прохожие —
Грош, копейку, пятак...
Подавать на храмы божии
Любит русский мужичок!

56

14—16
С Отчего и не взять иногда?
Но — остаток наивного детства —
Уцелело в нем чувство стыда.

17 Человек он был странной породы:

20 Не шутя воровством называл.

57

Первая
редакция
Автограф
ЛБ В сумерки в церковь вхожу я случайно.
Полно всё в ней полумраком и тайной.
Две-три лампы, убого блестя,
Темные лики святых золотя,
Слабых лучей не доносят высоко.
Робко поднявшись, пугливое око
Клонится долу, — хромой инвалид
Ходит с тарелкой и медью стучит.
Шепотом внятным и медленным нищий
Просит у бога покрова и пищи.
Тут же склоняется низко без слов
Пара старушечьих дряхлых голов...
[И между ними — ужель не ошибка? —

Бледны ланиты — исчезла улыбка.
Бедная! бедная! скоро же ты
Чудной лишилась своей красоты!
Так... и глаза, и черты — всё похоже...
Да... я узнал тебя... Боже мой, боже!
Что с тобой случилось! Каких перемен
Ты натерпелась?.. Недавних времен
Помню я лучшие дни... Как, бывало,
После трудов и больной и усталый —
Жадно прохладой вечерней дыша,
Брел мимо окон твоих, не спеша,
С матерью ты у окошка сидела,
Весело шила и весело пела...
Или уж мать на кладбище, а тот,
Что мимо окон, бывало, снует
И поцелуи тебе посылает...
Что он, скажи, он бывал... он бывает?]
Стал он смелее, как мать умерла?
Ты ему сердце свое отдала?
Вижу я: стан твой немного полнее...
Вижу: украдкой стыдливо краснея
И нагибаясь горящим лицом,
Хочешь ты скрыть его жалким платком.
И за того теперь бога (ты) просишь,
Чье ты под сердцем дитя теперь носишь.

Кончилась служба. Пошел я за ней.
Всё рассказала мне бедная Маша...
Да не минет тебя, черный злодей,
Горя житейского полная чаша!

*Вместо
1—11
Черновой
автограф
ЛБ*

В церковь вхожу — богомолец случайный
В темные сумерки — мраком и тайной
Дышат просторного храма углы.
Окна высокие, полные мглы,
Резко от стен отделяются темных.
Тяжкие двери на петлях огромных
[Словно заплаканы. Сыро, темно.
Много лампадок и свеч зажжено.
В куполе темень такая гнездится,
Что поглядеть — голова закружится.]
Словно заплаканы. Скупо блестя,
Тусклые ризы икон золотя,
Слабых лучей не доносят высоко
Желтые свечи. Пугливое око,
Вверх поглядев, опуститься спешит.

*После 32
Автограф
ЦГАЛИ*

[Видно, ты знаешь: не будет он нежен!
Он и теперь так обидно небрежен.
Выстоит свадьбу — домой доведет
Да на всю ночь молодец и уйдет!..]

*Первая
редакция
Автограф* [Измученный бесплодною мольбою,
Я с ней бродил по этим берегам
И, побежден безумною тоскою,
Стремительно при(бли)зился к волнам —
Они неслись и сладкозвучно пели,
На самый край обрыва я ступил,
Но волны вдруг сурово потемнели —
Невольный страх меня оледенил! . .
Рука с рукой, любви и счастья полны,
Мы через год пришли на тот обрыв,
И помню: ты благословляла волны,
Сдержавшие безумный мой порыв.]

*Вместо 1—8
Черновой
автограф ЛБ
(вторая
редакция)* Читатель, верь или не верь,
Но будь времен новейших
Я верно передам теперь
До мелочей малейших.

*Вместо 1—8
Автограф
ЦГАЛИ* [Кумир моих счастливых дней,
Любимый и желанный,
Мне не забыть судьбы твоей
Таинственной и странной. . .]

*После 16
Черновой
автограф ЛБ
(вторая редакция)* Нашли в ней чудо красоты,
И творческое чувство,
И гениальности черты
Любители искусства.

*После 20
Черновой
автограф ЛБ
(первая
редакция)* Так сильно восхитила ты
Любителей искусства
Слияньем дивной красоты
И творческого чувства,

Что сумасбродный дилетант
И скептик хладнокровный
Твое искусство, твой талант
Почтили данью ровной, —

С доверьем детским приняла
Ты общее вниманье —
И слишком честно поняла
Свой долг, свое призванье —

Ты вся искусству предалась,
Ничем не увлекаясь,
Ты с книгой дома заперлась,
На сцену лишь являясь. . .

А свет совсем другого ждал. . .
Обмануты, сердиты,
Напрасно брошенных похвал
Жалели волокиты.

И раздражен, что не попал
В твой уголок домашний,
Сегодня свистнуть замышлял
Поклонник твой вчерашний. . .

*После 48
Беловой
автограф ЛБ*

Увы, увы! не от актрис
Актрисе ждать пощады! . .
Младые грации кулис!
Прелестны вы — с эстрады.

Там вся поэзия души,
Там места нет для прозы,
А дома сплетни, барыши,
Коварство, злоба, слезы.

*53—54
Автограф
ЦГАЛИ*

[И говорят, что делом их
Была твоя могила. . .]

57—59

Печальным даром красоты
И творческого чувства
Спешила насладиться ты. . .

63

*5—8
Черновой
автограф*

На берегу столпившийся народ —
Кто земляков, кто братьев провожает,
И вот снялась флотилия — идет
И на берег прощанье посылает.

После 12

Как ни был бы пронзителен и дик
Погибшего пловца последний крик —
Исчезнет он бесследно, безответно.

64

*16
Черновой
автограф*

Мой хромой и неуклюжий стих!

*Вместо
21—24*

[Та любовь, что умножает муки,
Над чужим страданьем слезы льет,
Вырывает ненависти звуки
И венцы железные кует,

Та любовь, что много так сулила,
Что на миг высоко вознесла
И потом навеки придавила
И под сором жизни погребла. . .]

2
Черновой
автограф

Русский человек

После 4 а [Наедался спозаранку,
Кроток нравом был
И кургузую пеганку
Попусту не бил.
Подбривал себе затылок,
Красный цвет любил,
От природы не был пылок —
Живота щадил.]

б Наблюдал Савраску строго,
Пил не через край
И от выручки немного
Воровал на чай.
Был мясист его затылок,
Широка ладонь,
Нравом был не больше пылок,
Как саврасый конь.
В жизни плелся тихим шагом,
Лишь прошел бы день,
И считал первейшим благом
Пищу, сон и лень.
Ветер ли его продует,
Что хоть вожжи брось,
Барин ли какой надует,
Сломится ли ось,
Счастье невзначай привалит,
Иль беда придет,
Ванька только зубы скалит —
Песенки поет!

После 4
С Был широк его затылок,
Велика ладонь;
Не был он по нраву пылок,
Сердцем — не огонь.
Счастье ли ему повалит,
Горе ли придет —
Ванька только зубы скалит,
Песенки поет!
Словно ведро и несчастье,
Сусло и вино,
Словно счастье и несчастье —
Всё ему равно.

Вместо
9—12
Черновой
автограф а [Было с ним однажды что-то
Странное дней пять —
Выходила за ворота
Груша постоять.]

Он проведаль: эта Груша
Горничной была.
Выбирала где посуше,
Осторожно шла.]

б Правда, с ним случилось что-то
Уж тому лет пять —
Как ходила за ворота
Груша постоять.

13—20

С

С биржи всё глядит, бывало,
На соседний дом:
Под ворота выбегала
Таня вечером.
Белоручка, белоличка,
Весела всегда,
Щебетала, словно птичка,
Не была горда.

*После 20
Черновой
автограф*

[Прокатить себя прикажет —
Ваня сам не свой —
Постарается, уважит
И свезет домой.
А потом всю ночь бредит
Бедный молодец,
Со двора чуть свет уедет —
Ошалел вконец!]

*Вместо
21—32*

Говорит он ей учтиво
(Стало невтерпеж):
«Вишь ты больно тороплива,
Уж домой идешь?
Наглядеться дай досыта,
Погоди, мой свет!»
Поглядела не сердито,
Молвила в ответ:
«Прежде выкупи(сь) на волю,
Порадей для нас,
Всё тогда тебе позволю», —
И ушла, смеясь.
Посмотрел ей вслед Ванюха,
Тяжело вздохнул,
Почесал долгонько ухо —
И рукой махнул! . .
«Хороша ты, — молвил, — Таня,
Только не про нас. . .»
Извелся бы бедный Ваня,
Кабы бог не спас:

25—28

С

Круто вырвалась Танюша
И домой бежит.
«Денег наживи, Ванюша,
Да женись!» — кричит. . .

*Вместо
33—36
Черновой
автограф*

а [Переехала Танюша
С барыней своей.
С той поры лишь раз Ванюша
Повстречался с ней.
Поклонилась — он не пикнул,
Потемнел как ночь,
На лошадку только крикнул
И поехал прочь. . .]

б Переехала Танюша
С барыней в Москву.
Скоро перестал Ванюша
Бредить наяву.

*Набросок,
относящийся
к началу
2-й главки*

Распросил и про деревню,
Есть ли дом, жена,
Заезжал раз пять в харчевню,
Высылал вина.

*Вместо
45—56*

Нанял раз его купчина
Из родимых мест;
Ездил с ним с утра детина
До вечерних звезд,
Так что бить Савраска задом
Начал наконец, —
Рассчитал часу в десятом —
Отпустил купец.
Припелся домой Ванюха,
Выпряг поскорей,
Снял кушак, расправил брюхо,
Нахлебался щей. . .
Корму лошади прибавил,
Дал воды глотнуть,
Сани под навес поставил
И залег соснуть. . .
Полчаса уснул, не боле,
Слышит скрип ворот.
«Что за шум? горим мы, что ли?»
Поднялся народ.

*Вместо
69—88*

а Начал кланяться купчина
Ваньке до земли,
Говорит: «Ты клад, детина,
Вот те три рубли.
Кабы раньше догадался,
Так, пожалуй, брат,
Бедняком бы я остался,
Ты бы был богат!

б [«Слава богу! деньги целы!» —
И тащит мешок.
Все кругом стояли белы,
Словно бел платок.]

Все разинув рот глядели,
Пикнуть не могли,
Как блестели и звенели
Новые рубли.
[«Слава господу, всё цело!
Вот те пять рублей. . .»]

*Вместо
93—100*

Наконец угомонились,
Снова спать легли. . .
Да как утром пробудились
И в сарай пришли, —
Вышел плох конец проказам!
Глянувши кругом,
Так и ахнули все разом. . .
Начался содом. . .

70

*Черновые
наброски
начала
Автограф
ЛБ*

а [Что освещен этот мрачный подвал?
Вот мы в окно поглядели —
Трудно и медленно в нем умирал
Бедный писатель. Сидели
Перед кроватью друзья — бедняки
Все нам знакомые лица]

б В позднюю пору вошли мы в подвал,
Я да мой старый приятель.
Трудно и медленно там умирал
Бедный и честный писатель.
Мы не слыхали давно ничего —
Где он и как поживает?
Вот наконец разыскали его —
Видим: совсем умирает!
«Рад я! — он тихо и грустно сказал, —
Что навестили больного.
Я перед смертью сказать вам желал
Два-три нелишние слова».
Эту предсмертную честную речь
В форме, быть может, нестройной
Ныне хочу от забвенья сберечь. . .
Вот что сказал нам покойный.

После 4

Милый и теплый он был человек,
Хоть по таланту непрыток
С жаром марая бумагу весь век
Чуть добывал на прожиток
Но не хотел изменить своему
Как говорил он, призванью.
Я не вружу, говорил, никому
Страстью моею к писанью.

*После 4
Вставка
на вырезке
из С и на экз.
Изд. 1856
(ЛБ)*

Не баловала фортуна его:
Он не имел пропитанья,
Но не хотел оставлять своего,
Как говорил он, призванья.

«Худ ли, хорош ли, но честен мой труд,
Чист я душой перед богом.
Много без нас, что охотно идут
По проторенным дорогам!
Если работой посильной своей
Пользы мы сделать не можем,
То хоть количество честных людей
Мы в государстве умножим. . .»

Так он судил. Мы бранили его,

После 32

Всё повторял: кабы легче оброк,
Век бы я вас не оставил!
(Любит глубоко и наш мужичок,
Без исключения нет правил!)

71

*Черновые
наброски
начала
Автограф ЛБ*

[Бедный друг! ты умер наконец
Доносив терновый свой венец
Сокрушен мучительным недугом]

[Сложив тяжелый свой венец,
Бел(инский) умер наконец]

После 34

[Ученье было бестолково
А обхождение так сурово,
Что он по суткам пропадал
И как волчонок одичал.]

После 61 (?)

И вставит университет
При 200-лет(нем) юбилее
Того, кого в 100-лет(ье) ждут

И будет [для него] лучшим украшеньем
Его
Недоучившийся студент

61—67

Но бог с ним!) Бедный сирота
В подвале нанимал жилище,
По суткам проводил без пищи
И понемногу стал тогда
Писать в журналах — из грошовой
Поденной платы. Труд его
[Был полон]

*Вместо
65—67*

Горячим словом, мыслью новой
Любовью к истине суровой
Дышал горячий труд его.
Он помещал в него всю душу
Он говорил: я всё разрушу
Я не оставлю ничего,

После 77 (?)

И наживая капиталы
Ему твердил доход не малый
И чуть не в голоде держал

*После 106
Автограф
ЦГАЛИ*

Путем призванья своего
Он шел незнаемый толпою
И слава не горит звездой
На бедном имени его —
Его оценят наши внуки. . .
Святее Правды и Науки
Не знал он в жизни ничего
Любил он родину глубоко,
Служил ей честно — и высоко
Свое призванье понимал.
Он говорил нам, он писал:

РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ

*Эти пять
строф были
напечатаны
Некрасовым
в качестве
самостоятель-
ного стихотво-
рения
в С, 1855,
№ 6, с. 219*

Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей, —
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!

Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей. Пришла пора!
Ей нужен труженик-работник
На почве Мысли и Добра.

Служи не славе, не искусству, —
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви.

И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень. . .

*Перед ст. 1
стихотворения
«Русскому писателю»
в автографе ЛБ*   Когда подвигнутый любовью
Народа русского глава
Дарует каждому сословью
Его законные права,

*Вместо 106—108
Автограф ЛБ*   [И час настал... Плебей безвестный!
Лицом к лицу с врагами стал —
И слово смелое вещал...
Гонитель лжи и лицемерья
Срывал с ворон павлиньи перья
Он ненавидел подлецов
Индифферентов, идиотов,]

После 110   [Он всё клеймил, что было ложно
Рутинно, гнило и ничтожно]

113—116   Всю бездну дикости и зол,
Куда в тупом самозабвеньи
В невежестве и закосненьи
Родимый край его зашел!

127—128   а Его соратники смирялись
И в подлецов преображались —

б Иные робко отступали
Смирялись, пятились, молчали,

После 129   [В гоненьи он мужал душою
В борьбе он силу почерпал
И свято щедрою рукою
Добро и Правду продолжал]
[Смеясь угрозам дикой мести —
Дорогой Истины и Чести...]

*Вместо
146—148*   [К несчастью поднялась тревога
На Западе... Чтоб и у нас
Чего-нибудь не в добрый час
[В таком же] У нас подобное
расстройство
(Чего не может беспокойство
Писать о том.)

*Отдельные
наброски
автографа ЛБ*   1 Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой
Но обладал он тайной слова
Доступного душе живой

2 Таков он был и таковы
Его суровые творенья
Не покупая у молвы
Постыдной лестью одобренья
Он честно правду говорил
И многих в жизни рассердил
Зато никто так не был страстно
Так бескорыстно и прекрасно
Любим, как он: его друзья
(Да будет честная семья
Благослов(лять) твой труд!)

3 [Средь поколения другого
Его достойно помянут
И набросал я эти строки
Больной неверною рукой.
Пусть прогремят не надо мной
Потомства позднего упреки]

72

1—8
Автограф

[Что гадать? ты влюблена без меры,
Партия завидно хороша:
Бравый вид, блестящие манеры,
Светский лоск. . . Но есть ли в нем душа?

Я могу сказать и без гаданья:
Если есть она в его груди,
Не одни тревоги и страданья —
Будет вам и радость впередн.]

17—20

[Ну, тогда — не жди большого счастья!
Не надейся, главное, тогда,
Что избытком страсти и участия
Ты его привяжешь навсегда.]

После 24

Не любовь, не слава — в наше время
Торжествует предрянная страсть:
Знаешь ты — всё нынешнее племя
Отдалось тщеславию во власть.

Под его прельстительное знамя,
Берегись, не стань и ты сама!
Ах! оно погасит быстро пламя
Убежденья, чувства и ума.

[Жизнь предстанет легкою задачей —
Не тернистым поприщем добра,
Летом ты займешься пышной дачей,
По зимам устроишь вечера.]

Хлопоча о самом высшем тоне,
Позабудешь чистые мечты,
Принимать начнешь в своем салоне
Не людей, а титула и кресты,

И прогонишь с модного порога
Друга лучших, благородных лет,
Потому что он одет убого
И на нем перчаток белых нет.

73

17—18   [Даже ребяташки, передравшись в луже,
Автограф   Грозно повторяют песенку всё ту же. . .]
ЛБ

74

После 12   Зачем в тюрьму с тяжелыми замками
Письмо   Не постучится ласково любовь —
Тургенева   Где мысль моя, пробитая гвоздями,
к Анненкову   Закованная в цепи, точит кровь?

Когда б мои угомонились муки
И на душу сошел желанный мир —
Нашел бы я тогда другие звуки,
Другую музу позвал бы на пир. . .

75

После 48   [Есть не в одной Малороссии, — всюду
Корректурa   Тип старосветских дворян: не забуду

Множества ковриков, клеток, картин,
Низеньких комнат, высоких перин!]

Вместо   а А как, бывало, с горы ледяной
167—174   Катится Уля стрелой.
Автограф ЛБ

Щеки-то, щеки! Румяные зорьки
Были дивны, да для памяти горьки.

б А как, бывало, с горы ледяной
Катится Улинька наша стрелой —

Видим, как, алый платок подымая,
Дышит упругая грудь молодая,

Как в серебристой морозной пыли
Щеки румяные рдеют вдали! . .

Любо глядеть! Ничего не боялась,
Хоть зачастую и падать случалось! —

Санки, бывало, на полном бегу
Перевернутся — и Уля в снегу!

*После 168
Корректурa*

[Няня любит, страх забывая,
Как подымается грудь молодая,

Как в серебристой, морозной пыли
Щеки румяные рдеют вдали.]

*Вместо
179—180*

[Осиротелые мертвые дни
Напоминали ей прежние дни.

Только завидит угрюмую сечу,
Шорох знакомый летит ей навстречу,

Саше и сладко, и больно до слез. . .
Сколько тут было красивых берез!]

*Набросок
3-й главы
Автограф ЛБ*

Вдруг появился сосед молодой —
Всё повернулося вниз головой.

Начал он с нею на лодке кататься,
Солнцем (*пропуск*) в саду любоваться,

Начал он с Улинькой книжки читать
И до рассвету о них рассуждать.

Как бишь? Читали они Ламартина
И рассуждали, что за причина,

Что в просвещенный и кроткий (наш век)
Беден, несчастлив и дик человек?

Вместе в деревне больным помогали,
Глупым мальчишкам всё книжки читали,

Множество делали всяких чудес.
Околдовал ее словно как бес —

Да (и) уехал. . . Она разлюбила
Всё, в чем, бывало, она находила(. . .)

В каждом уроде, простом мужике
Видит страдальца. Вздыхает в тоске. . .

Бедным помогала,
Книжки читала.

Стала выписывать книги сама
И набралась зато, правда, ума —

Нет, не сравнишь ты теперь *(ее)* с прежней:
Нет ее лучше в околице здешней,

Иначе как-то, хоть кротко, глядит,
Только войдет — как рублем подарит.

Прежде к нему всё част*(енько)* писала,
После писать перестала. . .

И успокоилась — думали, вновь
Прежняя в ней загорится любовь

К соседу. . . да нет.

И самому ему кажется дико,
Видит, куды расстояние велико.

Так мы и жили, родимый, она
Уж не была грустна.

И уж куда всё разумно рассудит. . .

Так мы и жили. . . а нынче опять
Слышим, сосед воротился. . . и, глядь,

К нам прикатил. . . И с Улею *(снова)*
Прежняя жизнь по порядку готова,

Только совсем уж другое пошло.
Он ей пересчитал всё словно назло:

Это старо всё — уж нынче другое,
Это-де всё отсталое,

Это-де звери — скоты, а не люди,
Нет благородства — в их раб*(ские)* груди *(...)*

Надо-де ждать нам решительных *(мер)*,
Время прошло для химер,

Мир, как и был, так и будет окован,
Я-де насчет его разочарован.

Слушает Уля — на ней нет лица.

К книгам своим подойдет так уныло,
Прежнего *(нрзб)* нету, что было,

Долго на них не могла и смотреть.
Вот и больна... Он письмо присылает.
Слышим, ей руку он в <нем> предлагает.
Слава богу. Богатый жених.

(Пропуск) Так нет.
Что ж, опостылел ей, что ли, сосед?

Бог ее знает *(пропуск)* Плачет,
В руки лицо свое бледное *(прячет)*.

Не сокрушайтесь-де, мне ничего.

Он подождал и уехал *(опять)*
Горе в чужой стороне коротать.

*Из набросков начала
3-й главы
Автограф
ЛБ*

Да побывал после лета сосед —
Прежнего счастья и признаку нет.

Уля печалится, бродит уныло,
Всё ей прискучило, всё ей немило.

Вы потерялись, и слышит от вас
Каждый знакомый престранный рассказ (...)

Каждого просите вы научить,
Что с ней случилось? чем излечить?

*Начало
3-й главы*

Жили вы ладно и счастливо. Много
Благодарили за Улиньку бога.

Да как приехал сосед молодой,
Всё повернулося вниз головой —

Начал он с Улинькой в лодке кататься,
Солнцем, звездами, луной любоваться,

Стали французские книжки читать
И до рассвета о них рассуждать.

Как бишь? читали, кажись, Ламартина
И рассуждали, какая причина —

[Свет уж стоит 19-й век,
А всё несчастлив и дик человек? . .]

*Вместо
287—292*

В темную глушь к старикам домоседам
Горин приехал и нынешним летом. . .

Прошлой весной он у них погостил
Да было просто беды натворил.

Вместо а [Был он не горд, разговорчив и чинен,
293 — 295 Звался: Захар Алексеич Чужбинин,¹
Автограф
ЦГАЛИ

Как-то печально и странно глядел,]

б Ласков с прислугой, как будто не барин,
Именем: Павел Игнатъич Самарин.

Как-то он пристально, странно глядел,

303—305 Въехав в Россию, я встретил цыган,
С, Изд. 1856 Тут мне цыганка дала талисман

И напорочила славную долю. —

После 330 Что-то он ей по тетрадке читал,
Автограф ЛБ Так голосил и руками махал,

Словно как песня слова выходили,
После мы Улю свою расспросили.

[«Это, — она говорила, — стихи. . .
Видно, за тяжкие наши грехи

Бог нас попутал. Он Улю покинул,
Ехал на месяц, да на год и сгинул. . .]

«Это, — она называла, — стихи. . .»
А за какие мы терпим грехи?

Только о Спасе мы яблоки сняли,
Он укатил — поминайте как звали. . .

Вместо а [Уля не то чтобы стала грустна,
337 — 340 Только совсем изменилась она.

Хоть и по-прежнему поле любила,
Да уж не пела, а с книгой бродила.]

[Иначе ходит, глядит, говорит —
С утра до вечера с книгой сидит.]

б [Прежней веселости в Улиньке нет,
Сливки ей горьки, не вкусен обед,

Словно как стало ей с нами неловко. . .
На руку клонится грустно головка,

Больше сидеть полюбила одна.]

Вместо а Целую зиму в стенах провела,
347 — 354 Много читала — почти не спала. . .

---

¹ *Вариант:* [Имя: Степан Алексеич Чужбинин.]

Ах, миновали такие деньки.
Не замечали мы в Уле тоски.

Только читала всё книги да книги. . .
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда, ходила к старухам больным. . .
Стала услужлива к людям простым.

Бедного кормит, поит и голубит,
Словно как брата родимого любит.

б Стала в молитве усердней, чем прежде,
Вкус получила к красивой одежде,

Шила сама,
И хорошо, хоть совсем не по моде.

Книжки выписывать стала сама
И набралась

Дело у ней под руками кипит,
Любо послушать, когда говорит,

[Самое трудное дело рассудит]

А уж душевной такой доброты
В свете, я чаю, не видывал ты —

К мужу письмо за простую бабенку
Рада писать [на чужую сторонку.]

в Грамоте учит мальчишек простых.

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, и поит, и лечит недуги.

День прохлопочет, а ночью опять,
Видим, свеча — не отвыкла читать!

Словно совсем позабыла о нем,
Да как помянешь — вся вспыхнет огнем.

«Я, — говорит, — после вас, после бога
В жизни ему-де обязана много».

г Ну, а потом, как ни думай, не то:
И говорить не умел с ней никто!

Только читает проклятые книги.
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда, ходила в деревню к больным;
Очень добра была к людям простым:

Видит страдальца в любом мужичишке. . .
[Ну да известно — судила по книжке. . .

К счастью, пришла золотая весна —
Тут понемногу очнулась она!]

∂ [Ох, эти книжки! как все прочитала
Раз по пяти, так куды тосковала.

Книжки выписывать стала сама. . .
И набралась понемногу ума:

Стала спокойнее, смотрит яснее,
Входит во всё — и рассудит дельнее

Даже, случалось, чем мы, старики. . .
Красные к нам воротились деньки.]

Стала такого степенного нрава,
Ходит так плавно, стройна, величава,

Дело у ней под руками кипит,
Любо послушать, когда говорит.

Не узнавали, кто видывал прежде,
Вкус получила к красивой одежде.

[Пела по нотам. . . Бедняжка жених
Словно немой перед нею притих. —

Хоть и любил — да посвататься дико,
Видит — куда расстоянье велико!]

Дело ли сделать, письмо написать —
Улиньке стоило только сказать.

Бабам пособит — да нынешним летом
Свиделась снова с проклятым соседом.

*После 350
Автограф
ЦГАЛИ*

Веришь ли, батюшка, в божием мире
Словно нам стало теплее и шире.

[Ожили мы. . . только бедный жених
Лазарь Данилович пуще притих:

Крепко любил — да посвататься дико:
Видит, куда расстоянье велико!

Ей бы под пару ученый сосед,
Да о соседе и весточки нет.

Думали, видно в столице он служит.
Уля о нем, слава богу, не тужит,

Только повыше поднимется грудь,
Если случится о нем помянуть,

И похвалу ему слышать любила. . .
«Я почитаю его, — говорила, —

Выше всего — после бога и вас:
Он вразумил мою душу и спас! . . .»]

Мы со старухой туда же: зимой,
Помню, поехали к бабе больной.

*После 354
Корректурa*

[Прежнее счастье вернулося в дом —
Мы поминали соседа добром;

Саша не часто о нем говорила,
А похвалу ему слушать любила. . .]

*Вместо
371—376
Автограф
ЛБ*

Ведь на беду же его принесло —
С первой же встречи всё худо пошло.

«Всё, — говорит, — вы читали пустое,
[Встретишь в деревне всегда отсталое,

И не один еще надобен век,
Чтоб на Руси поумнел человек. . .

Стоят ли помощи грубые люди —
Нет благо]»

*Вместо
379 — 382*

Тут уж рассказывать нечего много.
Вечером в доме случилась тревога.

Улиньке сделалось дурно: бог весть,
Слов ли его не могла перенести,

Или какая другая причина. . .
Только ее сокрушает кручина.

Вот уж сегодня 12-й день
Плачет, тоскует и бродит, как тень.

[Письма его то целует, то бросит,
Не говорить ни о чем его просит.]

Книги свои то читает, то бросит,
Явится гость, так молчать его просит.¹

*После 380
Автограф
ЦГАЛИ*

[Бросит работу и молится богу.
Вечером выдет одна на дорогу,]

¹ *Вариант:* Плачет и бога о чем-то всё просит.

Сядет на камень, на глыбу земли
(Мы примечали за ней издали) —

К небу поднимет печальные очи,
Словно у неба, у звезд и у ночи

Спрашивать что-то начнет; головой
Странно кивает, поводит рукой. . .

*Вместо
411 — 418
Автограф
ЛБ*

Что теперь делать, родной, научи,
Если умешь, возмись полечи!

В зимнюю вьюгу и летнюю грозу
Мы сберегли свою дикую розу —

Что же теперь приключилось ей
С черного глаза недобрых людей?

Долго ли будет она убиваться?
Ах, неужели, родимый, остаться

Ей *(пропуск)* навек?
Ты нам скажи: он простой человек,

Или какой чернокнижник проклятый,
Или не сам ли он дьявол рогатый,

Что посылает(ся) душу украсть?
Господи боже мой, что за напасть!

*Набросок
начала
4-й главы
Автограф
ЛБ*

Где ему? полноте!

Всё перемелется — он не колдун,
Это невинный и умный болтун,

Не чернокнижник, хоть мудрости книжной
Первый знаток и поклонник давнишний.

*Первоначальный
набросок
4-й главы*

Добрые люди, не бойтесь, не плачьте,
Писем его вы *(от)* Ули не прячьте.

Что наберет он из книг да услышит,
Тем долго ль, коротко *(ль)* так он и дышит,

То говорит. Ей он много сказал,
Что пом*(огло)* ей.

Доброе семя в душе молодой
Дало плод дорогой.

Всё разработал оп.
Ум ее жаждал пищи —
Вот отчего она обрадовалась.

Думала: я теперь его стою,
Я для него воспитала себя.
Он же приехал — ему нипочем,
Старое всё забыл.

В новое платье нарядился,
Новым умом набрался, просветился

И осмеял бессовестно всё,
Что было ей дорого,

Что в душу ее вошло,
Что ей пользу принесло —

Чем жила, что лелеяла Уля.

Страшен он ей показался с своим
Всё отвергающим взглядом. Но с ним

Спорить она не умела. Ей больно
Было, что она умна не довольно,

И за него потому не пошла,
Что до него-де не доросла.

Да вот как осталась одна,
Всё поймет понемногу она,

Как он (*пропуск*) морочит,
И никогда за него не захочет.

Поняли? Нет? ну, беда небольшая,
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Милостив бог! Всё обсудит, поймет,
Ей же, поверьте, на пользу пой(дет.)

Всё объяснит ей и вылечит время.
Сеет он всё-таки доброе семя.

Как бы его объяснить вам? Кругом
В ваших полях — овраг за холмом,

Нет в нем ни капли своей, незаемной,
Желт он и сух.

Как на богатую почву зерно,
В сильную душу запало оно. . .

После 422
Автограф
ЦГАЛИ

Как бы сказать, чтобы взяли вы в толк?
Он только с виду опасен, как волк,

А по душе совершенный ягненок.
Это прекрасный и вечный ребенок.

Вместо
425 — 426

Честное племя, хорошее племя
Свету готовит разумное время,

Но создает его тихо, не вдруг. . .
Первая проба — недавний ваш друг.

Вместо
441 — 442
Автограф
ЛБ

Всё человечество хочет обнять,
И осчастливить, и к сердцу прижать,

Что ж под рукою, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит,

Только не часто — не много в нем сил:
Так же как телом, душою он хил.

Вместо
441 — 445
Автограф
ЦГАЛИ

[За человечество рад умереть,
Всё осчастливить, у сердца пригреть,

Что ж под руками, того он не любит,
То неумышленно давит и губит:

В мелочи низко вдаваться ему! . .
С умыслу он не вредит никому.]

Он по природе своей благороден,
Только заносчив и к делу негоден.

Много на свете написано книг,
Дельного много написано в них,

С ними поймешь всё — ничтожное, злое,

Вместо 443
Корректюра

[Нет его цели достойней, святей,
Только служить не умеет он ей!

Всё бы скорее да сложа бы руки. . .
Да, по несчастью, такой нет науки!

В наши печальные, трудные дни]

451

[Нужны и слезы, и кровь, и борьба,]

Вместо
465—468
Автограф
ЛБ

[Он по природе умен, благороден,
Только ленив и на дело негоден —

Много читает — да как-то не впрок.]

14—16
Автограф

В груди тот пламень благородный,
Всё выболтал мой стих негодный —
И — ровно никого не спас!

Перед 1
С

В век Екатерины — и никак не ближе —
Началась в России, кончилась в Париже
Вот какая притча; старое преданье
Мы теперь расскажем внукам в назиданье.
Барыня большая, русская княгиня
Нашей новой притчи будет героиня.

Первоначальный
набросок
Черновой
автограф

И сплетня черная не раз
Вокруг твоей вилася чести,
Но горд ты был в душе своей
Сознаньем силы благородной.
Ты добродушно верил ей —
Той силе — гор(дой) и свободной.

И убежденья применять
Всё обстоятельства мешали.

50 — 53
Автограф
ЛБ, начало
фрагмента
«Самому
себе»

Ты не поэт! твои мечты
О славе — дерзки и постыдны.
Положим, что заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.

58 — 61
Изд. 1861,
1863, 1864

Ты светоч истины держал
Рукою твердой, но для света
Он благотворно не сиял,
Как светоч гения-поэта.

После 131
Копия
Кетчера
(ГИМ)

Что, Музе обречен свободной,
Ты создан братьев презирать
И среди их толпы голодной
Надменно лаврами блистать.

После 135

Еще мы не видали века,
Когда б твой гром их не будил —
Взывай к природе человека,
В ней много сокровенных сил.

*После 192
Черновые
наброски*

И если точно он таков,
Ужель он менее страдает,
Чем тот, кто горе услаждает
Волшебной музыкой стихов?

87

*Первоначальная
редакция
Автограф*

Горда, надменна, молода,
Ты им играла самовластно,
Но ты была тогда прекрасна,
И он любил тебя тогда.

Теперь ты любишь бесконечно,
Ты рада быть его рабой,
А он? . . Он слушает беспечно,
Уныл и холоден душой.

88

*Первоначальная
редакция
Автограф*

Среди моих трудов досадных
И жалких бедности тревог —
Минут не много благодатных
С тобою проводить я мог,
Но чаще, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
С запасом молчаливой скуки
Встречался мрачно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли мрачных дум,
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильней. . .

Но скоро прерван был разлукой
Поток однообразных дней,
И стало то, что было мукой,
Единой радостью моей.
Стою один, как на кладбище
Прошедших невозвратных дней,
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Мне стали дороги и милы
Те грустно прожитые дни. . .
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Их вспоминая с умиленьем,
Я пролил много сладких слез
И думал с тайным сокрушеньем:

Кто ж больше горя перенес —
Тот, кто по слабости позорной
Его бесплодно проклинал,
Или кто радостью притворной
Его сквозь слезы прикрывал? . .

89

160 — 162
С, 1858, Копия
Панаевой

Не внемля ропоту людей,
Он стоном стонет над столицей
И флагом гордых кораблей

Вместо
159 — 163
Автограф
ЦГАЛИ,
С, 1856,
Изд. 1856

Мы все привыкли любоваться
Громадным городом своим,
Но слишком рано просыпаться
Друзьям и недругам моим
Я не советую. Едва ли
Он очарует вас с утра,
Подобно опустелой зале,
Где пировали вы вчера.
В обломках оргии безумной
Он некрасив, наш город шумный!
И лишь Нева — его душа —
В нем неизменно хороша. . .

Перед 164
Автограф
ЛБ

Что в эту пору глаз ни встретит,
На всем забытый кляксы след.
Он много грустного заметит,
Веселым людям места нет.
Печальный вид! Что будет дале?
Подобно пиршественной зале,
Где не успели подмести
Ни крошек ни золы табачной,
Ты некрасив, наш город мрачный,
С утра часов до десяти.

После 233

Кто с малолетства деньги прячет —
Космополит, аристократ —
И о судьбе твоей не плачет
«Несчастный, обделенный брат».

Вместо
263 — 268

Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню. . .
Свинья увязла в подворотню
Народ глядит — и ты гляди.
Отвесят ей ударов сотню
И — чудо! властная рука
Мгновенно сбавит ей бока.
Вот гуси, всю заняв дорогу,
Гогочут, выступают в ногу
С гусиной важностью. . . но вдруг —
Смятенье, дикий крик, испуг!

357
Автограф
ПД

а Молчи — предатели они!
б Молчи — фанатики они!

На поле приписано: «для ценз(уры).»

357
С, 1857

Молчи — упрямы ведь они!

357
С, 1858

Молчи — озлобятся они!..

360
Автограф
ПД

а Не то — среды поддайся игу
б Не то — судьбы поддайся игу

На поле приписано: «или для цензуры: судьбы»

Вместо
486—489
Автограф
ПД

Терпенья было в нем не мало,
Но не был робок он душой...
Был вечер, время наступало
Ложиться, — но стонал больной.

После 640

[Бывало спать никто не ляжет,
Пока не вспомнит, не расскажет
Чего-нибудь наш общий друг

Всё сокращало наш досуг —
Всё было любо, было ново...]

Вместо
658—664
Автограф
ЛБ, С, 1858,
Копия
Панаевой

О, Русь!.. Достало в нем геройства
«Прости навек!» сказать всему,
Но ты, святое беспокойство!
Тебя принес он и в тюрьму!

После 868
Автограф
ЛБ, С, 1858

Взрыдав душою умиленной,
Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя.

В Копии Панаевой эти стихи зачеркнуты Некрасовым

178

Перво-
начальная
редакция
Авторизо-
ванная
копия

Вот уж какой каприз нашел...
Скакать изволила... и только...
И вот каков прекрасный пол,
Теперь постичь его изволь-ка!
Что он? Забывчив или зол?
Прощаясь с мужем, он так плачет,
А мужа нет, так этот пол
Под потолок в восторге скачет.

*Перво-
начальная
редакция
Автограф*

Беда! Последняя беда!
Она бранит и смотрит косо!
За что? . . . решите, господа,
Вы мастера решать вопросы.
А я так просто стал в тупик —
За что Федора изменила?
Ее курносый, старый лик
Я обожал что было силы.
Карман не слишком теребил,
Не говорил ей о морщинах
И так ревнив и страшен был
Ужасно при чужих мужчинах.
Я угождать старался ей,
Утех я доставлял ей много
*И даже пред свиданьем с ней
Читал романы Поль де Кока!*

192

*Вместо
69—76
Авторизи-
рованная
копия*

И за что ж бранить за это,
Мне отец сказал:
«Честь — фальшивая монета,
Плутни — капитал!»

194

*1—4 и
45—48*

Уж как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом — большая псарня,
И я сам — отличный псарь!

200

*Вместо
16—18
ОЗ*

Опять сошлись мы — и храним
Молчанье тягостное. . . Так-то!
Когда б к избытку сил младых
Побольше разума да такта —
Не так бы вял и горько-тих
Был час случайной поздней встречи,

205

*14 — 15
ПА*

Они кухарку встретили. Кухарка
Смутилась. В ней, быть может, сжалось сердце.

- Наброски* а Хотелось бы кой-что сказать и тем,
ЛБ Которые о ближнем хл(опочут),
А ездят в экипаже, огражденном
Гвоздями сзади, чтоб старик усталый
Или шалун, оборванный мальчишка,
Впотьмах дерзнут забраться на запятки,
То поплатились бы увечьем
За дерзость эту.
- б Хотелось бы и тем сказать словечко,
Которые жалеют бедняков,
А ездят с заостренными гвоздями,
Чтобы впотьмах усталый пешеход
Или шалун, оборванный мальчишка,
Вскочивши на запятки, заплатил
Увечьем за желанье прокатиться
За их каретой. . .

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее трехтомное издание вошли все стихотворные произведения Н. А. Некрасова, кроме несущественных отрывков и набросков, не обладающих смысловой завершенностью. Из стихов, включенных в водевили, повести, рассказы, рецензии, фельетоны Некрасова, введены те, которые имеют самостоятельный смысл вне прозаического контекста. Прочие стихотворные фрагменты можно найти в двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» Некрасова, изданном в 1948—1953 гг. (М., Гослитиздат). Таким образом, настоящее издание является менее полным, чем указанное собрание сочинений, но, с другой стороны, оно включает ряд стихотворений, не вошедших в «Полное собрание сочинений и писем» либо потому, что атрибуция этих стихотворений произведена уже после выхода «Полного собрания», либо по иным причинам.

Первый том настоящего издания содержит стихотворения, написанные до 1856 г., второй — относящиеся к 1857—1874 гг., третий — написанные (или законченные) в 1875—1877 гг. В каждом томе — два раздела: в первом помещаются произведения, включавшиеся Некрасовым в собрания его стихотворений, и те, которые не вошли в эти собрания по цензурным или личным причинам или потому, что написаны после выхода последнего прижизненного издания. Все остальные произведения составляют второй раздел. В конце первого тома выделяются рубрики «Коллективное» и «Стихотворения, приписываемые Некрасову».

Есть несколько произведений, которые поэт включал в одни собрания и не включал в другие. Вопрос об отнесении таких стихотворений в первый или во второй раздел решался в каждом отдельном случае особо. Так, стихотворение «14 июня 1854 года», появившееся в издании 1856 г., видимо по конъюнктурным соображениям, и не вошедшее ни в одно из дальнейших изданий, напечатано во втором разделе, стихотворения же «Безвестен я. Я вами не стяжал...» и «Чуть-чуть не говоря: „Ты сушая ничтожность!..“», включавшиеся во все издания, начиная с издания 1856 г. и кончая изданием 1869 г., но по соображениям личного или цензурного характера исключенные из последнего прижизненного издания, — печатаются в первом разделе.

В поэзии Некрасова нет четкой границы между лирическими и эпическими жанрами, поэтому в настоящем издании все произведения в каждом разделе следуют в общем хронологическом ряду.

Некоторые стихотворения Некрасов помещал в разделе «Приложения», впервые появившемся в издании его стихотворений 1864 г.

В этот раздел включались преимущественно юмористические стихотворения, — но не только юмористические; иные попадали в «Приложения» по соображениям цензурной тактики, иные переводились при переиздании из основного собрания в «Приложения» и наоборот. Ввиду нечеткости принципов включения стихотворений в «Приложения» и для того, чтобы не делать композицию издания слишком громоздкой, стихотворения, входившие в «Приложения», в настоящем собрании не выделяются, а помещаются в первом разделе.

Первое собрание стихотворений Некрасова (если не считать юношеского сборника 1840 г. «Мечты и звуки») вышло в 1856 г. В 1861 г. вышло второе издание, содержащее стихи предыдущего (кроме исключенных цензурой) и новые, написанные после его выхода. Это издание вышло в двух частях. В дальнейшем эти две части перепечатывались почти без изменения состава и к ним в каждом новом издании «Стихотворений Н. Некрасова» прибавлялась новая часть, заключающая стихотворения, написанные в основном после выхода предыдущей части первым изданием. В предисловии к третьей части, появившейся в составе издания 1864 г., Некрасов сообщал, что эта часть составлена таким образом, «чтобы купившие издание 1861 года имели полное собрание стихотворений, приобретаю одну третью часть». Такого же правила придерживался Некрасов и при издании 4-й, 5-й и 6-й частей. Вследствие этого начала некоторых циклов печатались в одних частях собрания, а продолжения в других. Такая группировка произведений до последнего времени оказывала влияние на композицию основных изданий Некрасова. В настоящем издании подобные циклы («О погоде», «Стихотворения, посвященные русским детям») воссоединены, ввиду того что их разъединение в прижизненных изданиях было вызвано не творческими, а издательскими соображениями.

В рубрику «Стихотворения, приписываемые Некрасову» включены лишь такие произведения, принадлежность которых поэту представляется вполне убедительной, но не может быть безусловно доказана.

В раздел «Другие редакции и варианты» включены варианты наиболее существенные, преимущественно охватывающие ряд стихов, а не отдельные строки. В этом разделе не указывается местонахождение рукописного источника в том случае, если он является единственным для данного произведения.

В примечаниях к каждому произведению указывается прежде всего первая публикация его, затем все последующие источники, содержащие какие-либо текстуальные изменения (кроме пунктуационных), вплоть до издания, в котором текст установился окончательно и при дальнейшей прижизненных перепечатках не менялся. Издание, отражающее последнюю авторскую редакцию, выделяется формулой: «Печ. по Изд. . .». Указанная формула отсутствует, если после первой публикации текст произведения не изменялся или если эта публикация была единственной. В тех случаях, когда текст стихотворения подвергся реконструкции, устраняющей цензурные и прочие искажения, каждый раз отмечается, какие именно строки восстановлены и по каким (рукописным или печатным) источникам. В этих случаях ссылки на предшествующие издания, в которых была проведена такого рода текстологическая работа (главным образом

ряд изданий, вышедших под редакцией К. И. Чуковского), как правило, не даются. Формула: «Печ. по автографу» (или: «Печ. по списку») применяется либо к тем произведениям, позднейший вариант текста которых зафиксирован в рукописи и не отражен в прижизненных публикациях, либо к произведениям, обнародованным неточно, что каждый раз оговаривается в соответствующих примечаниях. Страницы (только начальные) указываются лишь для первой публикации и для той, по которой произведение печатается. Перепечатки в собраниях стихотворений (как и в других изданиях) без изменений в тексте не отмечаются, так как включение или невключение в прижизненные собрания стихотворений лежит в основе композиции настоящего издания и очевидно из того, в каком разделе — первом или втором — находится произведение. Для стихотворений первого раздела указывается лишь отсутствие произведения в издании, ближайшем ко времени первой публикации, или в каком-либо из позднейших изданий, или в прижизненных изданиях Некрасова вообще. Для произведений второго раздела, напротив, оговариваются случаи включения в какое-либо прижизненное собрание (например, отмеченное выше стихотворение «14 июня 1854 года», появившееся в Изд. 1856 г.). Указывается также включение в сборник «Мечты и звуки» стихотворений, опубликованных ранее выхода этого сборника.

Далее в примечаниях приводятся сведения о наличии и местонахождении автографов или авторизованных списков произведения, о его творческой истории, даются сведения об упоминаемых лицах, событиях, объяснения отдельных выражений и т. п. Там, где это требуется, дана мотивировка атрибуции. Для стихотворений, входящих в состав анонимно напечатанных прозаических произведений, такую мотивировку надо искать в ПСС. В примечаниях к настоящему изданию широко использован богатый материал, содержащийся в комментариях К. И. Чуковского к предшествующим изданиям сочинений Н. А. Некрасова. Звездочка перед порядковым номером примечания означает, что к этому произведению имеются материалы в разделе «Другие редакции и варианты».

Датировка произведений Некрасова частично основана на сведениях, приведенных в первом посмертном издании 1879 г., поскольку редактор его С. И. Пономарев использовал пометы самого поэта на не дошедшем до нас экземпляре собрания стихотворений. Хотя в этих датах обнаружены ошибки, нельзя тем не менее считать их все не заслуживающими доверия. В наст. издании даты подобного происхождения приняты (и воспроизведены без вопросительного знака) в тех случаях, когда отсутствовали другие, более достоверные источники для датировки. Даты, заключенные в угловые скобки, означают год, не позднее которого написано то или иное произведение. Как правило, это даты первых публикаций. Для произведений, имеющих две редакции, сильно разнящиеся между собой и отделенные значительным промежутком времени, указывается двойная дата (через запятую). Такие произведения помещены в общем хронологическом ряду в соответствии с датой последней редакции. Исключение составляют отдельные стихотворения (например, «Деловой разговор», «Признание труженика»), которые сам Некрасов относил к более ранним этапам своего творческого пути. Даты с вопросительным знаком являются предположительными. Даты под текстами и

в комментариях приводятся по старому стилю, лишь для заграничных писем указываются двойные даты (по новому и по старому стилю). Слова и части слов, зачеркнутые в рукописях, воспроизводятся в наст. издании в квадратных скобках, все редакторские конъектуры заключены в угловые скобки. Для удобства нахождения тех частей текста, к которым относятся варианты и ссылки в примечаниях, произведения объемом свыше 50 строк имеют нумерацию стихов.

Тексты произведений, вошедших в 1-й том, подготовили и комментировали В. Э. Боград (стихотворения 1840—1842 гг. и «Кабинет восковых фигур» — №№ 134—174, 176), В. Э. Вацура (стихотворения, вошедшие в сборник «Мечты и звуки» — №№ 90—133), А. М. Гаркави (стихотворения 1843—1856 гг. — №№ 1—69, 72—88, 175, 177—262), А. Л. Гришунин («В больнице», «В. Г. Белинский», «Несчастные» — №№ 70, 71, 89).

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

АСК — «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову», М., 1916.

БдЧ — «Библиотека для чтения».

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. 1—13, М., 1953—1959.

Герцен — А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, тт. 1—30, М., 1954—1965.

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР.

ГМ — «Голос минувшего».

ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, тт. 1—9, М.—Л., 1961—1965.

ЖДН — В. Евгеньев-Максимов, Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, тт. 1—3, М.—Л., 1947, 1950, 1952.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

Зв. — «Звенья», вып. 3—4, 5, 6, 8, М.—Л., 1934, 1935, 1936, 1950.

Изд. 1856 — Стихотворения Н. Некрасова, М., 1856.

Изд. 1861 — Стихотворения Н. Некрасова, чч. 1—2, изд. 2, СПб., 1861.

Изд. 1863 — Стихотворения Н. Некрасова, чч. 1—2 (изд. 3), СПб., 1863.

Изд. 1864 — Стихотворения Н. Некрасова, чч. 1—2 (изд. 4), ч. 3 (изд. 1), СПб., 1864.

Изд. 1869—1873 — Стихотворения Н. Некрасова, чч. 1—2 (изд. 5), ч. 3 (изд. 2), чч. 4—5 (изд. 1), СПб., 1869—1873.

Изд. 1873—1874 — Стихотворения Н. Некрасова, чч. 1—2 (изд. 6), ч. 3 (изд. 3), чч. 4—5 (изд. 2), ч. 6 (изд. 1), СПб., 1873—1874.

Изд. 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Посмертное издание, тт. 1—4, СПб., 1879.

- Изд. 1920 — Н. А. Некрасов, Стихотворения. Издание исправленное и дополненное. Под редакцией К. И. Чуковского, с биографическим очерком В. Евгеньева-Максимова, Пг., 1920.
- Изд. 1927 — Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений. Редакция и примечания К. И. Чуковского. Критический очерк И. Кубикова, М.—Л., 1927.
- Изд. 1931 — Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений, изд. 6, М.—Л., 1931.
- Изд. 1934 — Н. А. Некрасов, Полное собрание стихотворений. Редакция и примечания К. Чуковского, т. 1, М.—Л., «Academia», 1934; т. 2 (кн. 1 и 2), М.—Л., 1937.
- Изд. 1937 — Н. А. Некрасов, Сочинения. Редакция, биографический очерк и примечания К. И. Чуковского. Вступительная статья В. Я. Кирпотиной, Л., 1937.
- ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
- ЛГ — «Литературная газета».
- ЛН — «Литературное наследство», № 25—26, М., 1936; №№ 49—50, 51—52, 53—54, М., 1949.
- ЛПРИ — «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“».
- ЛТБ — Архив Ленинградской государственной театральной библиотеки.
- МВ — «Московские ведомости».
- МЗ — (Н. А. Некрасов), Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н., СПб., 1840.
- Некр. сб. — Некрасовский сборник, 1, 2, 3, М.—Л., 1951, 1956, 1960.
- Некр. сб.-Пг. — Некрасовский сборник. Неизданные письма и воспоминания, статьи, библиография. Под редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова, Пг., 1918.
- Некр. сб.-Яр. — «Некрасовский сборник. Юбилейные речи. Материалы Ярославского губархива», Ярославль, 1922.
- Никитенко — А. В. Никитенко, Дневник. Подготовка текста, примечания и вступит. статья И. Я. Айзенштока, тт. 1—3, М., 1955—1956.
- ОЗ — «Отечественные записки».
- П — «Пантеон русского и всех европейских театров».
- ПА — альм. «Первое апреля», СПб., 1846.
- ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР.
- «Петерб. сб.» — «Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым», СПб., 1846.
- ПП — Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова, СПб., 1877.
- ПСС — Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, под общей редакцией В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского, тт. 1—12, М., 1948—1953.
- РА — «Русский архив».
- Р. б-ка — Н. А. Некрасов, «Русская библиотека», вып. 7, СПб., 1877.
- РВ — «Русский вестник».
- РиП — «Репертуар русских и Пантеон всех европейских театров».
- РС — «Русская старина».
- РСл — «Русское слово».
- С — «Современник».

- Салтыков — М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений, тт. 1—20, М.—Л., 1933—1941.
- СО — «Сын отечества».
- СП — «Северная пчела».
- ст. — стих, стихи.
- Тургенев, Письма — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах, тт. 1—12, М.—Л., 1961—1967.
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- Ценз. разр. — дата цензурного разрешения к печати.
- ЦТМ — Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва). Рукописный отдел.
- Чернышевский — Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, тт. 1—16, М., 1939—1953.
- Чуковский — Корней Чуковский, Собрание сочинений в шести томах, т. 4 («Мастерство Некрасова»), М., 1966.

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

* 1. Глава 1 — «Статьеки в стихах. Без картинок», т. 1, СПб., 1843, с. 14, без подписи; глава 2 — то же изд., т. 2, с. 23, без подписи; глава 3 — ЛГ, 1845, 11 января, под загл. «Отрывок из записок петербургского жителя», подпись «Ф. Белопяткин». Печ. по Изд. 1864, ч. 3 (прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов»), с. 159, где сопровождалось прим.: «В этой пьесе дело наполовину идет о мелочах, занимавших тогдашнюю петербургскую публику, а теперь потерявших всякий интерес и смысл. Я попробовал было их выкинуть — пьеса лишилась связи, пришлось их оставить. Повторяю, я печатаю эти вирши не потому, чтоб видел в них какое-нибудь достоинство, а чтоб отбить охоту у гг. библиографов копаться в моих юношеских упражнениях после моей смерти» (там же, с. 202). Фраза: «Повторяю, я печатаю эти вирши. . .» и т. д. связана с другим прим. Некрасова, относящимся ко всему разделу «Юмористические стихотворения»: «. . . Я решил сам пересмотреть старые журналы, газеты и отдельные брошюры, в которых, начиная с 1838 года, помещал я свои первые опыты, и напечатать в приложениях к моим стихотворениям то, что окажется сколько-нибудь характерным, адресуя теперь же к моим родным и гг. библиографам мою покорнейшую просьбу: *не перепечатывать ничего остального после моей смерти*» (Изд. 1864, ч. 3, с. 131—132). Первые две главы «Говоруна» Некрасов датировал 1842 г., однако в действительности 1-я глава была несомненно написана в первой половине февраля 1843 г. (так как упоминаемый в ней дебют танцовщицы Л. Гран в Большом театре состоялся

30 января 1843 г.; ценз. разр. 1 т. «Статеек в стихах» — 13 февраля 1843 г.). 2-я глава была написана в апреле — мае 1843 г. (к этому времени относятся названные в ней петербургские новости; ценз. разр. т. 2 «Статеек в стихах» — 5 июня 1843 г.). В изд. до 1864 г. не входило. Глава 1. *Хвалы он всем славнейше печатно раздает*. Речь идет о реакционном продажном журналисте Ф. В. Булгарине (1789—1859), издателе-редакторе официозной газеты СП. *Падеде* (pas de deux — франц.) — танец вдвоем. *С тех пор, как шутка с «Нашими» Пошла и удалась*. В 1841—1842 гг. в Петербурге выходила (отдельными выпусками) серия бытоописательных очерков «Наши, списанные с натуры русскими» (редактор А. П. Башуцкий). Всего было издано 14 выпусков; каждый был иллюстрирован политипажам (гравюрами на дереве). *Историю которого Состряпал Полевой*. Имеется в виду книга Н. А. Полевого «История Итальянского графа Суворова-Рымникского, генералиссимуса российских войск» (СПб., 1843). Книга эта, имевшая рекламно-коммерческий характер, была украшена многочисленными политипажам, выполненными в Петербурге и в Париже. Белинский резко отрицательно оценил ее в своей рецензии (см. т. 6, с. 562—565). *Увидишь тут Булгарина, В бекеше, в картузе*. Намек на иллюстрацию в издании Булгарина «Очерки русских нравов», по поводу которой Некрасов в своей рецензии писал: «Что за охота рисовать такие отталкивающие физиономии!..» (ПСС, т. 9, с. 80 и 710). *И целую компанию Салопницы и бродяг*. Намек на рассказ Булгарина «Салопница», выпущенный в 1842 г. отдельной книжкой с политипажам В. Ф. Тимма. Об этой книжке Белинский писал: «Разумеется, всякий полюбуется картинками, а читать текста уж верно не будет» (т. 6, с. 171). *Иллюминировано* — здесь игра слов: иллюминировать (от франц. illuminer), т. е. иллюстрировать, а также украшать цветными фонариками, световыми вензелями и т. п. *Клот* (правильнее — Клодт) К. К. (1807—1879) — русский художник, основатель школы гравировки на дереве. *Тимм В. Ф.* (1820—1895), *Нетельгорст О. П.* — художники, граверы. *«Жизель»* (1841) — балет А.-Ш. Адана; в петербургском Большом театре был поставлен в 1842 г. *Гран Л.-А.* (1819—1907) — датская артистка балета; отчет о ее выступлении в партии Жизели см.: ЛГ, 1843, 21 февраля («Журнальная амальгама»). *Андреянова Е. И.* (1816?—1857) — танцовщица, впервые в Петербурге исполнившая партию Жизели. *Поэма музыкальная Исполнена красот, Но самое печальное Либретто: уши рвет!* Подобные легковесные суждения о либретто оперы «Руслан и Людмила», высказывания о «несценичности» оперы имели место непосредственно после премьеры (состоявшейся в Большом театре 27 ноября 1842 г.; ср.: А. Орлова, М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества, М., 1952, с. 245—248). Нет оснований считать, что Некрасов солидаризировался с этими словами, вложенными в уста Белопяткина, тем более что к февралю 1843 г. (когда появилась 1-я глава «Говоруна») передовая публика по заслугам оценила гениальную оперу Глинки. *Полкана голова*. Голова великана не имеет имени ни в опере Глинки, ни в поэме Пушкина. Имя Полкан встречается в русском фольклоре, особенно же было распространено в лубочных изданиях (см., напр., сказку о Бове-королевиче). *Десть* — старинная мера писчей бумаги (24 листа). *Боско К.-Б.* (1793—1863) — итальянский фокусник, неоднократно гастролировавший в

России. *Цыганы из Москвы*. Речь идет об известном цыганском хоре Г. Соколова; ср. стихотворение В. Г. Бенедиктова «Московские цыгане» (1842). «Соловей» — романс А. А. Алябьева на слова А. А. Дельвига. *Проводят в лавки газ!* Подробно о ходе работ по газовому освещению Петербурга в 20—40-х годах см.: А. Греч, *Весь Петербург в кармане*. Справочная книга, СПб., 1851, с. 117—119. Глава 2. *Консоляция* — штраф в некоторых карточных играх. *Я с час пред умывальником* и т. д. В 60-х годах эта строфа распространялась нелегально, в виде отдельного стихотворения; известен, в частности, список П. Л. Лаврова (ЦГАОР). *Рубини* Д.-Б. (1795—1854) — знаменитый итальянский певец. Его гастроли в Петербурге, начавшиеся весной 1843 г., проходили с огромным успехом. О его концертах в зале Дворянского собрания, о его выступлениях в операх «Отелло» (Д. Россини) и «Лючия Ламмермур» (Г. Доницетти) см.: ЛГ, 1843, 7 марта, 25 апреля, 2 мая. *Лист* Ф. (1811—1886) — великий венгерский композитор и пианист. В апреле — июне 1843 г. дал ряд концертов в Петербурге. *Сулье* Л. — наездник, родом из Франции, служил шталмейстером (старшим конюшим) у турецкого султана. В январе 1843 г. прибыл со своей труппой в Петербург, где в течение нескольких месяцев показывал «конские ристалища» на Адмиралтейской и других площадях. Такие же «ристалища» устраивались и весной 1844 г. (см. их подробное описание в фельетоне Некрасова «Хроника петербургского жителя» — ПСС, т. 5, с. 405, 426—427). *Прилежно я окидывал Заморского кита*. В апреле 1843 г. это чучело кита было выставлено в особом балагане возле Александринского театра. *В повести Брамбеуса читал*. Барон Брамбеус — псевдоним писателя и журналиста О. И. Сенковского (1800—1858), редактора БдЧ, первого русского журнала, основанного на чисто коммерческих началах. *Контрданс* — контрданс, бальный танец. *На пе* — термин карточной игры, обозначающий намерение играть по удвоенной ставке. *Гюря* С. — известный в тогдaшнем Петербурге игрок на бильярде. *Брамбеус сам с кометою За ум меня сравнил*. В 20-х числах февраля 1843 г. вышла тоненькая книжечка — 1-й том «Статеек в стихах», где была помещена 1-я глава «Говоруна»; эту книжечку Барон Брамбеус в шутку сравнил с кометой, наблюдавшейся тогда в Европе (БдЧ, 1843, № 3, с. 43). Глава 3. *Боржия* — главная героиня оперы Г. Доницетти «Лукреция Борджиа» (1833). *Альбони* М. (1823—1894) — итальянская певица. На гастроли в Петербург прибыла осенью 1844 г. *Гарция* — Виардо (урожд. Гарсиа) М.-Ф.-П. (1821—1910), знаменитая французская певица. В Россию на гастроли приезжала неоднократно, начиная с 1843 г. *Гарнец* — старая мера супучих тел, равная 3,28 литра. *Фиглярин* — кличка, данная Ф. В. Булгарину (см. выше) Пушкиным (в стих. «Не то беда, что ты поляк...» и «Моя родословная»), получившая широкое хождение в литературе. *Над нами сочинители Смеются в повестях...* и т. д. Ср. в стих. «Чиновник» строки «Зато, когда являлася сатира...» и т. д. (наст. том, с. 85) и прим. 2. *Без вздоров сатирических Идет лишь Полевой* и т. д. Пьесы Н. А. Полевого (1796—1846), проникнутые консервативными тенденциями, пользовались успехом в среде чиновников, подобных Белопяткину. Некрасов относился к этим пьесам резко отрицательно; см. его рецензию, написанную еще в 1842 г. (ПСС, т. 9, с. 61—68).

2. «Физиология Петербурга», ч. 2, СПб., 1845, с. 81. Печ. по Изд. 1864, ч. 3 (прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов»), с. 135, где датировано 1844 г. В изд. до 1864 г. не входило. Написано было, вероятно, специально для «Физиологии Петербурга» и в связи со статьей Белинского «Петербург и Москва», в которой говорилось: «В Петербурге всё служит, всё хлопочет о месте или об определении на службу... Слово «чиновник» в Петербурге такое же типическое, как в Москве «барин», «барыня» и т. д. Чиновник — это туземец, истый гражданин Петербурга» (т. 8, с. 408). Когда стихотворение было опубликовано, Белинский писал: «„Чиновник“, пьеса в стихах г. Некрасова, есть одно из тех в высшей степени удачных произведений, в которых мысль, поражающая своею верностью и дельностью, является в совершенно соответствующей ей форме, так что никакой, самый предприимчивый критик не зацепится ни за одну черту, которую мог бы он похулить. Пьеса эта... верно воспроизводит одно из самых типических лиц Петербурга — чиновника... Эта пьеса — одно из лучших произведений русской литературы 1845 года» (т. 9, с. 218, 220). *Чихирь* — молодое виноградное вино, привозившееся с Кавказа. *Кинчерф*. Подстрочное прим. Некрасова к этой фамилии в «Физиологии Петербурга» гласило: «Портной на Мещанской, которому преимущественно заказывают петербургские чиновники и актеры». *В коллежские ассессоры попасть*. Чин коллежского ассессора в ту пору давал права потомственного дворянства. *В Галерной* — на Галерной ул. в Петербурге (ныне Красная ул.). *Консоляция* — см. прим. 1. *Ремиз* — термин карточной игры, означающий недобор положенного числа взяток или штраф за недобор. *От «Москвы родной» до Иртыша, От «финских скал» до «грозного Кавказа»* — пересказ стихов Пушкина: «от Перми до Тавриды, От финских хладных скал до пламенной Колхиды...» («Клеветникам России»). *Паратый* (поратый) — сильный, бойкий и приткий. *Зато, когда являлася сатира...* и т. д. Чиновник негодовал прежде всего на Гоголя, в «Физиологии Петербурга» к этим стихам была иллюстрация (гравюра на дереве Е. Е. Бернадского по рисунку А. А. Агина): чиновник левой рукой указывает на книгу с надписью «Шинель», а правой — на картину, изображающую сибирский пейзаж. Слова «Не совестятся видеть и читать» давали понять, что речь идет также о пьесе «Ревизор», которую чиновник мог *видеть* на сцене» (см.: Чуковский, с. 94). Действительно, в Петербурге было немало «особ», ненавидевших Гоголя за «Ревизора» и разделявших «мнение» Ф. Толстого («Американца»), который заявил, что Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь» (С. Т. Аксаков, Собр. соч., т. 3, М., 1956, с. 189).

* 3. С, 1851, № 11, с. 85, в фельетоне «Заметки Нового поэта о русской журналистике». В изд. до 1874 г. не входило. В Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов») датировано 1844 г. Автографы других редакций — ЛБ, в так называемой «Солдатенковской тетради» (под загл. «Детство»), и ПД (под загл. «Мои детские годы»). «Детство» впервые опубликовано в ПСС, т. 1, с. 405. Автограф, под загл. «Мои детские годы» (ПД), является позднейшей переработкой «Детства» и датирован 1861 г., но (видимо, отказавшись от мысли завершить переработку) Некрасов

зачеркнул эту дату и надписал: «1841»; стихотворение осталось незаконченным; впервые опубликовано в «Летописи Дома литераторов», 1921, № 3, с. 4. Подзаг. «Из признаний Белопяткина» (см. в вариантах «Мои детские годы») указывает на связь всех этих трех текстов со стих. «Говорун» (№ 1), которое написано также от имени Белопяткина. Ввиду этого из авторских дат более вероятным представляется 1844 г. *Подкаретная* (упоминаемая в других редакциях) — карточная игра, «три листика».

4. ЛГ, 1845, 11 января, в фельетоне Некрасова «Отчеты по поводу Нового года»; под фельетоном подпись «Ник. — Нек.». Печ. по Изд. 1864, ч. 3 (прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов»), с. 133, где датировано 1845 г. В ст. 16 конъектура: вместо «другой» — «дугой» (обоснование этой конъектуры: Б. Я. Бухштаб, Заметки о текстах стихотворений Некрасова. — В кн.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта», М., 1963, с. 241—242). В изд. до 1864 г. не входило. «*Избранники небес*», «*близкий наш*» — намеки на соответствующие строки из стих. Пушкина «Поэт и толпа»,

* 5. ЛГ, 1845, 8 марта, без ст. 41—62, возможно исключенных цензурой и позднее напечатанных в С, 1847, № 1, с. 78, в составе анонимного (принадлежавшего в основном И. С. Тургеневу) фельетона «Современные заметки». В ЛГ подпись «Ник. — Нек.» и дата «20 февраля 1845». Печ. по Изд. 1864, ч. 3 (прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов»), с. 147, с исправлением ст. 20 по ЛГ (во всех собраниях стихотворений Некрасова: «Вошли в большую моду: в самом деле славно!» Об ошибочности этого чтения см. в статье Б. Я. Бухштаба, названной в предыдущем прим., с. 240—241). В ЛГ было много цензурных искажений: в ст. 17 вместо «А доблестей — как милостей у бога. . .» было: «А доблестей — как в поле муравы. . .» (с нарушением рифмы); в ст. 76 вместо «Когда сыном какой-то важной утки» было: «Как братом и женой козла и утки». В Изд. 1864 датировано 1845 г. В изд. до 1864 г. не входило. *Развод* — здесь: порядок рассылки караулов (в старой армии). *И в действии пустом кипящий ум* — перефразировка пушкинских строк: «С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом» («Евгений Онегин», гл. 7). *На петербургских барынь и девиц Напал недуг свирепый и великий* и т. д. Об увлечении полькой, как о характерном для той эпохи бытовом явлении, Некрасов писал также в ряде своих фельетонов. *Почто сия на лицах всех забота?* и т. д. Некрасов пародирует начальные строки стихотворения К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс» (см. об этом: Б. Я. Бухштаб, Начальный период сатирической поэзии Некрасова. — Некр. сб. 2, с. 135). *От Козьего болота до Песков*. Название окраин Петербурга. *Мильонная* — одна из центральных улиц Петербурга (ныне ул. Халтурина). *Выборгская сторона* — район Петербурга. *До той, которую воспел поэт (его уж нет)*. Вероятно, речь идет о графине А. К. Воронцовой-Дашковой и о незадолго до того (в 1841 г.) погибшем Лермонтове (см. прим. 81). *Кессених Л.* — известная в то время содержательница танцкласса в Петербурге; см. заметку о ней в СП, 1844, 19 января.

6. ОЗ, 1845, № 4, с. 327, с обратным порядком 3-й и 4-й строф, подпись «Н. Не — в». Печ. по Изд. 1856, с. 91. В Изд. 1879 датировано 1845 г.

7. Изд. 1856, с. 162, под загл. «(Из Ларры)». Беловой автограф ЛБ — под загл. «(С испанского. Из Ларра)», датирован 1846 г. По этому автографу восстанавливаем доцензурный вариант ст. 16 (во всех прижизненных изданиях: «А до дела дойдет — замирает рука!»). Ларра М.-Х. (1809—1837) — испанский публицист, сатирик. Некрасов выдал стихотворение за перевод из Ларры, чтобы обойти цензурные препятствия. Ср. свидетельство одного из современников Некрасова: «На некоторых лирических стихотворениях у Некрасова стоит надпись: «Из Ларры». Между тем Ларра не печатал стихов и знаменит своею сатирой в прозе. Некрасова спрашивали: что это значит? Он с усмешкою объяснял, что это с его стороны одна стратагема и ничего больше: «В прежнее время, — говорил он, — иные мои стихотворения не прошли бы, если б я не выдал их за перевод с какого-нибудь малоизвестного языка; а имя Ларры такое звучное и поэтическое: легко поверят, что он писал стихи» (М. В., Из Ларры. — «Вестник Европы», 1878, № 5, с. 194). Незадолго до смерти Некрасов написал на полях своей книги против текста комментируемого стихотворения: «Неправда. (Это слово относилось к загл. «(Из Ларры)».) Приписано Ларре по странности содержания. Искреннее. Написано во время гощения у Герцена. Может быть, наваяно тогдашними разговорами. В то время в московском кружке был дух иной, чем в петербургском, т. е. Москва шла более реально, нежели Петербург (см. книгу Станкевича)» (корректурa Изд. 1879 — ПД; опубликовано в Изд. 1879 с цензурной купюрой: вместо «Герцена» — «Г.»). Редактор первого посмертного издания Некрасова С. И. Пономарев отнес это стихотворение к 1847 г., основываясь на указании поэта (Изд. 1879, т. 4, с. XXI). Однако Некрасов гостил у Герцена в начале июня 1845 г. (см.: Герцен, т. 22, с. 240), чем и определяется датировка. Упомянутая Некрасовым «книга Станкевича» — А. Станкевич, Тимофей Николаевич Грановский (Биографический очерк), М., 1869. В ней действительно сообщалось о «реалистическом направлении» передовой московской молодежи, увлекавшейся естественными науками (с. 218), но эта тема в стихотворении не отражена. Ссылаясь на книгу Станкевича, Некрасов, видимо, хотел косвенно указать, что стихи написаны под впечатлением политической проповеди Герцена.

8. «Петерб. сб.», с. 505; Изд. 1861; Изд. 1863. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 1, с. 7. В Изд. 1879 дата «1846», однако, поскольку в середине января 1846 г. «Петерб. сб.» уже вышел в свет, правильнее относить это стихотворение к 1845 г. При перепечатке в Изд. 1861 цензура не пропустила упоминание о том, что крестьянку Грушу погубили «господа», и ст. 62 Некрасов вынужден был переделать так: «Погубило ее баловство». Белинский пришел в восторг, когда Некрасов впервые прочитал это стихотворение в кругу друзей: «...У Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: „Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?“» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, <Л.>, 1950, с. 249). В рецензии на «Петерб. сб.» Белинский писал о помещенных там стихотворениях Некрасова: «Они проникнуты мыслию;

это — не стишки к деде и луне; в них много умного, *дельного* и современного. Вот лучшее из них — „В дороге“ (т. 9, с. 573). Герцен также считал это стихотворение «превосходным» (Белинский, т. 12, с. 264). В 1863 г. стихотворения Некрасова «В дороге», «Забятая деревня», «Вино» и «Огородник» были включены в пропагандистский «Сборник рассказов в прозе и стихах», тираж которого был конфискован властями и сожжен. *Варган* — искаженное слово «орган»; здесь, очевидно, подразумевается пианино. *Вальжный* — красивый, величественный. *Перебрал по ревизии души*, т. е. проверил списки своих крепостных крестьян. *Посадили На тягло*. Тягло — трудоспособная крестьянская семья (муж с женой), которая принималась за хозяйственную единицу в имении помещика и которая обязана была отработать на барщине или выполнить установленную норму оброка. *Коты* — здесь: род женских полусапожек.

9. «Петерб. сб.», с. 508. Печ. по Изд. 1856, с. 52. Дата «1845» — в Изд. 1879, со ссылкой на указание автора.

10. «Петерб. сб.», с. 509, с цензурным пропуском ст. 15—16, замененных двумя строками точек; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 14. Дата «1845» — в Изд. 1879, со ссылкой на указание автора.

11. «Петерб. сб.», с. 510. Печ. по Изд. 1856, с. 80. Датируется на тех же основаниях, что и стих. «В дороге» (см. прим. 8). В Изд. 1861, 1863, 1864 не вошло. В Изд. 1869—1873 и 1873—1874 из цензурно-тактических соображений было помещено в прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов». Является перепевом «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова. 13 февраля 1846 г. шеф жандармов А. Ф. Орлов, требуя наказать цензора, дозволившего публикацию «Колыбельной песни» Некрасова, писал министру народного просвещения С. С. Уварову: «Сочинения подобного рода, по предосудительному содержанию своему, не должны бы одобряться к печатанию» («Книга и революция», 1921, № 2 (14), с. 37). С этого времени в официальных кругах Некрасов стал считаться «неблагонамеренным» писателем. В марте 1848 г. Ф. В. Булгарин доносил в III Отделение: «Некрасов — самый отчаянный коммунист; стоит прочесть стихи его и прозу в С.-Петербургском альманахе, чтоб удостовериться в этом. Он страшно вопиет в пользу революции» («Былое», 1906, № 10, с. 283). Прозы Некрасова в «Петерб. сб.» не было (доносчик, вероятно, имел в виду очерк Некрасова «Петербургские углы», опубликованный в «Физиологии Петербурга»); что же касается стихов, то особую злость Булгарина вызвала «Колыбельная песня», — это видно из его письма к цензору А. Л. Крылову от 28 декабря 1848 г. (ГМ, 1913, № 4, с. 225). В прим. к «Колыбельной песне» С. И. Пономарев писал: «Сам Некрасов различно относился к этой пьесе: поместив ее в 1-м издании своих стихотворений (1856), он потом ее выбрасывает в трех следующих изданиях, снова вводит в 5-е издание, в приложения, наконец, велит перенести ее в текст, под соответствующим ей годом» (Изд. 1879, т. 4, с. X). Однако в действительности «Колыбельная песня» отсутствовала в этих изданиях лишь из-за цензурного запрета. Приступая к хлопотам об Изд. 1861, Некрасов вынужден был заявить, что «Колыбельная песня» там

помещена не будет (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 231). В 1864 г. поэт решил ввести «Колыбельную песню» в свои «Стихотворения», но С.-Петербургский цензурный комитет потребовал изъять ее, аргументируя это так: «В этом стихотворении заключается едкая ирония на судьбу чиновников: гнуть спину, ползти ужом до хорошего местечка, красть, потом купить дом и сделаться русским дворянином и баринном» (ЦГИАЛ; опубл. неточно в «Книге и революции», 1921, № 2 (14), с. 45). Считая «Колыбельную песню» одним из характерных своих произведений, Некрасов включил ее в Р. 6-ку.

12. С, 1851, № 1, с. 140, под загл. «Стихотворение без подписи». Печ. по Изд. 1856, с. 151. Беловой автограф — ЛБ. Дата «1845» — в Изд. 1879, со ссылкой на указание автора.

* 13. ОЗ, 1846, № 4, с. 403; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 5. Беловой автограф — ЛБ. Н. Г. Чернышевский, высоко ценивший интимную лирику Некрасова, писал поэту 5 ноября 1856 г.: «...Поэзия сердца имеет такие <жс> права, как и поэзия мысли... «Когда из мрака заблужденья...», «Давно, отвергнутый тобою...», «Я посетил твоё кладбище...», «Ах ты, страсть роковая, бесплодная...» <последнее из названных стихотворений имеет загл. — «Застенчивость»> буквально заставляют меня рыдать...» (т. 14, с. 322). Под влиянием стих. «Когда из мрака заблужденья...» Добролюбов написал свое «Се: диво доброе влеченье...» (см. вступ. статью Б. Я. Бухштаба к сб.: Н. А. Добролюбов, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1962, с. 19—20). Пытаясь «опровергнуть» принципы революционно-демократической этики, Ф. М. Достоевский всю вторую часть своих «Записок из подполья» (1864) построил на полемике с комментируемым стихотворением Некрасова.

14. ПА, с. 18. Печ. по Изд. 1856, с. 130 с исправлением в ст. 16. Беловые автографы — ГПБ и ЛБ. В прижизненных изданиях и автографах ст. 16 читается: «Ямщику денщик кричит...» Лично знавший Некрасова библиограф П. А. Ефремов записал свободный от цензурного искажения вариант, в котором вместо «денщик» было «жандарм» («Доклады и отчеты Русского библиологического общества», новая серия, вып. 1, СПб., 1908, с. 7; «Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома», П., 1922, с. 155). Авторитетность этого варианта обосновал М. К. Азадовский, обнаруживший аналогичную поправку Н. В. Гербеля в экземпляре Изд. 1856 («Научный бюллетень Лен. гос. университета», № 16—17, Л., 1947, с. 13—14). В стихотворении говорится о жандарме, перевозящем политического заключенного; ср. написанные на ту же тему более поздние стих. Некрасова «Благодарение господу богу...» и «Еще тройка» (см. т. 2, №№ 33, 78).

15. ОЗ, 1846, № 4, с. 401. Печ. по Изд. 1856, с. 15. Дата «1846» указана в Изд. 1879. В «Огороднике» широко использована народно-песенная поэтика. К народным песням восходит и сюжет стихотворения. В 1857 г. Е. П. Ростопчина сообщала военному министру В. А. Долгорукову о революционизирующем воздействии «Огородника» и «Тройки» Некрасова на молодое поколение, которое «сплошь

заражено новыми веяниями» (Н. В. Дризен, *Драматическая цензура двух эпох*, <П., 1917>, с. 270). В 1859 г., когда вопрос о новом издании стихотворений Некрасова рассматривался членами Главного управления цензуры, «Огородник» был квалифицирован ими как одно из наиболее крамольных стихотворений поэта: А. Г. Тройницкий обращал внимание на то, что в «последнем куплете» «изображается в слишком мрачных красках быт русского народа вообще, особенно в отношении крестьян к помещикам»; Г. П. Митусов назвал «Огородника» среди стихотворений, которые «по своему демократическому направлению, посеивающему вражду между государственными сословиями, навлекают на себя всю строгость цензуры и потому должны подлежать непрременному исключению»; на запрещениях перепечатки «Огородника» настаивали также П. П. Вяземский и Ф. Ф. Бюлер (А. Mazon, *Un maître du roman russe Ivan Gontcharov*, Paris, 1914, с. 398—404). «Огородник» вошел в многочисленные народные песенники. На сюжет стихотворения было написано несколько пес. Одна из них (принадлежавшая перу К. Д. Ефимовича) еще в 40-х годах не была дозволена цензурой к постановке («Ученые записки Лен. гос. университета», № 171, сер. филолог. наук, вып. 19, Л., 1954, с. 156). Другая (С. Соколовского и Г. Годзевича) была запрещена советом Главного управления по делам печати 27 декабря 1881 г. как могущая «возбудить междусословное недоверие и вражду» (ЦГИАЛ).

16. С, 1847, № 1, с. 91, с посвящением «(И. И. Маслову)»; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 28. Автографы — ЛБ, ЦГАЛИ. В Изд. 1879 датировано 1846 г. Маслов Иван Ильич (1817—1891) — чиновник при коменданте Петропавловской крепости генерале И. Н. Скобелеве, приятель Белинского и Тургенева. «Тройка» — первое стихотворение поэта, помещенное им в реорганизованном С. 17 января 1847 г. Н. П. Огарев писал Т. Н. Грановскому: «„Тройка“ Некрасова — чудесная вещь. Я ее читал раз десять» (Н. П. Огарев, *Избранные социально-политические и философские произведения*, т. 2, М., 1956, с. 395). В романе Чернышевского «Что делать?» (гл. 1), рассказывается о том, как Вера Павловна «села к фортепьяно и запела «Тройку» — тогда эта песня была только что положена на музыку...». Чернышевский, несомненно, имел в виду некрасовскую «Тройку» (пересказывается ее содержание: «девушка засмотрелась на офицера»). «Тройка» впервые была положена на музыку в 1857 (Н. Леонтьевым, И. Васильевым) и в 1858 гг. (С. Зыбиной). Позже стала широко распространенной песней.

* 17. Изд. 1856, с. 169, под загл. «Старые хоромы (Из Ларры)» и с посвящением «(Валерьяну Панаеву)»; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 31. Черновой автограф ст. 1—50, без загл., — в частном собрании В. В. Егерова (Казань); об этом автографе — см. «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 2, Л., 1950, с. 99—107. Другой автограф — ЦГАЛИ. Наборная рукопись — авторизованная копия, под загл. «Старые хоромы (Из записок ипохондрика)» и с зачеркнутым посвящением «В. Г. Б — му» (т. е. Белинскому) — ПД. Другая авторизованная копия, рукой А. Я. Панаевой, — ЛБ; здесь Некрасовым вписано загл. — «Старое гнездо. (С испанского,

из Ларра)». Подзаг. «Из Ларры» был использован с целью обойти цензуру (ср. прим. 7). «Старые хоромы», «Старое гнездо» — варианты загл., также вызванные цензурными соображениями. Загл. «Родина», намекавшее на общерусские масштабы сатиры, долго считалось крамольным (см. об этом в статье А. М. Гаркави «Новые материалы о Н. А. Некрасове». — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 1, 1955, с. 57—58). Написание «Родины» Некрасов относил к 1846 г. (Изд. 1879, т. 4, с. XVI). Наборная рукопись ПД назначалась для № 2 С за 1847 г. (тут же — конец стих. «Псовая охота», напечатанного в этом номере журнала, и распоряжения наборщикам); однако, несмотря на многочисленные купюры (обозначенные здесь рядами точек), стихотворение в журнале не появилось, — очевидно, из-за цензурного запрета. В первых публикациях «Родины» (в Изд. 1856 и 1861) было много цензурных искажений. Стихи, прямо обличавшие крепостничество, были заменены смягченными вариантами: «Где рой подавленных и трепетных людей Завидовал житью собак и лошадей»; «Где деспотом бывал, случалось, и я»; «Из дому гаеров, любовниц и псарей». В Изд. 1856 стихотворение было посвящено Валериану Александровичу Панаеву (1824—1899) — двоюродному брату И. И. Панаева, инженеру-путейцу. В автобиографических заметках Некрасов рассказал, что Белинский познакомился со стих. «Родина», когда «написано было только начало... Белинский пришел в восторг, ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (ПСС, т. 12, с. 13). «...Стихотворение «Родина», — писал И. И. Панаев, — привело Белинского в совершенный восторг. Он выучил его наизусть и послал его в Москву к своим приятелям...» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, <Л.>, 1950, с. 249). «Родина» распространялась в рукописях, особенно в революционной среде: сохранились копии А. И. Герцена (ЦГАЛИ), П. Л. Лаврова (ЦГАОР) и др. В 1867 г. И. А. Худяков включил «Родиону» в пропагандистское издание «Жизнь природы и человека», выпущенное в Женеве. В «Родине» отразился быт родового имения Некрасовых с. Грешнево (Ярославской губ.) *Угрюмый невежда* — отец поэта. *Тебя уж также нет, сестра души моей!* . . и т. д. Поэт говорит о своей любимой сестре Елизавете (1821?—1842), выданной в 1841 г. замуж за пожилого подполковника в отставке С. Г. Звягина и вскоре после того умершей. *С отрадой вижу я, что срублен темный бор...* и т. д. Эта картина гибели помещичьего «гнезда», не соответствующая обстановке в Грешневе 40-х годов, является художественным обобщением. В варианте черногового автографа: *О нянях на Руси так много есть стихов, что боже упаси!* — намек на стихи Пушкина и Языкова об Арине Родионовне — няне Пушкина.

18. С, 1847, № 2, с. 157; Изд. 1856; Изд. 1861; Изд. 1863. Печ. по Изд. 1869—1873, ч. 2, с. 7, где впервые восполнен цензурный пропуск ст. 121—122, заменявшихся прежде двумя строками точек (в Изд. 1861 отсутствовали и ст. 119—120). Датируется по Изд. 1861. Псовую охоту, которая в ту пору была излюбленным развлечением богатых помещиков, Некрасов впервые описал еще в 1844 г. — в двух фельетонах (ПСС, т. 5, с. 487—492; т. 12, с. 222—228) и в воде-

виле «Петербургский ростовщик». В отличие от этих ранних юмористических произведений, стихотворение представляет собой последовательную сатиру на крепостников и крепостничество. Стихи, в которых, на первый взгляд, псовая охота воспевается (67—74, 81—88, 154—162, 169—178), ироничны. В них, как доказали К. И. Чуковский (ПСС, т. 1, с. 524—525) и Б. Я. Бухштаб (Некр. сб. 3, с. 22—26), Некрасов пародировал панегиристов помещицкой псовой охоты, в частности Н. Реутта (автора книги «Псовая охота», вышедшей в 1846 г.) и А. Венцеславского (автора статьи «О псовой охоте», напечатанной в том же году в «Журнале коннозаводства и охоты»). Эпиграф — из 1-го тома назв. кн. Реутта, с. 26. Сцена расправы барина с пастухом, возможно, связана с детскими впечатлениями Некрасова; ср. в воспоминаниях сестры поэта А. А. Буткевич: «Отец вышел из себя и в порыве гнева наскочил на виноватого и отдул его арапником» (ЛН, № 49—50, с. 176); ср. также воспоминания крестьян — участников охотничьих выездов А. С. Некрасова (ЖДН, т. 1, с. 45—46).

* 19. С, 1851, № 11, с. 87, в фельетоне «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», под загл. «К ней», без подписи; Изд. 1856; Изд. 1861; во всех прижизненных изданиях — под загл. «(Из Ларры)». Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 33. Автограф (без загл.) — ЛБ. О загл. «(Из Ларры)» см. прим. 7. Незадолго до смерти Некрасов в своем экземпляре Изд. 1873—1874 зачеркнул загл. «(Из Ларры)» и надписал новое «(Подражание Лермонтову)», указал дату «1846» и на полях заметил: «Подражание Лермонтову. Сравни: Арбенин (в драме «Маскарад»). Не желаю, чтобы эту подделку ранних лет считали как черту моей личности. Был влюблен и козырнул. NB—отнести в приложение» (Изд. 1879, т. 4, с. XV; ЛН, № 53—54, с. 180). Стихотворение не является подражанием Лермонтову в точном смысле слова. С монологом Арбенина («Маскарад», действие 1, сцена 3, выход 2) связаны мотивы, в которых раскрывается история любви: разврат в юности; душевная пустота, явившаяся его следствием; новая любовь. Сходны и отдельные выражения. Однако, в отличие от Лермонтова, Некрасов говорит о разврате как о порождении крепостнического быта; а в концовке стихотворения, вступая в своеобразную полемику с драмой Лермонтова, Некрасов отвергает арбенинскую «мертвую пустоту».

20. Изд. 1856, с. 23. Незадолго до смерти поэт сделал пометку: «Отнести в приложение. Не люблю этой пьесы, хотя буквально она верна — слышал рассказ очевидца Тучкова (впоследствии московского генерал-губернатора)». Тогда же Некрасов указал под стихотворением дату «1846» (Изд. 1879, т. 4, с. CVIII—CIX). Тучков П. А. (1803—1864) — генерал-адъютант, с 1859 г. московский генерал-губернатор; дядя второй жены Н. П. Огарева. О том, что Огарев «нередко приводил» Некрасова к Тучковым, — см.: Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, М., 1959, с. 76. *Фузея* (от франц. fusil) — ружье.

21. С, 1847, № 3, с. 139. Печ. по Изд. 1856, с. 54. Беловой автограф — ЛБ. В С было напечатано с цензурным искажением: о не-

справедливо высеченном крестьянине было сказано, что «Он сделался пьянчужкой. . .». В Изд. 1861 цензурой была изъята вся 3-я строфа. Ознакомившись с «Нравственным человеком» еще в рукописи, Белинский сообщил Тургеневу (19 февраля 1847 г.): «Некрасов написал недавно страшно хорошее стихотворение. Если не попадет в печать (а оно назначается в 3 №), то пришлю к вам в рукописи. Что за талант у этого человека! И что за говор его талант!» (т. 12, с. 336). Д. И. Писарев, говоря о поэзии Некрасова, восклицал: «Кто способен написать стихотворения: «Филантроп», «Эпилог к ненаписанной поэме» <т. е. «Несчастные»>, «Еду ли ночью по улице темной. . .», «Саша», «Живя согласно с строгою моралью. . .» <т. е. «Нравственный человек»>, — тот может быть уверен в том, что его знает и любит живая Россия. . .» (Д. И. Писарев, Соч., т. 1, М., 1955, с. 196).

22. С, 1847, № 7, с. 193. Печ. по Изд. 1856, с. 191. В сб. «Для легкого чтения», т. 1, СПб., 1856, помещено с датой «1847». Беловой автограф, под загл. «К**», — ЛБ. Копия А. Я. Панаевой — ЦГАЛИ.

23. С, 1847, № 9, с. 153; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 59. Авторизованная копия, с датой «1847 (август)», — ЛБ. И. С. Тургенев писал Белинскому из Парижа 14 (26) ноября 1847 г.: «. . . Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение в 9-й книжке <С> меня совершенно с ума свело; денно и ночью твержу я это удивительное произведение — и уже наизусть выучил» (Письма, т. 1, с. 264). Вспоминая о той поре, когда появилось стих. «Еду ли ночью по улице темной. . .», Н. Г. Чернышевский писал (О. С. Чернышевской, 15 мая 1878 г.): «. . . Оно первое показало: Россия приобретает великого поэта» (т. 15, с. 210).

24. С, 1850, № 9, с. 44. Печ. по Изд. 1856, с. 128. Беловой автограф, под загл. «К*», — ЛБ. Датируется по Изд. 1879.

25. Изд. 1856, с. 28; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 51. В Изд. 1856 и 1861 было много цензурных искажений: в ст. 5 вместо «барин» было напечатано «соцкий» (т. е. сотский); в ст. 39, 47 и 65 были изъяты упоминания о том, что крестьянин готовился отомстить своим обидчикам при помощи «ножа» и «топора». Все эти «краснословные» стихи имеются в авторизованной копии, в «Солдатенковской тетради» 1855 г. (ЛБ), в разделе «Не для печати», под загл. «Не водись-ка на свете вина». Датируется по Изд. 1879. *Я с артелью взялся у купца. . .* и т. д. Этот же эпизод первоначально был рассказан Некрасовым в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (см. ПСС, т. 6, с. 131—132).

26. С, 1856, № 5, с. 64, под загл. «В черный день». Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 177. Автограф — ЛБ. На полях Изд. 1873—1874 Некрасов сделал к этому стихотворению прим.: «Умер первый мой сын — младенцем — в 1848 году» (Изд. 1879, т. 4, с. XXIII). У Некрасова и А. Я. Панаевой было несколько детей, умиравших вскоре после рождения. Об этом говорится в письме к И. С. Тургеневу от 19 апреля 1855 г. (ПСС, т. 10, с. 221). Очевидно, о смерти ребенка упомянуто в дневниковой записи А. В. Дружинина от 23 ноября 1853 г. (Н. С. Ашукин, Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—

Л., 1935, с. 125). Возможно, Некрасов имел в виду такого же рода несчастье, когда в письме к Н. А. Степанову от 16 марта 1848 г. общал: «...Я теперь в большом горе» (ПСС, т. 10, с. 111). Все же датировка стихотворения остается неясной, поскольку не установлено, был ли у Некрасова сын 1848 г. рождения, а многие из датирующих пометок автора на экземпляре Изд. 1873—1874 оказались неточными. Отсутствие автографа этого стихотворения в «Солдатенковской тетради» (ЛБ), в которую вошло почти все лучшее из написанного Некрасовым к весне 1855 г., также заставляет сомневаться в правильности даты «1848».

27. «Album de m-me Olga Kozlov», М., 1883, с. 171, в составе альбомной записи Некрасова: «Не имея ничего нового, я долго рылся в моих старых бумагах и нашел там исписанный карандашом лоскуток. Я ничего не разобрал (лоскуток, сколько помню, относится к 1848 году), кроме следующих восьми стихов... Извините, если эти стихи не совсем идут к вашему изящному альбому. Ничего другого не нашел и не придумал. Ник. Некрасов. 9 ноября 1873 г. СПб.» О. А. Козлова — жена дипломата и поэта-переводчика П. А. Козлова. Альбом О. А. Козловой был выпущен очень малым тиражом. Не знавший об этом издании артист М. И. Писарев в 1892 г. вновь опубликовал стихи «Вчерашний день, часу в шестом...», сопроводив их таким пояснением: «Как-то, лет 20 тому назад, покойный Н. А. Некрасов, перебирая при мне свои рукописи, нашел между ними ветхий листок бумаги, исписанный сверху донизу карандашом. Рукопись оказалась очень старой, карандаш местами совсем стерся, и мы из всего написанного с трудом могли разобрать только 8 строк, которые я тогда же и записал» («Голодному на хлеб. Альбом автографов писателей, художников, артистов и общественных деятелей», СПб., 1892, с. 22). Копия М. И. Писарева, очевидно, была снята с того же «лоскутка», однако в новой публикации ст. 3 был напечатан по-другому («Там били девушку кнутом»). Вероятно, вписывая стихи в альбом Козловой, Некрасов внес в них поправку. При жизни Некрасова стихи эти не публиковались — несомненно, по цензурным причинам. *Сенная* — рыночная площадь в Петербурге, место публичных телесных наказаний по приговору суда (ныне пл. Мира).

28. С, 1854, № 1, с. 135. Беловой автограф — ЛБ. В Р. б-ке датировано 1852 г., а в Изд. 1879—«1854» — возможно, по времени первой публикации. Как установил К. И. Чуковский, это — послание к А. Я. Панаевой, лечившейся за границей в 1850 г. (ПСС, т. 1, с. 532). Панаева уехала за границу в конце апреля 1850 г. (Я. З. Черняк, «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве», М.—Л., 1933, с. 175). В Петербург Панаева вернулась в сентябре 1850 г. («П. В. Анненков и его друзья», т. 1, СПб., 1892, с. 560). Этим и определяется дата написания.

29. Изд. 1856, с. 172, под загл. «(Из Шенье)». Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 98, с восстановлением ст. 41—49, отсутствовавших в прижизненных изданиях и заменявшихся точками, по беловому автографу ЛБ. Купюра восстановлена в ряде копий близких Некрасову лиц (ПСС, с. 532). Она могла быть вызвана как цензурными причи-

нами (упоминания о «добровольном изгнании», о «полной свободе» «вдали»), так и личными мотивами. В Изд. 1856 Некрасов выдал стихотворение за перевод из французского поэта А.-М. Шенье (1762—1794). В Изд. 1879 оно было датировано 1853 г. В действительности же оно представляет собою послание за границу к А. Я. Панаевой и было написано в апреле — сентябре 1850 г. (см. прим. 28).

30. С, 1855, № 11, с. 80, с датой «1850». Обращено, очевидно, к А. Я. Панаевой.

31—34. В Изд. 1879 цикл датирован 1850 г., со ссылкой на указание автора. Однако возможно, что в цикл вошли произведения разных лет (см. прим. 233).

1. Изд. 1856, с. 25. Беловой автограф — ЛБ. Эпизод, положенный в основу «Вора», намечен в одной из глав романа Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света» (1848—1849); ср.: ПСС, т. 7, с. 784.

2. Изд. 1856, с. 26. Беловой автограф — ЛБ.

3. Н. А. Некрасов, Стихотворения. Издание пополненное. Берлин, 1862, с. 53, под загл. «Гроб». Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 40. Два беловых автографа, без загл., — ЛБ. Цензор А. Похвиснев, рассматривавший Изд. 1873—1874, доносил: «Есть стихотворения, как, например, «Гробок», «Так, служба!..», «Филантроп», производящие болезненное, отталкивающее впечатление по безотрадному взгляду на обстановку жизни, по совершенному отсутствию простого человеческого чувства, противные цензурным постановлением, но не настолько вредные, чтобы могли служить поводом к аресту книги» (С. А. Рейсер, Заметки о Некрасове. — Зв. 5, с. 532).

4. Изд. 1856, с. 26. Беловой автограф, под загл. «Извозчик», — ЛБ. *Мерещится мне всюду драма*. И. Г. Ямпольский указал на связь этой строки с фразой А. И. Герцена в очерке «Капризы и раздумье»: «За каждой стеной мне мерещится драма» («Научный бюллетень Лен. гос. университета», № 16-17, Л., 1947, с. 48—50).

* 35. С, 1851, № 11, с. 90. Печ. по Изд. 1856, с. 139. Автографы — ЛБ. Один из них — черновой (до публикации в С); другой — белой, под загл. «К**», — 1855 г. Обращено к А. Я. Панаевой.

36. С, 1851, № 5, с. 9, в неподписанной рецензии Некрасова на кн.: «Раут. Литературный сборник в пользу Александринского детского приюта», М., 1851. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 230, где датировано 1850 г., в действительности же написано в марте или апреле 1851 г. (ценз. разр. сборника «Раут» — 24 февраля 1851 г., ценз. разр. № 5 С — 30 апреля 1851 г.). В другие прижизненные издания не входило. Включено с подзаг. «Поэма» в «Собрание стихотворений Нового поэта», СПб., 1855. Ошибочно приписывалось И. И. Панаеву и включалось в его посмертные собр. соч. (т. 5, СПб., 1889; т. 5, М., 1912), поскольку к псевдониму «Новый поэт» чаще всего прибегал именно Панаев. «Мое разочарование» — пародия на помещенное в «Рауте» стихотворение Каролины Павловой «Рассказ Лизы» (отрывок из поэмы «Кадриль»). Издатель «Раута» Н. В. Сушков извещал

в особом прим., что «Рассказ Лизы» написан «пятистопным хореем, очень редко встречающимся у нас, особенно в целых пьесах». Иронизируя над этим прим., Некрасов (от имени Нового поэта) сообщал в своей рецензии, что «Мое разочарование» он написал «в четверть часа» и притом «тем же трудным, по уверению издателя «Раута», размером, каким написана поэма г-жи Павловой». Лиза в поэме К. Павловой — экзальтированная дворянская барышня: она постоянно восхищается красотами природы, сравнивает себя с литературными героинями и т. д. Лизу постигает разочарование: жених изменил ей, узнав, что она получила в наследство только 60 тысяч рублей. В «Моем разочаровании» Некрасов высмеял «идеальных» героев К. Павловой, которым свойственна восторженная мечтательность, обусловленная незнанием жизни и верхоглядством. *Юрьевец-Повольск* — Юрьевец, город на Волге, неподалеку от Костромы. *Клио* (греч. миф.) — муза истории. *Жан-Поль* — псевдоним немецкого писателя-романтика И.-П.-Ф. Рихтера (1763—1825). *Демосфен* (384—322 до н. э.) — древнегреческий оратор. *Галич* А. И. (1783—1848) — философ-идеалист, профессор Петербургского университета. *Глинка*. По-видимому, речь идет о поэте Ф. Н. Глинке (1786—1880), стихи которого Некрасов неоднократно высмеивал (в частности — и в рецензии на «Раут»). *Ричардсон* С. (1689—1761) — английский романист, представитель сентиментализма. *Декандоль* О.-П. (1778—1841) — швейцарский ботаник, автор монументального труда «Физиология растений». *Шамиссо* А. (1781—1838) — немецкий поэт и естествоиспытатель. *Мильтон* Д. (1608—1674) — английский поэт и публицист, автор поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». *Соутэй* — Соути Р. (1774—1843), английский поэт-романтик; уже в начале XIX в. русским читателям были хорошо известны его баллады, переведенные Жуковским. *Шеллинг* Ф.-В.-И. (1775—1854) — немецкий философ-идеалист. *Клопшток* Ф.-Г. (1724—1803) — немецкий поэт, автор поэмы «Мессиада». *Тацит* П. К. (ок. 55 — ок. 120) — древнеримский историк. *Ламартин* А.-М.-Л. (1790—1869) — французский поэт-романтик.

* 37. С, 1851, № 8, с. 11 (др. ред.), в «Заметках Нового поэта о русской журналистике», под загл. «Беседа журналиста с подписчиком», без подписи; сб. «Для легкого чтения», т. 9, СПб., 1859, под загл. «Беседа журналиста с подписчиком. Драматическая сцена», вместо подписи: ***. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 235. В другие прижизненные издания не входило. Под именем «Журналиста» выведен Андрей Александрович Краевский (1810—1889), издатель-редактор ОЗ. В стихотворении разоблачаются недостойные приемы, к которым он прибегал в полемике с другими журналами, в частности с С. При перепечатке стихотворения в Изд. 1873—1874 Некрасов исключил те выпады против Краевского, которые утратили актуальность в 70-х годах. В С тексте произведения предшествовали слова: «Публика! журналы! журналисты! соперничество! подписчики! Взявшись писать о русской журналистике, в последнее время я так много думал обо всем этом, что в голове моей образовалась целая поэма, в которой должен отразиться характер современной нашей журналистики. Я дал моей поэме драматическую форму и теперь деятельно пишу ее.

Вот первая «Беседа», или первая часть моей драматической поэмы; надеюсь, публика прочтет ее с любопытством и благодарностию». *О роли петуха в языческом быту, Значенье кочерги, история ухвата*. Намек на статью А. Н. Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина», появившуюся в № 6 ОЗ за 1851 г. Эта статья была типична для «мифологической» школы, сводившей народное творчество исключительно к древнейшим мифам. «Слова, слова, слова!» — цитата из трагедии Шекспира «Гамлет» (д. 2, сц. 1). *Вы отзывались с разумной похвалой О Пушкине*. Речь идет о статьях Белинского, печатавшихся в ОЗ, как и все прочие статьи критического отдела, без подписи.

Нуждаются также в пояснении след. реалии первой редакции. *Я даже был творцом таких нововведений*. Корректурные «нововведения» Краевского заключались в том, что он расставлял лишние дефисы в выражениях типа «очень-много», печатал «петербуржский» вместо «петербургский» и т. п. Слово «петербуржский» вызывало особенно много насмешек, и самого Краевского стали в шутку называть «Краежским» (см.: И. И. Панаев, *Литературные воспоминания*, <Л.>, 1950, с. 71, 371—372). *Те, что без подписи, — все до одной мои*. Без подписи в ОЗ были помещены статьи многих выдающихся критиков; в первой половине 40-х годов литературно-критический отдел журнала заполнялся в основном статьями Белинского. Некрасов намекает на то, что в частных разговорах Краевский выдавал себя за автора этих статей. *Недаром Лермонтов в стихах своих перчатки Советовал надеть, начав читать журнал*. Ср. стихи Лермонтова: «И я скажу — нужна отвага, чтобы открыть хоть ваш журнал. . . Да как-то страшно без перчаток! . .» и т. д. («Журналист, читатель и писатель», 1840). *Сигов и Кузмичев* Ф. С. (ок. 1809—1860) — бездарные лубочные писатели, высмеянные Белинским.

38. С. 1852, № 1, в статье «Литературный маскарад накануне нового (1852) года. (Заметки Нового поэта)», с. 172, без загл., без ст. 17—18, замененных точками, без подписи. Печ. по Изд. 1856, с. 126. Беловой автограф (1855) — ЛБ. В Изд. 1861, 1863 и 1864 стихотворение отсутствовало (быть может, из-за цензурных препятствий), а в Изд. 1869—1873 и 1873—1874 было помещено в прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов» (хотя «Новый год» не имеет юмористического характера и написан был гораздо позже). Чернышевский в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (т. 5, с. 392) цитировал ст. 31—33, 35—36 из «Нового года», придавая им ярко революционный смысл, а ст. 27, 29—30 привел в романе «Что делать?» (т. 11, с. 336).

39. Изд. 1856, с. 155, без ст. 23—24, замененных по цензурным причинам двумя строками точек. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 1, с. 88. Беловой автограф, с датой «7 дек. 1852», — в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ПД); другой беловой автограф, с датой «12 июня 1854», — в альбоме Я. П. Полонского (ПД); третий — ЛБ. В Изд. 1879 стихотворение датировалось (очевидно, по указанию Некрасова) 1853 г., однако, как показывает запись в альбоме Боткиной-Фет, оно было написано не позже 7 декабря 1852 г.

* 40. С, 1853, № 1, с. 8. Печ. по Изд. 1856, с. 182. Беловой автограф — ЛБ. В прижизненных изданиях неизменно печаталось в основном своде стихотворений Некрасова, но перед смертью поэт распорядился: «Перенести в приложение» (Изд. 1879, т. 4, с. СХV).

41. С, 1853, № 1, с. 156, без загл. Печ. по Изд. 1856, с. 133. Беловой автограф, с датой записи «6 декабря 1852», — в альбоме М. П. Боткиной-Фет (ПД). Другой беловой автограф — ЛБ. Вольный перевод стихотворения Генриха Гейне «Frau Sorge» (Из его книги «Romanzого»). Датируем временем между выходом сборника «Romanzого» (октябрь 1851) и записью в альбоме Боткиной-Фет. Стиха, соответствующего последней строке русского текста, у Гейне не было. Этот стих цензура (при публикации в С) сочла «кощунственным», в результате чего последние строки были напечатаны так: «Протяжно зевает старуха, Прикрывши ладонью уста». Однако в части тиража остался более острый вариант с весьма прозрачной купюрой: «Сморкается громко старуха, Зевает и — — — уста!»

42. С, 1852, № 3, с. 147, с датой «25 февраля 1852 года»; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 1, с. 92. В Р. б-ке под текстом указано: «В день смерти Гоголя, 21 февраля 1852». Беловой автограф, с датой «22 февр. 1852», — ЛБ. Написано на смерть Н. В. Гоголя (ум. в Москве 21 февраля 1852 г.), по мотивам лирического отступления в «Мертвых душах» (т. 1, гл. 7). Строки «Он проповедует любовь Враждебным словом отрицанья», «И как любил он — ненавидя!» (подобных слов у Гоголя не было) вызвали возражение приверженцев «чистого искусства». «При всем нашем добросовестном старании, — восклицал Дружинин, — мы с вами ни разу не попробовали любить ненавидя или ненавидеть любя» (А. В. Дружинин, Собр. соч., т. 8, СПб., 1867, с. 468). Напротив, Чернышевский подхватил эти стихи и, пользуясь намеками, разъяснял читателям их революционный смысл. «... Никогда, — писал он, — «незлюбивый поэт» не может иметь таких страстных почитателей, как тот, кто, подобно Гоголю, «питая грудь ненавистью» ко всему низкому, пошлому и пагубному, «враждебным словом отрицанья» против всего гнусного «проповедует любовь» к добру и правде» (т. 3, с. 21—22). «Под впечатлением» некрасовских стихов И. С. Тургенев написал статью о Гоголе, за публикацию которой был арестован и выслан в Спасское (Тургенев, Письма, т. 2, с. 48—49). Прообразом «незлюбивого поэта» является, видимо, В. А. Жуковский (см. об этом: М. Гин, Незлюбивый поэт и поэт-сатирик. — «Вопросы литературы», 1967, № 5, с. 157—164).

* 43. С, 1854, № 1, с. 75, без ст. 15—16, очевидно вычеркнутых цензором и замененных двумя тире; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 57. Сохранились три беловых автографа: один с надписью: «Дарю это стихотворение Николаю Боткину с тем, чтоб он никому не давал его списывать. Н. Некрасов. 11 августа 1852» (ЦГАЛИ), второй — в письме Некрасова к И. С. Тургеневу от середины ноября 1852 г. (ПД), третий — ЛБ. В Изд. 1879 стихотворение было, по указанию автора, отнесено к 1851 г. Между тем в Р. б-ке оно (также по указанию автора) было датировано 1852 г. По всей видимости, Некрасов начал работу над «Музой» в середине мая 1852 г. (см. его письмо

к И. С. Тургеневу от 16 мая 1852 г.), а закончил ее до 11 августа 1852 г. (как показывает автограф ЦГАЛИ). 23 ноября 1852 г., отвечая на письмо Некрасова, Тургенев писал: «...Твои стихи хороши — хотя не встречается в них того энергического и горького взрыва, которого невольно от тебя ожидаешь — притом конец кажется как бы пришитым — уничтожь также следующую небрежность: «И юношеских лет прекрасные мечты...», а через два стиха опять: «Желанья и мечты» и т. д. Но первые 12 стихов отличны и напоминают пушкинскую фактуру» (Письма, т. 2, с. 88). Некрасов учел замечание: при публикации «Музы» он исключил четверостишие, в котором были слова «Желанья и мечты».

* 44. БдЧ, 1856, № 10, с. 199; Изд. 1856; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 2, с. 21, с восстановлением ст. 128, замененного строкой точек, по журнальному тексту. Беловой автограф, под загл. «Прекрасная пара», — ЛБ. Ст. 13—16 в БдЧ отсутствовали, очевидно, из-за цензурных препятствий; появились в Изд. 1856; в Изд. 1861 были снова сняты по прямому требованию цензуры и заменены строкой точек. Ст. 101—102 в БдЧ были опубликованы с цензурным искажением: «То был усатый кавалер, молодой и черноокий»; между тем в автографе над ст. 101 Некрасов надписал карандашом: «гвардейский офицер»; подлинный текст появился в Изд. 1856. Ст. 112 до 1863 г. печатался с цензурным искажением: «Ну, хоть... про корректуру». Об обстоятельствах написания «Прекрасной партии» см. прим. 59. Дата написания обозначена во всех прижизненных изданиях начиная с Изд. 1861. Глава 1. *Он город за женою взял*, т. е. благодаря выгодной женитьбе получил доступ в светское общество Петербурга. Глава 3. *Фудрас* — Фудра Т.-Л.-О. (1800—1872), французский беллетрист, автор романов из жизни светского общества. *Дюма* — подразумевается Александр Дюма-отец (1803—1870), популярный французский романист. *Жорж Санд* — псевдоним знаменитой французской романистки А. Дюдеван (1804—1876), поборницы женских прав. *Рубини* — см. прим. 1. *Александр Марлинский* — псевдоним, которым А. А. Бестужев (1797—1837) подписывал свои романтические повести. *Кукольник* Н. В. (1809—1868) — писатель, автор помпезных «драматических фантазий». *Кони* Ф. А. (1809—1879) — водевилист. *Широкоплечий трагик* — В. А. Каратыгин (1802—1853). *Кто по часам не поджидал зеленую карету*. В зеленых каретах привозили в театр воспитанниц театрального училища. *Но ты, к кому души моей Летят воспоминанья...* и т. д. Речь идет о В. Н. Асенковой (см. прим. 59). *«Норма»* (1831) — опера итальянского композитора В. Беллини (1801—1835); в 40-х годах шла на сцене Михайловского театра в Петербурге. *Манфред* — герой одноименной драмы Д. Байрона; здесь — разочаровавшийся в жизни человек. *Дюсо* — петербургский ресторатор. *Ловлас* — персонаж романа английского писателя С. Ричардсона (1689—1761) «Кларисса Гарлоу» (1748), распущенный повеса, соблазнитель женщин. *Кессених* — см. прим. 5.

45. Изд. 1856, с. 193, под загл. «Отрывок». Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 157. Дата написания указана в Изд. 1879. Видимо, относится к группе стихотворений, посвященных А. Я. Панаевой. Ст. 24—26 перекликаются с концовкой обращенного к ней «Прощанья», см. № 244.

*46. С, 1850, № 9, с. 41 (др. ред.). Печ. по Изд. 1856, с. 184. Автограф журнальной редакции — ЦГАЛИ. Беловой автограф — ЛБ. Датируется по Изд. 1879. Журнальная редакция была пародирована Б. Н. Алмазовым в стих. «Кофей» («Москвитянин», 1851, № 19—20, с. 286—287). Некрасов радикально переработал первоначальный текст. *Шубка* — здесь: сарафан.

47. С, 1855, № 3, с. 86, под загл. «Памяти приятеля»; Изд. 1863. Печ. по Р. б-ке, с. 12. Загл. «Памяти Белинского» в Р. б-ке принадлежало, несомненно, самому поэту; авторитетность этой публикации подтверждается тем, что здесь была внесена поправка и в ст. 16, в котором первоначально (С, Изд. 1856 и 1861) был вариант «ветренное племя», затем — «сдавленное племя». Исправленное чтение «сдержанное племя» находим и в Изд. 1879; в тексте этого издания было сохранено загл. «Памяти приятеля», однако в указателях были названы также загл. «Памяти Белинского» (т. 4, с. СХСІХ) и «Белинскому» (т. 4, с. ССІ). Беловой автограф, под загл. «Памяти приятеля», — ЛБ. В Изд. 1879 отнесено (по указанию автора) к 1853 г., а в Р. б-ке (по его же указанию) — к 1851 г. Стихотворение посвящено памяти Белинского (умершего 26 мая 1848 г.). Написано оно в то время, когда имя критика находилось под строжайшим цензурным запретом. На полях своей книги Некрасов незадолго до смерти пояснил: «Известно, что о Белинском нельзя было слова пикнуть» (Изд. 1879, т. 4, с. XXXIV). О том, как велик был страх перед возможными полицейскими репрессиями, свидетельствует такой факт: В. П. Боткин (понимавший, кому посвящено стихотворение) писал И. С. Тургеневу 13 марта 1855 г.: «Скажи Некрасову спасибо за стихи «Памяти приятеля». Они во всех отношениях превосходны», — но тут же (очевидно, опасаясь перлюстрации) густо зачеркнул эти слова (см.: Б. Егоров, Н. А. Некрасов и В. П. Боткин. — «Вопросы литературы», 1964, № 9, с. 252). *Затеряна давно твоя могила*. Могила Белинского на Волковом кладбище, действительно, была затеряна. Ср. в поэме Некрасова «В. Г. Белинский»: «Могила заросла кругом: не сыщешь...» Лишь в 1856 г., пользуясь указаниями вдовы Белинского, библиограф П. А. Ефремов разыскал эту могилу («Доклады и отчеты Русского библиологического общества», новая серия, вып. 1, СПб., 1908, с. 1—2).

48. С, 1855, № 1, с. 7. Беловой автограф — ЛБ. В Изд. 1879 отнесено, по указанию автора, к 1852 г. В Р. б-ке датировано (также, видимо, по указанию автора) 1853 г.

49. Изд. 1856, с. 93, с цензурным пропуском стихов 27—28, 47—82, 86 и частично 29 и 108; Изд. 1864, с пропуском ст. 59—80. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 3, с. 201, с восстановлением цензурной купюры в ст. 59—66 и исправлениями в ст. 58, 67 и 86 по авторизованной копии А. Я. Панаевой с поправками Некрасова (ЛБ). В этой копии загл. «Из путевых заметок по России русского барина, долго жившего за границей», без французского подзаг. Копия П. Л. Лаврова, под загл. «Путевые записки о России русского барина, долго жившего за границей», без подзаг., — ЦГАОР. О том, как был написан французский текст подзаг., Н. Г. Чернышевский рассказывает:

«. . . Перевод заглавия книги Гаранского на французский язык Некрасов поручил сделать мне; у него оно было написано по-русски; я сделал, но сказал, что я не умею писать по-французски, потому надобно показать мой перевод знающему хорошо французский язык: вероятно, будет надобно поправить что-нибудь; через несколько времени вошел Тургенев, мы показали, он поправил» (т. I, с. 750). Вскоре после опубликования «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» (вместе с «Поэтом и гражданином» и «Забытой деревней») были перепечатаны (в № 11 С за 1856 г.) в рецензии Чернышевского на Изд. 1856. Эта перепечатка вызвала «цензурную бурю» (см. прим. 83). 14 ноября 1856 г. цензор Е. Е. Волков в рапорте министру народного просвещения А. С. Норову об Изд. 1856 писал об «Отрывках. . .»: «В этих отрывках, между прочим, сказано, что крестьяне наши терпят, «по их словам, общую страду, что грустно видеть, как они бледны и слабы! но что вряд ли мужиков трактуют как свиней. . . . Что, если между помещиками есть тираны, — то зачем же медлит сатиры грозный бич?» Нет сомнения, что автор имел благую цель при сочинении этих отрывков; но едва ли она будет достигнута! . . . Надо спросить у крестьян, что скажут они, если кто-нибудь из них прочтет эти отрывки? Наверное, можно предположить, что тот не засмеется! . . . а скажет вместе с автором: «Жаль, дремлет русский ум», — и предлагаемую автором «сатиру» примет, пожалуй, за другое слово. . .» (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 224). В результате цензурного запрета «Отрывки. . .» не могли быть перепечатаны в Изд. 1861 и 1863. В других прижизненных изданиях Некрасова они печатались с большими цензурными искажениями. Некоторые искажения самому поэту удалось устранить при перепечатках. В этих изданиях, начиная с Изд. 1864, помещено (из цензурно-тактических соображений) в прилож. «Юмористические стихотворения 1842—45 годов», но с подзаг. (на шмуцтитуле): «(Писано в 1853 году)».

* 50. С, 1856, № 2, с. 237, с датой «1852»; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 2, с. 39, с восстановлением ст. 134 и 136, печатавшихся с цензурными искажениями, по беловому автографу ПД. Другой беловой автограф — ЛБ. В прижизненных изданиях, начиная с Изд. 1861, указана дата «1853». Ее правильность подтверждается беловым автографом ПД, датированным: «1853, ноябрь». 17 ноября 1853 г. Некрасов писал И. С. Тургеневу: «Посылаю тебе «Филантропа» — скажи мне о нем свое мнение. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дельною. . .» — а в постскрипуме к письму добавлял: «„Филантропа“ — не успел переписать, пришлю после» (ПСС, т. 10, с. 198, 199). 22 ноября 1853 г. Некрасов читал «Филантропа» А. В. Дружинину (Н. С. Ашукин, Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—Л., 1935, с. 124). «Филантроп» был опубликован в С с многочисленными искажениями. Специально для цензуры Некрасов присочинил несколько строф, где говорилось, будто «нынче» положение бедняков облегчено, а честные чиновники всячески поощряются; поэт вынужден был изменить все стихи, указывавшие на графский титул филантропа, и стихи, в которых цензура могла усмотреть «оскорбление» чиновничества. Часть этих искажений Некрасову удалось устранить

при перепечатках «Филантропа» в Изд. 1856 и 1861. К. И. Чуковский отметил, что сюжет «Филантропа» связан с гоголевскими традициями (особенно сцена у «сиятельного лица», ст. 105—148): «Здесь и «Повесть о капитане Копейкине» (Копейкин у генерал-аншефа), здесь и «Шинель» (Акакий Акакиевич у «значительного лица»), и самая атмосфера происшествия гоголевская» (Чуковский, с. 145). Некоторые материалы для «Филантропа» дала Некрасову деятельность петербургского благотворительного Общества посещения бедных. Оно пользовалось «высочайшим» покровительством: его попечителем сначала был герцог Максимилиан Лейхтенбергский (зять Николая I), а затем — великий князь Константин Николаевич; членами — наследник престола (будущий Александр II), видные сановники. Большое участие в работе Общества принимали петербургские литераторы; председателем его был В. Ф. Одоевский. Некрасов был хорошо осведомлен о делах Общества: 26 марта 1851 г. он был избран в его члены (см.: Б. Я. Бухштаб, Некрасов и петербургские филантропы. — «Ученые записки Горьковского гос. университета», вып. 72, серия историко-филологическая, 1964, с. 331). О том, что замысел «Филантропа» был подсказан впечатлениями, полученными в Обществе посещения бедных, позволяет судить шутивно-пародийный подзаг. к стихотворению в беловом автографе ПД: «Члену Общества посещения бедных, его в <высокоблагородно>дию Мих. Ник. Лонгинову отставного коллежского секретаря Пучина всенижайшее донесение о причинах, доведших означенного Пучина до крайней степени нищеты, бродяжничества и пьянства». В окончательном тексте стихотворения Общество посещения бедных не упоминается, однако в образе филантропа отразились некоторые черты В. Ф. Одоевского: Одоевский тоже был «сиятельным лицом» (только, в отличие от некрасовского персонажа, имел не графский, а княжеский титул), тоже сочинял научно-популярные статьи для крестьян; наконец, среди своих друзей Одоевский пользовался репутацией «ангельской личности» (см. об этом в «Русской старине», 1895, № 1, с. 98). Одоевский и сам полагал, что Некрасов вывел его в «Филантропе». Когда было объявлено, что 10 января 1860 г., на вечеру в пользу нуждающихся литераторов, Некрасов прочтет стих. «Еду ли ночью по улице темной...» и «Филантроп» (см. объявление в газете «Русский инвалид», 1860, 9 января), Одоевский обратился к нему с письмом, где просил, во избежание сплетен и кривотолков, не читать «Филантропа» (АСК, с. 132—135). Поэт ответил ему, что поводом к написанию «Филантропа» был такой случай: когда-то Некрасов посетил писателя В. И. Даля, жившего на «8-м, кажется, этаже, просить у него статьи», и «очень запыхался», — а Даль ошибочно принял его за пьяного. «Но, по-моему, — добавлял Некрасов, — я и Даль тоже в нем <«Филантропе»> не изобразил — я вывел черту современного общества...» (ПСС, т. 10, с. 412). Действительно, в первых публикациях стихотворения были строки, возможно, метившие в Даля (см. варианты С и Изд. 1856, после ст. 60), — однако ответ Некрасова Одоевскому имел «дипломатический» характер: образ филантропа все же больше напоминает Одоевского, нежели Даля. Но, конечно, это образ широко обобщенный; сатира направлена против либеральной филантропии в целом (подробно об этом — в указанной выше статье Б. Я. Бухштаба). *Провиантская*

комиссия — учреждение, ведавшее продовольственным снабжением армии. *Звезда станиславская* — орден св. Станислава. *Гайдук* — лакей.

51. С, 1854, № 11, с. 5, с посвящением «(С. С. Д.)»; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 92. Беловой автограф — ЛБ. В Изд. 1879 датировано 1853 г.; в Р. б-ке отнесено к 1854 г. Датируется по письму И. С. Тургенева к С. Т. Аксакову от 31 мая 1854 г., где об этом стихотворении говорится как о литературной новинке (Письма, т. 2, с. 223). С. С. Д., которому было первоначально посвящено стихотворение, — вероятно, Степан Семенович Дудышкин (1820—1866), в то время ведущий критик ОЗ. Стихи о крестьянине Савушке, погибшем на медвежьей охоте, некоторые читатели поняли как намек на смерть Николая I: ходили слухи, будто царь умер под впечатлением военного поражения в Крыму. Видя в стих. «В деревне» политическую аллегорию, А. А. Григорьев писал, что оно имеет «претензию на большую ядовитость» («Москвитянин», 1855, № 15—16, с. 177—178). Между тем стихотворение было написано и опубликовано до смерти Николая I, и самого Некрасова лишь удивляли подобные произвольные толкования. Поэт сделал заметку: «Казус со стих<отворением> «В деревне». М. был уверен, что — о Н<иколае> П<авловиче>. Брат К<онстантин> знает» (Изд. 1931, с. 509). Кто такой М. — не установлено. Центральная часть стихотворения построена на мотивах народных причитаний.

* 52. С, 1854, № 11, с. 103 (др. ред.), без подписи; «Для легкого чтения», т. 5, СПб., 1857, с. 380, под загл. «Труженик. Признания новейшего Фальстафа», без подписи; в оглавлении: «Стихотворение Н***». Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 6 (прилож. «Юмористические стихотворения разных годов»), с. 215, где помечено датой первоначальной редакции: «1854». О своей работе над стихотворением Некрасов сообщал И. С. Тургеневу 16 октября 1854 г.: «... Голова моя занята шутовским сочинением...» (ПСС, т. 10, с. 209). Еще П. А. Ефремов указал (см. «Доклады и отчеты Русского библиологического общества», новая серия, вып. 1, СПб., 1908, с. 13), что прототипом «труженика» был литературный критик Павел Васильевич Анненков (1812—1887). Действительно, в кружке С любили потешаться над чревоугодием и тучностью Анненкова. Ср. в наст. томе сатиру на Анненкова «За то, что ходит он в фуражке...» (№ 248), а также строки в «Послании к Лонгинову» об Английском клубе (№ 247): «Где Анненков, чужим наполненный вином, Пред братцем весело виляет животом». «Клуб», о котором говорится в «Признаниях труженика», — петербургский Английский клуб. Анненков был его членом с 1852 г. При публикации «Признаний труженика» в С цензура, видимо, сочла их «оскорбительными» для этого клуба, и Некрасову пришлось перенести место действия стихотворения в Москву: вместо «В час, когда по Невскому гуляю» было напечатано: «В час, как по Кузнецкому гуляю». В С были и другие цензурные искажения: вместо «Говорили: вот идет скотина!» было: «Говорили: вот идет... детина!»; вместо «А дурак лакей, за мной идущий» — «А старик лакей, за мной идущий» и т. п. (см.: А. М. Гаркави, Разыскания о Н. А. Некрасове. — «Ученые записки Калининградского пед. института»,

вып. 9, 1961, с. 41—45). Перепечатавшая «Признания труженика» в сб. «Для легкого чтения», Некрасов восстановил цензурные варианты. В этой публикации 278 стихов вместо 266 ст. первой публикации. В Изд. 1873—1874 вошла третья редакция «Признаний труженика», переработанная и сокращенная до 88 ст. Здесь уже нет многих подробностей и личных намеков, потерявших к 70-м годам свою актуальность; зато сильнее зазвучали мотивы обличения тунеядства как общественного явления той эпохи.

Нуждаются в пояснениях некоторые места ранней редакции. *Плантатор* — здесь: помещик, живущий в своем имении. *Презираю снобсов и хлыщей*. Слово «хлыщ» было пущено в обиход И. И. Панаевым, начавшим в 1854 г. публиковать цикл очерков «Опыт о хлыщах». Снобсы (снобы) — гордецы, раболепствующие перед модою; слово это распространилось после издания «Книги о снобах» английского писателя У.-М. Теккерея (1848); русских представителей этого типа И. И. Панаев еще раньше вывел в повестях «Онагр» и «Актеон» (1841). *Политипаж* — гравюра, резанная на дереве. *Легюм* (франц.) — зелень, овощи.

53. С, 1855, № 1, с. 27. Печ. по Изд. 1856, с. 165. В Р. б-ке датировано 1855 г., но, очевидно, было написано раньше, т. к. № 1 С был разрешен цензурой 31 декабря 1854 г. В Изд. 1879 отнесено (по указанию автора) к 1854 г. В авторизованной копии 1855 г. (ЛБ) дата «22—25 ноября». Образ несжатой полосы, возможно, подсказан известным зачином народной песни: «Полоса ль моя, да полосонька, Полоса ль моя, да не паханая...» и т. д. (А. И. Соболевский, Велико-русские народные песни, т. 3, СПб., 1897, с. 51). *Станица*. Директор Киевской военной гимназии П. Н. Юшенов обратился к Некрасову с просьбой разъяснить смысл этого слова. В письме от 31 марта 1874 г. Некрасов отвечал: «Я... употребил слово «станлица» потому, что с детства слышал его в народе, между прочим, в этом смысле: птицы летают *станлицами*; воробьев *станичка* перелетела и т. п. ... Слова: группа, партия, даже стая, которыми можно было бы заменить его в «Несжатой полосе», кроме своей прозаичности, были бы менее точны, лишив выражение того оттенка, который характеризует птицу перелетную (о которой идет речь в стихотворении), располагающуюся время от времени *станом* на удобных местах для отдыха и корма» (ПСС, т. 11, с. 313).

* 54. С, 1855, № 6, с. 329; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 138, где два четверостишия (после ст. 52 и после ст. 76) исключены по указанию поэта. Черновой автограф — ЛБ, среди набросков, относящихся преимущественно к весне 1855 г. В Изд. 1879 датировано 1854 г. А. Я. Панаева рассказывает: «Некрасов написал стихотворение «Влас» после свидания с одним из бывших крестьян его отца, который был сдан в солдаты, вернулся на родину после продолжительного срока своей службы и, не найдя в живых никого из своего семейства, посвятил остаток своей жизни на собиранье пожертвований на построение церкви. Его занесло в Петербург, и он пришел к Некрасову повидаться с ним, с сыном своего бывшего помещика. Некрасов долго беседовал со стариком, попивая с ним чай» (А. Я. Панаева, Воспоминания, <М.>, 1948, с. 408).

55. Изд. 1856, с. 154; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 68. В Изд. 1873—1874 не вошло. Беловой автограф (в тетр. 1855 г.) — ЛБ. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1856 г.

* 56. С, 1855, № 3, с. 87; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 79. Черновой автограф, среди записей 1855 г., — ЛБ. В «Солдатенковской тетради» (ЛБ) — авториз. копия ст. 1—12 и беловой автограф ст. 13—44. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1851 г. Прежде чем разрешить публикацию «Маши» в С, цензор В. Н. Бекетов передал стихотворение на просмотр председателю С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину, который потребовал: «1. ... Изменить слово *казенный*. 2. Заменить другим чем мысли: «Но испорчен он был с малолетства Изученьем новейших наук». 3. Заменить слово *либерал* другим» (АСК, с. 78). Поэтому в журнале «Маша» появилась с искажениями.

* 57. С, 1855, № 11, с. 51. Черновой автограф первой редакции, без загл., с датой «29 мар<та 1855 г.>», — ЛБ; он публиковался под редакторским загл. «Встреча» (впервые — Изд. 1934, т. 1, с. 712). Коренным образом переработав стихотворение и изменив его сюжет, Некрасов создал «Свадьбу». Ее черновой и беловой автографы (в тетр. 1855 г.) — ЛБ; автограф, с немногими поправками и с датой «23 апр(еля 1855 г.)», — ЦГАЛИ. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1854 г. Неоднократно указывалось, будто сюжет «Свадьбы» восходит к поэме английского поэта Д. Крабба (1754—1832) «Приходские списки» (см. об этом, напр.: Изд. 1879, т. 4, с. XXXIX). Это неверно; Некрасов познакомился с поэмой Крабба лишь через несколько месяцев после написания «Свадьбы», да и сходство «Свадьбы» с «Приходскими списками» незначительно (см.: Ю. Д. Левин, Некрасов и английский поэт Крабб. — Некр. сб 2, с. 478—480). *Налой* — род церковной утвари, высокий столик для книг и икон, перед которым совершался свадебный обряд.

* 58. С, 1856, № 9, с. 89. Автограф первой (незавершенной) редакции — ЛБ. Там же, среди записей 1855 г., черновой автограф с датой «25 апр. Ночь». Беловые автографы — ЦГАЛИ (под загл. «К **», с датой «24 апр.»), ЛБ (под тем же загл., 1855), ПД (под тем же загл., в письме к И. С. Тургеневу от 30 июня — 1 июля 1855 г. и автограф 1856 г.). В Изд. 1879 ошибочно датировано 1854 г. Стихотворение посвящено А. Я. Панаевой, написано под впечатлением размовья с ней. На вопрос Некрасова: «Понравятся ли тебе эти стихи» (ПСС, т. 10, с. 225) — Тургенев отвечал: «Стихи твои «К **» просто пушкински хороши — я их тотчас на память выучил» (Письма, т. 2, с. 295).

* 59. С, 1855, № 9, с. 31, под загл. «Воспоминание. (Отрывок)»; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 83. Черновой автограф, без загл., среди записей, относящихся к весне 1855 г., — ЛБ. В этом автографе — две редакции ст. 1—40 и набросок ст. 61—62. Более поздний черновой автограф, под загл. «Воспоминание. (Памяти А — ой)», с датой «1854 ноябрь — 1855 апрель», — ЦГАЛИ. Беловой автограф (1855), под загл. «Актриса».

[Памяти В. Н. А.], — ЛБ. Черновые автографы ЛБ и ЦГАЛИ показывают, что Некрасов вначале колебался, строить ли повествование в форме обращения к героине или в 3-м лице. В черновом автографе ЦГАЛИ и в беловом автографе ЛБ после ст. 48 были еще 16 строк, впоследствии перешедших в стих. «Прекрасная партия», причем первые 8 из этих 16 строк подверглись значительной правке (ср. в «Прекрасной партии» ст. 161—176). В Изд. 1879 ошибочно датировано 1853 г. На полях своего экземпляра Изд. 1873—1874 Некрасов помечил: «Актрисе Асенковой, блиставшей тогда. Бывал я у нее; помню похороны, — похожи, говорили тогда, на похороны Пушкина: теперь таких вообще не бывает. Это собственно эпизод из пьесы «Прекрасная партия», которую писал наскоро для Дружинина, не успел отделать, и она долго валялась» (Изд. 1879, т. 4, с. XXXIV). Слова «для Дружинина» в данном случае означают: для вышедшей под редакцией А. В. Дружинина БдЧ. Асенкова Варвара Николаевна (1817—1841) — драматическая актриса, умерла от туберкулеза. Сильное впечатление, которое произвела игра Асенковой на юношу Некрасова, отразилось в стихотворении 1840 г. «Офелия» (см. прим. 139). Около 1840 г. Некрасов мог бывать у нее, поскольку ее квартира была местом, где часто собиралась увлекавшаяся театром молодежь (В. Е. Евгеньев-Максимов и др., Некрасов и театр, Л.—М., 1948, с. 55). В ст. 29—48 точно описаны обстоятельства, предшествовавшие ее смерти. Похороны Асенковой (22 апреля) были очень многочисленными (см. их описание в ЛГ от 24 апреля 1841 г.) и, видимо, отчасти приняли характер политической демонстрации: среди отвергнутых артисткой «бездушных невежд» называли Николая I, которого многие считали главным виновником ее ранней смерти. Биограф Асенковой сообщает: «С именем В. Н. Асенковой связана также легенда, переданная нам лично М. Г. Савиной (со слов артистов П. А. Каратыгина и П. К. Громовой) и А. Ф. Кони (со слов своего отца Ф. А. Кони), что в последний год жизни Асенковой Николай <I> грубо пытался снискать расположение артистки. Но Асенкова «посмела» уклониться от этой «чести». Военщина, стоявшая за спиной Николая, подвергла ее яростной травле, и артистка, не выдержав нравственной пытки, приняла яд. Все усилия лучших врачей не могли спасти ее» (А. М. Брянский, В. Н. Асенкова, Л., 1947, с. 58). *И ты на сцену в первый раз* и т. д. Дебют Асенковой на сцене Александринского театра 21 января 1835 г. прошел с огромным успехом. Присутствовать на этом спектакле Некрасов не мог: он приехал в Петербург лишь через три с лишним года. *Твой закат был странен и прекрасен. . .* и т. д. Последнее выступление Асенковой на сцене состоялось 16 февраля 1841 г.

60. С, 1855, № 5, с. 136. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 144. Беловой автограф (в тетр. 1855 г.) — ЛБ. В Р. б-ке датировано 1856 г., а в Изд. 1879 отнесено к 1854 г. Написано в апреле 1855 г., в деревне под Ярославлем; ср. в письме П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу от 23 апреля 1855 г.: «О Некрасове ничего не мог узнать: он в деревне и прислал оттуда (в редакцию С) стихи, из которых одни: на приближение весны и смерти — превосходны» («Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», вып. 3, (М.), 1934, с. 55). *А недуг, сокрушающий силы*. См. прим. 61—63.

* 61—63. 1. — С, 1853, № 3, с. 120, без загл., вместо подписи: **. Весь цикл — Изд. 1856, с. 186; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1864, ч. 1, с. 126. Черновой автограф 3-й элегии и белой автограф цикла — ЛБ. В Изд. 1879 отнесены к 1853 г. Однако 3-я элегия была написана между 21 мая (ее черновой автограф — в тетради, подаренной Некрасову А. Я. Панаевой 21 мая 1855 г.) и 7 июня 1855 г. (беловой автограф — в тетради, отданной Некрасовым в этот день К. Т. Солдатенкову). Очевидно, работу над циклом Некрасов начал в 1853 г., под впечатлением тяжелой болезни, а завершил весной 1855 г., во время обострения той же болезни. Проскользнувшие в «Последних элегиях» мотивы безнадежности и отчаяния были осуждены Добролюбовым. Об этом позволяет говорить стихотворение Добролюбова «Рыцарь без страха и упрека. (Современная элегия)», являющееся, как установил Б. Я. Бухштаб, пародией на 2-ю, а отчасти и на 1-ю некрасовскую элегию (см.: Добролюбов, т. 7, с. 466—468, 605—606).

* 64. С, 1856, № 8, с. 206, под загл. «Сознание», с датой «1855»; Изд. 1856, под тем же загл. и с посвящением «(Николаю Боткину)». Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 119. Черновой автограф, с датой «11 марта», — ПД; белые автографы — ЛБ (1855) и ПД (1856); все три под загл. «Сознание». Боткин Николай Петрович (1813—1869) — брат В. П. Боткина, путешественник. В черновом автографе концовка стихотворения была иная: слово «любовь» осмыслялось в личном плане. Переделка резко усилила социальное звучание концовки и всего стихотворения. Сторонник «чистого искусства» В. П. Боткин, выражая неудовольствие этой переделкой, писал Тургеневу 5 августа 1855 г.: «Представь себе, Некрасов последнюю строфу своего прекрасного стихотворения «К своим стихам», с которого я взял у тебя список, — переменял. Вышла дидактика, к которой он стал так склоняться теперь. Я разумею последнюю строфу, начинающуюся: „Та любовь etc“» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка, М.—Л., 1930, с. 69). Нет в тебе поэзии свободной, Мой суровый, неуклюжий стих! По поводу этих стихов Чернышевский писал Некрасову 24 сентября 1856 г.: «...Я с этим не согласен. Свобода поэзии не в том, чтобы писать именно пустяки ... а в том, чтобы не стеснять своего дарования произвольными претензиями и писать о том, к чему лежит душа». Исходя из такого понимания «свободы творчества», Чернышевский утверждал, что талант Некрасова вполне «свободен» (т. 14, с. 314). Некрасов согласился с этим замечанием: 31 марта (12 апреля) 1857 г. он писал Л. Н. Толстому о своем творческом процессе: «...Мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие» (ПСС, т. 10, с. 332).

65. Изд. 1856, с. 157, с цензурным пропуском ст. 10, замененного строкой точек. Печ. по этому изд. с восстановлением купюры по беловому автографу ЛБ. В Изд. 1873—1874 не вошло, возможно, по цензурным причинам. Черновой автограф, среди записей, относящихся к весне 1855 г., — ЛБ.

* 66. С, 1855, № 5, с. 132. Печ. по Изд. 1856, с. 18. Черновой и белой автографы, относящиеся к весне 1855 г., — ЛБ. В Изд. 1879 оши-

бочно датировано 1848 г. В С ст. 25—28 напечатаны с цензурным искажением: была вытравлена мысль о крепостничестве как причине самоубийства Ванюхи. Сюжет о повесившемся извозчике был широко распространен в беллетристике 30—40-х годов, а позже — в устной передаче, в виде анекдота; Некрасов переработал этот сюжет, придав ему ярко демократическое звучание (см.: А. М. Гаркави, К вопросу об источниках поэзии Н. А. Некрасова. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 3, 1957, с. 253—254; М. М. Гин, Из истории борьбы Некрасова с ложной народностью. — Некр. сб. 3, с. 273—280). С «Извозчиком» связано более позднее стих. «Эй, Иван!» (1867); среди черновиков ЛБ — запись, первоначально относившаяся к «Извозчику», а впоследствии перешедшая (с изменением в ст. 1) в стих. «Эй, Иван!»:

Выпьет 25 стаканов,
Только подноси. . .
Мало ли таких Иванов
На святой Руси? . .

Грязная — улица в Петербурге (ныне ул. Марата), на которой находилась большая извозчицья «биржа».

67. Изд. 1856, с. 131. Автограф ст. 13—16, среди черновых записей, относящихся к весне 1855 г., и белой автограф 1855 г. — ЛБ. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1856 г. С. И. Пономарев считал, что в стихотворении Некрасов рассказывает о своей матери (Изд. 1879, т. 4, с. XLVI). Возражая Пономареву, Н. Г. Чернышевский писал: «... Дело идет о совершенно иной женщине, о той, любовь к которой была темою стольких лирических пьес Некрасова» (т. 1, с. 750). Стихотворение посвящено А. Я. Панаевой и навеяно обострением болезни Некрасова весной 1855 г. (см. прим. 61—63). В 1889 г. в разговоре со своим литературным секретарем М. П. Красновым Чернышевский назвал это стихотворение «лучшим лирическим произведением на русском языке» (ЛН, № 49—50, с. 602).

68. Ст. 21—36 — С, 1851, № 11, с. 89, в «Заметках и размышлениях Нового поэта о русской журналистике», под загл. «Великий человек», без подписи. Полностью — С, 1856, № 8, с. 203, с датой «1846»; Изд. 1856, без даты. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 34. Черновой автограф, под загл. «Секрет (Современная баллада)», среди записей, относящихся к весне 1855 г., — ЛБ; в нем отсутствуют ст. 13—16, 45—52 и 65—72. Беловой автограф 1855 г. — ЛБ. Корректурa, назначавшаяся для С, но запрещенная и приобщенная к цензурным делам 12 августа 1855 г., — ЦГИАЛ. Беловой автограф 1856 г. начала (до ст. 28 включительно) — ЛБ, остальная часть — ПД. В Изд. 1879, вслед за С, «Секрет» датирован 1846 г. Между тем черновой автограф ЛБ показывает, что основная часть работы над стихотворением была выполнена весной 1855 г. Возможно, Некрасов поставил в С дату «1846», чтобы цензура не искала в тексте злободневных намеков на «лица». Сюжет «Секрета» отчасти был намечен в некрасовской прозе 40-х годов (ср.: ПСС, т. 5, с. 481; т. 6, с. 266; т. 7, с. 61—66), но в стихотворении сатира на русскую буржуазию

стала более острой и сильной. *Юфть* — сорт кожи. *Анну с короною*. Эти слова в С 1856 г., в Изд. 1856 и 1861 были заменены точками: из-за цензуры нельзя было указать, что крупным орденом св. Анны с короной правительство наградило подлеца.

69. Изд. 1856, с. 183. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 88. Черновой автограф — ЛБ. В Изд. 1879 датировано 1855 г. В Изд. 1856 и 1861 ст. 7 был напечатан с цензурной купюрой: слово «рабами» было заменено шестью точками. Написано летом 1855 г., когда Некрасов жил на даче в Петровском парке под Москвой. В. П. Боткин писал И. С. Тургеневу 14 июля 1855 г., что живет вместе с Некрасовым «на даче, обращенной в поле. Перед нами лес и рожь» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев, Незданная переписка, М.—Л., 1930, с. 62). Незадолго до смерти Некрасов продиктовал своей сестре А. А. Буткевич: «Судьбе угодно было, что(бы) я пользовался крепостным хлебом только до 16 лет, далее я не только никогда не владел крепостными, но, будучи наследником своих отцов, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли... Я когда-то написал:

Хлеб полей, возделанных рабами,
Нейдет мне впрок...

Написав этот стих еще почти в детстве, может быть, я желал оправдать его на деле» (ПСС, т. 12, с. 19).

* 70. С, 1855, № 10, с. 157. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 122. Первоначальные черновые наброски — ЛБ. Уже после публикации в С Некрасов передал или переслал К. Т. Солдатенкову вслед за рукописной тетрадью своих стихотворений (ЛБ) вырезку из С с двумя вставками, вписанными поэтом от руки, со след. пояснением: «Прибавленные строфы пришли мне в голову после того, как уже стихотв(орение) было набрано» (ЛБ). Однако значительная часть вставки обнаруживается уже в черновой рукописи. Эти строки по неизвестным причинам не были учтены в Изд. 1856, но вписаны в авторский экземпляр книги, дополненной различными рукописными вставками (ЛБ). Так как заподозрить неприемлемость этих вставок для цензуры нет оснований, а также учитывая, что Некрасов ни в одном последующем прижизненном издании их не использовал, то в основной текст стихотворения они не вводятся. «В больнице» непосредственно предваряет поэму «В. Г. Белинский», которая также строится как рассказ поэта, умирающего в подвале. К. И. Чуковский (ПСС, т. 1, с. 562—563) предполагает между этими произведениями и непосредственную генетическую связь: эпизод «В больнице» мог быть задуман как вступление к поэме о Белинском. За словами черновой редакции: «Вот что сказал нам покойный», возможно, следовал рассказ о жизни великого критика. Таким же образом стих. «В больнице» связано со стих. «Русскому писателю» и «Поэт и гражданин» (см. варианты № 71 и прим. 83).

* 71. «Полярная звезда на 1859 год», кн. 5, Лондон, 1859, с. 48, без подписи. Печ. по авторизованной копии А. Я. Панаевой. В копии — собственноручные поправки Некрасова и помета: «Не перепи-

сывай». Другая копия Панаевой с исправлениями Некрасова под загл. «Б—ий» — ЛБ (с пометой автора: «Не для печати»). Беловой автограф первоначальной, сильно укороченной редакции (ст. 1—106), включающий и стих. «Русскому писателю», — ЦГАЛИ. Соответствующий этой редакции черновой автограф ст. 1—148, с датой «4 апр<еля 1855>», и отдельные записи и наброски, не исползованные в окончательном тексте, — ЛБ. В черновой рукописи ЛБ ст. 155 читается: «Палач науки Бутурлин». Это чтение введено в основной текст ряда изданий, в том числе ПСС. Однако, поскольку текст «Полярной звезды» и всех беловых рукописей не предназначался для подцензурной печати и дает чтение «Фанатик ярый Бутурлин», это чтение принято в наст. изд. В черновой рукописи в тетради ЛБ стихи поэмы перемежаются стихами из «Саша», что указывает на одновременность работы над обоими произведениями. Первоначально входившая в поэму «Белинский» речь Белинского о призвании русского писателя была изъята Некрасовым из поэмы и напечатана отдельно под загл. «Русскому писателю» (С, 1855, № 6, с. 219), а затем частично вошла в стих. «Поэт и гражданин» (см. ст. 136—147). В черновой рукописи ЛБ под набросками поэмы «Белинский» записаны четыре стиха, вошедшие потом в поэму «Несчастные» («Пусть речь его была сурова...» и т. д. — см. с. 256). В 60—70-е годы неоднократно перепечатывалось в зарубежных сборниках, но в России по цензурным условиям впервые опубликовано лишь в 1881 г., в журнале «Древняя и новая Россия», № 2, с. 412 (до этого восемь строк было процитировано в биографическом очерке А. М. Скабичевского «Н. А. Некрасов» в ОЗ, 1878, № 5, с. 107). В дореволюционные издания стихотворений поэта не входило. В автобиографических набросках 1877 г. Некрасов записал: «23 августа. Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма «В. Г. Белинский». Написана в 1854 или 5 году — нецензурна была тогда и попала по милости одного приятеля в какое-то герценовское заграничное издание: «Колокол», «Голоса из России» или подобный сборник. Теперь из нее много могло бы пройти в России в новом издании моих сочинений. Она характерна и нравилась очень, особенно, помню, Грановскому. Вспомнил из нее несколько стихов, по которым ее можно будет отыскать...» Следует ряд стихов (ПСС, т. 12, с. 27). Текст стихотворения был доставлен Герцену, вероятно, И. С. Тургеневым или П. В. Анненковым (Н. Я. Эйдельман, Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 110). Предположение о том, что поэма была набрана и в корректуре послана Некрасовым Тургеневу (ПСС, т. 1, с. 564; т. 10, с. 251), неосновательно (см. об этом: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 13, 1960, с. 35—36). *Его отец был лекарь жалкой* и т. д. Григорий Никифорович Бельнский (1784—1835) — отец критика, флотский врач, с 1816 г. — штаб-лекарь в Чембаре. Критик впоследствии вспоминал: «Отец меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память!» (Белинский, т. 11, с. 512). *Но выгнан был* и т. д. Белинский был отчислен из университета в 1832 г. за политическую неблагонадежность, усмотренную им драме «Дмитрий Калинин»; официальным предлогом были «расстроенность здоровья» и «безуспешность в науках». Доказывать

«права о рождении» Белинскому пришлось позднее, в 1843 и 1844 гг., в связи с женитьбой (Белинский, т. 12, с. 193, 244). *Один ученый человек...* и т. д. Имеется в виду М. П. Погодин, который в анонимной статье писал: «Белинский не имеет никакого образования. Это гений-самоучка, которые у нас растут как грибы, ежегодно, между студентами, не оканчивающими курса. Ни на каком языке он читать не может. И во всех его писаниях нет ни малейших следов какого-нибудь знакомства ни с одним писателем иностранным» («Москвитянин», 1846, № 5, с. 169). *Пришла охота прожектеру* и т. д. Подразумевается журналист А. А. Краевский (1810—1899), с 1839 г. издатель журнала ОЗ, в который он привлек Белинского. *Лишь два задорных поляка* — Ф. В. Булгарин (см. о нем прим. 1) и О. И. Сенковский, редактор журнала БдЧ. *Новый гений* — Н. В. Гоголь. *Кружок еще несмелый, тесный* — группа писателей, находившихся под влиянием Гоголя, так наз. «натуральная» школа, теоретиком которой стал Белинский. *Но поднялась тогда тревога...* и т. д. Февральская революция 1848 г. во Франции. *И у нас По-своему отозвалась.* Имеется в виду начавшаяся в России реакция («мрачное семилетие» 1848—1855 гг.). *Созвали целый комитет.* Учрежденный 2 апреля 1848 г. негласный комитет для надзора за действиями цензуры и направлением русской литературы. *Фанатик ярый Бутурлин* — Д. П. Бутурлин (1790—1849), военный историк, назначенный председателем упомянутого секретного комитета, получившего, по его имени, наименование «Бутурлинского». *Закройте университеты.* В числе мер, предназначавшихся для пресечения проникновения революционных идей в Россию, проектировалось в отдельных случаях закрытие университетов. *Том истории твоей.* Имеется в виду одна из следующих трех книг Д. П. Бутурлина: «Военная история походов россиян в XVIII столетии (до 1735 г.)», пер. с французского А. Хатова и А. Корниловича, тт. 1—4, СПб., 1819—1823; «История Смутного времени в России в начале XVII в.», чч. 1—3, СПб., 1839—1846; «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», пер. с французского А. Хатова, чч. 1—2, изд. 2, СПб., 1837. *Тюрьму Враги пророчили ему.* По общему мнению современников и позднейших исследователей, Белинский был бы посажен в тюрьму, если бы не умер 26 мая 1848 г. Известно кроважидное сожаление по поводу его смерти начальника жандармского корпуса Л. В. Дубельта: «Мы бы сгноили его в крепости!» *Поставить памятник.* Хотя речь идет о могиле поэта, в уста которого вложен рассказ о Белинском, Некрасов, очевидно, намекает на судьбу могилы критика, которая вскоре была затеряна, а обнаружена лишь в 1856 г. (см.: С. А. Рейсер, Революционные демократы в Петербурге, Л., 1957, с. 35—38). См. прим. 47.

* 72. Изд. 1856, с. 50. Черновой автограф, с датой «8 сент.», — ЛБ. Последняя редакция автографа близка к печатному тексту; но в автографе была еще концовка, отброшенная Некрасовым при публикации. В Изд. 1879 ошибочно отнесено к 1856 г. Год написания определяется по положению автографа в записной тетради, а также в связи с тем, что Изд. 1856 было подготовлено к печати до отъезда Некрасова за границу (11 августа 1856 г.).

* 73. Изд. 1856, с. 34. Автограф, с датой «2 окт. Ночь», — ЛБ; в этом автографе зачеркнуто первоначальное загл. «Барин» и написано: «Забывшая деревня». Беловой автограф принадлежит К. А. Федину. В Р. б-ке и в Изд. 1879 неточно датировано 1856 г. Год написания определяется по месту автографа (ЛБ) в записной тетради Некрасова. Еще до публикации «Забывшая деревня» стала известна в литературных кругах: так, она упоминается в письме К. Д. Кавелина к М. П. Погодину от 3 апреля 1856 г. (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14, СПб., 1900, с. 217). Высказывалось мнение, будто Некрасов написал «Забывшую деревню» под влиянием поэмы Д. Крабба «Приходские списки» (ср. прим. 57). Однако сходство «Забывшей деревни» с соответствующим отрывком «Приходских списков» очень невелико, а сюжет стихотворения разработан Некрасовым совершенно самостоятельно (см.: Ю. Д. Левин, Некрасов и английский поэт Крабб. — Некр. сб. 2, с. 480—482). Перепечатка «Забывшей деревни» (вместе с «Поэтом и гражданином» и «Отрывками из путевых записок графа Гаранского») в № 11 С за 1856 г., в рецензии Н. Г. Чернышевского на Изд. 1856, вызвала «цензурную бурю» (см. прим. 83). Некоторые читатели того времени усматривали в «Забывшей деревне» политический памфлет, подразумевающий под старым барином недавно (18 февраля 1855 г.) умершего царя Николая I, под новым — Александра II, под забывшей деревней — Россию. 14 ноября 1856 г. цензор Е. Е. Волков докладывал об этом министру народного просвещения А. С. Норову: «...Некоторые же из читателей под словами *забывшая деревня* понимают совсем другое... Они видят здесь то, чего вовсе, кажется, нет, — какой-то тайный намек на Россию...» (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 223). Из мемуаров А. П. Златовратского известно, что «какой-то цензор» даже «донес за нее («Забывшую деревню») на Некрасова в III Отделение» («Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников», (Л.), 1961, с. 139—140). Некрасов, вероятно, учитывал возможность подобных толкований, но смысл «Забывшей деревни» гораздо шире: бесполезно крестьянам ждать помощи «сверху», от «добрых» господ. В конце 50-х годов хранение списков «Забывшей деревни» считалось признаком политической «неблагонадежности» (Н. Н. Златовратский, Воспоминания, (М.), 1956, с. 325). Сохранилось много списков «Забывшей деревни»; один из них (ЦГАОР) принадлежал П. Л. Лаврову. В Изд. 1856 Герцену понравились стих. «Псовая охота», «В деревне» и «Забывшая деревня», о которых он писал: «прелесть» (т. 26, с. 69). *Цуг* — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно; езда цугом была привилегией богатых и знатных господ.

* 74. С, 1856, № 3, с. 83. Беловой автограф, с датой «3 дек(абр)», — ЛБ. В Р. б-ке и в Изд. 1879 неточно датировано 1856 г. 7 декабря 1855 г. В. П. Боткин писал Некрасову: «Стихи твои крепко огорчили меня — а какие прекрасные стихи! Из лучших твоих стихов. Только ты клеветешь на себя, говоря:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

Не знаю я, насколько ты можешь ненавидеть, — но насколько ты можешь любить, я это чувствую» (ГМ, 1916, № 9, с. 177). Это письмо показывает, что, пользуясь дружескими отношениями, Боткин в то время пытался отвлечь Некрасова от «ненависти», т. е. от обличения социального зла (ср. прим. 42). 9 декабря 1855 г. И. С. Тургенев, посылая П. В. Анненкову в Симбирск список первоначальной редакции этих стихов, писал: «Прилагаю Вам стихотворение, написанное им (Некрасовым) вчера — и еще далеко не обделанное... Последние восемь стихов поразительны» (Письма, т. 2, с. 328, 330. Тут какая-то неувязка: либо Тургенев ошибочно считал, что стихотворение было написано 8 декабря, либо в дате письма допущена опечатка; автограф письма не сохранился). 25 декабря 1855 г. Некрасов прочитал стихотворение Л. Н. Толстому, который «сразу запомнил его наизусть» (Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890, М., 1958, с. 104).

* 75. С, 1856, № 1, с. 123, с посвящением («И(ван)у Т(ургене)ву»), с целым рядом цензурных пропусков; Изд. 1856; Изд. 1861; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 2, с. 47, с восстановлением цензурной купюры ст. 449—452 по корректуре С (ПД) и копии М. Л. Михайлова (местонахождение ее неизвестно; ссылка на нее — в Изд. 1934, т. 1, с. 696—697). Черновые автографы, без загл. и без деления на главы, — ЛБ и ЦГАЛИ. Оба автографа относятся к 3-й и 4-й главам поэмы. В автографе ЛБ, среди множества отдельных вариантов, можно выделить две последовательные редакции текста (первоначальный набросок и сводная редакция); автограф предваряется след. планом, в котором сюжет поэмы намечен в пределах нынешних 2-й, 3-й и 4-й глав: «Описание сельских полевых работ [осень], лето, осень, потом зима, гаданья, катанье, жених, приезд героя. Уля переменяется по отъезде его — всё читает — старики ее не узнают — жениху с ней неловко. — Прошел год — является герой — побыл с Улей день-два — и потом исчез — она грустна неутешно. — Что такое? Описание героя. Заключение». Судя по положению автографа ЛБ в записной тетради, он должен быть датирован первыми месяцами 1855 г. В автографе ЦГАЛИ отражена следующая стадия работы над тем же текстом — новая сводная редакция, выделяющаяся среди черновых вариантов; завершение работы над ней датировано «1 мая» (1855 г.). Написание всей поэмы Некрасов датировал (в своих изданиях, начиная с Изд. 1861) 1852—1855 гг. Однако нет данных, которые подтверждали бы, что он начал писать «Сашу» еще в 1852 г.; можно лишь предположить, что это — дата возникновения замысла. 30 июня 1855 г. Некрасов писал Тургеневу: «Помнишь, на охоте как-то *прошептал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе...» (ПСС, т. 10, с. 223). Вместе с Тургеневым Некрасов охотился в двадцатых числах июля 1854 г. в имении Дружининых Чертово (ср. прим. 224) и в двадцатых числах сентября 1854 г. в Спасском (Тургенев, Письма, т. 2, с. 226). К тому времени была написана лишь небольшая часть поэмы — «начало рассказа в стихах». Вероятно, это был какой-то эпизод из 2-й главы, действительно содержащей начало сюжетного повествования («рассказа»).

Слова же Некрасова «весной нынче я этот рассказ написал», несомненно, относятся к 3-й и 4-й главам: в вышеописанных автографах этих глав нет буквально ни одного отрывка, работа над которым не начиналась бы с самых предварительных черновых набросков. Дата «1 мая» (1855 г.) в автографе ЦГАЛИ выставлена под текстом, сильно отличающимся от окончательного. После этого числа работа над поэмой, очевидно, продолжалась. В рукописный сборник, переданный книгоиздателю К. Т. Солдатенкову 7 июня 1855 г., поэма не вошла; поскольку в этот сборник Некрасов включил лучшие свои произведения, надо думать, что поэма «Саша» к тому времени еще не была завершена. Позднее другая была написана, по всей видимости, 1-я глава, представляющая собою лирическое вступление в поэму и содержащая довольно явные намеки на события 1855 г.; примечательно, что в предварительном плане поэмы (в автографе ЛБ) наличие этой главы еще не было предусмотрено. На обложке №№ 11 и 12 С за 1855 г. появилось извещение о предстоящей публикации поэмы в журнале. Первоначально поэма была запрещена (очевидно, С.-Петербургским цензурным комитетом, по представлению цензора В. Н. Бекетова). Однако Некрасов не отказался от намерения опубликовать поэму. 2 января 1856 г. Е. П. Ковалевский посетил возглавлявшего цензурное ведомство министра народного просвещения А. С. Норова и, не застав его дома, оставил корректуру «Саши» и записку: «Будьте правосудны и терпеливы, как всегда, потрудитесь прочесть это стихотворение Некрасова и скажите, можно ли запретить его, а между тем оно запрещено» (ЦГИАЛ). Существовать сведения, что одновременно, по просьбе Некрасова, о напечатании «Саши» хлопотал И. А. Гончаров (Запись в дневнике писательницы С. И. Смирновой-Сазоновой от 17 апреля 1878 г. — ПД. Сообщено М. В. Теплинским). В результате «Саша» появилась в С, но с большими цензурными искажениями, которые зафиксированы в корректуре ПД. При перепечатках поэмы в прижизненных изданиях Некрасов последовательно устранял эти искажения и публиковал доцензурные варианты корректуры (подвергая некоторые из них стилистической правке). Так, уже в Изд. 1856, заполняя цензурные пропуски (обозначенные в С точками), Некрасов опубликовал ст. 19—20, 25—28, 435—442, 453—456, 483—498 (однако последний пропуск был заполнен не весь: оставалась еще купюра в ст. 489—490). В Изд. 1861 поэту удалось опубликовать заменявшиеся ранее точками ст. 15—16, восстановить доцензурный вариант ст. 100 (в С и Изд. 1856 было: «И не уйти... „Так назначено ей“»), устранить купюру в ст. 294 (слова «как будто не барин» в предыдущих публикациях заменялись тире), восстановить доцензурный текст ст. 303—305. В Изд. 1869—1873 Некрасов заполнил цензурную купюру в ст. 489—490. Герой поэмы Агарин во многом напоминает тургеневского Рудина: оба они фразеры, «лишние люди» из дворянской среды. В связи с этим критик либерального толка С. Дудышкин даже объявил в своей статье, будто в Агарине читатели «нашли того же Рудина, только переложенного в стихи» (Стихотворения Н. Некрасова. — ОЗ, 1861, № 12, с. 87). Впоследствии (в 1879 г.) и сам Тургенев утверждал, будто «Саша» написана под влиянием романа «Рудин» (т. 11, М., 1956, с. 404). Между тем «Рудин» был опубликован одновременно с «Сашей» — в № 1 С за 1856 г. Написан же «Рудин» был между

5 июня и 24 июля 1855 г., т. е. после 3-й и 4-й глав «Саши», в которых выведен Агарин. Таким образом, версия, будто «Саша» возникла как «переложение в стихи» тургеневского романа, несостоятельна. Возможно лишь, что какие-то предварительные разговоры о типе «лишнего человека», имевшие место между Некрасовым и Тургеневым до написания «Саши» и «Рудина», отразились как в поэме, так и в романе. Такое предположение подкрепляется тем, что в черновиках поэмы Агарин был наделен положительными чертами («Это прекрасный и вечный ребенок» и т. п.), еще более сближавшими его с Рудиным. Некрасов считал Рудина положительным персонажем и даже выражал сожаление, что в тургеневском романе недостаточно «выставлена . . . положительная сторона в типе Рудиных» (ПСС, т. 9, с. 389). Однако, работая над образом Агарина, поэт пошел иным путем и создал, в конечном счете, тип резко отрицательный. Различие в отношении Некрасова к Рудину и к Агарину объясняется тем, что в Рудине поэт видел представителя 30—40-х годов, связанного с демократическим течением той поры, а в Агарине — «современного героя», либеральствующего барина, весьма нетвердого в своих убеждениях и в мрачные годы реакции (1848—1855) отказавшегося от всех красивых мечтаний (см.: М. Гин, Н. А. Некрасов — литературный критик, Петрозаводск, 1957, с. 158—160). Агарину Некрасов противопоставил Сашу, вступающую на путь служения народу. Ее образ — один из первых в русской литературе образов передовых русских женщин. Поэма вызвала много откликов, в подавляющем большинстве сочувственных. Однако критики, не принадлежавшие к демократическому лагерю, восторгаясь лишь отдельными местами поэмы (напр., описаниями природы), в то же время извращали ее идейный смысл, бесосновательно усматривали в ней отказ Некрасова от гражданского направления в литературе (подробно об этом см.: ПСС, т. 1, с. 556—557; А. Аникина, Забытые отзывы о Некрасове в печати 40-х и 50-х годов. — ЛН, № 53—54, с. 91—96; А. М. Гаркави, Поэма Некрасова «Саша». — Некр. сб. 2, с. 161, 163—165). Глубокое истолкование поэмы дали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов (см.: В. С. Маслов, Чернышевский и Добролюбов о поэме Некрасова «Саша». — Некр. сб. 3, с. 340—345). Известная революционерка-семидесятиница В. Н. Фигнер, вспоминая о впечатлении, которое на нее в ранней молодости произвела «Саша», писала: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни» (Вера Фигнер, Запечатленный труд, т. 1, М., 1964, с. 92). Глава 1. *Спящих в могилах виновных теней Не разбудю я враждою моей.* В виде намека здесь говорится о Николае I, умершем 18 февраля 1855 г. Член Главного управления цензуры Ф. Бюлер в донесении от 30 октября 1859 г. указывал на эти стихи, как могущие «подать повод к весьма предосудительным толкованиям» (А. Mazon, Un maître du roman russe Ivan Gontcharov, Paris, 1914, с. 399). *В дом тот угрюмый, что... стих мне суровый внушил.* Под «суровым стихом» подразумеваются строки из стих. «Родина» (ср. прим. 17). Глава 2. *Так, после битвы, во мраке ночном* и т. д. Стихи, вероятно, навеяны Крымской войной.

76. «Московский вестник», 1860, 20 февраля, под загл. «Демон». Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 139. Беловой автограф ст. 1—16, без загл., среди записей 1855 г., — ЦГАЛИ. В записной тетради ЛБ, в списке стихотворений, которые Некрасов предполагал включить в Изд. 1856, значится «Демон»; однако в Изд. 1856 это стихотворение не вошло. В Изд. 1879 отнесено (вероятно, по времени первой публикации) к 1860 г. На полях Изд. 1873—1874 Некрасов против стих. «Демону» пометил: «Нужно примечание» (Изд. 1879, т. 4, с. LVI).

77. С, 1861, № 1, с. 240, вместо подписи: **. Печ. по Изд. 1864, ч. 3, с. 27. В Изд. 1861 и 1863 не входило. Датируется по Изд. 1879.

78. С, 1856, № 2, с. 223. В Р. б-ке датировано 1855 г., а в Изд. 1879 отнесено к 1854 г. Отклик на Крымскую войну. Возможно, что непосредственным поводом к написанию стихотворения послужило знакомство с рассказом Л. Н. Толстого «Севастополь в августе 1855 года». Отдельные главы рассказа Толстой читал Некрасову еще 27 декабря 1855 г. (Н. Н. Гусев, *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890*, М., 1958, с. 104). Рассказ глубоко взволновал Некрасова, и по поводу гибели Володи Козельцова (героя рассказа) поэт писал в «Заметках о журналах за декабрь 1855 и январь 1856 года»: «Володе Козельцову суждено долго жить в русской литературе, может быть, столько же, сколько суждено жить памяти о великих, печальных и грозных днях сева­стопольской осады. И сколько слез будет пролито и уже льется над бедным Володею! Бедные, бедные старушки, затерянные в неведомых уголках обширной Руси, несчастные матери героев, погибших в славной обороне! Вот как пали ваши милые дети. . .» (ПСС, т. 9, с. 373). Эти «Заметки. . .», пере­кликающиеся по содержанию со стих. «Внимая ужасам войны. . .», были напечатаны также в № 2 С за 1856 г.

79. Изд. 1861, ч. 1, с. 172, под загл. «(Из Ларры)». Печ. по Изд. 1879, т. 1, с. 240. Беловой автограф, под загл. «(Из Л***)», — ЛБ. В Изд. 1879 датировано 1856 г. По содержанию и положению автографа в записной тетради Некрасова должно быть отнесено к 1855 или к 1856 г. О загл. «Из Ларры», под которым Некрасов печатал некоторые свои стихотворения, — см. прим. 7. В данном случае при помощи этого загл. он хотел скрыть от постороннего любопытства подробности своей интимной жизни. Стихотворение навеяно размолвкой с А. Я. Панаевой (ср. прим. 58 и 244).

* 80. Изд. 1856, с. 158. Черновой автограф, с датой «16 марта», — ЛБ. Год написания устанавливается по положению автографа в записной тетради поэта. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1852 г.

* 81. С, 1856, № 4, с. 259; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 2, с. 87, где было помещено с датой «1856». В стихотворении отражена нашу­мевшая в петербургских великосветских кругах история графини Александры Кирилловны Воронцовой-Дашковой (1818—1856). Как сообщил в своих «Записках» В. А. Инсарский, графиня, «разоренная и обезображенная, кончила свое существование в одной из париж-

ских больниц» (РС, 1894, № 2, с. 19). С этим сообщением вполне согласуется указание А. С. Суворина, что Воронцова-Дашкова «после смерти мужа влюбилась в секретаря французского посольства, вышла за него замуж и играла при нем жалкую роль; он спустил всё ее состояние, отчасти в Монако, и она умерла в Париже в госпитале» (А. С. Суворин, *Дневник*, М.—Пг., 1923, с. 33). Имя второго мужа графини — барон Пуалли («Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности», П., 1915, с. 72). А. Дюма пытался обелить его репутацию (см.: А. Дюма, *Впечатления от поездки в Россию*. — В кн.: Д. В. Григорович, *Литературные воспоминания*, Л., 1923, с. 481—484). Что же касается самого Пуалли, то он даже вызывал Некрасова на дуэль, которая, впрочем, не состоялась (см.: А. Я. Панаева, *Воспоминания*, (М.,) 1948, с. 252—259). *Муж — сановник важный* — Воронцов-Дашков И. И. (1790—1854), обер-церемониймейстер при дворе Николая I. *Да в строфах небрежных русского поэта*. Речь идет о стихотворении Лермонтова «К портрету» (1840), посвященном Воронцовой-Дашковой. В характеристике «княгини» Некрасов отчасти следует за этим лермонтовским стихотворением (там есть строки: «Ей нравится долго нельзя: Как цепь ей несносна привычка», — ср. в «Княгине» ст. 10—12).

* 82. С, 1856, № 9, с. 88; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 94, где впервые появились ст. 38—41. Черновой набросок — ЛБ; на полях — запись, представляющая собою, по-видимому, перечень лиц, с которыми, по первоначальному замыслу, должен был встретиться герой стихотворения — Решетиллов: «Крестьянин. Управл(яющий). Соседи (*нрзб*). Поп. Власти». Беловой автограф ст. 1—30 — ПД; продолжение этого автографа (ст. 31—37) — ЛБ. Другой беловой автограф ст. 1—37 — в письме Некрасова к В. П. Боткину от 16 июня 1856 г. — ЦГАЛИ. Некрасов писал Боткину: «Вот тебе стихи, которые я третьего дня написал . . . Они позволены» (ПСС, т. 10, с. 279, 280). Слова «они позволены» относятся к публикации в Изд. 1856, которое было разрешено цензурой 14 мая 1856 г.; следовательно, стих. «Самодовольных болтунов. . .» прошло через цензуру отдельно.

* 83. Изд. 1856, с. V; Изд. 1861; Изд. 1863; Изд. 1869—1873. Печ. по Изд. 1873—1874, ч. 2, с. 85; ст. 56—57 — по автографу ЛБ; ст. 126—127, 187—192, 198 — по Изд. 1856. Этим устраняются цензурные варианты и купюры. Ст. 51 печ. по Изд. 1856 (как почти во всех посмертных изд.); считаем искаженным чтение Изд. 1861 и след изд.: «Но благородны и обидны», см. анализ текста в статье Б. Я. Бухштаба «Заметки о текстах стихотворений Некрасова» (сб.: *Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта»*, М., 1963, с. 244—257). Автограф ст. 52—65 и черновые наброски, относящиеся к ст. 191—197, 204—207, — ЛБ. Начиная с Изд. 1861 датировано 1856 г., но это — дата окончания работы. Ст. 136—147 были написаны весной 1855 г. и первоначально входили в состав поэмы «В. Г. Белинский» (см. прим. 71), а затем были опубликованы в стих. «Русскому писателю» (С, 1855, № 6, с. 219; см. варианты к № 71). Несколько позже были написаны ст. 52—65: упомянутый выше их автограф находится среди записей конца 1855 г. и начала

1856 г.; опубликованы же они были в статье Некрасова и Чернышевского «Заметки о журналах за февраль 1856 года» (С, 1856, № 3, с. 79). Работу над «Поэтом и гражданином» Некрасов завершил лишь летом 1856 г., находясь на даче близ Ораниенбаума. «Пишу длинные стишисы и устал», — сообщал он Тургеневу 27 июня 1856 г. (ПСС, т. 10, с. 281). Некрасов торопился закончить «Поэта и гражданина», чтобы ввести его (в качестве предисловия) в Изд. 1856, уже прошедшее через цензуру. Когда оно вышло из печати, поэт находился за границей. Об огромном успехе книги у передовых читателей Чернышевский сообщал Некрасову 5 ноября 1856 г.: «Восторг всеобщий. Едва ли первые поэмы Пушкина, едва ли «Ревизор» или «Мертвые души» имели такой успех, как Ваша книга» (т. 14, с. 321). В № 11 С за 1856 г., в рецензии Чернышевского на Изд. 1856, были целиком перепечатаны три стихотворения: «Поэт и гражданин», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и «Забывтая деревня». Перепечатка была замечена в великосветских кругах, и о «крамольной» книге Некрасова было доложено Александру II (Чернышевский, т. 1, с. 752; «Колокол», 1857, 1 августа н. с.). Возникло громкое цензурное дело, причем наиболее яростные нападки вызвал стих. «Поэт и гражданин». «... Тут идет речь, — указывал товарищ министра народного просвещения П. А. Вяземский в проекте распоряжения по цензурному ведомству, — не о нравственной борьбе, а о политической ... здесь говорится не о тех жертвах, которые каждый гражданин обязан принести отечеству, а говорится о тех жертвах и опасностях, которые угрожают гражданину, когда он восстает против существующего порядка и готов пролить кровь свою в междоусобной борьбе или под карою закона» (ЛН, № 53—54, с. 215—216). В распоряжении министра народного просвещения А. С. Норова от 30 ноября 1856 г. говорилось, что в стих. «Поэт и гражданин», «конечно, не явно и не буквально, выражены мнения и сочувствия неблагонамеренные. По всему ходу стихотворения и по некоторым отдельным выражениям нельзя не признать, что можно придать этому стихотворению смысл и значение самые превратные» (М. Лемке, Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904, с. 312); здесь же были выписаны из «Поэта и гражданина» ст. 54—61, 123—127, причем слова «Чтоб он под бурей запылал, Путь освещая всенародно» и «дело прочно, Когда под ним струится кровь» были подчеркнуты как наиболее «предосудительные» (там же, с. 312—313). В том же распоряжении предписывалось, «чтобы впредь не было дозволяемо новое издание «Стихотворений Н. Некрасова» и чтобы не были печатаемы ни статьи о сей книге, ни выписки из оной»; редакция С было объявлено, «что первая подобная выходка подвергнет ... журнал совершенному прекращению» (там же, с. 313). Выпустить новое издание «Стихотворений» Некрасову удалось лишь после долгих хлопот, в 1861 г. При перепечатке в Изд. 1861 многие тексты были сильно искажены цензурой. Особенно пострадал «Поэт и гражданин»: ст. 58—61 были заменены другим, менее острым четверостишием; ст. 118—127 были заменены двумя строками точек; ст. 187—192 — одним ст. «И ты с собой его равнял?!»; ст. 198—203 — строкой точек и одним ст. «Умолкни с жалобой напрасной!» При дальнейших перепечатках многие из этих искажений были устранены, а отдельные строки «Поэта и гражданина» Некрасову удалось опу-

бликовать даже в более острых вариантах, чем те, которые были в Изд. 1856. Так, в Изд. 1863 были восстановлены ст. 118—125, впервые напечатаны ст. 174—177, восстановлены ст. 202—203, впервые появились ст. 227—229 и полностью напечатан ст. 267 (в предыдущих публикациях было: «Но.....»). В Изд. 1869—1873 была восстановлена первопечатная редакция ст. 58—61 и по-новому напечатаны ст. 194 (в предыдущих публикациях было: «Надежды шаткую ладью») и ст. 197 (в предыдущих публикациях: «Покорно голову свою»). В Изд. 1873—1874 была восстановлена (с небольшой стилистической правкой) первопечатная редакция ст. 198—201. Упрощенно трактуя стих. «Поэт и гражданин», Е. А. Ляцкий писал, что оно «наглядно воспроизводит одну из типичнейших бесед Чернышевского с Некрасовым» («Современный мир», 1911, № 10, с. 170). Конечно, в монологах Гражданина воплощены взгляды на назначение искусства, которые в ту пору пропагандировал Чернышевский. Но в монологах того же Гражданина включены и ст. 136—147, которые в черновике поэмы «В. Г. Белинский» были вложены в уста Белинского; также ст. 52—65, оформленные в рукописи ЛБ как автопризнание Некрасова и озаглавленные: «Самому себе». Очевидно, что в монологах Гражданина переданы взгляды Чернышевского, Белинского, Некрасова и других революционных демократов. В образе Поэта Некрасов, возможно, отразил какие-то черты своего характера, но там, где Поэт рассказывает о своем творчестве, он очень резко отличается от Некрасова; см. особенно ст. 208—294, где Поэт говорит о себе, что его «душа пугливо отступила», когда ему было двадцать лет, и с тех пор он отошел от больших социальных тем, стал «добродушно» воспевать красоту природы и т. п. Гражданин и Поэт — образы, имеющие обобщенный характер и, по-видимому, далекие от реальных прототипов. «*Вишь, куда метнул!*» Эти слова, заключенные Некрасовым в кавычки, — скрытая цитата из Гоголя (в «Ревизоре», д. 2, явл. 8: «Эк, куда метнул!»). «*Не для житейского волнения...*» и т. д. Цитата из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа» (1828). *Кадеты* — воспитанники дворянских военно-учебных заведений. *Предводитель* — здесь: губернский предводитель дворянства или уездный предводитель дворянства, выборные административные должности.

84. С, 1856, № 10, с. 281, с посвящением «Т—ву»; Изд. 1856, под загл. «Т.....ву». Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 167, где помещено под загл. «— —ву». В Изд. 1879 неточно датировано 1855 г. Стихотворение посвящено И. С. Тургеневу и связано с его проводами за границу, в которых участвовал и Некрасов. Тургенев выехал 21 июля 1856 г. (ПСС, т. 10, с. 281, 283). В Изд. 1861 Некрасов изменил загл., сделав посвящение Тургеневу менее явственным, — очевидно, потому, что отношения поэта с Тургеневым к тому времени разладились. *Женская любящая душа* — Виардо М.-Ф.-П., см. о ней прим. 1.

85. БдЧ, 1856, № 10, с. 206. Беловой автограф — в письме к И. С. Тургеневу от 30 июля 1856 г. (ПД); Некрасов приводит эти стихи как написанные «вчера» (ПСС, т. 10, с. 286). Относится к группе стихотворений, посвященных А. Я. Панаевой.

86. БдЧ, 1856, № 10, с. 205; Изд. 1856. Печ. по Изд. 1861, ч. 1, с. 179. Незадолго до отъезда за границу (11 августа 1856 г.) Некрасов передал в редакцию БдЧ стих. «Школьник» («Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 156). Написано, очевидно, летом 1856 г., когда Некрасов жил на даче под Ораниенбаумом. Эти места связаны с деятельностью «архангельского мужика» М. В. Ломоносова. Социальная острота стихотворения была замечена цензором Е. Е. Волковым, который 14 ноября 1856 г. доносил министру народного просвещения А. С. Норову: «Здесь автор хочет доказать, что великие и гениальные люди преимущественно могут выходить только из простого народа» (В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 223).

* 87. С, 1856, № 8, с. 298. Автограф первоначальной редакции — ЛБ. В Изд. 1879 датировано 1856 г. Эту датировку можно уточнить, поскольку первоначальный набросок находится на одном листе с концевкой написанного в июне 1856 г. стих. «Самодовольных болтунов...» (№ 82), а окончательная редакция опубликована в августе 1856 г.

* 88. С, 1856, № 9, с. 87; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 1, с. 124. Беловые автографы — ЛБ (1856) и ГПБ (1859 или 1860). Беловой автограф первоначальной редакции («Среди моих трудов досадных...») — в «Солдатенковской тетради» (ЛБ), которую Некрасов подготовил к печати весной 1855 г. Стих. «Среди моих трудов досадных...» при жизни Некрасова опубликовано не было; впервые — ЛГ, 1938, 5 января. Стих. «Я посетил твое кладбище...» было написано, очевидно, в 1856 г., когда поэт перерабатывал и подготавливал свои произведения для Изд. 1856. В Изд. 1879 ошибочно датировано 1849 г. И. С. Тургенев, по свидетельству одной мемуаристки, рассказывал: «У Некрасова есть очень теплое стихотворение на смерть одной женщины, которая любила его. А вот как при жизни ее обходился с нею поэт, по его же собственным словам. Он был в то время беден и озлоблен. Приходя домой, он не говорил с ней, она же не переставала служить ему и ухаживать за ним и только плакала и любила его... Ивану Сергеевичу было непонятно подобное отношение, но ведь он-то сам никогда не был ни беден, ни озлоблен» (А. Л., Мое знакомство с И. С. Тургеневым. — «Северный вестник», 1887, № 2, с. 43). Иных сведений о женщине, которой посвящены эти стихи, нет. *Другую женщину я знал.* Речь идет об А. Я. Панаевой.

* 89. Ст. 146—220 — С, 1856, № 5, с. 139, под загл. «Петербургское утро. Отрывок»; ст. 224—375 — С, 1857, № 3, с. 51, под загл. «Отрывок из поэмы», с подписью «Н. Н.» и датой «Рим, декабрь 1856». Полностью — С, 1858, № 2, с. 241, под загл. «Эпilog ненаписанной поэмы»; Изд. 1861. Печ. по Изд. 1863, ч. 2, с. 87, с исправлениями по рукописным источникам (см. о них ниже). Черновой автограф ст. 146—220 и беловой автограф тех же стихов под загл. «Совет» — ЛБ. Беловой автограф того же отрывка, под загл. «Совет. (Подражание Пушкину)», — ЦГАЛИ. Беловой автограф (наборная рукопись) ст. 244—375, под загл. «Отрывок из поэмы», с подписями «Н. Некрасов» и «Н. Н.», с датой «Рим, декабрь 1856», — ПД. Беловой авто-

излагает, за что он попал в Сибирь. Глава оканчивается тем, что он — вместе с другими, потеряв всякую надежду, — предался дикому буйству, подавляя в себе всякое человеческое движение» (ПД). В несохранившемся ответном письме Тургенев сообщал о переполохе, который вызвал в Петербурге сборник стихотворений Некрасова, и о грозящих поэту в связи с этим неприятностях. Некрасов отвечал из Рима 18 (6) декабря 1856 г.: «Письмо твое застигло меня в самом разгаре работы и как варом обдало. (Из Петербурга мне об этом не пишут.) Не знаю, буду ли в состоянии кончить работу, в которую думал вылить всю мою душу, — без первой половины то, что я послал тебе, не имеет того значения, какое, я надеюсь, получает вещь в целом. Признаюсь, она мне нравится. Глупый человек! Я воображал, что можно будет напечатать ее. О Тургенев! Зачем же жить, — то есть мне, которого жизнь — медленное, трудное умиранье. Впрочем, к черту хандра и скуление. Хоть для тебя — кончу» (ПСС, т. 10, с. 303—304). Об отзыве Тургенева на посланную ему рукопись косвенно можно судить по тому же письму Некрасова от 18 (6) декабря 1856 г.: «Твои слова много позолили пилюлю, которую я проглотил в твоём письме. Впрочем, хорошо, что ты написал. Я уж хотел посылать на днях (до конца недалеко) мою поэму в Петербург на 1 книжку. . .» (ПСС, т. 10, с. 304). В тот же день о работе над поэмой он писал П. В. Анненкову (см.: ПСС, т. 10, с. 307). К концу декабря Некрасов получил от Тургенева, вероятно, новые замечания о своей поэме (это письмо Тургенева неизвестно) и 30 (18) декабря из Рима же писал ему: «Получил твое письмо. Спасибо за доброе мнение о «Кроте» и за замечания на него — все они дельны и верны. Писать буду, хоть, кажется, мне грозит что-то не совсем хорошее по возвращении в Россию» (ПСС, т. 10, с. 307—308). Вероятно, Тургенев сообщил Некрасову о понравившихся ему «описаниях», вследствие чего поэт написал ему из Рима 7 января 1857 г. (26 декабря 1856 г.): «Так как тебе нравятся мои описания, то вот тебе и еще одно. Так как оно составляет самый невинный отрывок из моей поэмы, то хочу его напечатать, если ты одобришь. И так, буде оно изрядно, то отошли его к Анненкову, чтоб передал в редакцию «Современника». Сделай это поскорей, чтоб попало во 2 № «Современ(ника)», который просит моих стихов. Да скажи и мне свое мнение об отрывке — не пеняй на эту докучливость: с тех пор, как я убедился, что в твоей голове больше толку и вкусу, чем в моей, как-то неловко печатать, не показавши тебе. Поэма моя засела, то есть я ее кончил, скомкав и не сделав половины того, что думал. Когда соберусь с силами — перепишу и пришлю, т. е. в таком случае, если не скоро увидимся» (ПСС, т. 10, с. 310—311). При этом письме были посланы ст. 244—375 под загл. «Отрывок из поэмы» (ПД). В рукописи Некрасов предусмотрел две замены на случай цензурных затруднений: «Молчи — фанатики они» вместо «Молчи — предатели они» (ст. 357) и «Не то — судьбы поддайся игу» вместо «Не то — среды поддайся игу» (ст. 360) и сделал надпись для редакции С: «Прошу напечатать без опечаток. Если хоть слово выкинут, то не печатать. Некрасов». Цензура, однако, в ст. 357 не приняла и смягченное чтение («фанатики») и выкинула ст.: «Отдайся весь во власть господню», (см. варианты), который оказался рядом со ст.: «Свинья увязла в подворотню. . .» Н. Г. Чернышевский, ведавший в

это время делами С., писал об этом Некрасову 7 февраля 1857 г.: «В отрывке, Вами присланном, цензурный комитет зачеркнул следующие слова и стихи (то, что подчеркнуто):

Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню...
Свинья увязла в подворотною

(по причине близости свиньи).

Молчи, фанатики они...
*Но есть и там свои могилы,
Но там напрасно гибнут силы...*

Подчеркнутое выброшено цензурою. Вы написали: «если хоть одно слово выкинут, то не печатать» — потому стихотворение и осталось не напечатано, что жаль — лучше бы напечатать» (т. 14, с. 335). Некрасов согласился с Чернышевским и дал новый вариант ст. 357: «Молчи — упрямы ведь они!», после чего отрывок появился в № 3 С за 1857 г. В рукописи ПД (как и ЛБ) имеется еще замена ст. 251: «Аптека, два-три кабака» вместо «Собор, четыре кабака». Хотя в этом случае нет указания Некрасова «для цензуры», а просто первоначальное чтение зачеркнуто (и не восстановлено Некрасовым в правленном им списке Панаевой), — в наст. изд. (как и в ПСС; ср.: К. И. Чуковский, Люди и книги, М., 1960, с. 378) принято это чтение, изменение которого является очевидным результатом автоцензуры, поскольку цензура не пропустила бы «собора» рядом с кабаком и тюрьмой. В беловом автографе всей поэмы (ЛБ) Некрасов явно для цензуры карандашом изменил ст. 829: «Отверженцев несчастных друг» вместо «Клейменых каторжников друг»; в Изд. 1861 восстановлено первоначальное чтение. Из цензурных же соображений в этой же рукописи изменен ст. 904: «Где он угас, где он зарыт» вместо «Где гордый мученик зарыт». Некрасов намеревался напечатать поэму целиком в задуманном им сборнике в пользу дочери В. Г. Белинского (ПСС, т. 10, с. 361, 370). Издание сборника не осуществилось, и поэма была напечатана в С (1858, № 2). В журнале заседаний С.-Петербургского цензурного комитета 29 января 1858 г. записано: «Г. цензор Новосильский доложил стихотворение Некрасова под названием «Несчастные», предназначенные для помещения в «Современнике». *Определено:* Комитет ... признал возможным разрешить их к напечатанию в означенном журнале, с измененным только заглавием» (ЦГИАЛ). Кроме загл., в текст С цензура ввела еще ряд перемен. Вместо намека на революционеров (ст. 139—140): «И есть и были в стары годы Друзья народа и свободы» — напечатано: «И есть и в старину бывали Сердца из золота и стали». В ст. 162 вместо «гордого дворца» печаталось: «гордых кораблей»; вместо «дворцами» — «домами» (ст. 242); вместо «недовольной нищеты» — «невеселой нищеты» (ст. 207); вместо «слепого народ» — «потомок наш» (ст. 647) и т. п. Большая часть этих искажений была восстановлена в ближайших прижизненных изданиях, но два наиболее существенных цензурных изъята (ст. 658—664 и 707—714) при жизни Некрасова так и не были восстановлены. После ст. 868 в С следовало: «Взрыдав душою умиленной, Мы пали ниц, благодаря Нас не забывшего Царя». Здесь обычный для Некрасова прием про-

тивоцензурной маскировки, о котором он писал Тургеневу, имея в виду поэму «Несчастные»: «Кончивши, начну ее портить; может, и пройдет, если вставить несколько верноподданнических стихов» (ПСС, т. 10, с. 304). Уже в Изд. 1861 г. этих стихов нет; зачеркнуты они Некрасовым и в списке Панаевой. После напечатания поэмы, 26 февраля 1858 г., чиновник особых поручений при министре народного просвещения гр. Е. Е. Комаровский доносил министру, что героем «Эпилога ненаписанной поэмы» является «идеализированный колодник, по-видимому сосланный за политическое преступление», и что поэма, представляющая собой «панегирик безыменному колоднику», в котором «нет и тени раскаяния», имеет своей целью «общественный протест». Предсмертное видение Крота Комаровский называл «проческии двусмысленным», усматривая в нем изображение будущей революции. На основании рапорта Комаровского Главное управление по делам печати предложило председателю Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусину-Пушкину сделать выговор цензору, подписавшему к печати поэму Некрасова, а также, в той же книжке журнала, — статью Н. А. Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы», которую цензоры нашли родственной по духу произведению Некрасова (см.: В. Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском и Добролюбова, Л., 1936, с. 226—229). Революционный смысл поэмы был понят Н. Г. Чернышевским, который использовал стихи включенной в поэму «Песни преступников» в качестве эпиграфа к своему роману 1863 г. о новых людях «Алферьев» (см. т. 12, с. 6). В образе Крота, несомненно, изображен политический ссыльный. Это, между прочим, подтверждается и тем, что Некрасов приступил к работе над поэмой почти сразу после амнистии политическим ссыльным, объявленной 26 августа 1856 г. Самая возможность писать о сибирской каторге появилась в связи с этой амнистией. Ф. М. Достоевский сообщил в «Дневнике писателя» за декабрь 1877 г.: «Однажды, в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он (Некрасов) указал мне на одно стихотворение «Несчастные» и внушительно сказал: «Я тут об вас думал, когда писал это» (т. е. об моей жизни в Сибири), „это об вас написано. . .“». Однако переданные здесь слова Некрасова не следует понимать в том смысле, что, работая над «Несчастливыми», поэт думал только о Достоевском. П. Ф. Якубович впервые высказал мнение, что в образе Крота изображен прежде всего Белинский (Л. Мельшин (П. Ф. Якубович), Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность, СПб., 1907, с. 39—43). Черты Белинского ощущаются не только во внешнем облике, но и в речах Крота о будущем русского народа, о Петре Великом, в его литературных пристрастиях (упоминание Крылова и Кольцова). Любопытно свидетельство Чернышевского о том, что «Некрасов сохранил о Петре то мнение, какое воспринял в кругу Белинского и Герцена. Имей я хоть маленькое влияние на его образ мыслей, он не мог бы писать о Петре то, что он писал; имей я сколько-нибудь большое влияние, он писал бы о Петре тоном прямо противоположным тому, каким писал» (т. 1, с. 747). Картина предсмертной агонии Крота, произносящего в бреду революционные призывы, несомненно связана с воспоминаниями о последних часах жизни великого критика. В одном из писем к И. С. Тургеневу (23 июня 1848 г.) говорилось об этом: «Перед самой

смертью он говорил два часа, не переставая, как будто к русскому народу, и часто обращался к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи почти ничего уже нельзя было разобрать; потом он вдруг замолк и через полчаса мучительной агонии умер» (С. Ашевский, Белинский в оценке его современников, СПб., 1911, с. 282). Подтверждение тому, что в поэме «Несчастные» в образе Крота отразились черты Белинского, можно усмотреть также и в том, что ст. 534—537 в Записной тетради № 3 (ЛБ) находятся среди черновых вариантов поэмы «В. Г. Белинский». Показательно и то, что поэма предназначалась Некрасовым для сборника памяти Белинского, в который предполагалось включить «статьи ученые и беллетристические, стихотворения и заметки о жизни и деятельности Белинского» (ПСС, т. 12, с. 72). Заметны в поэме и автобиографические элементы: впечатление детства рассказчика в крепостнической усадьбе; образ матери поэта; утрата иллюзий в неприютной столице; описание провинциального городка, в котором современники узнавали Спасск, Казанской губернии, на болотистой площади которого Некрасову случалось «стрелять дупелей» (Н. В. Успенский, Из прошлого, М., 1889, с. 231—233) и т. п. «Несчастные» — народное наименование заключенных и каторжан. («„Несчастливыми“ народ вообще зовет всех ссылаемых в Сибирь». — В. И. Даль, Толковый словарь. . . , т. 2, М., 1955, с. 538). Глава 1. *Переступить порог не смея. . .* и т. д. Образы «Руслана и Людмилы» Пушкина (о пушкинских мотивах в поэме «Несчастные» см.: Чуковский, с. 50—76). *С певцом твоих громад красивых, т. е. с Пушкиным* (имеется в виду его поэма «Медный всадник»). *И ельника зеленый след На мокрой улице оставил.* Еловыми ветками устилался путь похоронной процессии. *Вот идет солдат За фурией вроде погребальной.* Имеется в виду закрытая тюремная карета, в которой перевозили арестантов. Глава 2. *Восторгом взор его сиял.* В автографе ПД к этому ст. сделано прим.: «Стих Пушкина». У Пушкина в стих. «Клеопатра»: «Восторг в очах его сиял». *В скрижалях царства* — в истории царства. *Прощенья благовест достиг.* В день коронации Александра II, 26 августа 1856 г., была объявлена амнистия всем репрессированным по делу 14 декабря 1825 г. Им было разрешено вернуться из ссылки и жить всюду, где пожелают, кроме Москвы и Петербурга.

II

90. СО, 1838, № 10, с. 100. Вошло в МЗ. Пропуск ст. 20—21, очевидно, цензурного характера. В журнальном тексте — прим. редакции: «Первый опыт юного, 16-тилетнего поэта». «Мысль» — первое опубликованное произведение Некрасова, о котором поэт вспоминал в 1843 г. в рассказе «Помещик двадцати трех душ»: «Забуду (sic!) тот нелепый восторг, который заставлял меня бегать, высуня язык, когда я увидел в «Сыне отечества» первое мое стихотворение, с примечанием, которым я был очень доволен» (ПСС, т. 5, с. 315).

91. СО, 1838, № 11, с. 17, с посвящением: «(Н. В. С.)». Печ. по МЗ, с. 70. В МЗ посвящение имеется лишь в оглавлении. Ст. 14 в

редакции СО («С печатью грусти на челе») восходит к известному предсмертному стих. Д. В. Веневитинова «Люби питомца вдохновенья...» (Соч., ч. 1, М., 1829), где он напечатан в ином варианте: «С печатью тайны на челе». Эта строка была процитирована Некрасовым и много позднее, в поэме «Суд», с подстрочной ссылкой на Веневитинова (см. т. 2, № 76).

92. СО, 1838, № 11, с. 18. Вошло в МЗ. Ст. 1—2 — реминисценция из оды Пушкина «Вольность», прочитанной Некрасовым еще в Ярославле (см. ЖДН, т. 1, с. 141—143).

93. СО, 1839, № 1, с. 12, с датой «12 ноября 1838». Печ. по МЗ, с. 74. Ст. 6—12 развернуты Некрасовым в стих. «Злой дух» (№ 106). См. также прим. 106.

94. МЗ, с. 20. Печ. по МЗ, с исправлением опечатки в ст. 26 по автографу. Беловой автограф без ст. 17—20 — ПД, в альбоме Гамазова, дата «4 марта 1839». М. А. Гамазов (1811—1893) — друг и родственник И. И. Панаева; у Гамазова молодой Некрасов познакомился с Панаевым; впоследствии Гамазов участвовал в «Иллюстрированном альманахе» Панаева и Некрасова (см. заметку Гамазова о воспоминаниях А. Я. Панаевой. — «Исторический вестник», 1889, № 4, с. 255—256; К. Н. Григорьян, Литературные опыты М. А. Гамазова. — В кн.: «Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX веков», М.—Л., 1959, с. 360—369).

95. ЛПРИ, 1839, 25 марта, с. 250. Печ. по МЗ, с. 24, с восстановлением цензурной купюры в ст. 27 по журнальному тексту. *Суд глупца, и хохот черни дикой*. Реминисценция из стих. Пушкина «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...»).

96. ЛПРИ, 1839, 8 апреля, с. 297. Печ. по МЗ, с. 29.

97. СО, 1839, № 6, с. 55, с посвящением «Н. Ф. Фермору». Печ. по МЗ, с. 61. В МЗ посвящение дано лишь в оглавлении.

98. ЛПРИ, 1839, 24 июня, с. 531. Вошло в МЗ. В экземпляре сборника, принадлежавшем М. Н. Лонгинову (ПД), против стих. «Рукоять» имеется помета владельца: «Жуковский одобрил». В набросках автобиографии Некрасов вспоминал, что он представлял Жуковскому сборник в 1840 г., причем Жуковский сочувственно отзывался о двух (в другом наброске — одном) стихотворениях (ПСС, т. 12, с. 12, 22).

99. БдЧ, 1839, № 7, с. 5. Печ. по МЗ, с. 65. Выказывалось предположение, что стихотворение отражает влияние лермонтовской «Думы» (см.: ЖДН, т. 1, с. 199), которая появилась в печати в ОЗ, 1839, № 1. Прямое текстуальное совпадение можно видеть в ст. 41 (у Лермонтова: «И царствует в душе какой-то холод тайный»). «Жизнь» Некрасова, подобно лермонтовскому стихотворению, является инвективой против утратившего жизненную цель общества, однако выражает иной смысл, противопоставляя развращенной «толпе» осознанный идеал.

100. МЗ, с. 4. Ф. Менцов указывал на это стихотворение как на подражание В. Г. Бенедиктову (ЖМНП, 1840, № 3, с. 119), имея в виду, очевидно, его стих. «Развалины». *Скрижаль* — здесь: летопись истории. *В середине седьми величавых холмов*. Древнейшая часть Рима располагалась на семи холмах. *Покуда ты живо, и я не исчезну* и т. д. Легенда о том, что Рим будет существовать, пока стоит Колизей, что его разрушение ознаменует гибель Рима и всего мира, была распространена среди пилигримов в VIII в. *Что день, то я новые знало потери* и т. д. С XIV и вплоть до середины XVIII в. в развалинах Колизея добывали строительный материал; при папе Клименте IX уцелевшая часть Колизея была превращена в завод для добывания селитры. *Крест высится, веры святой торжество*. Крест с рядом алтарей в память христианских мучеников был поставлен в Колизее папой Бенедиктом XIV (1740—1758); он существовал до 1874 г.

101. МЗ, с. 5.

102. МЗ, с. 7. Ст. 1 — реминисценция из стих. Ф. Менцова «Огонь небесный»: «Что небо вдалеке туманится и тмится?» (БдЧ, 1838, № 11); о знакомстве Некрасова с этим стихотворением см. в прим. 112.

103. МЗ, с. 11. Пропуск ст. 31—32 и купюра в ст. 56 явно цензурного происхождения. *Не мудрствуя лукаво* — цитата из «Бориса Годунова» Пушкина (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»). В 1870 г. стихотворение было использовано Н. С. Лесковым для обвинения Некрасова в идейном ренегатстве (см.: Н. С. Лесков, Загадочный человек. — Собр. соч., т. 3, М., 1957, с. 363—364); касаясь этой темы, Г. З. Елисеев, подвергшийся тому же обвинению в очерке Лескова, заметил, что стихотворение Некрасова — «чистое подражание», однако без больших оснований связал его с одой Ломоносова, имея в виду «Вечернее размышление о божьем величестве» (см. «Внутреннее обозрение» в ОЗ, 1878, № 3, с. 130). Подробно о полемике вокруг этого стихотворения см. ЖДН, т. 1, с. 200—202.

104. МЗ, с. 15. Пропуск ст. 62—63, вероятно, цензурного происхождения. Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к Андрею Ивановичу Глушицкому, товарищу Некрасова по ярославской гимназии, знакомство с которым поэт возобновил в 1838 г. в Петербурге. При помощи и поддержке Глушицкого Некрасов готовился к поступлению в университет (см. ЖДН, т. 1, с. 155—160). Стихотворение близко к посланию Бенедиктова «К М—ру».

105. МЗ, с. 21. Подражание стихотворению Бенедиктова «Горные выси» (в частности, ст. 43—44 являются близким пересказом строк: «Висит громада вековая, Чужая долу и звездам»). Из стихотворения Бенедиктова «Облака» заимствован образ в ст. 39—40 (ср.: «Чаша неба голубая Опрокинута на мир»). Ст. 21 восходит к стихотворению Е. А. Баратынского «Череп» («мыслящий наследник разрушенья»).

106. МЗ, с. 25. Написано под влиянием стихотворения Пушкина «Демон» (ср. реминисценцию в ст. 18—20; у Пушкина: «Его язви-

тельные речи Вливали в душу хладный яд»). Вариацию этих пушкинских строк см. также в стихотворении «Смерти» (№ 93, ст. 6—8).

107. МЗ, с. 27. Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Дориде».

108. МЗ, с. 31. В «Турчанке» имеются реминисценции из стихотворений В. Г. Бенедиктова «К черноокой», «Черные очи» и «Кудри» (см. статью К. Шимкевича «Бенедиктов, Некрасов, Фет» в кн.: «Поэтика», сб. 5, Л., 1929, с. 118—121). Неточная автоцитата из стих. «Турчанка» — в рассказе Некрасова 1841 г. «Двадцать пять рублей» (ПСС, т. 5, с. 123).

109. МЗ, с. 33. *Изженет* — изгонит.

110. МЗ, с. 37. Первый опыт использования дактиля, одного из излюбленных размеров зрелого Некрасова.

111. МЗ, с. 38.

112. МЗ, с. 40. Литературным источником «Землетрясения» является, по-видимому, стихотворение Ф. Менцова «Падение Содома и Гоморры» («Московский наблюдатель», 1835, декабрь, кн. 2); в 1838 г. это стихотворение было напечатано вторично, под загл. «Огонь небесный» (БдЧ, 1838, № 11). Свидетельством знакомства Некрасова со стихотворением Менцова является также реминисценция из него в стих. «Встреча душ» (см. прим. 102). Эсхатологические мотивы вообще были широко распространены в поэзии 30-х годов. См., напр., «Последнее разрушение мира» А. Тимофеева (БдЧ, 1838, № 6) с близким Некрасову развитием темы и ритмической организацией; «Смерть в Мессине» Бенедиктова и др.

113—116. МЗ, с. 47, 51, 53, 55. Помещенные друг за другом в МЗ эти четыре баллады составляют вместе как бы не до конца оформившийся цикл внутри сборника.

117. МЗ, с. 58. Написано под влиянием элегии Жуковского «Море»; возможно также воздействие стихотворения С. Стромиллова «К морю» («Московский наблюдатель», 1838, май, кн. 1), перепечатанного в несколько иной редакции, под загл. «Море» (БдЧ, 1839, № 5); вероятно, Некрасову были известны и другие произведения с той же разработкой темы, напр., сонет Н. Щербинина «К морю» (СО, 1838, № 10), рядом с которым напечатано стихотворение Некрасова «Мысль», и стихотворение близко знакомого ему Н. Фермора «Черноморская ночь» (СО, 1839, № 2); ср. также «Море» Бенедиктова. Отзыв о «Непонятной песне» как о слабом подражании Жуковскому см. в рецензии СП (1840, 14 марта). Эпиграф — из стихотворения Пушкина «Земля и море».

118. МЗ, с. 67.

119. МЗ, с. 72. Брат Некрасова Андрей (р. 1820) скончался в июле 1838 г., накануне отъезда поэта в Петербург.

120. МЗ, с. 76.

121. МЗ, с. 77. В экземпляре МЗ, принадлежавшем М. Н. Лонгинову (ПД), против стихотворения рукою владельца помечено: «Полевой одобрил». По-видимому, запись сделана со слов Некрасова (см. также прим. 98). Некрасов близко общался с Н. А. Полевым с октября 1838 г., о чем свидетельствуют записи в дневнике Полевого («Исторический вестник», 1888, № 3, с. 669, 670, 673) и автобиографические записи Некрасова (ПСС, т. 12, с. 12).

122. ЛГ, 1840, 24 января. Вошло в МЗ. Подражание популярному тогда стихотворению Бенедиктова «Незабвенная». *Диана* (римск. миф.) — богиня Луны; здесь — Луна.

123. МЗ, с. 80.

124. МЗ, с. 82. Стихотворение было пародировано в рецензии ЛГ (1840, 24 февраля), как не обладающее поэтической мыслью и подражательное.

125. МЗ, с. 83. Начальные строки близки стихотворению Пушкина «Не пой, красавица, при мне...» и стихотворению В. Г. Бенедиктова «NN—ой».

126. МЗ, с. 85.

127. МЗ, с. 87.

128. МЗ, с. 89. Подражание «Песне» Баратынского («Когда взойдет денница золотая...»).

129. МЗ, с. 90. Подражание лирическим мотивам Бенедиктова, выраженным в ряде его стихотворений («К черноокой», «Черные очи» и др.).

130. МЗ, с. 92. В рецензии ЛГ (1840, 24 февраля) было приведено как пример подражательности и пародировано.

131. МЗ, с. 95. Начальные стихи близки первым строкам стихотворения Баратынского «Дитя мое, она сказала...».

132. МЗ, с. 97.

133. МЗ, с. 98.

134. ЛГ, 1938, 5 января. Автограф (в альбоме М. Фермор) — ЦГАЛИ; под текстом подпись: «Душевно уважающий вас Н. Некрасов». М. Фермор — сестра приятеля Некрасова Н. Ф. Фермора, дружившего с поэтом в период подготовки к печати МЗ и принимавшего большое участие в осуществлении издания этого сборника.

135. «Звезда», 1938, № 1, с. 167. Копия вместе с другими переписанными стихотворениями поэта вплетена в испещренный многочисленными поправками и вставками цензурных купюр экземпляр Изд.

1856 г., который хранится в архиве А. М. Лазаревского в библиотеке Академии наук УССР. О достоверности вплетенных в сборник рукописных стихотворений и внесенных в печатный текст его поправок свидетельствует тот факт, что с братом Лазаревского Некрасов был в приятельских отношениях. Датируется приблизительно по характеру стиля. *Чистейшей прелести* — реминисценция из сонета Пушкина «Мадонна» («Чистейшей прелести чистейший образец»).

136. «Звезда», 1938, № 1, с. 167, по копии из архива А. М. Лазаревского (см. прим. 135). *И, как с Иаковом, неведомая сила*. Согласно библейской легенде, Иаков ночью боролся с незнакомцем, который оказался самим богом. *Атлас* (греч. миф.) — титан, державший на своих плечах весь небесный свод.

137. «Литературные прибавления к „Журналу министерства народного просвещения“», 1840, № 1, с. 3.

138. П, 1840, № 3, с. 104. В «Мелодии» использован ритмический рисунок стихотворения Бенедиктова «Незабвенная» (см. прим. 122). *Авзония* — поэтическое название Италии. Адресат не установлен.

139. П, 1840, № 5, с. 62. Написано под впечатлением от игры В. Н. Асенковой в роли Офелии в «Гамлете» (см.: Н. И. Куделько, О стихотворении Некрасова «Офелия». — «Научный бюллетень Ленинградского гос. университета», 1947, № 16—17, с. 28—30).

140—141. П, 1840, № 9, с. 73—77, с подписью «Н. Перепельский». 1. Автор драмы «Федотыч» является один из героев рассказа Некрасова бездарный провинциальный поэт Иван Иванович Грибовников. 2. Стихотворение И. И. Грибовникова. *Авраам* — библейский патриарх. *Семо* и *овамо* — здесь и там. *Валтасар* — легендарный вавилонский царь, который, согласно Библии, погиб во время внезапного нападения на Вавилон войск персидского царя Кира.

142. П, 1840, № 9, с. 93. *Скрижали* — здесь: записи.

143. П, 1840, № 10, с. 37, с подписью «Иван Грибовников». Связано с напечатанным в предшествующем номере этого журнала под псевдонимом «Н. А. Перепельский» рассказом Некрасова «Без вести пропавший пиита». Его герой, Иван Иванович Грибовников, потеряв надежду на литературный успех, бежит из Петербурга, оставив автору свои поэтические опыты. Этим и объясняется прим., данное редакцией журнала к стоящей под стих. «К ней!!!!!» подписи «Иван Грибовников»: «Помещаем это оригинальное стихотворение для того только, чтоб утешить друга нашего Н. А. Перепельского: *Грибовников — без вести пропавший пиита — отыскался*. *Маныч* — приток Дона и долина этой реки.

144—145. РС, 1889, № 2, с. 349, в составе письма Н. А. Некрасова к сестре Е. А. Некрасовой (по мужу Звягиной) от 9 ноября 1840 г. Три фрагмента стихотворений, разделенных в письме прозаическим текстом. Второй и третий фрагменты, судя по своеобразной

строфике, являются отрывками одного стихотворения; объединяем их, вводя перед последним отрывком две строки точек — знак отрывочности текста и неполноты строфы.

146. П, 1840, № 11, с. 26.

147—148. П, 1840, № 11, с. 74, 86. По мнению Н. И. Куделько, в первом стихотворении изображена артистка В. Н. Асенкова. Его, указывает Н. И. Куделько, «можно рассматривать как первоначальный набросок, эскиз», из которого впоследствии выросло замечательное стих. «Памяти Асенковой» (сб. «Некрасов и театр», М.—Л., 1948, с. 64). См. прим. 59.

149. П, 1840, № 2, с. 132; № 3, с. 105; № 7, с. 49, с подписью «Феоклист Боб»; в оглавлении «Феоклист Ануфриевич Боб» (в № 7 — под загл. «Провинциальный подьячий опять в Петербурге» и с подписью «Феклист Онуфрич Боб»; в оглавлении «Феоклист Онуфриев сын Боб»). В ст. 27—48 использован мотив куплета из водевиля Ф. А. Кони «Девушка-гусар» о четырех арифметических действиях:

Будет муж — и тогда
Велика ли беда,
Что не знает жена *вычитанья?*
Без усилий уму
Я *сложенье* пойму —
В том нет никакого сомненья,
А *деленье* к тому ж
Будет делать мне муж
И нужные все *умноженья*.

Глава 1. *Железная мостовая* — первая русская железная дорога между Петербургом и Царским Селом, открывшаяся в октябре 1837 г., была продолжена до Павловска в 1838 г. *Воксал* — зал для концертов и общественных увеселений. Павловский воксал открылся в 1838 г. На устраиваемые здесь концерты приглашались известнейшие русские и иностранные исполнители и дирижеры. *Палкинский* — находящийся в известном ресторане Палкина. *Орган* — здесь: заводной музыкальный инструмент. «*Фебус*» — переделанный Н. А. Коровкиным с французского водевиль «Фебус — провинциальный певец»; впервые поставлен на сцене Александринского театра в 1840 г. *Сосницкий И. И.* (1794—1871) — известный русский актер. Барон *Брамбеус* — см. прим. 1. «*Титулярные*» — водевиль Ф. А. Кони «Титулярные советники в домашнем быту», впервые поставленный на сцене Александринского театра летом 1837 г. *Тальони М.* (1804—1884) — французская балерина; сочиненный ее отцом Ф. Тальони балет «*Тень*» был впервые поставлен на сцене Мариинского театра в 1839 г. *Ванька* — легковой извозчик. «*Пчелка*» — петербургская официозная газета «Северная пчела»; до 1860 г. ее редакторами были Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч. «*Инвалид*» — петербургская газета «Русский инвалид». *Газ* — первые 204 газовых фонаря зажглись в Петербурге в 1839 г.; они освещали Дворцовую площадь, Невский проспект и ряд других центральных улиц столицы. Глава 2.

Дагерротип — отпечаток, снимок, сделанный по способу дагерротипии, положившей начало фотографированию. *Брюллов К. П.* (1799—1852) — русский художник. Его знаменитая картина «Последний день Помпеи» (1833) была выставлена в Академии художеств. *Статуя мужика* — созданная русским скульптором Н. С. Пименовым (1812—1864) статуя «Парень, играющий в бабки» (1836), которую А. С. Пушкин приветствовал стих. «На статую играющего в бабки». *Битка* — бойкий, расторопный, ловкий человек. *Сфинки* — два сфинкса, вывезенные из Египта в 1832 г. в Петербург и установленные на набережной Невы против здания Академии художеств. *Фалборка* (фалаболка — уменьшительное от слова фалбола) — сборка на подоле женского платья, портьерах и т. п., служившая для украшения. Глава 3. *В нанковых*. *Нанка* — сорт грубой хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи. *Трико* — шерстяная ткань узорчатого плетения. *Клико* — марка шампанского (по названию французской фирмы). *От Аничкина* — от Аничкова моста в Петербурге. «*Лев Гурыч Синичкин*, или Провинциальная дебютантка» — водевиль Д. Т. Ленского, впервые поставленный в Малом театре в 1839 г., а в Александринском театре — в 1840 г. *Пантелей Жучок* — герой комедии Ф. А. Кони «Деловой человек, или Дело в шляпе». *На тонких эскузациях* (извинениях) — слова Пантелея Жучка. *Хочет быть актрисою*. Водевиль П. С. Федорова «Хочу быть актрисою, или Двое за шестерых» поставлен был впервые на сцене Александринского театра в 1840 г. «*Парашенька*» — драма Н. А. Полевого «Параша-сибирячка», премьера которой на сцене Александринского театра состоялась 17 января 1840 г. *Гусева Е. И.* (1787—1853) — комическая актриса петербургских театров. *В решепкте* — с почтением (нем.). *Грязная* — см. прим. 66.

150. Отд. изд., СПб., 1841, анонимно; первые 219 строк — ЛГ, 1840, 19 октября, без подписи, под загл. «Отрывок из русской сказки Баба-яга», с прим.: «Эта оригинальная сказка уже печатается и в непродолжительном времени выйдет в свет». Судя по датам цензурного разрешения отд. изд. (8 октября) и напечатанного в ЛГ отрывка (18 октября), газетный текст более позднего происхождения. В сравнении с текстом отд. изд. он значительно улучшен. Печ. по Изд. 1841 г.; первые 219 строк и отсутствующий в отд. изд. эпиграф — по тексту ЛГ. Опущенные в газете нумерация и название первой главы даются по тексту отд. изд. Автограф (наборная рукопись) с авторской правкой и разрешительной надписью цензора Ольдеккопа — ЦТМ. Внизу титульного листа рукописи надпись: «Передаю право в вечное и потомственное владение санктпетербургскому купцу Василию Петрову Полякову. 17 сентября 1840 года. Деньги за сию сказку получил сполна. Н. Некрасов». Из всех произведений, проданных Некрасовым книгопродавцу Полякову, только эта сказка была издана при жизни автора. Остальные («Сказка о царевне Ясносвете», «Юность Ломоносова», «Великодушный поступок», «Федя и Володя») долгое время оставались неизвестными и лишь в 1901 г. были обнаружены П. А. Картавовым. Перед смертью Некрасов вспоминал: «Был поставщиком у тогдашнего Полякова, писал азбуки, сказки по его заказу. В заглавии «Баба-Яга, костяная нога» он прибавил: ж... жиленая, я замарал в корректуре. Увидев

меня, он изъясил удивление и просил выставить первые буквы ж. . ж. Не знаю, пропустила ли ему цензура. Лет через тридцать, по какому-то неведомому мне праву, выпустил эту книгу Печаткин. Жиленой ж. . там не было, но зато было мое имя, чего не было в поляковских изданиях» (ПСС, т. 12, с. 23). В издании Печаткина сказка вышла в 1871 г. Это последнее прижизненное издание не может быть положено в основу текста, поскольку в его осуществлении автор никакого участия не принимал. Глава 1. Станица — см. прим. 53. Глава 5. *Нетопырь* — крупная летучая мышь.

151. Изд. 1931, с. 426. Копия, подписанная фамилией Некрасова, — ПД. Тот факт, что стихотворение создано накануне дня рождения Некрасова, подтверждает его авторство. Подражание стихотворению Ф. Н. Менцова, напечатанному под тем же загл. в БДЧ (1838, № 10): «Рожденья день, рожденья день! Как много дум приводит он с собою!»

152. Изд. 1927, с. 408, неточно. Печ. по автографу ЦТМ с исправлением явных описок. Вместе с «Бабой-Ягой» и другими произведениями сказка была продана Некрасовым книгопродавцу В. П. Полякову (см. прим. 150). По полученным К. И. Чуковским от П. А. Картавова сведениям, она была сдана в типографию, но не вышла в свет (ПСС, т. 1, с. 601). *Бова* — см. прим. 153.

153. «Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым», СПб., 1902, с. 25. Автограф и корректура (последняя обрывается в начале второй сцены на словах: «Не замечаю его теченья. . .») — ЦТМ. На обороте титульного листа корректуры, после перечня действующих лиц, рукою Некрасова: «Если этот поллисток еще не отпечатан, то набрать на обороте заглавного листка действующих лиц». Сказка о *Бове* — народная богатырская повесть о Бове-королевиче, одно из наиболее распространенных произведений в лубочных изданиях XVIII—XIX вв. *Не имел хоть благородства* — то есть не имел дворянского звания.

154—156. ЛГ, 1841, 4 и 6 февраля, без подписи. Куплеты журналиста Семячко, прототипом для которого послужил известный водевилист Ф. А. Кони (1809—1879).

157—160. «Репертуар русского театра», 1841, № 4, с. 8, 11, 12, 17, с подписью «Н. А. Перепельский». Рукопись (с правой авторской пометкой) — ЛТБ. Переделка драматизированной повести В. Т. Нарезного «Невеста под замком». Впервые поставлена на сцене 24 апреля 1841 г. в Александринском театре. 1. Куплеты студента Фортункина. 2. Куплеты ювелира Руперта. 3—4. Куплеты доктора Аффенберга.

161—164. Н. А. Некрасов, Драматические произведения, т. 1, М.—Л., 1937, с. 112, 120, 133, 142. Писарская копия (цензурный экземпляр) — ЛТБ. Представлена в цензуру 16 апреля и впервые поставлена на сцене 2 мая 1841 г. в Александринском театре. 1. Куплеты Ивана Мироновича Сыромолотного, дяди отставного чиновника и литератора Феоклита Онуфрича Боба, образ которого создан Некрасовым в «Провинциальном подьячем в Петербурге» (см. № 149).

2. Диалог Сыромолотного и Боба. В *Английский* — в петербургский Английский клуб (см. прим. 52). 3—4. Куплеты Боба. *Венецианский мавр* — Отелло.

165. «Текущий репертуар русской сцены» (прилож. к П), 1841, № 8, с. 107, подпись «Н. А. Перепельский». Куплеты актера Стружкина. Известие об окончании Некрасовым этого водевиля появилось в апреле («Текущий репертуар русской сцены», 1841, № 4, с. 30). Автограф и цензорский экземпляр — ЛТБ. *Гаррик Д.* (1717—1779) и *Кин Э.* (1787—1833) — знаменитые английские актеры. *Лекен А.-Л.* (1729—1778) и *Тальма Ф.-Ж.* (1763—1826) — прославленные французские актеры.

166. «Репертуар русского театра», 1841, № 12, с. 1. Куплеты крестницы Луизы. Переделка пьесы французского драматурга Н. Фурнье «Тиридат, или Комедия и трагедия». Водевиль «Вот что значит влюбиться в актрису!» впервые представлен на сцене 10 ноября 1841 г. в Александринском театре. Автограф — ЛТБ.

167. ПСС, т. 4, с. 318. Куплеты дедушки Стукату. Переделка водевиля Н. И. Хмельницкого «Бабушкины попугаи». Впервые представлен на сцене 1 декабря 1841 г. в Александринском театре. Рукопись (цензорский экземпляр) — ЛТБ. *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — египетская царица. *Феодора* (нач. VI в. — 548) — византийская императрица. *Екатерина Медичи* (1519—1589) — французская королева.

168. РиП, 1843, № 1, с. 239, с подписью «Н. П.» (инициалы псевдонима Некрасова «Н. Перепельский»). Входит (с разночтениями) в рукописный текст водевиля Некрасова «Вот что значит влюбиться в актрису!» (см. прим. 166). Куплеты приносит главная героиня г-жа Дюмениль. При подготовке пьесы к печати Некрасов заменил эти стихи прозаическим текстом.

169. ЛГ, 1842, 8 марта, с указанием авторства «Н. А. Перепельского». *Кантилена* — небольшое лиро-эпическое произведение, предназначенное для пения и распространенное в середине века.

170. РиП, 1843, № 1, с. 240, без подписи. Входит в пьесу Некрасова «Материнское благословение». Впервые представлена 19 октября 1842 г. на сцене Александринского театра. Копия — ЛТБ. На протяжении многих лет «Песнь Марии» (музыка М. Горшкова) была популярным романсом.

171. ПСС, т. 4, с. 492. Куплеты горничной Мариетты. Писарская копия (цензорский экземпляр) — ЛТБ. Впервые представлена на сцене 2 ноября 1842 г. в Александринском театре. По указанию Н. А. Пыпина, это переделка водевиля Лоренсена и Кормона «Кольцо маркизы».

172. РиП, 1843, № 1, с. 236. *Как Байрон, гордости поэт.* Цитата из «Евгения Онегина» (гл. 1). *Фарсирует* — играет в духе фарса.

173. ЛГ, 1842, 15 февраля, без подписи. *Творец приветов* — автор рецензируемой книги, состоящей из четырех стихотворений, загл. каждого из которых начинается со слова «Привет» («Привет России», «Привет русскому дворянству», «Привет Москве», «Привет победоносному русскому воинству»). *Прогонь даст на пару*, т. е. плату за проезд на двух почтовых лошадях.

174. ЛГ, 1842, 15 февраля, без подписи. *Для нуждающихся братьий* — в подзаг. рецензируемой книги сказано: «В пользу нуждающихся соотечественников».

175. «Русский инвалид», 1844, 1 января, в фельетоне «Журнальные отметки», без подписи. Авторство Некрасова установлено Б. Я. Бухштабом в статье «Фельетоны Некрасова в газете „Русский инвалид“» (Б. Я. Бухштаб, Библиографические разыскания по русской литературе XIX века, М., 1966, с. 66).

176. Отд. листовка, СПб., 1843, без подписи. В конце стихотворного текста: «На Невском проспекте, на углу Владимирской, в доме генерал-майора Осоргина, вход с проспекта. Пониженная цена за вход 25 коп. сереб. с персоны. Дети до 10 лет платят 10 коп. сер. К большому удобству публики в кассе продается по 10 коп. сереб. подробное описание всей галереи, составленное в таком расположении, в каком находятся по комнатам предметы». Первое упоминание о написании Некрасовым этой стихотворной афиши находим в мемуарной заметке Ф. С. Глинки, содержащей некоторые сведения о совместной жизни Некрасова с братом мемуариста, С. С. Глинкой, на углу Невского проспекта и Владимирской улицы (см.: Ф. С. Глинка, К биографии Некрасова. — «Исторический вестник», 1891, № 2, с. 585—586). Наличие в тексте афиши восьми строк, приведенных в сообщении Ф. С. Глинки, подтверждает авторство Некрасова. Дополнительным аргументом является полное или частичное совпадение некоторых стихотворных строк афиши со стихотворениями Некрасова этих лет. Мало распространенное слово «битка́» в ст. 355 характерно для одновременных стихотворений Некрасова, так же как куплетная манера афиши стилистически близка к его юмористическим стихотворениям. Отметим, наконец, что «Кабинет восковых фигур» помещался на углу Невского проспекта и Владимирской улицы в доме генерал-майора *Осоргина*, то есть именно в том доме, в котором жил Некрасов. Подробнее о принадлежности Некрасову афиши и источниках ее написания см.: В. Э. Боград, «Кабинет восковых фигур» (Неизвестные стихи молодого Некрасова). — Некр. сб. 2, с. 397—400. Справки об упоминаемых в афише лицах имеются в издававшемся посетителям «Кабинета восковых фигур» путеводителе — «Сокращенное описание галереи художеств, составленное в таком порядке, в каком расположены предметы, состоящая из 150 статуй, величиной в рост, снятых большею частью с натуры». Этот путеводитель был издан в Петербурге (1841), Риге (1841 и 1845), Москве (1842). Некрасовский текст афиши напечатан небрежно. Погрешности, искажающие ритм стиха, очевидно, имеются в ст. 459 — «Необыкновенной красотой» (вероятно: «Необычайной красотой»), в ст. 468 — «Мария Антоанета» (очевидно, «Мари Ан-

тоанет») и т. п. Сокращенную в ст. 354 фамилию («А. .баум») можно расшифровать как Апфельбаум. Это был известный тогда фокусник. Упомянуть живого современника в таком разоблачительном контексте было, видимо, сочтено неудобным, чем и следует объяснить пропуск. *Фильелины* — филэллины, передовые люди стран Европы, оказывавшие материальную и моральную помощь национально-освободительному движению греческого народа в борьбе против турецкого ига в 1820-е годы. *Черноокая Христина* — испанская королева Христина (1816—1878). *Черноусый Фердинанд* — испанский король Фердинанд VII (1784—1833). *Кто это кроткое создание* — вероятно, Мария Магдалина. *Дантист* — здесь в смысле «зубодробитель», «герой зубосокрушающей силы»; слово в этом значении впервые введено в литературу Гоголем в «Мертвых душах» (т. 1, гл. 10). *Битка́* — см. прим. 149. *Рень* (франц. reine) — королева.

* 177—180. 1. Некрасов, Жизнь и похождения Тихона Тростникова, М.—Л., 1931, с. 187. Автограф — ЛБ. Стихи входят в 6-ю главу 2-й части романа; они приписаны здесь герою одной пьесы — бедному литератору, которого жестоко эксплуатируют книгопродавец и редактор журнала. Образу этого литератора Некрасов придал некоторые автобиографические черты. Стихи написаны в 1843 г.: 6-я глава романа предшествует (и в автографе) главе «Необыкновенный завтрак», которая была опубликована в № 11 ОЗ за 1843 г. в виде отдельного рассказа.

2. ОЗ, 1843, № 11, с. 336, в рассказе Некрасова «Необыкновенный завтрак»; Н. А. Некрасов, Драматические произведения, т. 1, М.—Л., 1937, с. 154, в водевиле «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке». Печ. по ОЗ. Автограф — ЛБ. Авторизованная копия — ЛТБ. Первоначальная (водевильная) редакция относится к 1841 г.; первая постановка водевиля — 2 мая 1841 г. В романе автором этих стихов является издатель Дмитрий Петрович (под которым подразумевался водевилист и журналист Ф. А. Кони, стихи использованы как пародия на плоские каламбуры Кони).

3. «Физиология Петербурга», ч. 1, СПб., 1845, с. 277, в очерке Некрасова «Петербургские углы». Авторизованная копия, в составе очерка, — ЦГАЛИ. «Петербургские углы» (глава романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова») были написаны в 1843 или в начале 1844 г.; 4 апреля 1844 г. цензура запретила печатание их в ЛГ (см.: «Летопись жизни Белинского», М., 1924, с. 188). Эти стихи имеют фольклорную основу (ср. юмористические народные песенки о днях недели); в романе их распевает один из персонажей — дворовый человек.

4. ЛГ, 1845, 4 января, в фельетоне Некрасова «Выдержка из записок старого театра», подпись «Ник. — Нек.»; Некрасов, Жизнь и похождения Тихона Тростникова, М.—Л., 1931, с. 188 (др. ред.). Печ. по ЛГ. Автограф — ЛБ. В обоих случаях — в романе и в статье — эти стихи приводятся как образец водевильных куплетов, имевших большой успех у невзыскательной публики. *Поль де Кок* (1794—1871) — французский беллетрист, автор романов с эротическим привкусом, популярных в мещанской среде.

181. Изд. 1931, с. 447. Автограф ЛБ представляет собою отдельную заметку на рукописи романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова». В ст. 3—5 речь идет о Жорж Санд; ср. в «Литературной тле» И. И. Панаева: «...А о Жорж Санд не имел никакого понятия и только слышал от кого-то, что она ходит в мужском платье и курит сигары» (И. И. Панаев, Соч., т. 1, СПб., 1860, с. 423. Указано Б. Я. Бухштабом). Ср. еще у Некрасова в «Прекрасной партии» (№ 44): «И строго осуждал Жорж Санд, Что носит панталоны».

182—183. ЛГ, 1844, 27 апреля, в фельетоне Некрасова «Хроника петербургского жителя», без подписи. Принадлежность этих стихов Некрасову установил К. И. Чуковский в Изд. 1927, с. 416. В фельетоне чиновник Пружинин говорит, что он сочинил их в молодости, когда ухаживал за своей будущей женой. Это пародии, в которых высмеваются мотивы, общие для эпигонско-романтической поэзии того времени.

184—185. ЛГ, 1844, 15 июня, в фельетоне Некрасова «Петербург и петербургские дачи», подпись: «Ваш покорнейший слуга Иван Бородавкин». Принадлежность фельетона Некрасову установил К. И. Чуковский в Изд. 1927, с. 417, 464.

1. В фельетоне эти стихи вставлены в письмо чиновника Семена Ивановича, который поселился на даче и жалуется своему оставшемуся в городе приятелю Ивану Семеновичу на дачное житье. *Булгаринский комар*. Некрасов насмехается над изданием Ф. В. Булгарина «Комары. Всякая всячина. Рой 1-й», СПб., 1842. Вместо слова «булгаринский» в ЛГ было напечатано «б. . . . . й». Купюра заполнена К. И. Чуковским «по догадке, правильность которой подтвердили А. Ф. Кони и П. А. Картавов» (Изд. 1931, с. 606). О Булгарине см. прим. 1.

2. Стихи являются ответом Ивана Семеновича, жалующегося Семену Ивановичу на летнее житье в Петербурге. *Пчелка* — см. прим. 149.

186. ЛГ, 1844, 6 июля, в рецензии на «Воскресные посиделки, третий и четвертый пяток», без подписи. Принадлежность Некрасову установлена К. И. Чуковским в Изд. 1927, с. 418. «Воскресные посиделки. Книжка для доброго народа русского» — издание, выдержанное в консервативном и нравоучительном духе; выходило в 1844—1845 гг. под редакцией В. П. Бурнашева. В «Воскресных посиделках» были помещены некоторые «полезные советы» по сельскому хозяйству, переписанные из разных книг. Стихи Некрасова — пародия на четверостишие, помещенное в «Воскресных посиделках» (4-й пяток, СПб., 1844, с. 96):

ОСТОРОЖНОСТЬ ОТ ГРОМА

При осторожности ты грома не страшись,
То благость от творца! За то ему молись;
Не гнев, а пользу он в природе тем дает,
Что плодородие и с тучами несет. . .

187—189. Пародироваемые Некрасовым вирши «Картофель, харч благословенный...» появились в кн.: «Воскресные посиделки, первый пяток», СПб., 1844, с. 32. О «Воскресных посиделках» — см. предыдущее прим. Вирши о картофеле были перепечатаны в выходившем под редакцией Ф. В. Булгарина реакционном журнале «Эконом» (1844, тетр. 165, с. 105), что явилось ближайшим поводом для пародий. Приводим пародироваемый текст:

Картофель, харч благословенный,
Во время скудости для всех бесценный,
И хлебом кто нуждается,
Картофелем нередко пропитается.
Картошки и вкусны, и сытны, и сладки:
Поганства в них нет, и лишь гадки
Те люди, которые мнят,
Что богом картофель проклят.

Принадлежность пародий Некрасову установил К. И. Чуковский (Изд. 1927, с. 416, 557).

1. ЛГ, 1844, 20 апреля, в фельетоне Некрасова «Письмо ***ского помещика о пользе чтения книг, о вредности бараньих бурдюков с кашей и о русской литературе», подпись «Александр Бухалов». Слова «ты хлещешь мужика» в ЛГ были заменены точками, — очевидно, из-за цензуры; восстановлены К. И. Чуковским «по указанию В. Богучарского, у которого была копия этого текста» (Изд. 1934, т. 1, с. 605).

2. ЛГ, 1844, 4 мая, в фельетоне Некрасова «Петербургские дачи и окрестности», без подписи.

3. ЛГ, 1844, 28 сентября, в фельетоне Некрасова «О лекциях доктора Пуфа вообще и об артишоках в особенности», подпись «Афанасий Похоменко».

190—191. ЛГ, 1844, 30 ноября, в фельетоне Некрасова «Преферанс и солнце», без подписи.

1. Печ. по ПА, с. 22. На принадлежность стихотворения Некрасову указали А. М. Скабичевский (Изд. 1879, т. 1, с. XLIX) и С. И. Пономарев (то же изд., т. 4, с. XI). Это — перепев стих. М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно» (1840).

2. Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским (Изд. 1927, с. 480).

* 192—195. Водевиль «Петербургский ростовщик» (1844) при жизни Некрасова напечатан не был. Но некоторые куплеты из этого водевиля поэт публиковал в виде отдельных стихотворений.

1. ЛГ, 1845, 4 января, отдел «Дагерротип», под загл. «История ростовщика. (Из нового неигранного водевиля)», подпись «Пе-ре-й» (сокращенное обозначение обычного псевдонима молодого Некрасова — «Перепельский»), без ст. 39—40, 47, очевидно изъятых цензурой. Печ. по ПА, с. 28. Куплеты ростовщика Лоскуткова; позволяя водевилю к постановке, цензор М. Геденон 7 декабря 1844 г. вычеркнул их красными чернилами (см. авторизованную копию — ЛТБ). При публикации в сб. ПА Некрасов присочинил к стихотворению новую концовку, резко усилившую его социально-обличитель-

ную направленность. *Чив* — щедр. *Добрый, нежный был родитель...* и т. д. В этом четверостишии Некрасов пародирует фразеологию баллад В. А. Жуковского. В «Ростовщике» использован размер баллады Жуковского «Рыцарь Тогенбург».

2. «Жизнь искусства», 1921, 6 декабря, в статье В. Евгеньева-Максимова «Забывтый водевиль Н. А. Некрасова». Авторизованная копия водевиля — ЛТБ. Куплеты издателя из водевиля Некрасова. Издатель поет их, доставив ростовщику целый воз книг. Книг этих, выпущенных издателем, никто не хочет покупать, и ростовщик забирает их за гроши.

3. ЛГ, 1844, 31 августа, в фельетоне Некрасова «Нечто о дупелях, о докторе Пуфе и о псовой охоте», без подписи. Печ. по Изд. 1931, с. 452, где опубликовано «по новонайденной копии с собственноручными поправками поэта» (там же, с. 607); местонахождение этой копии сейчас неизвестно. Авторизованная копия, в составе водевиля, — ЛТБ. В водевиле эти куплеты поет помещик Ростомыхов. *Кубарь* — детская игрушка наподобие волчка.

4. ПА, с. 36, в фельетоне «Пощечина», без подписи. В водевиле эти куплеты поет Лоскутков. При постановке водевиля они были исключены, — очевидно режиссером (в авторизованном списке ЛТБ водевиля они зачеркнуты карандашом).

196. ЛГ, 1845, 11 января, отдел «Дагерротип», в фельетоне Некрасова «Отчеты по поводу Нового года», подписанном «Ник. — Нек.». На авторство Некрасова указал В. Гогленко, перепечатавший эти стихи в своей статье «Литературные дебюты Некрасова» (ОЗ, 1878, № 12, с. 159, 161). *Некий сочинитель* — Л. В. Брант, реакционный литератор 30—40-х годов. В фельетоне стихи Некрасова появились в таком контексте: «Вспомните, что говорит о журналах «Опыт библиографического обозрения» того же г. Бранта: „Читатель мой! я был когда-то сам...“ (и т. д.)». Некрасов имел в виду брошюру Л. Бранта «Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы, с октября 1841 по апрель 1842», СПб., 1842. В этой брошюре Брант защищал бездарные произведения от приговоров критики — «приговоров, иногда уничтожающих во прах бедное детище ума, чувства и воображения, — приговоров, охлаждающих благороднейшие стремления...» (с. 1). Пародией на приведенные слова и являются стихи.

197. «Финский вестник», 1845, № 2, с. 39, в «Очерках литературной жизни», подпись «Иван Вихрев». На обложке журнала было указано, что «Иван Вихрев» — псевдоним; текстовые совпадения «Очерков...» с романом Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» позволяют сделать вывод, что псевдоним этот принадлежит Некрасову (А. М. Гаркави, О новонайденном рассказе Н. А. Некрасова «Очерки литературной жизни». — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 122, сер. филолог. наук, вып. 16, Л., 1949, с. 125—136). «Колыбель человечества» — пародия на поэзию эпигонского романтизма, с ее увлечением экзотическими, «таинственными» и «страшными» темами. В «Очерках...» эти стихи читает молодой поэт Свистов, завсегдагой «дружеских вечеринок»,

«любивший до безумия ночные прогулки, луну, деву, мечту, слякоть и другие принадлежности петербургской ночи...».

198. ЛГ, 1845, 8 февраля, отдел «Записки для хозяев», в фельетоне Некрасова «Письмо к доктору Пуфу», подпись «Такой-то». Авторство Некрасова установил К. И. Чуковский (Изд. 1931, с. 455, 610—611). «Доктор Пуф», к которому обращается Некрасов, — псевдоним В. Ф. Одоевского. Этим псевдонимом Одоевский подписывал статьи на кулинарные темы в ЛГ 1844—1845 гг. Иронизируя над «благоденствиями» Пуфа, Некрасов осторожно вводит в стихи тему обличения крепостников («У нас помещик был свирепый...» и т. д.). *Фиглярин* — см. прим. 1. «*Мужик судьбу благословил!*» — неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 2). *Ты не пуф нахальный*. Здесь «пуф» — ложный слух.

199. ЛГ, 1845, 1 февраля, отдел «Дагерротип», подпись «Н. Стукотнин». Ст. 17, напечатанный в ЛГ с искажением («Горячо и лихо — славно»), исправляется по журналу заседания С.-Петербургского цензурного комитета 30 января 1845 г. (А. М. Гаркави, Некрасов и цензура. — Некр. сб. 2, с. 446). В сочетании слов «право» и «славно» цензура усмотрела возможную насмешку над православием. Авторство Некрасова установлено К. И. Чуковским (Изд. 1927, с. 420—421, 523). 26 января 1845 г., посылая это стихотворение Герцену, Белинский писал: «Калайдович, доставитель этого письма... покажет вам пародию Некрасова на Языкова» (т. 12, с. 250). Стихи Языкова Некрасов, видимо, пародировал и раньше (см. № 250). «Послание к другу» явилось ответом на стихотворные памфлеты Языкова «К не нашим», «К Чаадаеву» и «Константину Аксакову». Эти памфлеты, имевшие характер рифмованных политических доносов (представителей передовой интеллигенции Языков обвинял в отсутствии патриотизма), вызвали волну общественного возмущения. Над «Посланием к другу» Некрасов работал в январе 1845 г., в тесном контакте с Белинским (см.: Б. Я. Бухштаб, Некрасов в борьбе со славянофильством. — «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 3, Л., 1951, с. 55—69). В статье «Иван Андреевич Крылов» (опубликованной в ОЗ, 1845, № 2) Белинский пародировал поэзию Языкова в выражениях, перекликающихся с некрасовскими стихами: «Молодец ты, братец ты мой, дока и удалец! Бойко и почтенно пьешь ты пенную влугу за Русь и за наше молодое буйство, ясно и восторженно бурлит в тебе бурсацкая кровь разымчивою, пьяною любовью к родине» (т. 8, с. 566). В «Послании к другу» Некрасов, издеваясь над посланием «Константину Аксакову» и многими другими стихотворениями Языкова, подверг едкому осмеянию всю его поэзию (подробно об этом — в вышеназванной статье Б. Я. Бухштаба). Эпиграф — из стихотворения Языкова «К Вульфу, Тютчеву и Шепелеву». *Будет наш — и непременно Будет пьяница лихой!* и *Бойко и почтенно За нее ты прям стоишь...* Ср. у Языкова: «...Бойко и почтенно за Русь и наших ты стоишь» («Константину Аксакову»); „будет наш“ — ср. также загл. стих. Языкова «К не нашим». „Прям стоишь“ — насмешка над славянофилами, прославлявшими душевную прямоту К. С. Аксакова. *Не ошибся я в дитяти*. Ср. у Языкова: «Не ошибся он в дитяти...» («Д. В. Давыдову» —

«Жизни баловень счастливый...»). *Нас развившее питье*. Ср. у Языкова: «Нас развивавшее питье» («Малага»). *Бурлит прекрасно В жилах девственника кровь...* Ср. у Языкова: «...В тебе прекрасно Кипит, бурлит младая кровь...» («Константину Аксакову»). «Девственник» — намек на Аксакова, соблюдавшего целомудрие из религиозно-моральных принципов. *И стихом тебя уважил!* Ср. у Языкова: «С тех пор, как ты меня уважил!» («М. П. Погдину»). *Не мирволь своим врагам*. Ср. у Языкова: «Но не мирволь своим врагам!» («Константину Аксакову»). *Гордо мужеству с бутылкой*. Некрасов пародийно переосмысляет слово «мужествовать», характерное для поэтического лексикона Языкова; ср., напр.: «И с лирой мужествовал я!» («А. Н. Вульф») — «Не называй меня поэтом!..») *То ли дело, как бывало...* и т. д. Некрасов пародирует первые 18 строк стих. «Девятое мая». *В нянином дому*. Намек на стих. «К няне А. С. Пушкина» и «На смерть няни А. С. Пушкина». *Мозт* — сорт шампанского. *Как с подскоком жидконогой Немец мой...* Ср. у Языкова: «Как немец скользкою дорогой Идет с подскоком, жидконогой.» («Н. В. Гоголю»). *Не состукиваюсь чашей*. Ср. у Языкова: «Высоко над столом состукивались чаши» («Пожар»). Несколько необычное слово «состукиваться», употребленное в этой строке, подметил Белинский (т. 8, с. 457), — и тут же, насмехаясь над славянофильской поэзией, он писал о «трескучей стукотне» стихов А. С. Хомякова (т. 8, с. 471). С пародийным использованием этого слова, очевидно, связан и псевдоним «Стукотнин», которым Некрасов подписал свою пародию в ЛГ. *Конь звучнокопытый*. Ср. у Языкова: «скакун звучнокопытый» («Д. В. Давыдов»). *Что ж? туда!.. Я скор на дело!..* Некрасов пародирует концовку послания Языкова «А. А. Елагину».

* 200. ОЗ, 1845, № 9, с. 171, с датой «15 мая 1845», подпись «Н. Н — в». Черновой автограф, с той же датой, — ПД. Печ. по автографу ЛБ, дающему окончательную редакцию. Белинский весьма положительно оценил это стихотворение, упомянув его среди «счастливых вдохновений таланта» (т. 9, с. 392). При жизни Некрасова не перепечатывалось, однако в 1855 г. поэт переработал его. Исправленная редакция была опубликована лишь в 1951 г. (А. М. Гаркави, История создания Некрасовым первого собрания «Стихотворений». — Некр. сб. 1, с. 160—161).

201. ПА, с. 26, без подписи. Беловой автограф — в письме Некрасова к Н. В. Кукольникову от 24 октября 1845 г. (ГПБ). Посылая стихи Кукольникову, Некрасов не скрывал своего авторства. У него были определенные основания полагать, что Кукольников согласится поместить эти стихи в своем журнале «Иллюстрация» (см.: А. М. Гаркави, Заметки о Н. А. Некрасове. — Некр. сб. 3, с. 266—269). В первопечатном тексте (и в автографе ГПБ) последние полтора стиха, после слов «Кто же он?», заменены точками, но читатели легко угадывали, в кого метит эпиграмма. Известны два варианта концовки, присочиненные читателями по догадке. Первый вариант, опубликованный в РА (1901, № 11, с. 430), читался: «Кто же он? То сам Булгарин Венедиктович Фаддей!» Вскоре в «Литературном вестнике» (1903, № 1, с. 123) был напечатан новый вариант: «Кто же

он? Фаддей Булгарин, Знаменитый наш Фаддей». Второй вариант, как наиболее удачный, утвердился в печати и принят в наст. изд. Таким образом, это стихотворение — эпиграмма на Булгарина (см. о нем прим. 1). *Фальстаф* — персонаж нескольких пьес Шекспира (комедия «Виндзорские кумушки» и др.), добродушный весельчак, трус, пьяница и обжора. Как *хавронья мил и чист*. Хавронья — одна из кличек Булгарина. Кличка эта была использована Белинским в статье «Несколько слов о фельетонисте „Северной пчелы“ и о „Хавронье“» (т. 9, с. 138—143). *Даровит — как Тредьяковской*. Имя В. К. Тредиаковского (1703—1769) часто употреблялось для обозначения бездарного стихотворца.

202. ПА, с. 27, без подписи. До недавнего времени приписывалось Некрасову лишь предположительно (см., напр., Изд. 1931, с. 484). В 1963 г. опубликовано письмо И. В. Павлова к Н. Н. Страхову, где указано, что это — эпиграмма Некрасова на К. С. Милановского (Б. Ф. Егоров, Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н. Н. Страхова. — «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 139, 1963, с. 343—345). Милановский Константин Соломонович — литератор, знакомый Белинского. В 1842 г. критик, «подкупленный его либеральными фразами», поселил его у своих друзей; но вскоре выяснилось, что Милановский «жулик и аферист», и Белинский изгнал его из квартиры (Белинский, т. 12, с. 509—510).

* 203—207. В 1846 г. в ПА появился «совершенно неправдоподобный фарс» «Как опасно предаваться честолюбивым снам», «соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Белопяткина и К^о». Пружинин, Белопяткин — псевдонимы Некрасова. Фарс написан Некрасовым в соавторстве с Д. В. Григоровичем и Ф. М. Достоевским; все стихи в фарсе принадлежат Некрасову (см.: К. Чуковский, Неизвестное произведение Ф. М. Достоевского. — «Жизнь искусства», 1922, № 2, с. 5—6). В настоящем издании приводятся те стихи из фарса, которые представляют самостоятельный интерес; малозначительные стиховые вставки (начало 2-й и конец 3-й главы) опускаются.

1. ПА, с. 80. Это — 1-я глава фарса. *И подумал: «У! тонкий ты вор, Петр Иваныч! Куда ты метнул!..»* Перефразированная реплика гоголевского Городничего: «О, тонкая штука! Эк куда метнул!» («Ревизор», д. 2, явл. 8).

2. ПА, с. 105. Начало 5-й главы фарса. С этой клятвой герой фарса Петр Иваныч обращается к своей жене, заподозрившей его в измене. Это — перепев стихов Лермонтова «Клянусь я первым днем творенья...» и т. д. («Демон», ч. 2, гл. 10, монолог Демона). *Пряжка* — знак отличия, выдававшийся чиновникам за «беспорочную службу». *Ремиз* — см. прим. 2.

3. ПА, с. 108. Печ. по «Собранию стихотворений Нового поэта», СПб., 1855, с. 56, где помещено в виде отдельного стихотворения. Ошибочно приписывалось И. И. Панаеву и включалось в его посмертные собрания сочинений (т. 5, СПб., 1889; т. 5, М., 1912). К. И. Чуковский указал (Изд. 1934, т. 1, с. 627), что это — пародия на стихотворение Я. П. Полонского «Встреча». Стихи из 5-й главы фарса, связанные с прозаическим текстом. Там рассказывается, что ночью Петр Иваныч выбежал на улицу в нижнем белье, пытаясь догнать вора, укравшего его одежду. Заподозрившая измену жена Петра

Иваныча бросилась вдогонку; их встреча на улице и описывается в стихах.

4. ПА, с. 126. Из 7-й главы фарса. Перед этими стихами рассказывается о том, как ночью начальник из своей пролетки видел Петра Иваныча, бегавшего по улице в «неподобающем» виде (см. выше), и разгневался на него. Когда Петр Иваныч пришел на службу, начальник сказал ему, «что чиновники то же, что воинство...» и т. д.

5. ПА, с. 127. 8-я (последняя) глава фарса — монолог уволенного в отставку Петра Иваныча. *Корабль, обуреваемый Волнами, — жизнь моя!* Ср. в фельетоне Некрасова «Хроника петербургского жителя» (1844): «Жизнь человеческая подобна кораблю, обуреваемому волнами» (ПСС, т. 5, с. 386).

208. ОЗ, 1846, № 5, с. 12, в рецензии на сборник «Новоселье» (ч. 3, СПб., 1846), без подписи. Авторство Некрасова установил В. Э. Боград в статье «Белинский, Некрасов и Панаев в борьбе с Краевским» (Некр. сб. 2, с. 412—423). Пародия на помещенное в «Новоселье» стихотворение В. Г. Бснедиктова «Три искушения». В своей рецензии Некрасов приводит его текст целиком, а затем пишет: «Вот так стихи! Вот так поэзия!.. Очи — небо, брови — радуги, вежды — облака, ресницы — иглы, всё чело — свод неба, повитый мглой, из которой струится дождь и град и блещут молнии... А в кудрях целый мир мог бы утонуть, — шутка сказать, целый мир!.. Извиты, перевиты, как змеи лютые, черны, как ковы зависти, как думы сатаны. Да то ли еще... те кудри...» Затем Некрасов выписывает из стихотворения отрывок:

Та черная коса, те локоны густые,
Их волны, пряди их и кольца смоляные,
Когда б раскинуть их, казалось бы, могли
Опутать, окружить, обвить весь шар земли,
И целая земля явилась бы черницей,
В глубоком трауре, покрыта власяницей.

«Каково? — иронически восклицает Некрасов. — Что может быть сильнее, образней, грандиозней?..» И далее следует пародия.

209. С, 1847, № 4, с. 159, в статье «Еще несколько стихотворений Нового поэта», без подписи. Беловой автограф, с подписью «Огареву — Н. Некрасов», — ЦГАЛИ. Ошибочно приписывалось И. И. Панаеву; перепечатано в его посмертном Собр. соч. (т. 5, СПб., 1889). Это — переложение стихотворения Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841).

210—214. Эти стихотворные отрывки входят в фельетон «Теория бильярдной игры», появившийся в С в 1847 г. без подписи. Вместо разбора теории бильярдной игры в фельетоне было дано описание трактира и его завсегдатаев. Стихи местами текстуально совпадают с главой из романа Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (опубликованной лишь в 1931 г.), что и является основанием для атрибуции. Авторство Некрасова установили А. М. Гаркави в докладе «Новые материалы о Некрасове», прочитанном на Некрасов-

ской конференции в Ленинграде 9 января 1955 г. (см. заметку «Новые исследования и публикации» в ЛГ от 13 января 1955 г.), и А. Ф. Крошкин в статье «Теория бильярдной игры и Новый поэт» («Известия АН СССР», отд. лит. и яз., т. 16, вып. 1, М., 1957, с. 60—66).

1. С, 1847, № 11, с. 108.

2. Там же, с. 109. *Клико* — см. прим. 149.

3. Там же, с. 110. Отрывок восходит к следующему месту в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «...Агаша увидела несколько окороков и других разных мяс, пирогов и тому подобных съестных припасов, симметрически разложенных на прилавке; за прилавком стоял жирный буфетчик в рубаше и в фартуке, с черной окладистой бородой, тщательно округленной...» (ПСС, т. 6, с. 281).

4. С, 1847, № 11, с. 110. Отрывок является переработкой той сцены романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», где описаны завсегдагаи трактира: «...какой-то отчаянный усач в венгерке с бранденбурами, подбитой оранжевым мериносом; франт, как видно, только что раненный в нос, который у него был залеплен хлопчатой бумагой, выдернутой из рукава венгерки, и сквозь которую проступала кровь... фокусник в сером нанковом сертуке, с немецкой физиономией» и т. д. (ПСС, т. 6, с. 282). *Архалук* — род стеганой куртки. *Меринос* — род шерстяной ткани. *Бранденбуры* — шнуры, употреблявшиеся для отделки верхней одежды. *Кнастер* — крепкий курительный табак.

5. С, 1847, № 11, с. 113. *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и флотоходец.

215—217. Три стихотворения из романа Некрасова и Н. Станицкого (псевдоним А. Я. Панаевой) «Три страны света», печатавшегося в С в 1848—1849 гг.

1. С, 1848, № 10, с. 245. Пародия на поэзию эпигонского романтизма. Этими стихами объясняется в любви один из отрицательных персонажей романа.

2. С, 1848, № 11, с. 89.

3. С, 1848, № 12, с. 324. Беловой автограф — ЛБ. Как показывает автограф, в 1855 г. Некрасов предполагал напечатать этот текст в виде отдельного стихотворения. В С было опубликовано с искажениями; ст. 7—8 читались: «Отвергни ненавистных уз Постыдно-тягостное бремя», а в ст. 10 вместо слова «свободный» были выставлены точки. Очевидно, слова «насильственное» и «свободный» не были пропущены цензором.

218. С, 1850, № 4, с. 173, в рассказе Некрасова «Новоизобретенная привилегированная краска братьев Дирлинг и К^о». В рассказе эти стихи сочиняет молодой человек Хлыщов, который думал посвятить их «трем буквам со звездочками», т. е. своей невесте; «к слову чурек сделана была выноска: *чурек — черкесское кушанье*». Это — пародия на эпигонов романтизма, увлекавшихся экзотикой и «страшными» сюжетами. В ст. 1—2 отразилось начало пушкинского «Бахчисарайского фонтана»: «Гирей сидел потупя взор; Янтарь в устах его дымился». В восклицании «Крови! крови!» пародируется возглас Отелло из одноименной трагедии Шекспира: «О, крови, Яго! крови!»

(цит. по изд.: «Отелло, венецианский мавр». Драма в пяти действиях Шекспира. Перевод с английского Ив. Панаева, СПб., 1836, с. 114). Возглас этот стал возбуждать насмешки из-за эффектной и ложной игры трагика В. А. Каратыгина, произносившего эти слова «с страшным криком» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, <Л.>, 1950, с. 368).

219. С, 1850, № 8, с. 178, в «Сантиментальном путешествии Ивана Чернокнижника по петербургским дачам», без подписи. А. В. Дружинин писал «Сантиментальное путешествие» при участии Н. А. Некрасова, В. А. Милютина и др. Стих. «Прихожу на праздник к чародею. . .» несомненно принадлежит Некрасову; К. И. Чуковскому был известен его черновой автограф (Изд. 1927, с. 480). Это — перепев лермонтовского «Выхожу один я на дорогу. . .». «Чародеем» назван И. И. Излер (1811—1877), владелец загородного сада под Петербургом. Стихотворение связано с «Современными заметками» (С, 1848, № 10, без подписи), в которых высмеивались стихотворцы и фельетонисты, воспевавшие праздничные гулянья в саду Излера, в таких, напр., выражениях:

Ты, как *Протей*, как истинный проказник,
Игривый ум пред светом показал.

В другом «дифирамбе» в честь Излера содержалось «красноречивое и яркое описание ночи, которую мог проявить только один чародей, великий художник Излер» (с. 132, 134, курсив в С). В стих. «Прихожу на праздник к чародею. . .» Некрасов пародировал эти «дифирамбы». Возможно, что в «Сантиментальном путешествии» имеются и другие стихотворные вставки Некрасова.

220. С, 1854, № 1, с. 11, в рецензии на «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии», без подписи. На авторство Некрасова указал А. Н. Пыпин в кн.: «Н. А. Некрасов», СПб., 1905, с. 234. Ст. 10 в С читался: «Что дремлет Константин Петрович». Исправляем «дремлет» на «запил», как, по свидетельству Пыпина, было в подлинном, доцензурном тексте. В стихотворении названы второстепенные поэты 30—40-х годов, представители запоздалого романтизма. Тимофеев А. В. (1812—1883) — поэт и беллетрист; известностью пользовались его стихотворные «Фантазии» и песни в народном духе. Бернет Е. (псевдоним А. К. Жуковского, 1810—1864) — автор стихотворений и поэм. Якубович Л. А. (1805—1839) — поэт, сотрудник многих журналов и альманахов. Константин Петрович — Масальский К. П. (1802—1861), беллетрист и поэт, в 40-х и в начале 50-х годов был редактором СО. Розен Е. Ф., барон (1800—1860) — поэт и драматург реакционного лагеря. Туманский В. И. (1800—1860) — поэт-лирик. Трилунный (псевдоним Д. Ю. Струйского, 1806—1856) — поэт, композитор и музыкальный критик. Бороздна И. П. (1803—1858) — поэт и беллетрист. Стромиллов С. И., Печенегов А., Падерная М. — посредственные поэты, поставлявшие стихи БдЧ, СО и др. журналам.

221. «Красная газета», 1926, 29 марта, веч. вып. Черновой автограф — ЦГАЛИ. В том же архиве хранится копия А. В. Дружинина,

под загл.: «Экспромт на обеде Тургеневу в 1853 или 1854 году». Обед Тургеневу, по случаю его возвращения из ссылки, был дан в редакции С 13 декабря 1853 г. (М. К. Клеман, *Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева*, М.—Л., 1934, с. 71). Очевидно, на этом обеде Некрасов и выступил со своей дружеской эпиграммой. *Бранит холеру и понос*. Тургенев, действительно, часто сетовал на холеру (см.: Тургенев, *Письма*, т. 2, с. 223, 291 и др.). *И похвалу его большую Всему, что ты ни напиши*. Мемуаристы свидетельствуют, что Тургенев часто расхваливал посредственные произведения.

222. А. А. Фет, *Мои воспоминания*, ч. 1, М., 1890, с. 35. Перед описанной в воспоминаниях сценкой, происходившей у Тургенева и послужившей поводом для стихотворения Некрасова, Фет сообщает о посещении поэта на Колокольной ул., где Некрасов проживал в 1850—1854 гг. (см.: С. А. Рейсер, *Революционные демократы в Петербурге*, Л., 1957, с. 163). Возможно, что стихотворение было написано в 1850—1852 гг., до ссылки Тургенева в Спасское; но более вероятной датой представляется 1854 г., когда Некрасов сочинил много подобных юмористических стихов. *Видерт А. Ф.* (1829—1886) — писатель; перевел на немецкий язык песни Кольцова, «Записки охотника», «Ревизора»; жил то в России, то в Германии; в 1850—1852 гг. и в январе — марте 1854 г. жил в России (М. П. Алексеев, *Первый немецкий перевод «Ревизора»*. — «Гоголь. Статьи и материалы», Л., 1954, с. 192—206). *Иван* — И. Соколов, камердинер Тургенева.

223. С, 1854, № 7, с. 5, без загл., с эпиграфом: «Вы грозны на словах, попробуйте на деле! Пушкин», с датой «14 июня 1854 г. (В день появления соединенного флота вблизи Кронштадта)», вместо подписи: ***. Печ. по Изд. 1856, с. 147. В прижизненные издания с Изд. 1861 не входило. Беловой автограф, без загл., с датой «14 июня 1854 (в день первого появления соединенного флота у Кронштадта)», — ЛБ. Написано под впечатлением одного из ранних эпизодов Восточной войны. 14 июня соединенная англо-французская эскадра появилась вблизи Кронштадта, угрожая Петербургу. Некрасов, находившийся в то время на даче под Ораниенбаумом, совершил вместе с друзьями поездку к морю, чтобы посмотреть на вражеские корабли (см. письмо И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 10 июля 1854 г. — «Сборник Пушкинского дома на 1923 год», Пг., 1922, с. 214 — 215). *Позорище* — зрелище, арена.

224. «Красная газета», 1926, 24 июня, веч. вып. Автограф с датой «28 июля 1854. Чертово» — ЦГАЛИ. На этом же листе, сверху — надпись А. В. Дружинина: «Для чернокнижных вдохновений». Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — писатель и журналист. В двадцатых числах июля 1854 г. Некрасов и Тургенев гостили у него в имении его матери Чертове (Гдовского уезда, Петербургской губернии). Дружинин в ту пору всячески пропагандировал «чернокнижие», под которым он разумел сочинение развлекательных, юмористических произведений (вроде «Сантиментального путешествия Ивана Чернокнижника по петербургским дачам»), а также непристойных стихов. Такое «чернокнижие» было характерным явлением эпохи «мрачного семилетия» (1848—1855).

225. «Вестник Европы», 1903, № 12, с. 591, в письме Некрасова к И. С. Тургеневу от 6 октября 1854 г. (ПД). Написано по дороге из Спасского, имения И. С. Тургенева в Орловской губ., в Москву (ПСС, т. 10, с. 206—207).

226. С, 1855, № 1, с. 66, в фельетоне «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», без подписи. Авторство Некрасова установил К. И. Чуковский, которому был известен черновой автограф этого стихотворения (см. Изд. 1931, с. 620). Написано накануне нового, 1855 г. В фельетоне эти стихи произносит аллегорический персонаж — Новый год. Его «предшественник» назван «сумасшедшим, окровавленным, полным коварства», так как 1854 г. был отмечен кровопролитными сражениями на фронтах Восточной войны.

227. ОЗ, 1879, № 1, с. 64, в статье «Из бумаг Николая Алексеевича Некрасова», без ст. 9—12, без подписи. Печ. по беловому автографу ЛБ, подписанному «А. Фет». Точками заменены ненаписанные стихи, для которых в автографе оставлено место. Эту дружескую пародию, вслед за К. И. Чуковским (см. ПСС, т. 1, с. 619), предположительно относим к 1854 г., когда Некрасов написал много шуточных стихотворений. Здесь пародируется не какое-нибудь определенное стихотворение, а большой цикл пейзажной лирики Фета, с характерными для нее перечислениями деталей и лирической недосказанностью. Ближайшими объектами пародии, очевидно, были стихи Фета, посвященные временам года: «Весна» (так первоначально называлось стих. «Уж верба вся пушистая...»), «Летний вечер тих и ясен...», «Непогода — осень — куришь...» и др. Стих «И спешит, озираясь, куда-то», возможно, восходит к строке: «И ты идешь одна, украдкой, озираясь» (из стих. Фета «Когда мечтательно я предан тишине...»).

228. ЛН, № 25—26, с. 589. Беловой автограф (1855) — ЛБ.

229. ЛГ, 1938, 5 января (по копии); «Огонек», 1946, № 48—49 (с уточнениями по автографу). Беловой автограф (1855) — ЛБ. Обращено к А. Я. Панаевой. *Музу темную мою Я прославляю и пою.* Имеется в виду стих. «Муза» (1852). *Не так же ль в юные лета* и т. д. Как указал К. И. Чуковский (ПСС, т. 1, с. 620), эти стихи навеяны фактами из жизни А. Я. Панаевой, отразившимися и в ее автобиографической повести «Семейство Тальниковых» (1847).

230. Н. Некрасов, «Тонкий человек» и другие неизданные произведения, М., 1928, с. 182. Автограф, представляющий собой отдельный набросок на рукописи романа «Тонкий человек» (1853—1855), — ЛБ.

231. С, 1855, № 6, с. 24, в рецензии на книги: «Антон Иваныч Пошехнин» А. Ушакова, «Череп Святослава» и «Святки» В. Маркова, без подписи. Черновой автограф, без загл., — ЛБ. Датируется весной 1855 г. — по положению автографа в записной тетради Некра-

сова и по времени публикации. В 1855 г. интерес к поэзии заметно оживился, и стихи стали печататься гораздо чаще, чем в предыдущее пятилетие. Об этом, в шуточной форме, и говорит Некрасов. *Поэт-старожил*. Псевдонимом «Старожил» подписывался поэт-эпигон 40-х годов Н. Д. Оранский, автор сб. «Стихотворения Старожила» (М., 1842). От имени такого рода поэта написано стих. «Мне жаль, что нет теперь поэтов...» (см. № 220). Автор «Арлекина» — А. Н. Майков (1821—1897); в начале 1855 г. он выступил со сборником псевдопатриотических стихотворений «1854 год» и с реакционной поэмой «Арлекин». *Природу нам воспел, — Щербина!* Н. Ф. Щербина (1821—1869) опубликовал в № 1 ОЗ за 1855 г. цикл стихотворений «Песни о природе». *Никитин, мещанин-поэт, Различных пробует Пегасов*. И. С. Никитин в своих ранних стихах нередко подражал различным поэтическим образцам (см. об этом: Н. Г. Чернышевский, т. 3, с. 495—501). *Как птица распевает Фет*. Некрасов иронизирует над приверженностью А. А. Фета к так называемому «чистому искусству», лозунгом которого было изречение Гете (из стихотворения «Der Sanger») «Ich singe, wie der Vogel singt» («Я пою, как птица»). *Стихи печатает Некрасов*. В 1855 г., в связи с некоторым ослаблением цензурного гнета, стихи Некрасова стали гораздо чаще появляться в С. *Ленивый даже Огарев — И тот пустил в печать отрывок*. Н. П. Огарев в ту пору редко выступал в печати; в № 12 ОЗ за 1854 г. он опубликовал стих. «Отрывок из письма» (позже вошедшее в его поэму «Зимний путь»). *Стахович нам поет коров И вкус густых и жирных сливок*. М. А. Стахович (1819—1858) в стихах, печатавшихся в «Москвитяинше», рисовал идиллические картинки сельского быта. Еще в 1853 г. Новый поэт (И. И. Панаев) высмеял их в пародии «Сельская тишина»; см.: «Русская стихотворная пародия», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1960, с. 484—485, 774—775. *Солоницын В. А.* (? — после 1863) — второстепенный поэт, переводчик. Сотрудничал в ОЗ Краевского, БдЧ и других журналах. *Греков Н. П.* (1810—1866) — поэт и переводчик, эпигон романтизма. Некрасов относился к его поэзии отрицательно (ПСС, т. 9, с. 585; т. 10, с. 301). *Шарш* — незначительный поэт, сотрудничавший в реакционном журнале «Маяк» в 40-х годах. *Печенегов А.* — см. прим. 220.

232. Ст. 7—38 — Изд. 1931, с. 494, с редакторским загл. «На смерть Грановского»; полностью — «Известия», 1938, 4 января. Беловой автограф ЛБ датируется (по положению в записной тетради) концом 1855 г. Более ранний беловой автограф (в «Солдатенковской тетради») и черновой автограф ст. 15—28 — также ЛБ. Написано весной 1855 г., между 21 мая (день, когда А. Я. Панаева подарила Некрасову тетрадь, в которую записан черновой автограф) и 7 июня (день, когда Некрасов передал К. Т. Солдатенкову тетрадь своих стихотворений). Ст. 22—29 вошли в лирическую комедию «Медвежья охота» (1867) в качестве характеристики Т. Н. Грановского. Поэтому комментируемое стихотворение долго рассматривалось как отклик на смерть Грановского (умер 4 октября 1855 г.). Но, как установлено в статье А. М. Гаркави «История создания Некрасовым первого собрания „Стихотворений“» (Некр. сб. 1, с. 152, 154), стихи эти были написаны до смерти Грановского. Таким образом, непосредственный повод к их написанию остается неизвестным.

* 233. Н. А. Некрасов, Стихотворения. Издание пополненное, Берлин, 1862, с. 53, в составе цикла «На улице». Беловой автограф (1855) — ЛБ. Там же — два черновых наброска. Датируется промежутком времени между 21 мая и 7 июня 1855 г. — на том же основании, что и предыдущее стихотворение. Тему «Кареты» Некрасов в 1859 г. разработал в одной из сатир цикла «О погоде» (см. т. 2, прим. 52).

234. Изд. 1934, т. 1, с. 540. Автограф — ЛБ. Очевидно, обращено к А. Я. Панаевой и написано летом 1855 г., когда Некрасов жил на даче под Москвой, «убежав городской суеты» (см. прим. 69).

235. Изд. 1934, т. 1, с. 545. Автограф — ЛБ. Перед этим текстом в автографе надпись «Прощание с планами» и набросок:

Немного покидаю дорогого
Я в этом мире.

На полях пометка «Москва», позволяющая датировать стихи временем пребывания Некрасова в Москве, т. е. летом 1855 г.

236. Изд. 1931, с. 493. Автограф — ЛБ. Над стихами пометка: «29 августа (получено известие о взятии Севастополя)».

237. «30 дней», 1931, № 1, с. 57. Автограф — ЛБ. Датируется по положению автографа в записной тетради Некрасова.

238. «30 дней», 1931, № 1, с. 57. Автограф — ЛБ. Основание датировки — то же, что для предыдущего стихотворения.

239. Изд. 1934, т. 1, с. 544. Автограф — ЛБ. Основание датировки — то же, что для № 237.

240. Изд. 1934, т. 1, с. 544. Автограф — ЛБ. Основание датировки — то же, что для № 237.

241. Изд. 1934, т. 1, с. 541. Автограф — ЛБ. Первый стих, по-видимому, недоработан. Основание датировки — то же, что для № 237. Черновой набросок, являющийся продолжением незаконченных сцен Некрасова. В сценах рассказывается о том, что старуха (отставная актриса) пришла в качестве просительницы к богатому князю, своему бывшему любовнику, и привела к нему свою красавицу дочь Наташу (ПСС, т. 4, с. 211—213). В чем состояла просьба, не вполне ясно; существует предположение, что речь шла об определении Наташи на сцену (там же, с. 644). Из комментируемого текста видно, что князь отказал этим бедным людям в их просьбе.

242. «30 дней», 1931, № 1, с. 59, под редакторским загл. «Встреча с крестьянами». Автограф — ЛБ. Основание датировки — то же, что для № 237.

243. «30 дней», 1931, № 1, с. 57. Автограф — ЛБ. Основание датировки — то же, что для № 237.

244. «30 дней», 1931, № 1, с. 57. Беловой автограф, датированный «28 февраля 1856», — ЛБ. Там же — более ранний беловой автограф, с датой «28 февраля». Обращено к А. Я. Панаевой и написано под впечатлением размолвки с ней (ср. прим. 58 и 79). Н. Г. Чернышевскому нравились эти стихи, в ту пору еще не напечатанные, но известные ему в рукописи. О. С. Чернышевская сообщила об этом К. И. Чуковскому в личной беседе.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

245. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, с. 207, с датой «1846» и с подписью: «Тургенев и Некрасов». Там же указано, что публикация сделана по списку Герцена. По копии с этого списка опубликовано в журнале «Литературный вестник», 1903, № 1, с. 113, с прим.: «Поправки по рукописи Некрасова сделаны рукой Тургенева». Совместный автограф Некрасова и Тургенева до нас не дошел, но его варианты (связанные со стилистической правкой) приведены в обеих публикациях. По менее достоверной копии Д. В. Григоровича, под загл. «На Достоевского», с подписью «Тургенев и Некрасов», опубликовано в журнале «Нива. Ежемесячные литературные приложения», 1901, № 11, с. 392. В ст. 28 повесть Ф. М. Достоевского «Двойник» названа «неизданным творением»; поскольку она появилась в февральской книжке ОЗ за 1846 г., датировка стихотворения может быть уточнена; очевидно, оно было написано в январе 1846 г. Как раз в это время В. Г. Белинский собирал материалы для альм. «Левиафан»; среди литераторов, обещавших сотрудничать в альманахе, был и Достоевский (Белинский, т. 12, с. 254). Как бы воспроизводя приглашение участвовать в альм., обращенное Белинским к Достоевскому, Некрасов и Тургенев насмежаются над нервозностью Достоевского и его болезненным самолюбием (ср. повесть Некрасова «Как я велик!» — ПСС, т. 6). *Пыщ* — здесь: надутый, напыщенный человек. *Хоть ты юный литератор*. Речь идет об огромном успехе первой повести Достоевского «Бедные люди» (1845). *Лейхтенберг* — герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817—1852), зять Николая I, считавшийся «покровителем» искусства и литературы. *Но когда на раут светский* и т. д. Однажды, когда Достоевского (на балу у графа М. Ю. Виельгорского) представили светской красавице Сенявиной, ему от волнения сделалось дурно (см. об этом в статье «Из записной книжки Д. В. Григоровича». — «Нива. Ежемесячные литературные приложения», 1901, № 11, с. 393). *Удели не «Двойника»*. В копии Григоровича вариант: «Удели хоть „Двойника“» («Нива...», с. 393). Повесть «Двойник» действительно не нравилась Белинскому. *Обведу тебя каймою, Помещу тебя в конец*. Согласно распространившемуся в тогдашних литературных кругах слуху, Достоевский, отдавая Некрасову повесть «Бедные люди» для опубликования в «Петерб. сб.», будто бы требовал, чтобы она была напечатана «заметнее», чем прочие произведения, и чтоб каждая страница ее обведена была особой рамкой

(Д. В. Григорович, Литературные воспоминания, <М.>, 1961, с. 90). Другие говорили, что подобные претензии Достоевский предъявлял Белинскому, предлагая ему своего «Двойника» для альб. «Левнафан» (П. В. Анненков, Литературные воспоминания, <М.>, 1960, с. 283; «Нива...», с. 393—394; К. Леонтьев, Собр. соч., т. 9, СПб., 1914, с. 114).

246. Изд. 1927, с. 426, без ст. 9—16. Печ. по автографу ГПБ. На автографе сбоку пометка неизвестной рукой: «Дружинин, Тургенев и Некрасов». Было высказано мнение, что «Загадка» написана летом 1854 г., когда Некрасов и Тургенев жили по соседству, под Ораниенбаумом (Н. М. Гутьяр, Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева, СПб., 1910, с. 24). Однако она упоминается в дневниковой записи А. В. Дружинина от 6 апреля 1854 г.: «Встретили Арапетова, на коего сочинены отличные стихи: „Художества любитель“ и пр.» (ЦГАЛИ). Эпиграмма на Ивана Павловича Арапетова (1811—1887), крупного чиновника. В середине 50-х годов Арапетов был начальником канцелярии департамента уделов; был близок к литературным кругам. *Вре-бонтон* (*vrai bon — франц.*) — истинный хороший тон. *Жантильом* (*gentilhomme — франц.*) — дворянин. *Прудон* П.-Ж. (1809—1865) — французский мыслитель, теоретик мелкобуржуазного анархизма. *Рашель* Э. (1821—1858) — французская трагическая актриса; осенью 1853 г. гастролировала в Петербурге, а в начале 1854 г. — в Москве; о «восхищении» Арапетова Рашелью — см. Изд. 1934, т. 1, с. 684. *Три раза в год трясущий Журнальные статьи*. Арапетов помещал в журналах (в том числе в С) статьи по экономическим вопросам. *Перовский* Л. А. (1792—1856) — министр внутренних дел и уделов, прямой начальник Арапетова.

247. Изд. 1927, с. 426. Печ. по копии ГПБ; под стихами в этой копии перечислены авторы: «Н. Некрасов, И. Тургенев, А. Дружинин». Черновой автограф И. С. Тургенева (ст. 35—38 — рукой Некрасова) и белой автограф А. В. Дружинина — ЦГАЛИ. Основным автором, видимо, был Тургенев: ему принадлежит черновой автограф; к нему же обращен шуточный ответ, написанный Дружининым (и Некрасовым?) от имени Лонгинова: «Тургенев! кто тебе внушил Твое посланье роковое?» и т. д. (ЦГАЛИ, архив А. В. Дружинина). «Послание к Лонгинову» написано в двадцатых числах июля 1854 г., когда Некрасов и Тургенев гостили у Дружинина (см. дневниковую запись А. В. Дружинина от 31 июля 1854 г. — ЦГАЛИ; ср. прим. 224). Осенью 1854 г., будучи проездом в Москве, Некрасов безуспешно пытался разыскать Лонгинова и передать ему «Послание» (ПСС, т. 10, с. 206—207). «Послание» обращено к библиографу Михаилу Николаевичу Лонгинову (1823—1875). В 40—50-х годах Лонгинов был близок к кружку С; впоследствии стал крупным чиновником, ярким реакционером. «Послание» связано с переездом Лонгинова в мае 1854 г. из Петербурга в Москву, где он получил должность чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. *Клуба кров священный*. Имеется в виду Английский клуб в Петербурге. Лонгинов был его членом с 1851 г. *Где Анненков, чужим наполненный вином* и т. д. См. примч. 52. «*Братец*» П. В. Анненкова — Анненков И. Р.

(1814—1887), генерал-адъютант, впоследствии (с 1862 г.) — петербургский оберполицмейстер. *Арапетов*. См. предыдущее прим. *Кочубей* М. В. (1816—1874) — князь, гофмаршал. *Авдулин* С. А. — приятель Лонгинова, завсегдатай Английского клуба. *Мухортов* З. Н. (?—1876) — чиновник, орловский помещик, впоследствии вице-президент Вольного экономического общества. Много занимался вопросом о разработке залежей торфа в Петербургской губернии. *Егунов* А. Н. (1824—1897) — статистик и экономист, сотрудник С. Хотинский М. С. (1810—1866) — популяризатор естественных наук; впоследствии был разоблачен как агент III Отделения (Герцен, т. 17, с. 187, 189—191). У Лонгинова была непристойная поэма «Матвей Хотинский». *Того, кто предсказал Мильгофера судьбу*. Стихотворение Лонгинова «Мильгофер» упоминается и в пьесе Некрасова «Как убить вечер?» (см. т. 2, с. 517). *Поймал за жирный хвост весь причет наш священный*. Речь идет об антицерковной и фривольной поэме Лонгинова «Отец Пихатий». *Ни времени рука, Ни зависть хищная* и т. д. Пародийная вариация на тему «Памятника» Горация. «*Северная пчела*» — см. прим. 149. *Пришельца позднего из Английского клуба*. Речь идет о московском Английском клубе. *Мейендорф* П. К., барон (1796—1863) — русский посол в Австрии, выдворенный оттуда в июне 1854 г. в связи с ухудшением отношений между двумя странами. *Милютин* проект. Н. А. Милютин (1818—1872) — известный государственный деятель. Здесь имеются в виду «Правила для промышляющих извозом в С.-Петербурге, на 1854 год», подписанные министром внутренних дел Д. Г. Бибиковым и директором хозяйственного департамента Н. А. Милютиным и выпущенные отдельной брошюрой. Следуя этим «Правилам», петербургские власти пытались установить единый тариф оплаты извозчиков. *Языкова процесс*. М. А. Языков (1811—1885) — чиновник, был близок к кружку С; вложил свой капитал в комиссионную контору, которая обанкротилась. Речь идет о третейском суде между М. А. Языковым и его компаньоном по конторе Н. Н. Тютчевым; этот «процесс» описан в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой (<М.>, 1948, с. 226—229). *Европе доказал известный Соллогуб*. В. А. Соллогуб (1813—1882) — писатель, автор многочисленных легковесных водевилей; говоря о его «подлости», авторы «Послания...» имели в виду псевдопатриотическую «оду-симфонию» В. А. Соллогуба и Е. А. Вердеревского «Россия перед врагами», напечатанную в газете «Закавказский вестник» 8 апреля 1854 г. *Майков Аполлон... вконец оподлился*. В ту пору А. Н. Майков начал писать псевдопатриотические стихи. Первым из них было стих. «Коляска» (1853), воспевавшее Николая I. Ср. прим. 231.

248. Ст. 1—8 — «Новое время», 1880, 4 мая. Печ. по «Известиям», 1925, 30 августа. Рукопись (из бумаг А. Я. Панаевой), на которую здесь ссылается К. И. Чуковский, разыскать не удалось. Черновой автограф (ЦГАЛИ) показывает, что основным автором эпиграммы был Некрасов. Мы помещаем ее в отделе «Коллективное», основываясь на дневниковой записи А. В. Дружинина от 4 января 1856 г.: «Заезжал к Некрасову и с ним вместе написал эпиграмму: „За то, что он ходил в фуражке“» (ЦГАЛИ). В эпиграмме выведен П. В. Анненков (о нем — см. прим. 52). *И крепко бьет себя по ляжке*. Ср.

в письме А. В. Дружинина к В. П. Боткину от 3 февраля 1856 г.: «Наш добрый Павел Васильевич <Анненков>, хлопавший себя по ляжкам так, что от этакого происходило нечто вроде пистолетных выстрелов» («Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 45). *Все замашки Социалиста отыскал.* В 1846—1847 гг. Анненков в кружке Белинского нередко высказывал самые радикальные мысли. В те годы он встречался и переписывался с К. Марксом. Но «свободомыслие» Анненкова было весьма поверхностным. Уже в 1848 г., под впечатлением революционных событий во Франции, Анненков отошел от своих прежних взглядов, став типичным либералом-постепеновцем. *На кухню Английского клуба.* Ср. стих. «Признания труженика» (№ 52) и «Послание к Лонгинову» (№ 247) и прим. к ним. *И хоть трудится без оглядки, Но всюду свет опечатки.* Речь идет об издании сочинений Пушкина (тт. 1—7, СПб., 1855—1857), вышедшем под редакцией Анненкова. Полиграфическое качество этого издания вызвало немало нареканий (см.: ПСС, т. 10, с. 211; А. Я. Панаева, Воспоминания, <М.>, 1948, с. 236). *И в критиках своих загадки.* Ср. в письме И. И. Панаева к М. Н. Лонгинову от 12 декабря 1859 г.: «... П. В. Анненков, написавший так много умных критических статей, которых смысл еще нигде до сих пор никто не разгадал» («Некрасов по неизданным материалам Пушкинского дома», Пг., 1922, с. 240). *Что может собственных Катонов* и т. д. Перепев заключительных строк 22-й строфы оды М. В. Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года». Катон М.-П. Старший (234—149 до н. э.) и Катон М.-П. Младший (95—46 до н. э.) — древнеримские государственные деятели, прославившиеся своим гражданским мужеством и принципиальностью убеждений. *Прудон* — см. прим. 246.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ НЕКРАСОВУ

249. П, 1841, № 3, с. 43, с подписью «Н. Н.», а в оглавлении — «Н. Н.». Приписано Некрасову Д. А. Пахомовым на основании след. соображений. Стихотворение помещено в журнале, в котором в это время активно сотрудничал молодой поэт, и подписано в оглавлении той же подписью (Н. Н.), под которой печатались некоторые другие помещенные в этом журнале его произведения. Послание «К Н. Н.» по своим стилистическим и метрическим особенностям очень напоминает стихи Некрасова, вошедшие в МЗ. Стихотворение напечатано в июне 1841 г., незадолго до отъезда Некрасова в Ярославль на свадьбу сестры. Сопоставление содержания этого стихотворения с «известным фактом несчастного брака сестры поэта дает основания считать автором послания «К Н. Н.» Некрасова, а лицом, к которому оно обращено, — сестру поэта, Елизавету Алексеевну» (Д. А. Пахомов, Забытое стихотворение Некрасова. — «Научный бюллетень Ленинградского гос. университета», 1947, № 16—17, с. 10—12).

250. ЛГ, 1844, 20 июля, в фельетоне «Падающие звезды», без подписи. Пародия на послание Н. М. Языкова к историку М. П. Погодину. В последние годы жизни Языков стал реакционно-славяно-

фильским поэтом; талант его явно ослабел; его стихи вызывали возмущение и пасмешки у передовых людей, в том числе и у Некрасова (см. прим. 199). В послании «М. П. Погодину», опубликованном в «Москвитяине», 1844, № 6, с. 190, Языков благодарил своего адресата за подарок — старинную чернильницу:

Благодарю тебя сердечно
За подаренные твои!
Мне с ним раздолье! С ним житье
Поэту! Дивно-быстротечно,
Легко пошли часы мои
С тех пор, как ты меня уважил!

и т. д.

В фельетоне «Падающие звезды» послание «М. П. Погодину» было перепечатано полностью. Затем автор фельетона (возможно, что этим автором был Некрасов) добавлял: «Вот кстати стихотворение, присланное нам из провинции; оно показалось нам так оригинально, что мы решаемся его напечатать», — после чего была помещена пародия.

251. ЛГ, 1845, 4 января, отдел «Дагерротип», подпись «Ч.». Предположительно приписывается Некрасову, так как отдел «Дагерротип» в ЛГ в начале 1845 г. заполнялся, по свидетельству самого поэта, его произведениями в стихах и в прозе (см. ПСС, т. 12, с. 13; ЛН, № 53—54, с. 48). *Тредьяковский*. См. прим. 201. *Орфей* (греч. миф.) — певец, своим чудным пением укрощавший диких зверей и совершавший другие чудеса.

252. ЛГ, 1845, 18 января, отдел «Дагерротип», без подписи. В ЛГ к слову «борзописца» есть редакционное подстрочное прим.: «Так решил назвать себя один юный поэт, подающий блестящие надежды в будущем». В ст. 16 К. И. Чуковский исправил опечатку: в ЛГ было не «победивши», а «победив», что нарушало размер стиха (см. ПСС, т. 1, с. 606). Главное основание атрибуции — то же, что для предыдущего стихотворения. Кроме того, эпитафия из Гоголя (из последнего абзаца повести «Невский проспект»), ироническое упоминание о В. Г. Бенедиктове как о певце женской красоты — все это характерно для произведений Некрасова той поры. Сходный (но не аналогичный) сюжет, предваренный скрытой цитатой из того же «Невского проспекта», Некрасов разработал в одном из эпизодов романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (ПСС, т. 6, с. 230—231). *Караванная* — улица в Петербурге (ныне ул. Толмачева).

253. ЛГ, 1845, 8 февраля, отдел «Дагерротип», подпись «Ч. . .». Приписывается Некрасову на том же основании, что и стихотворение № 251. «Ода „Чай“» — насмешка над кулинарным отделом ЛГ («Записки для хозяев»), в котором незадолго до того было помещено несколько рекламных статей о чае. Самая большая из них, «Нечто о чае» (ЛГ, 1844, 27 июля и 3 августа), принадлежала чае-

торговцу А. Немчинову и была снабжена эпитафией из стихотворения П. А. Вяземского «Самовар»; эпитафия начиналась так:

По-православному, не на манер немецкий,
Не жидкий, как вода или напиток детский,
Но Русью веющий, но сочный, но густой,
Душистый льется чай янтарною струей.

Насмешки Некрасова над кулинарным отделом ЛГ, перекликающиеся с «Одой „Чай“», — в стих. «Почтеннейший Иван Иваныч...» (см. № 198 и прим. к нему). *Тредьяковский*. См. прим. 201.

254. ЛГ, 1845, 25 января, отдел «Дагерротип», без подписи. После текста помета: «(Будет окончание)», однако окончание в ЛГ не появлялось. Приписывается Некрасову на том же основании, что и стих. № 251. Пародия на 1-ю главу «индейской повести» В. А. Жуковского «Наль и Дамаянти». Поэма Жуковского вышла отдельной книгой в Петербурге в 1844 г. и начиналась так:

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Нालю,
Не было, нет и не будет; между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцею...

и т. д.

Ряд строк из «Налья и Дамаянти» включен в пародию дословно, что дало возможность исправить неточности в ст. 91 и 107.

255. ПА, с. 34, без подписи. Предположительно приписывается Некрасову, поскольку большая часть стихотворений в ПА несомненно принадлежит ему (ср. прим. 14, 190, 192, 201—207); о сотрудничестве же других поэтов в альманахе сведений нет.

256. ПА, с. 129, без подписи. Предположительно приписывается Некрасову на том же основании, что и предыдущее стихотворение. «Женщина, каких много» продолжает тему и манеру стихотворения И. С. Тургенева «Человек, каких много». *Влюблялся в прекрасные душонки*. Ирония над романтическим понятием «прекрасная душа» (от немецкого «schöne Seele»). См. об этом: Б. Я. Бухштаб, Сатира Некрасова в 1846—1847 годах (Некр. сб. 3, с. 18—19). *Текла* — имя героини драматической трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн» (1796—1799), популярный образ идеальной девы, воспетой многими поэтами-романтиками.

257. ПА, с. 140, без подписи. Предположительно приписывается Некрасову на том же основании, что и стих. № 255. Слово «преставить» встречалось в поэтическом языке Некрасова, например в стих. «В дороге» (ст. 18 в «Петерб. сб.» и во всех прижизненных изданиях, кроме последнего).

258. ПА, с. 11, подпись «Владимир Бурнооков». Печ. по «Собранию стихотворений Нового поэта», СПб., 1855, с. 53. Приписывалось И. И. Панаеву, включалось в его посмертные собр. соч. (т. 5, СПб., 1889; т. 5, М., 1912). Б. Я. Бухштаб в статье «Некрасов в стихах Нового поэта» (Некр. сб. 2, с. 434—444) привел серьезные доводы в пользу авторства Некрасова, который неоднократно выступал под псевдонимом «Новый поэт»; в «Собрании стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855) были помещены произведения не только И. И. Панаева, но и Некрасова («Мое разочарование», «Они молчали оба... Грустно, грустно...»), наконец, о сотрудничестве И. И. Панаева в ПА никаких сведений нет. О Некрасове как вероятном авторе всех стихотворных текстов в ПА — см. прим. 255. «Ревность» — пародия на стихи В. Г. Бенедиктова, с их трескучей риторикой. Псевдоним «Бурнооков», вероятно, подсказан стихами Бенедиктова «Фосфор в бешеном блистанье — Взоры быстрые твои...» («К черноокой», 1835); эти стихи Некрасов высмеял в рецензии на «Собрание стихотворений» П. Витусова (ПСС, т. 12, с. 249). Ближайшими объектами пародии являются стихотворения Бенедиктова «Ревность» (в сб. «Вчера и сегодня», СПб., 1845) и «Тост» (в сб. «Метеор на 1845 год»). Загл. и тема пародии восходят к стихотворению Бенедиктова «Ревность», размер и строфика — к стих. «Тост». Оба эти стихотворения уничтожающей критике подверг Белинский (т. 9, с. 35—37, 42—45). *Ярким, радужным алмазом Пламенел твой светоч — разум!* Ср. у Бенедиктова (в стих. «Тост»):

Жизнь! сияй! Твой светоч — разум.
 Да не меркнет над тобой
 Свет сей, вставленный алмазом
 В перстень вечности самой.

Сих отчаянных краев, Полных хлада и снегов — От Камчатки льдянореброй До берегов отчизны доброй. Ср. у Бенедиктова (в стих. «Тост»):

За здоровье всей земли, —
 Всей — с Камчатки льдянореброй,
 От отчаянных краев
 До берегов Надежды Доброй...

Венчан тернием, не миртом... Но отчаяния спиртом Налит череп через край... Ср. у Бенедиктова (в стих. «Тост»):

Венчан лавром или миртом,
 Наподобие сих чаш
 Буди налит череп наш
 Соком дум и мысли спиртом!

259. ПА, с. 27, без подписи. Предположительно приписывается Некрасову на том же основании, что и четыре предыдущие стихотворения. В ПА входило в состав цикла «Портретная галерея»; все остальные стихотворения этого цикла («Он у нас осьмое чудо...», «Ходит он меланхолически...», «Ростовщик») принадлежат Некра-

сову. Это — эпиграмма на поэта и переводчика Александра Николаевича Струговщикова (1808—1878) и пародия на его стих. «Фантазия Клары», представлявшее собою вольный перевод песенки Клерхен из трагедии Гете «Эгмонт»:

Веселиться, грустить,
Чашу радости пить
И теряться!
От тоски умирать,
До небес ликовать,
Забываться!
Верить одному
Сердцу своему. . .

и т. д.

Загл. пародии восходит к загл. сб.: «Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гете и Шиллера» (кн. 1, СПб., 1845), в котором была помещена «Фантазия Клары». *Припеваючи жить и шампанское пить. . . Вечеринки давать. . .* О вечеринках у Струговщикова см.: И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Л., <1950>, с. 256, 269; Никитенко, т. 1, с. 221.

260. С, 1847, № 4, с. 102, в рецензии Некрасова на поэмы «Москва» Н. В. Сушкова, «Слава о вешем Олеге» Д. И. Минаева и анонимную — «Страшный гость»; под рецензией подпись «Н.». Пародия на эпигонско-романтическую поэзию. В рецензии стихотворение предварено следующими словами об «идеальных юношах прежних лет»: «Писали они, разумеется, большею частью стихи. В стихах воспевали свои страдания — измену милой, смерть матери, одиночество — словом, все очень обыкновенные страдания, проклинали судьбу и человечество, бранили землю, рвались к небу. . . Впрочем, если хотите оживить в памяти их стихотворения, я, пожалуй, покажу вам на деле, какие стихотворения они писали. Не угодно ли прочесть?»

261. С, 1855, № 1, с. 63, в фельетоне «Заметки и размышления Нового поэта по поводу русской журналистики», без подписи. Предположительно приписывается Некрасову, так как ему принадлежит другое стихотворение, вошедшее в тот же фельетон, — «Пробил час! . . Не скажу, чтоб с охотой. . .»; ст. 3 (выделенный в подлиннике курсивом) близко совпадает со ст. 155 стихотворения Некрасова «Новости»: «Но в голове так много, много, много. . .» (А. М. Гаркави, Заметки о Н. А. Некрасове. — Некр. сб. 3, с. 266). В этом отрывке, как явствует из фельетона, выведен некий господин, «окруженный всеми условиями для счастья» (очевидно — крупный чиновник).

262. С, 1854, № 2, отдел «Литературный ералаш», с. 1, без подписи. Предположительно приписывается Некрасову на основании следующих свидетельств А. М. и В. М. Жемчужниковых. 6 (18) февраля 1883 г. В. М. Жемчужников в письме к А. Н. Пыпину указал, что ряд произведений Козьмы Пруткова редакция С «напечатала в отделе „Ералаш“, дотоле не существовавшем, добавив стихотвор-

ный эпиграф — кажется — Некрасова» (Козьма Прутков, Полн. собр. соч., «Б-ка поэта», Б. с., М.—Л., 1965, с. 396). 11 апреля 1883 г. А. М. Жемчужников в открытом письме редактору «Новостей и Биржевой газеты» сообщал: «Перед собранием, кажется, самых первых произведений Пруткова, напечатанным в «Современнике», помещено отдельно, в виде эпиграфа, стихотворение, Пруткову не принадлежащее. Оно, по всей вероятности, написано редакцией «Современника» и имело целью подготовить читателя к предстоящему ему чтению шуточного рода» (там же, с. 389). В вырезке из С (ПД) на полях этого стихотворения — помета В. М. Жемчужникова: «И. И. Панаева или Некрасова» (там же, с. 461). «Литературный ералаш» — юмористический отдел С; существовал в 1854 г.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Литография П. Бореля. Издание А. Мюнстера. 1859.
2. С. 165. Автограф стихотворения «Филантроп». ПД.
3. С. 289. Титульный лист раннего сборника Некрасова «Мечты и звуки» (СПб., 1840).
4. *Между с. 352 и 353*. Акварельный портрет Некрасова работы И. Д. Захарова. 1843. Музей-квартира Некрасова (Ленинград). Портрет заново атрибутирован Р. С. Шукинской.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Некрасов. Вступительная статья Корнея Чуковского . . .	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

I

1. Говорун	59
2. Чиновник	80
3. Отрывок («Родился я в губернии. . .»)	85
4. «Стишки! стишки! давно ль и я был гений? . . .»	87
5. Новости (<i>Газетный фельетон</i>)	88
6. Современная ода	94
7. «Я за то глубоко презираю себя. . .»	95
8. В дороге	95
9. Пьяница	98
10. «Отрадно видеть, что находит. . .»	99
11. Колыбельная песня (<i>Подражание Лермонтову</i>)	99
12. «Пусть мечтатели осмеяны давно. . .»	101
13. «Когда из мрака заблужденья. . .»	101
14. Перед дождем	102
15. Огородник	103
16. Тройка	105
17. Родина	106
18. Псовая охота	108
19. (<i>Подражание Лермонтову</i>) («В неведомой глуши, в деревне полудикой. . .»)	116
20. «Так, служба! сам ты в той войне. . .»	117
21. Нравственный человек	118
22. «Если, мучимый страстью мятежной. . .»	120
23. «Еду ли ночью по улице темной. . .»	120
24. «Ты всегда хороша несравненно. . .»	122
25. Вино	122
26. «Поражена потерей невозвратной. . .»	124

27. «Вчерашний день, часу в шестом...»	125
28. «Так это шутка? Милая моя...»	125
29. «Да, наша жизнь текла мятежно...»	126
30. «Я не люблю иронии твоей...»	128
31—34. На у лице	
1. Вор	128
2. Проводы	129
3. Гробок	129
4. Ванька	130
35. «Мы с тобой бестолковые люди...»	130
36. Мое разочарование	131
37. Деловой разговор	133
38. Новый год	143
39. За городом	144
40. Старики	145
41. (Из Гейне) («Ах, были счастливые годы!...»)	145
42. «Блажен незлобивый поэт...»	146
43. Муза	147
44. Прекрасная партия	149
45. «О письма женщины, нам милой!...»	156
46. Буря	157
47. Памяти Белинского	158
48. Застенчивость	159
49. Отрывки из путевых записок графа Гаранского	160
50. Филантроп	164
51. В деревне	169
52. Признания труженика	172
53. Несжатая полоса	174
54. Влас	175
55. «Чуть-чуть не говоря: „Ты сушая ничтожность!“»	178
56. Маша	179
57. Свадьба	180
58. «Давно — отвергнутый тобою...»	181
59. Памяти (Асенков)ой	182
60. «Я сегодня так грустно настроен...»	184
61—63. Последние элегии	
1. «Душа мрачна, мечты мои унылы...»	185
2. «Я рано встал, недолги были сборы...»	186
3. «Пышна в разливе гордая река...»	186
64. «Праздник жизни — молодости годы...»	187
65. «Безвестен я. Я вами не стяжал...»	188
66. Извозчик	188
67. «Тяжелый крест достался ей на долю...»	191
68. Секрет (Опыт современной баллады)	192
69. На родине	195
70. В больнице	195
71. В. Г. Белинский	198
72. Гадающей нвесте	203
73. Забытая деревня	204
74. «Замолкни, Муза мести и печали!...»	205
75. Саша	206
76. Демону	224

77.	«Где твое личико смуглое...»	225
78.	«Внимая ужасам войны...»	226
79.	«Тяжелый год — сломил меня недуг...»	226
80.	Влюбленному	227
81.	Княгиня	227
82.	«Самодовольных болтунов...»	229
83.	Поэт и гражданин	230
84.	(Тургенев)ву («Прощай! Завидую тебе...»)	238
85.	Прости	239
86.	Школьник	240
87.	«Как ты кротка, как ты послушна...»	241
88.	«Я посетил твое кладбище...»	241
89.	«Несчастные»	242

11

90.	Мысль	269
91.	Безнадежность	270
92.	Человек	271
93.	Смерти	271
94.	Поэзия	272
95.	Моя судьба	273
96.	Два мгновения	274
97.	Изгнанник	275
98.	Рукоять. <i>Сонет</i>	278
99.	Жизнь	278
100.	Колизей	280
101.	Ангел смерти	282
102.	Встреча душ	283
103.	Истинная мудрость	286
104.	Земляку	288
105.	Горы	291
106.	Злой дух	293
107.	Незабвенная	294
108.	Турчанка	295
109.	Сомнение	297
110.	Песня («Мало на долю мою бесталанную...»)	299
111.	Покойница	300
112.	Землетрясение	301
113.	Ворон. <i>Баллада</i>	306
114.	Рыцарь. <i>Баллада</i>	308
115.	Водяной. <i>Баллада</i>	310
116.	Пир ведьмы	311
117.	Непонятная песня	313
118.	Незабвенный вечер	314
119.	Могила брата	316
120.	Вчера, сегодня. <i>Сонет</i>	317
121.	Ночь	318
122.	Дни благословенные	320
123.	Загадка. <i>Сонет</i>	320
124.	Обет	321
125.	Красавице	321

126.	Тот не поэт	323
127.	Песня Замы	324
128.	Час молитвы	325
129.	Смуглянке	325
130.	Весна	327
131.	Сердцу	328
132.	Признание	329
133.	Разговор	330
134.	(В альбом Марии Фермор) («На скользком море жизни бурной...»)	334
135.	В альбом («Не пошлость старого обычая поэтов...»)	334
136.	Труженик	334
137.	Дума	336
138.	Мелодия	337
139.	Офелия	338
140—141.	(Из рассказа «Без вести пропавший пирита»)	
	1. Федотыч	340
	2. «Величие души и ничтожность тела...»	341
142.	Слеза разлуки	342
143.	«К ней!!!!!»	343
144—145.	(Из письма к Е. А. Некрасовой)	
	1. «Грустно... совсем в суете утонул я...»	344
	2. «А дни летят... Слой пыли гуще, шире...»	344
146.	Скорбь и слезы	345
147—148.	(Из повести «Певница»)	
	1. «Театр дрожал... Восхищена...»	345
	2. «Клятвою верности с милою связанный...»	346
149.	Провинциальный подъячий в Петербурге	347
150.	Баба-Яга, костяная нога. <i>Русская народная сказка в стихах. В восьми главах</i>	357
151.	День рождения	406
152.	Сказка о царевне Ясносвете	406
153.	Юность Ломоносова. <i>Драматическая фантазия в стихах; в одном действии с эпилогом</i>	425
154—156.	(Из водевиля «Утро в редакции»)	
	1. «Чуть проснешься, нет отбоя...»	438
	2. «Как скучны эти господа!..»	439
	3. «А завтра публика что скажет?..»	439
157—160.	(Из водевиля «Шила в мешке не утаишь—девушки под замком не удержишь»)	
	1. «На объявленья ловят нас...»	440
	2. «Жизнь нашу тратя на химеры...»	440
	3. «Доктора свои находки...»	441
	4. «Наш мир—театр. На сцене света...»	442
161—164.	(Из водевиля «Феоклист Онуфрич Боб, или Муж не в своей тарелке»)	
	1. «Табак противен модным франтам...»	442
	2. «Что это за история?..»	443
	3. «Погибель разрушителю...»	444
	4. «Приятные мечтания...»	444
165.	(Из водевиля «Актер»)	445

166. <Из водевиля «Вот что значит влюбиться в актрису!»> . . .	445
167. <Из водевиля «Дедушкины попугаи»>	446
168. Актриса	446
169. <Из повести «В Сардинии»>	447
170. Песнь Марии (Из драмы «Материнское благословение») . . .	448
171. <Из водевиля «Кольцо маркизы, или Ночь в хлопотах»> . . .	449
172. Портреты	449
173. <Из рецензии на «Русский патриот. Отечественное песнопение...»>	452
174. <Из рецензии на «Пять стихотворений Н. Ступина...»> . . .	453
175. «Еще звено от цепи вековой...»	454
176. Кабинет восковых фигур...	455
177—180. <Из романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»>	
1. «Как тут таланту вырасти...»	468
2. «Нарядов нет — прекрасный пол...»	469
3. «В понедельник...»	469
4. «Ужели должен я страдать?...»	469
181. «...И он их не чуждался в годы оны...»	470
182—183. <Из фельетона «Хроника петербургского жителя»>	
1. «По свету я бродил: повсюду люди тощи...»	470
2. «Расторгнут наш союз корыстью кровожадной...»	470
184—185. <Из фельетона «Петербург и петербургские дачи»>	
1. «А здоровье? Уж не наше ль...»	470
2. «Цветущие нивы, журчащий ручей...»	472
186. <Из рецензии на «Воскресные посиделки»>	473
187—189. <Пародия на стихи «Картофель, харч благословенный...»>	
1. «Крапива! драгоценная трава!...»	473
2. «Устрицы! харч благословенный!...»	473
3. «Артишоки, вот харч благословенный...»	473
190—191. <Из фельетона «Преферанс и солнце»>	
1. И скучно, и грустно!	474
2. «Грешник великий...»	474
192—195. <Из водевиля «Петербургский ростовщик»>	
1. Ростовщик	475
2. «Наша книжная торговля...»	477
3. «Я люблю простор и барство...»	478
4. «Пощечина людей позорит...»	479
196. «Читатель мой! я был когда-то сам...»	480
197. Колыбель человечества	480
198. <Из фельетона «Письмо к доктору Пуфу»>	481
199. Послание к другу (из-за границы)	483
200. Старушке	486
201. «Он у нас осьмое чудо...»	487
202. «Ходит он меланхолически...»	487
203—207. <Из рассказа «Как опасно предаваться честолюбивым снам»>	
1. «Месяц бледный сквозь щели глядит...»	487

2.	«Клянусь звездой полуночной...»	489
3.	«Они молчали оба... Грустно, грустно...»	490
4.	«Что чиновники то же, что воинство...»	491
5.	«Корабль, обуреваемый...»	491
208.	«Те кудри черные... когда б отрезать их...»	492
209.	«В один трактир они оба ходили прилежно...»	493
210—214.	(Из фельетона «Теория бильярдной игры»)	
1.	«О вы, герои билиарда!...»	493
2.	«...Которым за стакан клико...»	494
3.	«Среди гусей, окороков, индеек...»	494
4.	«Но хоть сия российская таверна...»	495
5.	«Затем, что мне в трактире бьющий стекла...»	496
215—217.	(Из романа «Три страны света»)	
1.	«Когда с тобой — нет меры счастью...»	496
2.	Поэзия бурь	496
3.	«Когда горит в твоей крови...»	498
218.	Мечь горца	498
219.	«Прихожу на праздник к чародею...»	499
220.	«Мне жаль, что нет теперь поэтов...»	499
221.	«Я посягну на неприличность...»	500
222.	«Стол накрыт, подсвечник вытерт...»	500
223.	14 июня 1854 года	501
224.	«Мы, посетив тебя, Дружинин...»	501
225.	«Ничего! гони во все лопатки...»	502
226.	«Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой...»	502
227.	Лето	503
228.	Наследство	503
229.	«Зачем насмешливо ревнуешь?..»	504
230.	«И так за годом год... Конечно, не совсем...»	506
231.	Послание к поэту-старожилу	506
232.	«Еще скончался честный человек...»	507
233.	Карета	508
234.	«Ты меня отослала далеко...»	508
235.	«Фантазии недремлющей моей...»	509
236.	«О, не склоняй победной головы...»	509
237.	«Не знаю, как созданы люди другие...»	509
238.	«Не гордись, что в цветущие лета...»	509
239.	«Семьдесят лет бессознательно жил...»	510
240.	«Кто долго так способен был...»	510
241.	«Так говорила (...) актриса отставная...»	510
242.	«И на меня, угрюмого, больного...»	511
243.	«О, пошлость и рутина — два [гиганта]...»	511
244.	Прощанье	512

КОЛЛЕКТИВНОЕ

245.	Послание Белинского к Достоевскому	515
246.	Загадка	516
247.	Послание к Лонгинову	517
248.	«За то, что ходит он в фуражке...»	519

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ НЕКРАСОВУ

249. К N. N.	523
250. Послание к соседу	524
251. Ода «Сон» (<i>Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому</i>)	524
252. Обыкновенная история (<i>Из записок борзописца</i>)	525
253. Ода «Чай» (<i>Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому</i>)	526
254. Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна. <i>Поэма в индийском вкусе</i>	527
255. «С цветком в руке, бледна и одинока...»	532
256. Женщина, каких много	532
257. Русская песня («Что не весел, Ваня?..»)	533
258. Ревность	534
259. Стихотворение, <i>заимствованное</i> из Шиллера и Гете	535
260. Мой жребий	536
261. «Взирает он на жизнь сурово, строго...»	537
262. «Кто видит жизнь с одной карманной точки...»	537
 Другие редакции и варианты	 539
 Примечания	 591
 К иллюстрациям	 675

Некрасов Николай Алексеевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ
ТОМ ПЕРВЫЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967
684 стр. Тем. план вып. 1967 г., № 384

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *Н. С. Серов*

Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*

Техн. редактор *В. Г. Комм*

Корректоры *Ф. С. Флейтман*

и *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 8/VI 1967 г. Подписано
в печать 11/X 1967 г. Бумага $84 \times 108^{1/32}$. № 1.
Печ. л. $21^{3/8} + 2$ вкл. (36,12). Уч.-изд.
л. 36,59. Тираж 40 000. Зак. № 830.

Цена 1 р. 42 к.

Изд-во «Советский писатель», Ленинград-
ское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главпо-
лиграфпрома Комитета по печати при Со-
вете Министров СССР. Красная ул., 1/3

